НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

издаваемый подъ редакціею

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. АПРѢЛЬ. 1882 ГОДЪ.

1896

Пров. 50 А

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Инст. им. А. И. Герцена
3005

Библиотека служащихъ

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Современный недугъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Главы VII—XII (Конецъ второй части). *П. Льтнева* 3

II. Маркъ Аврелій и новая религія. (Окончаніе). *В. И. Модестова* 39

III. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). *П. Д. Боборыкина* . 61

IV. Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи (за 20 лѣтъ). *М. Л. Песковскаго* 74

V. Жирондисту. (Къ картинѣ К. Мюллера). Стихотвореніе *Н. Минскаго* 93

VI. Политика Москвы и русская народность. (Внутренняя политика). *Е. П. Карновича* . 96

VII. Однодворцы. Гл. VII—VIII. Повѣсть *В. Л. Маркова* . . 113

VIII. Цензура и свобода печати въ западной Европѣ. Статья вторая и послѣдняя. *Д. П. Лебедева* . 127

IX. Весна. Стихотвореніе *Н. С.....а* 142

X. Наблюденія надъ русскою народною школою. III—IV. *В. Я. Стоюнина* 143

XI. Гроза. (Передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ.) Стихотвореніе *С. Г.* 155

XII. Фостэнъ. Гл. XVI—XVIII. Романъ *Э. Гонкура* 157

XIII. Эпизодъ изъ жизни Гарибальди 177

XIV. Язвы Петербурга. V. *В. О. Михневича* 184

XV. Баккалавръ. Гл. XX—XXV. Романъ *Жюля Валлеса* . 207

Современное обозрѣніе.

XVI. Экономическіе этюды. (Пе-

(См. на оборотѣ.

№ 4-й «Наблюдателя» вышелъ 1-го Апрѣля 1882 года.

Стр.

реселенческое движеніе). *Е. Е. Карцева* 240

XVII. Тюремная филантропія. (По поводу «Отчета С.П.б. Дамскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета за 1879—80 годы») 263

XVIII. Наши внутреннія дѣла. 272

Классификація интеллигенціи и ея козлища.—Тактика и стратегія рыцарей „самобытничества“. — Смѣшеніе понятій „буржуазія“ и „интеллигенція“—и мораль сей басни.—Что есть истинная „интеллигенція“ и ея заслуги предъ русскимъ народомъ.—Рецептъ „плаканія съ народомъ“, по редакціи славяноФиловъ и западниковъ.

XIX. Политическая хроника . 283

Тяжелый кризисъ въ англійской политической и общественной жизни.—Реформаторская дѣятельность Гладстона. — Аграрный законъ, какъ поводъ къ серьезному столкновенію между двумя палатами. — Принципіальная рознь.—Чарльзъ Брадло и его агитація въ защиту свободы совѣсти.—Покушеніе на жизнь королевы Викторіи. — Мнѣніе объ этомъ фактѣ англійской прессы.

XX. Новыя книги: 1) *Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ*. С.П.Б. 1882 г. 2) *Библіографическій листокъ*. (Труды коммиссіи по составленію критическаго каталога книгъ и статей для дѣтскаго чтенія). Москва 1881 г. *Матеріалы для составленія критическаго каталога*. Москва 1882 г. 3) *Начальныя свѣдѣнія по скотоводству. В. Г. Котельникова*. С.П.Б. 1882 г. 4) *Упраздненіе земской медицины или аптекарскій уставъ 1880 г. В. Эмме*. Полтава 1881 г. 297

XXI. Научная хроника. . . 305

Какого цвѣта наше солнце?—Птицы съ зубами. — Электрическій зондъ. — Электрогортикультура. Электрическая уличная желѣзная дорога.—Болометръ проф. Лангли.—Фотографія кометы. — Фотографія скачущей лошади.

XXII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): 1) Благодушныя пѣсни *Ефима Скорпіонова* 315

2) Рябь и зыбь роднаго прогресса (Современное хищеніе и его тузы). *И. Ф. Василевскаго* (Буквы). 330

3) Варіаціи на мотивы изъ русскихъ поэтовъ. *Н. Мизантропова* 340

XXIII. Объявленія 342

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Оренбургъ. А. К. Д—фу. Статья о «Перевоспитаніи» возвращена тому господину, который доставилъ ее въ редакцію, а вторая статья о «Военныхъ гимназіяхъ», вовсе не была получена нами.

Харьковъ. Ю. А. Г—ло. Присланныя вами двѣ статьи: «Изъ дѣйствительной жизни» и «Совр. французская повѣсть» не будутъ напечатаны.

Тамбовъ. Книжному магазину Афанасьевой. За неполученіемъ отъ васъ дополнительнаго взноса, высылка журнала прекращена.

Саратовъ. Библіотека Хворова. Журналъ высланъ 12 марта.

Ростовъ на Дону. Кн. магаз. Фронштейна. Нумера «Наблюдателя» высланы 12 марта.

Камышловъ. Библ. Простосердова. По принятымъ правиламъ конторы, высылка журнала въ кредитъ никому не допускается.

1896

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ ... ФИНАНСОВЪ
1
1902

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 4-й. АПРѢЛЬ.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. Герцена
3005

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., № 5.
Типографія д-ра М. А. Хана. Поварской пер., № 2.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1882 Г. НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ 1-го января 1882 г., **безъ предварительной цензуры**, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи .	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	16 р.	Съ пересылкою за границу . .	9 р.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору **„Наблюдателя“**. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Въ Главной Конторѣ **«Наблюдателя»** имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) **Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова**, изд. подъ редакціею А. П. Пятковскаго, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

2) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковскаго. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Иногородные подписчики **«Наблюдателя»**, приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, получаютъ, взамѣнъ излишне-высланныхъ денегъ, обѣ поименованныя книги, причемъ пересылку редакція принимаетъ на свой счетъ.

ИНВЕНТ. 1905 Г.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕДУГЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VII.

Стебальскій и его пасынокъ, часа два тому назадъ, получили отъ Александры Ивановны записку въ какомъ-то таинственномъ тонѣ, съ убѣдительнымъ приглашеніемъ быть у нея вечеромъ для необходимаго свиданія съ Наташей и какихъ-то сообщеній... На этотъ поступокъ надоумила Александру Ивановну изобрѣтательная Гуля; а та пришла въ восторгъ отъ этой идеи, потому что она ночей не спала отъ тщеславнаго желанія доказать всему свѣту, что Стебальскій, бывшій другомъ ея мужа, остался также и ея другомъ и постояннымъ посѣтителемъ. Второе почетное мѣсто въ ея умѣ занималъ тотчасъ послѣ Стебальскаго Георгъ Риднеръ, какъ начинающій блестящую карьеру артистъ, какъ красавецъ, нравившійся женщинамъ, и какъ будущій милліонеръ: она была увѣрена, что всѣ знаменитости наживаютъ милліоны. Получивъ ея записку, Стебальскій съ усмѣшкой показалъ Георгу то мѣсто, гдѣ упоминалось о немъ. Онъ былъ увѣренъ, зная характеръ и привычки своего пасынка, что Георгъ не приметъ приглашенія въ едва знакомый и чуждый ему домъ; но, къ удивленію егоя тотъ безъ малѣйшаго колебанія сказалъ, что пойдетъ. Что бы это значило? подумалъ Стебальскій, и пристально посмотрѣлъ на молодаго человѣка. Онъ замѣтилъ, что матово-блѣдный цвѣтъ лица Георга чуть-чуть оживился; онъ всталъ и прошелся по комнатѣ быстрѣе обыкновеннаго, такъ что, при всей его сдержанно-

сти, опытный глазъ доктора легко открылъ въ немъ признаки неспокойнаго душевнаго состоянія.

«Онъ идетъ туда для Наташи, рѣшилъ Стебальскій:—онъ откидываетъ въ сторону всѣ свои вкусы, привычки и дѣла, какъ только упомянули о ней... Вотъ что!»

— Вы хотѣли быть сегодня въ филармоническомъ обществѣ, Георгъ? замѣтилъ онъ.

— Хотѣлъ.

— А теперь?

— А теперь я иду къ madame Колевиной, сказалъ Георгъ, всегда точный и правдивый въ своихъ отвѣтахъ.

Александра Ивановна встрѣтила ихъ градомъ любезностей, не замѣчая, что оба они удивлены и разочарованы, узнавъ, что никакихъ сообщеній, о которыхъ она имъ писала, не предвидится, и что Наташа даже не была предупреждена о ихъ приходѣ.

Но она обрадовалась имъ, и этого было довольно, чтобъ разломать ледъ и изгнать всякую неловкость.

— Знаешь ли, заговорилъ Стебальскій съ Наташей вполголоса:—я радъ, что ты здѣсь, что ты возобновила сношенія съ прежнимъ міромъ.

— Я бы не подумала, что вы станете этому радоваться, возразила она.

— Жить въ этомъ обществѣ или видѣть его изрѣдка—большая разница. Разнообразіе знакомствъ всегда полезно. Я и такъ боюсь, чтобъ на тебя не повліяла замкнутость вашего кружка.

— Почему же вы боитесь этой замкнутости?

— Потому, что при ней всегда является узкость идей. Сравненій нѣтъ, возраженій ни откуда не слышится, обобщеній никакихъ;—и по неволѣ начинается застой и рутина.

Наташѣ хотѣлось продолжать этотъ разговоръ; но къ нимъ подошла Гуля и стала рядомъ съ нею, не сводя съ доктора страннаго, неотвязнаго взгляда, который обратилъ, наконецъ, его вниманіе. Взглядъ этотъ былъ и робкій, и лукавый, и разнѣженный; вообще вся физіономія, вся манера Гули измѣнились, такъ что Наташа ее не узнавала. Вмѣсто рѣзкихъ внезапныхъ движеній и

громкихъ вскрикиваній, въ ней явилась какая-то томность и мягкость голоса; волосы ея развились, головка живописно склонилась на бокъ. Все это было такъ характерно, что Стебальскій съ минуту остановилъ на ней свои проницательные глаза. Она вся покраснѣла и заговорила нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Докторъ, могу я прійти къ вамъ посовѣтоваться насчетъ себя...

— Конечно; я принимаю ежедневно.

— О! на вашихъ пріемахъ все такая аристократія... Меня и не допустятъ.

— Допустятъ непремѣнно; но развѣ вы нездоровы?

— У меня нѣтъ никакого мѣстнаго страданія, но... я не могу сказать, чтобъ я была здорова. У меня нервы иногда ненормально возбуждены. Вотъ спросите у Наташи.

— Я замѣчала это; но я не думала, что это болѣзнь, отвѣчала та.

— Докторъ, можетъ быть, скажетъ другое...

— Приходите; я постараюсь сдѣлать для васъ все, что могу, сказалъ Стебальскій и перемѣнилъ разговоръ.

Между тѣмъ Георгъ находился неотъемлемо во власти хозяекъ, матери и дочери. Александра Ивановна, видя Стебальскаго занятымъ съ Наташей, сообразила, что надо угождать ему во всемъ и не мѣшать, и—перенесла всѣ свои любезности и вниманіе на Георга. Она разспрашивала у него, великъ-ли былъ сборъ съ концерта, много-ли денегъ пошло на освѣщеніе, и какое жалованье получаютъ профессора консерваторіи. Лиза была въ отчаяніи отъ такого разговора и злилась на мать за ея неумѣстное «заниманіе» гостя. Ей казалось, что она одна только съумѣетъ вести съ Георгомъ достойную бесѣду о самыхъ серьезныхъ, возвышенныхъ предметахъ, понятныхъ только имъ двоимъ.

— Доставьте же намъ наслажденіе васъ послушать, говорила Александра Ивановна, приглашая его къ раскрытому роялю:—я знаю, что артисты не любятъ играть для всякаго... конечно, надо, чтобъ цѣнили... И я съ этой цѣлью никого сегодня не пригласила, чтобъ вы могли играть только для тѣхъ, которые... кото-

рые такъ васъ цѣнятъ и понимаютъ... и такой восторгъ...

Александра Ивановна совершенно запуталась въ своихъ фразахъ, и дочь ея, пользуясь этимъ, напала на нее.

— Что это ты, мама, покою не даешь! Пріятно ли играть по чужимъ настояніямъ. Когда мосьё Риднеру придетъ фантазія, онъ самъ сядетъ играть. Впрочемъ, я думаю, вамъ все это такъ уже надоѣло—это условное восхищеніе толпы, которая ничего не понимаетъ!

Георгъ кивнулъ головой, не то соглашаясь, не то протестуя.

— Да оставь насъ однихъ, мама, шептала ей раздраженно Лиза: ты совсѣмъ другихъ понятій; предоставь свободу молодежи!

Александра Ивановна, сконфузившись, вышла распорядиться насчетъ чая и угощенія. Лиза, оставшись одна съ Георгомъ, устремила на него вопросительный взглядъ, въ надеждѣ, что сейчасъ начнется серьезная, интересная бесѣда. Но ни одной мысли не приходило ей въ голову, она не могла придумать буквально ни одного слова, ни одного вопроса, ни одного замѣчанія. Георгъ же совсѣмъ ничего не придумывалъ, и вовсе не хотѣлъ разговаривать; онъ глядѣлъ туда, гдѣ велась тихая бесѣда между Стебальскимъ и Наташей, и вдругъ всталъ совершенно свободно, не обращая вниманія на Лизу, и сѣлъ къ роялю.

Этотъ поступокъ окончательно вскружилъ голову Лизѣ. Она была изъ тѣхъ субъектовъ, развивающихся въ молодомъ поколѣніи, которыхъ можно затронуть только пренебреженіемъ и равнодушіемъ. Искреннюю любовь онѣ встрѣчаютъ насмѣшками и дѣлаютъ изъ нея забаву и игрушку своего тщеславія, и сами бѣгаютъ за тѣмъ, кто отъ нихъ отворачивается.

Лиза сѣла возлѣ рояля, напротивъ Георга, не скрывая восторженной улыбки, и въ волненіи потирала руки, думая чуть не вслухъ: «И не нужно вовсе разговора; зачѣмъ слова?.. Звуки, звуки—это гораздо лучше, гораздо ближе знакомитъ. Ахъ, какъ хорошо это онъ придумалъ, играть! Такъ бы я вѣчно его и слушала».

Но у нея не было ни капельки слуха, и она вовсе не слушала, а только глядѣла на правильный профиль играющаго.

Другіе подошли; музыка соединила всѣхъ. Потомъ явилась

Александра Ивановна съ атрибутами чая, и разговоръ, сдѣлавшись общимъ, коснулся вѣчной темы: переѣзда на весну изъ города.

— Мы проводимъ каждое лѣто въ подмосковной деревнѣ у моей бабушки, сообщала Александра Ивановна:—тамъ кругомъ все сосновыя рощи и пруды. Прелестно! помнишь, Наточка, какъ тебѣ тамъ нравилось?

— Да, я разъ была тамъ, еще при папѣ, сказала Наташа.

— Ну, это и не при папѣ можно сдѣлать, возразила ея мачиха:—ты съ нами опять поѣдешь, не отговаривайся.

— Это невозможно, поспѣшила сказать Наташа:—я должна готовиться къ экзаменамъ.

— А я никогда не видала настоящей деревни, перебила Гуля:—на дачѣ случалось бывать, но это совсѣмъ не то.

— На дачѣ, по крайней мѣрѣ, есть общество, сказала Лиза.—а въ деревнѣ что? одна глухая бабушка, которая ходитъ по всему дому съ ключами и научаетъ управляющаго притѣснять крестьянъ.

— Лиза! вскричала Александра Ивановна, покраснѣвъ:—бабушка такъ добра, такъ мила, такъ насъ любитъ!.. А вы, Левъ Николаевичъ, куда переѣдете на лѣто? обратилась она къ Стебальскому, замиая слова дочери.

— Это вопросъ довольно трудный, отвѣтилъ онъ задумчиво:—для моей жены нужна не дача, а настоящая деревня со свѣжимъ воздухомъ, съ лѣсомъ, съ рѣкой. Но это очень трудно найти; всѣ такія деревни по большей части помѣщичьи, и владѣльцы сами живутъ въ нихъ.

— Можетъ быть, нѣкоторые не живутъ, а отдаютъ дома внаймы, замѣтила Гуля.

— Врядъ ли; этого обычая у насъ нѣтъ.

— А ваша супруга поправляется? спросила любезно Александра Ивановна.

— Она не поправляется и не можетъ поправиться, возразилъ серьезно Стебальскій:—дѣло только въ томъ, чтобъ облегчить ее и избавить отъ ненужныхъ страданій.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! съ соболѣзнованіемъ покачала

головой Александра Ивановна:—какое несчастье! А скажите, какъ это съ ней случилось?

Этотъ вопросъ Александра Ивановна повторяла каждый разъ при свиданіи со Стебальскимъ, и потому никто не далъ ей на него отвѣта.

Гости просидѣли довольно долго и вышли всѣ вмѣстѣ. Георгъ настоялъ на томъ, чтобъ проводить Наташу, а Гуля... пошла провожать Стебальскаго, увѣряя, что ей это по дорогѣ.

Наташа пробовала было шутить съ Георгомъ, говоря ему о предпочтеніи Лизы къ нему; но онъ принялъ это такъ холодно и сурово, что она замолчала. Она чувствовала какое-то непреодолимое смущеніе, идя подъ руку съ товарищемъ своего дѣтства и догадываясь почему-то, что его молчаніе значительнѣе словъ. При первомъ звукѣ его голоса, она вздрогнула.

— Нелли, заговорилъ Георгъ, наклонившись къ ней:—я желалъ бы знать: въ эти послѣдніе годы... ваше сердце было свободно?

— Да, отвѣтила она, послѣ долгаго молчанія.

— А въ настоящее время?

— И въ настоящее время я не влюблена. Къ чему такіе вопросы? разоблачать свою душу—очень больно, и другому я не стала бы на это отвѣчать.

— Но мнѣ отвѣчать вы должны, потому что для меня это вопросъ всей моей жизни, сказалъ Георгъ измѣнившимся голосомъ.

У Наташи упало сердце; она инстинктивно оставила было его руку, но онъ снова взялъ ее и властительно прижалъ къ себѣ.

— Нелли, продолжалъ онъ,—когда я уѣхалъ отсюда три года назадъ, я уѣхалъ съ мыслью, что вы моя будущая жена. Я не увлекся ни одной женщиной, потому что былъ уже увлеченъ...

— Георгъ! развѣ это можетъ быть... Я была почти ребенокъ, возразила Наташа, взволнованная и растерянная.

— Вы соотвѣтствовали моимъ понятіямъ и обѣщали все то, чего въ васъ еще не было. Пожалуй, я готовъ согласиться, что то чувство не было еще любовью, хотя я и думалъ, что это такъ.

Настоящая любовь пришла теперь, Нелли... Неужели для васъ это новость, и вы этого не видали?..

Наташа внутренно застонала. Она слышала, чуяла эту любовь въ трепетѣ всего существа молодаго человѣка, въ незнакомыхъ ей до сихъ поръ нотахъ его голоса, въ его неровномъ дыханіи. Самолюбіе другой женщины было бы польщено такой побѣдой, но Наташа слишкомъ была привязана къ Георгу и его матери, чтобъ не ужасаться разочарованія, которое должно было ихъ постигнуть...

— Нелли, что вы чувствуете ко мнѣ? услышала она надъ собой страшный вопросъ.

Она собралась съ духомъ и сказала:

— Я чувствую къ вамъ только братскую любовь, Георгъ; не больше какъ братскую!

Онъ помолчалъ.

— Но вы не любите никого другаго, той настоящей любовью, продолжалъ онъ.

— Что же изъ этого?..

— То, что вы должны быть моей женой.

— Не любя васъ?

— Вы полюбите потомъ, сказалъ Георгъ настоятельно и твердо:—до сихъ поръ вы не думали о любви; теперь она вамъ открыта, и вы волей-неволей сдѣлаете выборъ.

— Но я не хочу выходить замужъ, я не выйду! вскричала испуганная Наташа:—я совсѣмъ не о томъ думаю, я хочу учиться.

— Я не помѣшаю вамъ учиться.

— Но, Боже мой! вѣдь я... вѣдь нельзя такъ...

Она запуталась въ словахъ, не имѣя духу сказать ему, что ея главная и единственная причина была та, что она его не любитъ. Какъ онъ ни красивъ, ни уменъ, ни молодъ, ни талантливъ—она не любитъ его, и съ этимъ дѣлать нечего! Но Георгъ не допускалъ этого, не по самолюбію, а потому что онъ разъ рѣшилъ, что это должно быть.

— Я буду ждать вашего отвѣта, сказалъ онъ:—обдумайте и тогда скажите.

Они разстались. Наташа въ слезахъ побѣжала къ себѣ; она знала, какая борьба предстоитъ ей теперь съ такими характерами, какъ у Георга и его матери. Дорого бы дала она, чтобъ повѣрить свое смятеніе и недоумѣніе какому нибудь дружескому сердцу, но подруга ея Пахомова была такъ безучастна, такъ чужда всякому намеку на любовь и разныя сложныя чувства, что навѣрно только пожала бы плечами.

ГЛАВА VIII.

Пахомова тоже собиралась на лѣто куда-то въ глушь, въ степную деревню, и хотя Наташа ясно видѣла, что этотъ отъѣздъ сопряженъ съ какими-то цѣлями, извѣстными всему кружку, но сама Пахомова не говорила ей ни слова, а только молча наблюдала за нею, когда объ этомъ заходила рѣчь. Вообще, съ тѣхъ поръ какъ стала извѣстна близость Стебальскаго съ Наташей, Пахомова не могла скрыть раздраженія противъ своей подруги. Наташа была, конечно, удивлена, огорчена, и жила съ нею потому только, что имъ уже недолго было оставаться вмѣстѣ.

Прошло недѣли двѣ послѣ объясненія Георга съ Наташей, и она съ тѣхъ поръ не была у Стебальскихъ, боясь свиданія съ Викторіей Августовной и ея сыномъ. Впрочемъ Георга она встрѣтила раза два на «чтеніяхъ» извѣстныхъ литераторовъ, и онъ говорилъ съ нею такъ просто и спокойно, что она начала было дышать свободно; но, подавая ей руку на прощаніе, онъ сказалъ, пристально смотря ей въ глаза:

— Я жду отвѣта, Нелли.

— Отвѣтъ все тотъ же, пробормотала она, и поспѣшила скрыться.

— Стебальскій иногда заходилъ къ ней на нѣсколько минутъ, но она не могла рѣшиться заговорить съ нимъ объ этомъ...

Однажды вечеромъ у Пахомовой собрался обычный кружокъ; начались разговоры, споръ, шумъ; клубы табачнаго дыма ходили по комнатамъ, стаканы съ горячимъ чаемъ безпрестанно налива-

лись и опустошались. Пахомова опять собирала на что-то деньги и шепталась съ двумя мрачными господами, имѣвшими видъ заговорщиковъ.

— О чемъ это вы такъ горячо разсуждаете? спросила она, подойдя къ группѣ, гдѣ сидѣли Наташа, Гуля и нѣсколько молодыхъ студентовъ.

— Подите, подите отсюда, со смѣхомъ вскричала Гуля:—это разговоръ не про васъ!

— Мы говоримъ о любви, подхватила Наташа:—это предметъ самый вздорный по вашему мнѣнію.

— Я вамъ этого никогда не говорила, сказала Пахомова; и вмѣсто того, чтобъ уйти, пододвинула стулъ и сѣла.

— Какъ понимать любовь! заговорилъ Еремѣевъ.—Если принять за норму общечеловѣческую любовь...

— Ради Бога, живо остановила его Наташа,—не путайте и не затемняйте вопроса. Мы говоримъ о чувствѣ любви между мужчиной и женщиной, о той неизвѣстной силѣ, которая заставляетъ человѣка отдавать всего себя другому, подчинять ему свою волю, свободу, даже достоинство...

— То есть, дѣлаетъ изъ человѣка раба и прислужника женщины, у котораго не имѣется ни своей мысли, ни своего убѣжденія... Прекрасно! Дѣйствительно, это сила—нечего сказать! Только какъ же вы не видите, что, защищая эту самую любовь, вы защищаете вмѣстѣ съ тѣмъ самое рабское, лакейское чувство...

— Ну, ужь извините! Лакей—потому и лакей, что онъ весь продажный; здѣсь-же наоборотъ: человѣкъ отдается безвозмездно и безкорыстно другому, и счастливъ этимъ. А если разсуждать по вашему, такъ вѣдь, пожалуй, выйдетъ, что и служеніе идеѣ, и самоотреченіе—все рабство!

— Позвольте, господа, вмѣшался Путиловъ,—такъ вы никогда не кончите. Споръ начался, кажется, съ того, неизбѣжно ли для каждаго человѣка испытать чувство любви, или оно такъ себѣ—продуктъ условій, воспитанія, традицій...

— Еще бы! отозвался со злостью кто-то:—конечно, оно вовсе не истекаетъ изъ законовъ природы. Это кто съ жиру бѣсится,

тому хочется все это продѣлывать, всѣ эти штуки: вздохи, записочки, восторги, недоразумѣнія... А въ чемъ тутъ недоразумѣніе? Либо сошлись, либо разошлись, вотъ и все!

— Ну, нѣтъ, это не такъ, заспорили другіе,—иной разъ противъ желанія, противъ всякаго здраваго смысла, это нахлынетъ, и—баста!

— Можетъ быть, никто изъ васъ со мной не согласится, горячо перебила Наташа,—но я считаю, что тѣ организаціи, которыя способны ощущать любовь во всей ея полнотѣ и разносторонности—счастливыя, богатыя организаціи! Находиться подъ обаяніемъ всесильнаго чувства, забывать себя для другаго, жить вдвойнѣ,—въ чемъ же еще счастье, если не въ этомъ!

— Ухъ, какія узкія, одностороннія понятія! видно вы взросли въ теплицѣ, а не на вольномъ воздухѣ, отрѣзалъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ ярыхъ спорщиковъ:—общечеловѣческая любовь доставляетъ гораздо больше счастья, потому что ея задачи гораздо шире и дѣльнѣе, и точно также надо забывать себя, отвергаться себя, но ужь, по крайней мѣрѣ, есть для чего!

— Э, ну васъ къ чорту! вскричала неожиданно Гуля:—Наташа правду сказала; я чувствую всѣмъ существомъ моимъ, что она правду сказала, а вы — какъ ни доказывайте, все выходитъ какая-то мертвечина!

— Послѣ этого и говорить съ вами не стоитъ! сказалъ студентъ.

— А вопросъ-то такъ и остался неразрѣшеннымъ, снова вступился Путиловъ:—должна ли, въ самомъ дѣлѣ, прійти любовь въ извѣстномъ возрастѣ ко всѣмъ безъ изъятія, какъ корь или оспа...

— Да полно же! Сказано тебѣ: любовь — роскошь богачей, искусственно взлелѣянный цвѣтокъ!

— Позвольте! внезапно прервалъ его голосъ Пахомовой, все время сурово молчавшей: — по моему, любовь есть болѣзнь, болѣзнь нравственная и, можетъ быть, неизлѣчимая, такъ какъ неизвѣстны ни причины заболѣванія, ни теченіе болѣзни...

Она говорила тихо, опустивъ глаза въ землю, словно разсуж-

дая сама съ собой. Блѣдныя щеки ея слегка окрасились румянцемъ, когда она продолжала:

— Кто разъ сдѣлалъ безошибочный діагнозъ своей болѣзни, тотъ самъ долженъ и лѣчить ее, и знать опасность, и бороться съ нею шагъ за шагомъ, на жизнь и смерть, иначе — все полетитъ къ чорту: и идея, и цѣль жизни, и занятія...

Всѣ притихли и внимательно слушали.

— Вы точно съ ненавистью говорите объ этомъ чувствѣ, замѣтила Наташа: — а вѣдь оно естественное, законное, за что же такъ преслѣдовать его?..

— За то, что оно отнимаетъ разумъ, съ силою возразила Пахомова: — за то, что оно является вопреки желанію, убѣжденіямъ, принципамъ, за то, что оно коверкаетъ всю жизнь человѣка, мѣшаетъ ему заниматься, учиться, предаваться своей идеѣ!

— Ну, а если оно раздѣляемо? спросилъ кто-то.

— А если нѣтъ? вскричала увлекшаяся Пахомова: — если нѣтъ ни правъ, ни надежды, что оно когда-нибудь будетъ раздѣлено?

И не дождавшись возраженія, она рѣзко встала, пошла къ другимъ гостямъ и заговорила о переѣздѣ на лѣто въ степь.

Подъ вліяніемъ ея желчной тирады, оставленные ею собесѣдники нѣсколько минутъ молчали. Гуля задумалась, какъ бы замечтавшись о чемъ-то; по губамъ ея скользила неопредѣленная улыбка.

— А знаете-ли, сказала она: — мнѣ кажется, что я могла бы примириться съ нераздѣленнымъ чувствомъ, еслибъ только я знала, что оно ни съ кѣмъ другимъ раздѣлено не будетъ.

— Какъ же это такъ?

— Да просто, чтобъ этотъ человѣкъ никого не любилъ, и не могъ любить ни одну женщину. А я одна любила бы его; соперницъ у меня уже не могло бы быть. Это имѣетъ свою прелесть и оригинальность.

— Да это вы кого же берете: аскета или урода, или больнаго?

— Напротивъ: я беру генія. То есть не то, что генія, а

человѣка, всецѣло отдавшагося чему нибудь, ну хоть наукѣ или пользѣ человѣчества, или исканію какихъ нибудь открытій.

— И такія личности не изъяты отъ человѣческихъ чувствъ, возразилъ Путиловъ.

— Я и не говорю про всѣхъ, продолжала Гуля:—но нѣкоторые изъяты. Это можно доказать историческими примѣрами.

— Я съ этимъ согласенъ, сказалъ Еремѣевъ. Такому человѣку не пойдетъ и на умъ любовь; у него нервное вещество растрачивается на другое. Да вотъ, не ходя за историческими примѣрами, мнѣ почему-то пришелъ на умъ нашъ профессоръ Стебальскій. Я слышалъ отъ людей, которымъ хорошо извѣстна его жизнь, что онъ никогда не имѣлъ любовницы.

— Да, это всѣ говорятъ, подтвердили другіе.

— Но онъ женатъ, тихо сказала Наташа.

— Женатъ! раздались голоса:—мы знаемъ, что онъ женатъ, да что же это за жена: полумертвая калѣка. Она гораздо старше его, и ясно, что онъ ее выбралъ по принципу.

— По какому принципу! спросила Наташа.

— Чтобъ лучше сохранить свою свободу. Такой женѣ, конечно, любви не нужно; а между тѣмъ она ограждаетъ отъ сватовства, отъ навязыванія невѣстъ, отъ разныхъ сплетней. Онъ за ней, какъ за ширмами; никто ему не мѣшаетъ.

Гуля, съ той минуты, какъ произнесено было имя Стебальскаго, ,пришла въ ажитацію, ходила, садилась, то надѣвала, то снимала свою шапочку. Она уже давно собиралась идти домой, и все не могла собраться.

— Что это вы, опять надумались въ походъ? сказалъ ей одинъ изъ гостей:—а я думалъ, вы совсѣмъ отложили.

— Нельзя, нельзя! отвѣчала она, вдругъ заторопившись. Я и такъ ужь запоздала.

— Да вы крѣпостная, что-ли, у вашей актрисы?

— Я столько же крѣпостная, сколько и вы, отвѣтила Гуля; и, надѣвая калоши, прошептала Наташѣ:

— Вѣдь у Юліи Федоровны теперь сцена съ режиссеромъ, я всегда оттуда въ это время убѣгаю. Теперь же онъ навѣрно

ушелъ, и она, несчастная, катается въ истерикѣ. У нихъ всегда этимъ кончается. Надо мнѣ бѣжать скорѣе, посмотрѣть, что̀ съ нею.

По уходѣ Гули, разговоръ о Стебальскомъ продолжался. Одинъ молодой человѣкъ съ оживленіемъ разсказывалъ:

— Знаете, этотъ богачъ Фогель, жидъ, у котораго два дома на англійской набережной; у него какая-то сложная болѣзнь, нужно сдѣлать операцію, вырѣзать. А мѣсто опасное, можетъ подъ ножемъ умереть. Б. и С. отказались; взялся одинъ Стебальскій.

— И что же?

— Провелъ операцію отлично. Старикъ чуть не въ ноги ему: «проси, чего хочешь!» Такъ что же, вы думаете, Стебальскій съ него спросилъ?.. Двадцать стипендій для учащихся, какихъ самъ укажетъ, да двадцать безплатныхъ квартиръ для бѣдныхъ студентовъ на десять лѣтъ.

— Это на него похоже, сказалъ серьезно Еремѣевъ.

— Да; только ужь на экзаменахъ онъ больно крутъ съ нашимъ братомъ, возразилъ другой студентъ: — сколько человѣкъ проваливаетъ!

— Экзамены—это особая статья. Въ этомъ дѣлѣ онъ фанатикъ, недоучекъ не терпитъ. Но, во всякомъ случаѣ, это человѣкъ иниціативы, онъ хоть косвенно, но способствуетъ движенію.

— А слышали вы, господа, что онъ пишетъ книгу: «Изслѣдованіе новыхъ болѣзней мозга?» Говорятъ, замѣчательное изслѣдованіе.

— Да кто читалъ? спросилъ чей то голосъ.

— Читали, читали въ рукописи, отозвались многіе другіе.

— Почему же это названо: новыя болѣзни мозга?

— Потому что онѣ прежде были неизвѣстны. Онъ говоритъ въ предисловіи, что, въ случаяхъ его практики, его поражала умножающаяся годъ отъ года прогрессія душевныхъ болѣзней, и притомъ такого рода, что онъ не могъ найти на нихъ указаній въ современной медицинѣ.

— Вотъ какъ! Ужь не хочетъ-ли онъ доказать, что все ны-

пѣшнее поколѣніе родится со предрасположеніемъ къ болѣзни мозга, замѣтилъ кто-то.

Поднялся споръ. Этотъ предметъ заинтересовалъ всѣхъ. Иные осуждали Стебальскаго, другіе горячо защищали. Кричали до утомленія.

— Однако, господа, что это значитъ, что ни Сосницкій, ни Ѳедоровъ не пришли, вспомнилъ кто-то:—вѣдь они хотѣли быть...

— Да, хотѣли; разсѣянно отвѣчала Пахомова, вставая и опираясь на спинку стула.

— Кто ихъ послѣдній видѣлъ? Ужь не случилось ли съ ними чего?

— Мудренаго нѣтъ; надо навести справки.

За этими словами наступило угрюмое, сосредоточенное молчаніе; каждый, казалось, былъ погруженъ въ свои мысли...

Вдругъ, посреди этого внезапно-наступившаго безмолвія, въ коридорѣ раздались чьи-то шаги, и шаги эти прямо направились къ двери. При томъ настроеніи, въ какомъ уже находилось общество, всѣ вздрогнули и поднялись съ мѣстъ; кто стоялъ ближе къ двери, тотъ инстинктивно протянулъ руку и задвинулъ задвижку. Наташа бросилась было къ дверямъ, но на плечо ея тяжело опустилась рука Пахомовой. Она была блѣдна какъ мѣлъ.

— Стойте, чуть слышно проговорила она: — не торопитесь! И выхвативъ изъ комода пачку какихъ-то бумагъ, быстро спрятала ихъ за платье.

Между тѣмъ въ дверь кто-то неистово ломился, трясъ и дергалъ ее за ручку, кричалъ и стучалъ кулаками.

— Это женскій голосъ, сказала Наташа:—чуть-ли это не Гуля!

Она отперла дверь, и въ комнату кинулась Гуля. При первомъ взглядѣ на нее, всѣмъ стало понятно, что случилось что-то ужасное. Лицо ея было искажено, волосы растрепаны, глаза блуждали, она вся дрожала.

— Скорѣе, скорѣе... безсвязно говорила она:—Юлія Ѳедоровна застрѣлилась!.. Давайте доктора!..

Всѣ вскочили съ мѣста.

— Какъ! совсѣмъ застрѣлилась?.. или жива еще? посыпались вопросы.

— Жива, кажется... Охъ, какъ страшно!.. Да что же вы стоите! Наташа, пойдемъ сейчасъ за Стебальскимъ! вскричала Гуля, таща Наташу за руку.

— Да тутъ ближе есть докторъ, замѣтилъ кто-то: — къ Стебальскому васъ, пожалуй, не пустятъ.

— Съ Наташей пустятъ; нужно Стебальскаго или никого, — онъ одинъ можетъ спасти.

И обѣ онѣ съ Наташей выбѣжали.

ГЛАВА IX.

Черезъ полчаса Гуля, Наташа и докторъ Стебальскій поспѣшно входили въ квартиру Туманской, гдѣ толпилось множество народу. Тамъ царствовали суматоха и безпорядокъ. Юлія Ѳедоровна, приподнятая съ полу, положена была на постель, залитую кровью, которая обильно сочилась изъ раны на плечѣ, около шеи. Она уже открыла глаза и дышала. Кругомъ нея опрокинутые стулья, разбросанныя по полу вещи, пачки писемъ, изломанный бронзовый подсвѣчникъ свидѣтельствовали о происходившей здѣсь необузданной сценѣ, вызвавшей такой результатъ... Въ числѣ другихъ тутъ стоялъ также виновный режиссеръ — причина бѣдствія, — блѣдный, какъ мука, и съ трясущейся нижней челюстью. Послѣ бурной сцены съ Туманской, онъ не успѣлъ еще дойти до двери подъѣзда, какъ на верху раздался выстрѣлъ. Онъ догадался и кинулся опять наверхъ...

Стебальскій тотчасъ же выслалъ всѣхъ лишнихъ людей, и тутъ только увидѣлъ Пахомову, которая явилась еще прежде него съ бинтами для перевязокъ и съ пучкомъ корпій.

— Позвольте мнѣ остаться, сказала она, подходя прямо къ Стебальскому, я могу вамъ помочь при перевязкѣ. Я бывшая сидѣлка...

— Я васъ помню, привѣтливо сказалъ Стебальскій:—вы были изъ лучшихъ сидѣлокъ. Оставайтесь.

Осмотрѣвъ рану и пощупавъ ее зондомъ, Стебальскій сказалъ съ прояснившимся лицомъ:

— Опасности нѣтъ; задѣты только внѣшніе покровы.

Онъ сдѣлалъ перевязку; больная простонала нѣсколько разъ и окончательно пришла въ себя.

— Умру я? спросила она слабымъ голосомъ.

— Нѣтъ, вы скоро поправитесь, отвѣтилъ Стебальскій. Рана ничтожная.

Юлія Ѳедоровна взглянула на него внимательнѣе, и блѣдная улыбка обрисовалась на ея губахъ.

— Профессоръ Стебальскій!.. проговорила она:—кто это привелъ ко мнѣ такую знаменитость?

— Не разговаривайте и не волнуйтесь, возразилъ докторъ:—вотъ у васъ уже лихорадка.

Юлія Ѳедоровна повиновалась и закрыла глаза.

Наташѣ и Гулѣ нечего было дѣлать около нея; Пахомова забрала все въ руки, все приготовила, и усѣлась возлѣ кровати щипать корпію. Наташа съ изумленіемъ вслушивалась въ ея непривычный робкій тонъ, когда она обращалась къ Стебальскому, въ выраженіе ея лица, всегда такое суровое и строгое, а теперь словно согрѣтое какимъ-то лучемъ... Пахомова сдѣлалась даже интересна и почти красива. «Неужели она неравнодушна къ нему»? подумала Наташа.

Въ эту минуту сзади ея раздался сдавленный крикъ и паденіе тѣла на полъ... Это съ Гулей сдѣлался первный припадокъ. Все время она держала себя бодро и дѣйствовала разумно; но теперь наступила реакція, и всѣ предъидущія волненія разрѣшились въ ней страшной истерикой. Стебальскій, съ помощью Наташи, вынесъ ее въ другую комнату, брызгалъ водой и старался успокоить. Она лежала смирно все время, пока онъ былъ возлѣ нея; только зубы ея стучали отъ нервнаго озноба; но лишь только Стебальскій хотѣлъ выйти, какъ Гуля съ новымъ крикомъ уцѣпилась за него, и безсвязно, лихорадочно заговорила:

— Не уходите, ради Бога, не уходите... не оставляйте меня съ нею... Я боюсь... боюсь... вы не знаете, что я вынесла тутъ одна съ нею... вы не слышали ея криковъ, не видали ея страшнаго взгляда... Вѣдь она при мнѣ выстрѣлила въ себя, я пришла въ самое это время... Пощадите меня, я съ ума сойду!..

— Да вы не одни, урезонивалъ ее Стебальскій: — здѣсь съ вами Наталья Петровна, а въ той комнатѣ Пахомова.

— Нѣтъ, вы, вы останьтесь!.. вы одни успокоиваете меня...

— Это невозможно. Вы должны сами успокоиться, обуздать себя.

— Но я не могу... не могу... кричала Гуля, хватая его за руки.

Стебальскій посмотрѣлъ на нее опытнымъ взглядомъ врача и сказалъ строго:

— Если вы будете такъ кричать и безумствовать, то зовите къ себѣ другаго доктора; мое присутствіе вамъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно.

Гуля замолчала и бросила на него боязливый взглядъ. А онъ между тѣмъ шепнулъ Наташѣ:

— Холодные компрессы ей на голову. Сейчасъ!

Пахомова, узнавъ объ этомъ приказаніи доктора, взялась сама исполнить его.

— Съ вами она будетъ капризничать, сказала она Наташѣ: а я ужь знаю, какъ съ ней справиться. Ей потакать ни въ чемъ нельзя.

И точно, Пахомова съ какимъ-то жестокимъ удовольствіемъ принялась муштровать Гулю. Не внимая ея слезамъ и сопротивленію, она насильно раздѣла ее, уложила въ постель, закутала въ одѣяло, плотно подоткнувъ его со всѣхъ сторонъ, и положила ей на голову холодные компрессы.

Между тѣмъ Стебальскій въ прихожей разговаривалъ съ Наташей шопотомъ, чтобъ не потревожить сонъ Юліи Ѳедоровны.

— Ты хочешь остаться здѣсь, говорилъ онъ: —не лишнее ли это? тутъ серьезнаго ничего нѣтъ, а ты только разстроишь себя. Ты и такъ какъ будто нездорова, взволнована?..

— Это такъ кажется. Я останусь здѣсь, отвѣтила Наташа — а вы зайдите завтра.

— Хорошо. Ну, а ты когда же къ намъ?

— Къ вамъ? повторила машинально Наташа.

— Викторія Августовна волнуется, что давно не видитъ тебя. Отчего ты не идешь къ ней?

Наташа въ смущеніи опустила голову.

— Она хотѣла писать къ тебѣ; но я сказалъ, что при свиданіи передамъ тебѣ ея желаніе. Вотъ я передаю.

— Я приду къ ней завтра, если можно, сказала Наташа, и они разстались.

ГЛАВА X.

— А! ты пришла наконецъ—вспомнила!.. Двѣ недѣли заставляла себя ждать... Подойди сюда, подойди ближе.

Такими рѣзкими словами встрѣтила Наташу Викторія Августовна. Она приподнялась, тяжело дыша, съ горящими глазами и двумя темно-красными пятнами на щекахъ, и повелительно указывала молодой дѣвушкѣ мѣсто возлѣ себя. Отъ волненія она закашлялась и долго не могла оправиться, принимая услуги Наташи съ нетерпѣніемъ и гнѣвомъ.

— Правда-ли это, выговорила она наконецъ:—что ты сказала моему сыну, будто бы ты не будешь и не можешь быть его женою?

— Правда, отвѣтила Наташа, серьезно и твердо, хотя и поблѣднѣла сильно.

Викторія смотрѣла на нее во всѣ глаза, не въ силахъ выговорить слова; блѣдность покрыла ея лицо, и она вся затряслась, какъ листъ.

— Не сердитесь на меня, милая, дорогая! вскричала Наташа, цѣлуя ея руки, которыя та гнѣвно вырывала.

— Какая этому причина? спросила Викторія.

— Причина та, что я люблю Георга, какъ брата, а не какъ

мужа. Неужели вы сами одобрили бы, еслибъ я взяла на себя обязанности жены, не чувствуя къ нимъ призванія.

Викторія схватила ее за руку.

— Для чего я тебя воспитывала? заговорила она, задыхаясь:— для чего я внушала тебѣ понятія и правила, развивала твои таланты... Все для него, для Георга, потому что я и тогда еще видѣла, что онъ тебя любитъ. Я гналась не за богатствомъ, потому что ты бѣдна; не за положеніемъ въ свѣтѣ, потому что Георгъ самъ составилъ себѣ положеніе; не за красотой даже: что ты такое въ сравненіи съ моимъ сыномъ? Онъ красавецъ, котораго выбрала бы всякая принцесса;—а ты, ты, удостоенная его выборомъ, говоришь мнѣ, что ты его не любишь!.. О! эти русскія!...

— Что же дѣлать! убѣдительно сказала Наташа:—его выборъ палъ на меня по ошибкѣ. Вы правду сказали, что я не стою Георга ни по богатству, ни по положенію, ни по красотѣ. Онъ выберетъ себѣ лучшую подругу... можетъ быть, соотечественницу, которая вполнѣ поймetъ его, и...

— Да пойми же, несчастная, что онъ тебя любитъ! вскричала съ отчаяніемъ Викторія.—Я знаю, какъ глубоко въ немъ пустила корни эта любовь. Это вы, русскіе, можете легко переходить отъ одной любви къ другой, мѣнять убѣжденія, мысли, вкусы;—а у насъ, если ужь мы отдались чему, это прочно, какъ наша сталь.

— Я тутъ не виновата.

— Ты—не виновата!! послѣ того, какъ ты обманула всѣ мои надежды, отняла у меня счастье сына, которое для меня все. Ты ограбила меня. Отдай мнѣ назадъ всѣ мои заботы, всѣ мои жертвы; ночи, которыя я не спала, ухаживая за тобой больною; дни, годы, которые я посвятила, чтобъ образовать изъ тебя жену моему сыну!..

Викторія умолкла и опрокинулась безъ чувствъ на подушки. Страшно перепуганная, Наташа послала искать Стебальскаго, который, по счастію, находился гдѣ-то по близости.

Онъ привелъ жену въ чувство; но его присутствіе не успокоило ея, а только раздражило.

— Вы всѣ заодно, простонала она: — ты скажешь: свобода чувства... Этимъ словомъ здѣсь прикрывается всякая измѣна, всякая фальшь и неблагодарность.

— Объ этомъ мы поговоримъ когда нибудь на досугѣ, сказалъ кротко Стебальскій, поправляя подушки: — а теперь отдохни.

— Да; и пусть она уйдетъ отъ меня... Постой, куда же ты спѣшишь, Наташа, — поди сюда.

Наташа подошла и стала на колѣни; ея сердце разрывалось отъ жалости, при видѣ душевнаго горя этой страдалицы.

— Я не отступаюсь ни отъ чего, сказала ей Викторія прерывающимся голосомъ: — я жду, что ты заплатишь свой долгъ, что ты поймешь свои настоящія чувства и настоящее призваніе. Тогда приходи ко мнѣ; а теперь ступай.

Наташа не отвѣтила ни слова; Стебальскій взялъ ее за руку и увелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Ну, Наташа, сказалъ онъ, садясь и не выпуская ея руки: — что ты мнѣ скажешь?

— Вы знаете, въ чемъ дѣло? спросила она.

— Да; я давно знаю. Викторія сказала мнѣ въ тотъ же день; то есть, этому будетъ уже недѣли двѣ.

— И вы послѣ того видѣлись со мною и не сказали мнѣ ничего. А я такъ мучилась!

— Чѣмъ же ты мучилась, Наташа?

«Вотъ и онъ будетъ теперь меня уговаривать», подумала Наташа. Нервы ея были такъ возбуждены, что она закрыла руками лицо и зарыдала. Она не могла замѣтить, что Стебальскій самъ находился въ волненіи и, наливая ей воды, пролилъ половину на столъ.

— Наташа, моя дѣвочка... о чемъ же ты плачешь? раздался его измѣнившійся голосъ.

— Меня хотятъ заставить любить насильно, кого я не люблю! отвѣчала она.

— Можетъ быть, тебя возмущаетъ только эта форма, этотъ ихъ деспотизмъ, возразилъ Стебальскій, помолчавъ: — точно ли ты испытала себя, что это въ тебѣ не своенравный капризъ... Какъ

тебѣ не любить Георга! Вы такъ сходитесь; вы были бы такой гармонической парой. Я давно... давно уже объ этомъ думаю; я думалъ объ этомъ съ самаго твоего дѣтства, прибавилъ Стебальскій съ какимъ-то вырвавшимся изъ души вздохомъ.

— Вы ошиблись, сказала Наташа!—можетъ быть, это точно удивительно, что я не люблю Георга; но—что я не люблю и не полюблю его, это также вѣрно, какъ то, что я живу. Именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ объяснился мнѣ въ любви, я поняла, какая бездна лежитъ между братскимъ чувствомъ и тѣмъ, которое должно имѣть къ мужу... Когда я подумаю о томъ, чтобъ провести всю жизнь съ Георгомъ, повиноваться ему, быть ему вѣрной, никого не любить, кромѣ его—я леденѣю; мнѣ кажется, что какая-то стѣна становится между мною и солнцемъ и всѣми радостями жизни.. За что я откажусь отъ моего права любить, отъ свободы выбора?!.

Наташа говорила, опустивъ глаза, дрожащимъ голосомъ, съ яркимъ румянцемъ волненія на щекахъ. Этотъ разговоръ о любви, въ этой комнатѣ аскета, гдѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ была изгнана всякая мысль о женщинѣ, имѣлъ странное обаяніе для Стебальскаго. Его начинало волновать какое-то жгучее любопытство, интересъ къ вещамъ, на которыя онъ прежде не обращалъ вниманія.

— А какъ бы ты любила? спросилъ онъ почти шопотомъ, наклоняясь къ Наташѣ.

— Какъ бы я любила? повторила она:—не знаю... но мнѣ кажется, что это чувство даетъ такое счастье, что отъ одного его предвкушенія замираетъ сердце... Нѣтъ,—въ Георгѣ нѣтъ того, что можетъ возбудить этотъ трепетъ, это замираніе; я съ нимъ не сольюсь, какъ огонь и вода... но съ тѣмъ я бы слилась каждымъ помышленіемъ, каждой фиброй моей души!

— Съ тѣмъ? кто же тотъ? спросилъ Стебальскій какъ-то безсознательно, не ожидая отвѣта, теряясь въ путаницѣ мыслей и ощущеній, нахлынувшихъ на него. Ему было то жарко, то холодно, и онъ находилъ въ этомъ какое-то странное наслажденіе; комната представлялась ему, какъ въ туманѣ, и грохотъ экипажей

на мостовой долеталъ будто издалека. Долгіе промежутки молчанія прерывали этотъ разговоръ; и сколько оно длилось, Стебальскій не могъ потомъ припомнить; одно только онъ помнилъ отчетливо, какъ Наташа спросила:

— А вы и въ моемъ дѣтствѣ желали, чтобъ я вышла за Георга?

— Желалъ?.. Никогда! возразилъ онъ, съ усиліемъ стряхивая съ себя овладѣвшія имъ чары:—я боялся этого; и теперь... теперь у меня, какъ гора съ плечъ... Нѣтъ, никогда не желалъ я замужства для тебя, и не желаю теперь.

— Ну, такъ я никогда и не выйду замужъ, стремительно поднялась съ мѣста Наташа.

Она встала, и глаза ихъ встрѣтились. Это было одно мгновеніе, но онъ не могъ позабыть его во всю остальную жизнь. Его поразила внезапная матовая блѣдность, разлившаяся по лицу Наташи, и яркій горячій взглядъ, сверкнувшій изъ подъ ея темныхъ рѣсницъ. Какъ она ушла, онъ не помнилъ: онъ весь находился подъ вліяніемъ поэзіи этой минуты, поэзіи, незнакомой ему во всю жизнь. По ея уходѣ, онъ невольно провелъ рукою по глазамъ. Что это было—сонъ? мечта? искушеніе?.. онъ самъ не зналъ, но чувствовалъ, что произошло что-то важное внутри его; что-то преобразилось, пошатнулось до основанія. Къ его сердцу медленно подступала какая-то горячая струя не то пѣги, не то боли... Въ глазахъ стоялъ плѣнительный образъ; воздухъ, казалось, былъ пропитанъ присутствіемъ женщины, вѣяніемъ ея красоты и юности. И надо всѣмъ этимъ господствовало неудержимое могучее стремленіе, жажда испытать неиспытанное, извѣдать вкусъ запретнаго плода...

Онъ испугался самъ того, что съ нимъ происходило; призвалъ на помощь разсудокъ и обвинилъ себя въ минутномъ помѣшательствѣ. Чтобъ онъ, уже столько прожившій, гордый своимъ аскетизмомъ и равнодушіемъ, могъ вдругъ поддаться такому чувству, и къ кому-же—почти къ дочери... это было-бы слишкомъ фантастично, слишкомъ нелѣпо!..

ГЛАВА XI.

Черезъ недѣлю Юлія Ѳедоровна Туманская совсѣмъ оправилась и, лежа въ бѣломъ пеньюарѣ подъ голубымъ одѣяломъ, принимала визиты всѣхъ своихъ знакомыхъ, которые гурьбами бѣжали глядѣть на стрѣлявшуюся и не дострѣлившуюся женщину. Режиссеръ каждое утро стоялъ на колѣняхъ, просилъ прощенія и клялся, что больше никогда ни на кого ее не промѣняетъ. А Юлія Федоровна, смѣясь, увѣряла его, что послѣ выстрѣла, съ нея какъ рукой сняло все ея безуміе и всю ревность, и что ей теперь все равно. И какъ нарочно, въ это самое время, она получила ангажементъ въ Саратовъ, что̀ было для нея какъ нельзя болѣе кстати.

Вслѣдствіе всего этого, она находилась въ самомъ лучшемъ расположеніи духа въ тотъ день, когда Наташа, зайдя къ ней, застала ее за укладкой чемодановъ и въ то же время за питьемъ кофе. Держа въ одной рукѣ чашку, а въ другой груду воротничковъ, манишекъ, гирляндъ и вѣнковъ, Туманская учила сидѣвшую на полу передъ чемоданомъ Гулю, какъ все это втиснуть туда. Гуля находилась въ самомъ мрачномъ настроеніи: отъѣздъ Туманской оставлялъ ее опять на улицѣ.

Юлія Ѳедоровна радостно встрѣтила Наташу и тотчасъ усадила ее пить кофе.

— Идите и вы, Галина Семеновна, говорила она Гулѣ:— будетъ вамъ возиться. Пейте!

— Не хочу, упрямо отвѣчала Гуля, ожесточенно запихивая въ чемоданъ пару ботинокъ.

— Э, полноте, бросьте!

— Ахъ, отстаньте; ну, что пристали.

— Это она на меня злится, зачѣмъ я ѣду, обратилась къ Наташѣ Юлія Ѳедоровна, наливая себѣ еще чашку.

— Ахъ, какое воображеніе! отозвалась Гуля, вставая съ пола:—очень мнѣ нужно. Я и такъ у васъ бы не осталась; не вѣкъ же баклуши бить.

— Такъ вы у меня баклуши били?

— Конечно. Оно ничего—побаловаться немножко; а все надо же когда нибудь дѣлать дѣло. Какъ вы думаете,—обратилась она къ Наташѣ:—я успѣю догнать экзамены къ осени?

— Да когда же вы будете готовиться? спросила Наташа съ сомнѣніемъ.

— Какъ когда? теперь, сегодня, сейчасъ? съ одушевленіемъ отвѣчала Гуля, и глаза ея разгорѣлись. Я такъ бы вотъ сейчасъ засѣла за книги и не встала бы, и ночи бы сидѣла. Вы не знаете, какое для меня наслажденіе—учиться! Когда я бросила готовиться, это были обстоятельства такія... болѣзнь Дуни... неудачи... разное тамъ. Но въ сущности я знала, что всегда успѣю приготовиться; надо только имѣть энергію и силу воли.

— Но гдѣ же вы будете жить теперь? спросила съ участіемъ Наташа.

— Вотъ забота! не будетъ своего угла, такъ пойду кочевать изъ одной чужой квартиры въ другую. Вѣдь это временное, пока не получу дипломъ; а до осени ужь недолго.

— А ѣсть, пить на какія деньги! замѣтила Туманская. Погодите-ка, я вамъ пріищу мѣстечко, хоть дѣтей учить грамотѣ...

— Вотъ еще! перебила Гуля:—я достану себѣ или переводы, или переписку.

— Когда же вы успѣете и учиться, и переводить, спросила Наташа.

— Время найдется на все, ежели распредѣлить его разумно, отвѣчала Гуля серьезно и оживленно, все болѣе и болѣе поглощаясь картинами будущаго, которыя сама себѣ рисовала.—Я буду, положимъ, вставать въ пять часовъ, выпивать стаканъ молока и садиться за свои занятія. Затѣмъ иду на лекцію; послѣ лекціи обѣдъ; а вечеромъ—переводить до глубокой ночи.

— Эхъ, жизнь! сказала Юлія Ѳедоровна:—вѣчно тяни лямку! А богатые-то теперь переѣзжаютъ въ свои помѣстья, отдыхаютъ, нѣжатся, ѣдятъ гусей, индѣекъ, поросятъ... А тамъ придетъ лѣто: ягоды, грибы, купанье!..

— Безсмысленная жизнь, рѣшила Гуля:—вотъ ужь я бы не

желала. Одно животное существованіе. Однако, что же я сижу! мнѣ надо идти добывать себѣ работу и квартиру.

— Да вы еще у меня пока, возразила Юлія Ѳедоровна.

— Надо же пріискивать; что же непроизводительно терять время.

И Гуля вмигъ одѣлась и вышла. Наташа вышла вмѣстѣ съ нею, и старалась дознаться отъ нея, какимъ образомъ и отъ кого она думаетъ добыть работу. Зная странный и измѣнчивый нравъ Гули, Наташа не очень-то на нее надѣялась, и рѣшилась сама, не говоря ей ни слова, хлопотать объ устройствѣ ея будущности. Гуля внушала ей участіе какой-то беззащитностью, неумѣніемъ справиться съ собою, проглядывавшими въ ней, несмотря на ея рѣшительный тонъ и безшабашность.

Всѣ послѣдующіе дни, Наташа освѣдомлялась у разныхъ знакомыхъ, нельзя ли найти работу, сама ходила навѣдываться въ редакціи, наконецъ заинтересовала студентовъ въ пользу Гули, такъ что и они принялась также дѣйствовать и помогать ей.

— Нельзя же бросить безъ помощи личность, которая хочетъ учиться, говорили они:—если она надѣется выдержать экзамены, значитъ—имѣетъ основаніе надѣяться. На первое время мы можемъ сложиться для нея.

Одна Пахомова, извѣстная своимъ скептицизмомъ, рѣзко выражала мнѣніе, что изъ Гули никогда ничего не выдетъ; а если и выдетъ, то...

— Что же? спрашивали у нея.

— Вы сами увидите, лаконически и загадочно отвѣчала Пахомова.

Дни черезъ три, Наташѣ удалось найти нѣмецкій переводъ и достать лексиконъ, въ которомъ нуждалась Гуля; и она, въ радости, побѣжала съ этой ношей въ квартиру Туманской, ужасно боясь, что та уже уѣхала. Юлію Ѳедоровну она застала, а Гули не было дома.

— Куда же она пошла? спросила съ сожалѣніемъ Наташа.

— Не знаю, отвѣчала Туманская:—вы представьте, душечка, что вѣдь она въ самомъ дѣлѣ начала учиться; двѣ ночи на

пролетъ сидѣла, зубрила что-то. Даже меня напугала: сидитъ вся красная, такъ и пылаетъ; ничего не слышитъ: я съ ней говорю, а она бормочетъ какіе-то термины изъ книжки!

— А работу она не достала?

— Кажется, достала. Переводъ, что ли, не знаю. Такая дѣятельность вдругъ на нее напала, а то вѣдь лѣнива была страшно.

— Передайте ей, пожалуйста, сказала Наташа,—чтобъ она завтра пришла ко мнѣ. У меня есть для нея переводъ, и я имѣю въ виду квартиру.

На слѣдующій день, вечеромъ, Наташа сидѣла совершенно одна и занималась. Пахомова ушла куда-то: она на дняхъ уѣзжала, и передъ отъѣздомъ часто выходила со двора. Раздался звонокъ, и вошла Гуля, веселая, оживленная, съ какой-то лукавой улыбкой на губахъ.

— Вы велѣли прійти, вотъ я и явилась, сказала она Наташѣ: что имѣете мнѣ сообщить?

Наташа обрадовалась ей и принялась подробно излагать разные проэкты, между прочимъ, о томъ, что, по отъѣздѣ Пахомовой, квартира до окончанія мѣсяца останется за ней, Наташей, и Гуля отлично можетъ помѣститься съ нею. Гуля не прерывала ее; только по временамъ повторяла, посмѣиваясь:

— Ну, что же еще.

И Наташа опять говорила, какъ она была въ редакціяхъ, что ей тамъ сказали, и на какую работу можно надѣяться. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія насмѣшливымъ видомъ Гули, она сказала:

— Что это, Гуля, вы слушаете будто съ насмѣшкой... Не нравится вамъ, что я говорю! такъ скажите прямо.

Гуля расхохоталась и хлопнула Наташу по плечу.

— Вотъ что я вамъ скажу, начала она, все смѣясь:—оставьте вы это себѣ, и ваши чортовы переводы, и этого редактора, что за вами ухаживалъ, и квартиру, и все!

— Что это значитъ?

— А то, что мнѣ этого ничего не нужно. Я переѣзжаю на лѣто въ деревню, въ подмосковную!

— Къ кому же это?

— Къ вашей belle-mère, Александрѣ Ивановнѣ, на ваше мѣсто. Вы тогда отказались, а меня пригласили, и я съ ними вмѣстѣ ѣду 5 мая. Э—что! щелкнула пальцемъ Гуля, поддразнивая Наташу и глядя на нее съ торжествомъ.

— Да вы не дурачьтесь, Гуля, а скажите толкомъ все, какъ было, сказала та, въ глубинѣ души огорченная безсердечіемъ Гули, которая вмѣсто благодарности за участіе хотѣла непремѣнно дразнить ее своей удачей.—Гдѣ вы видѣли Александру Ивановну? прибавила Наташа.

— Ахъ, вы простая душа! Да я съ тѣхъ поръ у нея четыре раза была, обѣдала и цѣлый день сидѣла. Онѣ обѣ отъ меня безъ ума, такъ что не я ихъ просила взять меня въ деревню, а онѣ ко мнѣ приставали, чтобъ я ѣхала развлекать ихъ тамъ.

— А какъ-же ваши занятія и экзамены?

— Ахъ, это все впереди, до осени еще такъ долго. Я вамъ о настоящемъ времени говорю. Въ настоящемъ я ѣду въ деревню, и больше ничего.

— Вы же говорили, что это безсмысленная, животная жизнь.

— А здоровье-то? мнѣ необходимы воздухъ и купанье для укрѣпленія нервъ. Если у меня не укрѣпятся нервы, я не въ состояніи буду ни учиться, ни заниматься практикой.

— Это, конечно, такъ; но вы располагали свою жизнь совсѣмъ инымъ образомъ и высказывали другія мнѣнія.

— Вовсе не другія, а съ другой точки зрѣнія. Ну, слушайте: еще для васъ новость: докторъ Стебальскій также переѣзжаетъ въ деревню къ Александрѣ Ивановнѣ.

— Вы шутите, Гуля. Съ какой это стати?

— Нѣтъ, не шучу. Онъ везетъ туда жену и будетъ нанимать тамъ флигель. Это ему Александра Ивановна какъ-то охлопотала. Помните, тогда разговоръ былъ при васъ,—ну, она и списалась тамъ съ кѣмъ-то.

— Но вы все это слышали отъ нея, прервала Наташа:—а согласенъ ли Стебальскій—неизвѣстно.

— Какъ! да я сама вчера весь вечеръ съ нимъ объ этомъ говорила.

— Съ кѣмъ... гдѣ... спросила Наташа, чувствуя, что вся кровь бросилась ей въ голову.

— Со Львомъ Николаевичемъ, отвѣчала Гуля:—мы съ нимъ вмѣстѣ были у Александры Ивановны.

— Онъ былъ у Александры Ивановны! вскричала Наташа.

— Ну, да. А вы-то здѣсь засѣли, никуда глазъ не кажете и не знаете ничего, сказала Гуля, укутываясь въ большой платокъ и собираясь уходить. Прощайте; еслибъ вы не гордились да не отказывались, и вы бы теперь съ нами ѣхали; а теперь оставайтесь однѣ!

Эти послѣднія слова, при всей ихъ вздорности и пустотѣ значенія, пронзили сердце Наташи, какъ отравленная стрѣла. Она дѣйствительно оставалась одна и чувствовала весь холодъ нравственнаго сиротства. Близкіе ей люди уѣзжали, не думая о ней, даже не сообщая ей о своихъ планахъ, совершенно исключая ее изъ круга своихъ интересовъ... Она знала, что не совсѣмъ такъ, что въ сущности никто не виноватъ противъ нея, но что до этого, когда чувство страданія и обиды пронизывало все ея существо!.. Стебальскій сошелся съ Александрой Ивановной, бываетъ у нея самъ, добровольно пользуется ея услугами... Прочь всѣ эти мысли! какое ей дѣло до чужихъ отношеній; каждый свободенъ поступать какъ хочетъ.

Она схватила книгу и хотѣла углубиться въ чтеніе; но не могла. Голова ея упала на книгу, и горькія слезы закапали на страницу. Она услышала звонокъ и машинально подумала: «Это Нахомова». Дверь отворилась и вошелъ... Стебальскій.

ГЛАВА XII.

Было ли въ душѣ Стебальскаго тайное волненіе — слѣдъ того чувства, которое такъ неожиданно охватило его при послѣднемъ свиданіи съ Наташей—этого нельзя было замѣтить по его дру-

жески-отеческому обращенію съ ней. Она же совсѣмъ растерялась: радость его видѣть и горечь ея предъидущихъ размышленій смѣшивались въ ней, и она едва могла скрыть свое волненіе.

Первымъ дѣломъ она разсказала ему все, что̀ сейчасъ слышала отъ Гули, передавая ея торжествующій тонъ и хвастовство. Стебальскій улыбался.

— Это все правда, сказалъ онъ.

— Правда? переспросила Наташа.

— Да; я затѣмъ и шелъ къ тебѣ, чтобъ поговорить объ этомъ. Я радъ, что засталъ тебя одну. Видишь ли: Александра Ивановна, не говоря мнѣ, написала своей бабушкѣ Коротковой, не отдастъ ли она свой флигель внаймы на лѣто. А та, говорятъ, только объ этомъ и мечтаетъ, чтобъ извлечь пользу изъ своихъ флигелей,— у нея ихъ цѣлыхъ три, и всѣ стоятъ пустые. Въ цѣнѣ мы сошлись, а главное, тамъ сосновая роща, пруды и здоровый воздухъ, такъ что я очень доволенъ.

— И вы переѣзжаете скоро? спросила Наташа.

— Въ половинѣ мая; сначала переѣдетъ Александра Ивановна и все приготовитъ для насъ; а потомъ и я перевезу мою больную.

Прошла минута молчанія. Наташа сидѣла съ опущенными глазами и слегка поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Теперь, Наташа, я приступаю къ главной цѣли моего посѣщенія, началъ Стебальскій послѣ минутнаго молчанія: — ты также поѣдешь туда... Постой, не возражай. Александра Ивановна просила меня и записками, и лично, чтобъ я употребилъ на тебя мое вліяніе, и склонилъ принять ея приглашеніе. Вотъ у меня ея письмо къ тебѣ въ карманѣ; но не стоитъ теперь читать. Я хорошо понимаю цѣли и побужденія Александры Ивановны, но намъ до нихъ нѣтъ дѣла...

— Но... прервала Наташа, краснѣя и смущаясь:—я такъ не схожусь ни съ Александрой Ивановной, ни съ Лизой.

— Знаю; да не въ нихъ и дѣло. Я пришелъ предложить тебѣ ѣхать съ нами и къ намъ. Викторія Августовна не можетъ слышать безъ волненія, что ты останешься одна въ Петербургѣ. Ты ей нужна, ты ей даже необходима. Наконецъ, ты нужна мнѣ...

Послѣднія слова Стебальскій произнесъ съ легкимъ дрожаніемъ голоса, и, досадуя, что не могъ справиться съ собой, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Вамъ? повторила Наташа, недовѣрчиво улыбнувшись, но внутренно счастливая.

— Тамъ я буду съ глазу на глазъ съ больной, требовательной и раздражительной женщиной, продолжалъ Стебальскій:—это не совсѣмъ легко. Неужели ты не захочешь раздѣлить со мной трудъ?

— Всегда... все... я готова раздѣлить съ вами! горячо сказала Наташа, схватывая его руку и сжимая ее. Стебальскій тихо высвободилъ руку и провелъ ею по глазамъ...

—Я также думалъ о твоихъ экзаменахъ, заговорилъ онъ:—твои занятія пойдутъ еще успѣшнѣе въ деревнѣ, потому что я свободенъ и берусь приготовить тебя въ теченіе лѣта...

Наташа всплеснула руками.

— Учиться у васъ опять, какъ тогда!.. Ахъ, еслибъ воротить назадъ тѣ счастливые дни! Но впрочемъ, прибавила она, спохватившись, это отниметъ у васъ слишкомъ много времени; вѣдь вамъ надо трудиться надъ вашимъ большимъ сочиненіемъ?

— О «новыхъ болѣзняхъ мозга»? Да; и я объ этомъ думаю съ удовольствіемъ; всѣ эти года я былъ или за границей, или на дачахъ, и писалъ урывками. Въ первый разъ въ жизни у меня будетъ цѣлый рядъ свободныхъ дней, длинныхъ, тихихъ, безъ визитацій, безъ мыканія по Петербургу. Утромъ—уроки съ тобой, прогулка, потомъ писать, вечеромъ опять прогулка... лѣсъ, поле... а тамъ опять писать до полночи,—говорилъ Стебальскій тихо и медленно, будто вглядываясь въ привлекавшую его картину. Все лицо его свѣтилось теплымъ, мягкимъ выраженіемъ довольства, такъ рѣдко испытываемаго имъ въ жизни: эта мирная пристань манила къ себѣ его усталую душу. Наташа была единственное дорогое для него существо въ мірѣ, и это существо будетъ съ нимъ, вдали отъ всѣхъ дрязгъ, отравляющихъ общественную жизнь. О новомъ чувствѣ къ ней онъ не хотѣлъ думать, не хотѣлъ признавать за нимъ права существованія и не позволялъ

ему выходить на свѣтъ божій, подавляя въ себѣ всякое его проявленіе...

Наташа также думала съ радостнымъ замираніемъ, что она нужна, полезна, что она будетъ между своими... хотя всѣ эти «свои» сводились на одного Стебальскаго, но именно потому-то ей и казалось, что она богата и сочувствіемъ, и дружбой, и родствомъ. И оба они долго сидѣли молча, и необыкновенно хорошо было обоимъ. Непріютныя голыя стѣны сырой комнаты и тусклый свѣтъ полуразбитой лампы глядѣли на нихъ теплѣе и привѣтнѣе изящнаго кабинета Стебальскаго и парадной гостиной Александры Ивановны.

— Знаешь ли, сказалъ Стебальскій, возобновляя прерванный разговоръ:—что по поводу этого моего сочиненія я вспомнилъ о твоей пріятельницѣ Бѣжецкой.

— О Гулѣ? вѣдь она тоже ѣдетъ, сказала Наташа.

— Я способствовалъ сколько могъ тому, чтобъ ее взяли въ деревню; сказалъ Александрѣ Ивановнѣ, что ея здоровье пошатнулось, надо вырвать ее изъ петербургскаго климата. Александра Ивановна спросила у меня: «вы этого желаете»? я сказалъ: «желаю», и она тотчасъ пошла приглашать ее. Но настоящей причины моего желанія я Александрѣ Ивановнѣ не сказалъ.

— А развѣ есть особенная причина?..

— Эта Бѣжецкая, или Гуля, какъ вы ее называете, дастъ мнѣ богатый матеріалъ для моего сочиненія, и я желаю наблюдать ее поближе.

— А что? спросила съ любопытствомъ Наташа.

— То, что она отличный субъектъ для патологическихъ изслѣдованій. Въ ней гнѣздится одна изъ тѣхъ «новыхъ» болѣзней, которыя вовсе не существовали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а теперь ростутъ въ ужасающей прогрессіи.

— Неужели она «душевно больная»?

— Тебя это удивляетъ; а я на каждомъ шагу встрѣчаюсь съ душевно больными.

— Но вѣдь это значитъ: сумашедшій.

— До извѣстной степени. Сумашедшими мы называемъ людей,

у которыхъ душевная болѣзнь дошла уже до того, что они не могутъ быть въ обществѣ и жить безъ надзора. Это—обнаруженная форма болѣзни; но въ необнаруженномъ видѣ она можетъ гнѣздиться въ человѣкѣ всю жизнь, и никто не будетъ этого знать.

— Неужели?

— Да. Многіе люди, по врожденному предрасположенію, всю жизнь стоятъ, такъ сказать, на порогѣ безумія. Достаточно какого нибудь случая, потрясенія, огорченія, аффекта, чтобъ сбросить ихъ въ бездну. Но если ничего такого съ ними не случится, они могутъ изжить всю жизнь и умереть, не подавши повода подозрѣвать, что они не въ здравомъ разсудкѣ.

— Понимаю, понимаю, сказала Наташа:—я много разъ объ этомъ думала. Но вы надѣетесь вылѣчить Гулю!

— Вылѣчить—это трудно сказать. Но укрѣпить ея нервы, дать ей силы бороться противъ недуга, который въ ней сидитъ—это возможно.

— Что же вы особенно замѣчаете въ ней?

— Блужданіе мысли, разнузданность воли и полная несостоятельность въ смыслѣ точныхъ понятій о чемъ бы то ни было. Она приходила ко мнѣ на квартиру совѣтоваться о здоровьѣ, жаловалась на нервы, на безпричинную тоску, и я проговорилъ съ ней часа два. Тутъ я и уяснилъ себѣ ея состояніе.

Наташѣ очень хотѣлось знать, замѣтилъ ли Стебальскій сумазбродную страсть Гули къ нему, или не проговорилась ли она.

— Кромѣ того, Гуля необыкновенно восторженна, сказала она:—способна впадать въ экстазъ... и... и... она влюбчива.

— Ну, да это все одно къ одному, сказалъ уклончиво Стебальскій.

«Знаетъ», подумала Наташа.

— Но для нея это опаснѣе, чѣмъ для другихъ, возразила она.

— Конечно. Въ ней именно развито то болѣзненное самолюбіе, которое составляетъ недугъ современнаго поколѣнія. Съ развитіемъ культуры, всѣ наши самыя нормальныя чувства усложнились и утончились до невозможной степени, и отъ этого произошли раз-

личныя уклоненія отправленій мозга... Но я замѣчаю, что говорю какъ изъ книги и книжнымъ слогомъ, — вдругъ замѣтилъ Стебальскій, улыбнувшись.

— Вы дадите мнѣ прочесть вашъ трактатъ? спросила Наташа.

— Да; и даже болѣе... Я попрошу тебя записывать все, что ты встрѣчала и будешь встрѣчать въ такомъ родѣ. Тутъ всякое указаніе драгоцѣнно. Еслибъ только я могъ найти нить въ этомъ лабиринтѣ мозговыхъ процессовъ, еслибъ могъ найти корень зла и изобрѣсти средства противъ этихъ темныхъ силъ, которыя грозятъ человѣчеству вырожденіемъ, я сказалъ бы, что «жилъ не напрасно»!

Въ первый разъ Наташа слышала, что Стебальскій высказывался такъ горячо и задушевно. Онъ всталъ, и все лицо его преобразилось отъ сіявшаго на немъ чувства. Такимъ увидала его вошедшая Пахомова, и на минуту остановилась неподвижно въ дверяхъ. Потомъ она поклонилась Стебальскому и, будто не желая мѣшать его разговору съ Наташей, открыла комодъ и стала озабоченно рыться въ немъ.

— Ну, какъ вамъ живется, Прасковья Семеновна? сказалъ ей докторъ—я слышалъ, что вы уѣзжаете?

— Да, я ѣду въ дальнюю губернію на югъ, отвѣчала она, и лицо ея слегка вспыхнуло.

— Что же вы будете тамъ дѣлать?

— Все, что буду въ силахъ, сказала Пахомова съ особеннымъ значеніемъ.

Стебальскій, повидимому, понялъ и покачалъ головою.

— А средства есть у васъ? спросилъ онъ.

— У меня-то есть, но многіе изъ нашихъ бьются, какъ рыба объ ледъ—не на что переѣхать и нанять квартиру гдѣ нибудь на островахъ, а необходимость крайняя: и такъ ужь легкія затронуты, недалеко до чахотки, если еще все лѣто придется глотать пыль и міазмы.

— А развѣ складчина идетъ плохо? спросила Наташа.

— Складчина? замѣтилъ Стебальскій—и ты мнѣ ни слова не сказала о складчинѣ, Наташа.

— Нѣтъ, я не имѣла никакого права вмѣшивать васъ сюда: вы принадлежите къ другому кругу; а тутъ складываются только товарищи для товарищей.

— Не нужно быть товарищемъ, чтобъ искренно сочувствовать другому человѣку и желать ему пользы, возразилъ Стебальскій:— а вы, Прасковья Семеновна, также отвергаете меня и не хотите принять въ число друзей?

Пахомова смутилась и, стараясь побѣдить дрожаніе голоса, сказала тихо, почти застѣнчиво:

— Я васъ не отвергаю.

— И признаете другомъ?

— Да, сказала она уже совсѣмъ твердо: — васъ можно признать другомъ угнетенныхъ и обездоленныхъ: вы это доказали во многихъ случаяхъ.

— Если такъ, то я имѣю право принести свою лепту въ общее дѣло, сказалъ Стебальскій, подавая ей изъ портмоне деньги.

Пахомова взглянула, и на лицѣ ея выразились удивленіе и радость.

— Такъ много! сказала она:—я не знаю даже, честно ли принять такую сумму.

— Это мой долгъ за нѣсколько лѣтъ, сказалъ Стебальскій: — я цѣлые года выискивалъ случая вложить хоть крупицу свою въ дѣло братской помощи, но эта молодежь такъ горда и неприступна, что трудно сблизиться съ нею.

— Нѣтъ! къ вамъ они всѣ относятся съ уваженіемъ, съ жаромъ возразила Наташа.—Вы не знаете ихъ... вы никогда не пробовали стать солидарнымъ съ ними...

— Солидарнымъ? нѣтъ, Наташа, я никогда не хотѣлъ быть и не буду солидаренъ съ ними. Точно такъ и ты, несмотря на свою молодость, никогда не привьешь себя вполнѣ къ ихъ дѣятельности.

— Что вы хотите сказать? съ изумленіемъ возразила Наташа:— развѣ вы считаете, что ими руководитъ что нибудь другое, кромѣ благородныхъ, великодушныхъ инстинктовъ?

— Я ничего не говорю противъ ихъ идеи,—я говорю только

о способахъ ея примѣненія къ дѣлу. Эти способы не годятся. И повѣрь мнѣ, Наташа, что ты никогда не примиришься съ ихъ дѣятельностью; условія твоего и ихъ развитія были совсѣмъ другія: вы не поймете другъ друга...

— Конечно, сытый не пойметъ голоднаго, перебила съ горькой ироніей Пахомова.

— Да; но нельзя признать, что одни только голодные имѣютъ правильное сужденіе о вещахъ, спокойно сказалъ Стебальскій.

Пахомова была блѣдна.

— Вы не знаете того, о чемъ говорите, сказала она.

— Знаю лучше, чѣмъ вы думаете. Довольно мнѣ приходилось возиться съ физическими и нравственными недугами этихъ людей, чтобъ знать ихъ вдоль и поперегъ.

— Зачѣмъ же вы двоитесь? вскричала Пахомова:— зачѣмъ обманываете словами участія?

— Я не двоюсь. Еслибъ я хотѣлъ обманывать и поддѣлываться, я не сталъ бы при васъ—такой горячей прозелиткѣ—говорить Наташѣ такъ открыто все, что я ей говорилъ. Но для меня не существуетъ духа партій: я врачъ; для меня весь міръ полонъ несчастныхъ и страждущихъ, заслуживающихъ одинаковой доли участія, и я могу сказать, положа руку на сердце, что много есть такихъ, какъ вы называете «сытыхъ», которымъ нисколько не лучше, чѣмъ голоднымъ... только въ другомъ родѣ...

— Софизмъ, софизмъ!

— Возьмите хоть самоубійства, продолжалъ Стебальскій:— огромный процентъ падаетъ на долю людей достаточныхъ, богатыхъ, имѣющихъ блага земныя. Стало быть, имъ тоже жизнь не даетъ того, что̀ нужно.

— На это есть извѣстныя причины, сказала Пахомова въ волненіи—и вы первый должны стремиться устранить ихъ, способствовать къ обновленію и возрожденію общества.

— Конечно; но я не знаю такого простаго способа, который прямо и вѣрно велъ бы къ этой цѣли, сказалъ улыбаясь Стебальскій, — а мнѣ, какъ доктору, извѣстно, что при операціи трудно-больнаго—малѣйшая ошибка вредна.

— Пустыя отговорки;—если вы точно желаете добра и пользы, то найдете средства. Посвятите вашу жизнь на это!

— Придумать планъ можно; но какъ осуществить его? Гдѣ взять взаимное пониманіе, единодушіе, сочувствіе общества, довѣріе? Можете ли вы сказать, чтобъ все это у насъ было?

Пахомова молчала,

— Идея у всѣхъ общая, сказала она нерѣшительно.

— По существу, эта идея прекрасна, продолжалъ Стебальскій; но чтобъ воплотить ее, нужно здоровое мышленіе, а наше поколѣніе страдаетъ болѣзнью мозга. Поэтому я и выбралъ себѣ спеціальностью изслѣдованіе болѣзней мозга, потому что только здоровый мозгъ можетъ двинуть впередъ великую идею.

Наступило долгое молчаніе. Всѣ трое были взволнованы.

— Прощай, Наташа, сказалъ Стебальскій.—Такъ рѣшено, что ты поѣдешь съ нами?

— Да, отвѣчала она. Завтра я приду къ Викторіи Августовнѣ.

— Прощайте, Прасковья Семеновна; вы... не презираете меня? обратился къ ней Стебальскій съ спокойной улыбкой.

Пахомова не отвѣчала; она подала ему руку и пожала какъ-то неловко, съ смущеніемъ.

По его уходѣ, она долго сидѣла молча, съ пылающими щеками; потомъ, видя, что Наташа раздѣвается, также раздѣлась и легла. Тогда въ темнотѣ раздался ея голосъ:

— Зачѣмъ такіе люди ищутъ сближенія? Вѣдь они никогда не будутъ за насъ и съ нами,—къ чему же манить и искушать!..

— А еслибъ были, то въ нашихъ рукахъ была бы сила, замѣтила Наташа.

Пахомова завернулась съ головой въ одѣяло, чтобъ ея подруга не услышала горькихъ слезъ, которыми она, въ продолженіе часа, безмолвно орошала свою жесткую подушку.

Черезъ два дня, Пахомова уѣхала съ двумя товарищами. Началось общее перекочевываніе.

Конецъ второй части.

МАРКЪ АВРЕЛІЙ И НОВАЯ РЕЛИГІЯ.

(Окончаніе).

Гоненія, какимъ подвергались христіане въ правленіе Марка Аврелія, лежатъ, безъ сомнѣнія, пятномъ на памяти мудраго и добродѣтельнаго римскаго императора. Но есть и смягчающія вину обстоятельства. Маркъ Аврелій не придумывалъ самъ этого гоненія; оно досталось ему въ наслѣдство отъ предшественниковъ, и не такихъ предшественниковъ, какъ Неронъ и Домиціанъ, къ памяти которыхъ онъ чувствовалъ отвращеніе, а такихъ, какъ Траянъ, Адріанъ и Антонинъ Пій, которыхъ онъ имѣлъ право считать государями, понимавшими свое призваніе и дѣйствовавшими въ интересахъ порядка, закона и справедливости. Допуская это преслѣдованіе, онъ только продолжалъ политику возстановленія уваженія къ закону и къ государственнымъ учрежденіямъ, начатую Траяномъ и поддержанную его преемниками въ видахъ укрѣпленія государства, потрясеннаго смутами и беззаконіями предшествовавшаго столѣтія. Политика эта требовала поддержанія старыхъ римскихъ традицій, куда относилось и значеніе государственнаго культа, съ развитіемъ котораго была такъ тѣсно связана исторія Рима; требовала водворенія спокойствія въ провинціяхъ, въ которыхъ поведеніе христіанъ, рѣзко отдѣлявшихъ себя отъ остальнаго населенія, подавало поводъ къ волненіямъ; требовала, наконецъ, строгаго исполненія предписаній закона и правительственныхъ распоряженій, какъ иначе и не можетъ быть въ государствѣ благоустроенномъ.

Что Маркъ Аврелій не могъ преслѣдовать въ христіанахъ ихъ религіознаго образа мыслей и одобрять мученій, какимъ подвергались въ разныхъ концахъ римскаго государства люди за свои вѣрованія, это едва ли нужно доказывать. Для этого онъ

былъ слишкомъ философъ и слишкомъ гуманный правитель. Мы не скажемъ, пожалуй, вмѣстѣ съ Ренаномъ, что свобода мысли въ римской имперіи отъ Нерона до Константина была полная; но несомнѣнно, что религіозныя преслѣдованія въ собственномъ смыслѣ были чужды духу римскаго государства и что Римъ признавалъ свободное отправленіе всѣхъ культовъ въ имперіи. Самая столица государства, равно какъ и приморскіе города Италіи, были полны послѣдователями всевозможныхъ вѣрованій, собиравшимися на молитву въ свои храмы, совершавшими свои религіозныя процессіи и даже безпрепятственно производившими пропаганду своихъ культовъ среди остальнаго населенія. Это наводненіе Рима и Италіи поклонниками Кивелы, Изиды, Митры и другихъ божествъ, приходившихъ съ Востока, не нравилось людямъ образованнымъ, возбуждало насмѣшливыя выходки въ сатирической литературѣ, возбуждало иногда неудовольствіе и подозрительность правительства, но никому не приходило въ голову ставить людямъ въ преступленіе то именно, что они молятся своимъ богамъ и даже заботятся о распространеніи своего богопочитанія среди окружающихъ. Римъ не только допускалъ, но и самъ переваривалъ всѣ культы, переводилъ чужихъ боговъ на свой Олимпъ и усвоивалъ многое изъ религіозной практики покоренныхъ народовъ. Возникновеніе новаго культа среди другихъ, въ это время въ особенности, не могло само по себѣ казаться страннымъ и тѣмъ болѣе возбуждать преслѣдованіе.

Но этотъ новый культъ былъ особеннаго рода. Онъ отрицалъ всѣ другіе и относился къ нимъ съ явнымъ презрѣніемъ. Онъ имѣлъ тѣсную связь съ іудействомъ, также чуждымъ духа терпимости по отношенію къ другимъ вѣрованіямъ и, вдобавокъ, еще ознаменовавшимъ себя при Веспасіанѣ и Адріанѣ явнымъ возмущеніемъ противъ римскаго владычества. Исповѣдники христіанства внушали подозрѣніе своими тайными собраніями и дѣлались нарушителями законовъ о недозволенныхъ обществахъ. Такъ какъ они составляли по своему образу жизни контрастъ съ другимъ населеніемъ и не чествовали боговъ, всѣми признаваемыхъ, то въ народѣ стали возникать слухи о томъ, что въ средѣ новой секты совершаются всевозможныя отвратительныя преступленія. Слухи эти усиливали нерасположеніе въ

обществѣ къ новой сектѣ, возникшее уже вслѣдствіе ея исключительности и нетерпимости. Быстрое распространеніе христіанства въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ напр., въ Виѳиніи, возбуждало противъ него представителей языческихъ культовъ, которые не могли равнодушно видѣть, какъ ихъ храмы пустѣли, жертвоприношенія уменьшались, а вмѣстѣ съ тѣмъ умалялось какъ благосостояніе, такъ и значеніе жрецовъ и храмовыхъ служителей. Ко всему этому, въ правленіе Марка Аврелія, присоединились разныя бѣдствія, посѣщавшія, одно за другимъ, то ту, то другую провинцію имперіи: моровыя язвы, наводненія, голодъ, землетрясенія, нападенія непріятелей, со всѣхъ сторонъ устремлявшихся на римскія границы и требовавшихъ огромнаго напряженія силъ государства для обезпеченія мира и цѣлости владѣній. Народное раздраженіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, искало выхода и, при недовѣріи и нерасположеніи большинства населенія къ христіанамъ, обрушивалось на нихъ тѣмъ легче, что въ ихъ нечестіи, въ ихъ неуваженіи къ національнымъ божествамъ, въ приписываемыхъ имъ тяжкихъ преступленіяхъ находилось объясненіе гнѣва боговъ, требовавшихъ искупительной жертвы. Это народное раздраженіе, поддерживаемое сознательными врагами христіанства, было главнымъ источникомъ воздвигавшихся на нихъ гоненій. Римскія власти въ провинціяхъ должны были съ нимъ считаться и нерѣдко давать ему удовлетвореніе. Мы видѣли, съ какимъ удовольствіемъ въ Ліонѣ народъ смотрѣлъ на пытки и казни христіанъ, производившіяся въ мѣстномъ амфитеатрѣ. Такъ было и въ другихъ мѣстахъ—въ Малой Азіи, въ Африкѣ,—вездѣ, гдѣ послѣдователи новой религіи были многочисленны. Раздраженный народъ съ изступленіемъ требовалъ отдачи христіанъ на растерзаніе звѣрямъ (christianos ad leonem), и требованіе это, по свидѣтельству современныхъ христіанскихъ апологетовъ, обратилось у него въ привычку при каждомъ общественномъ несчастіи. Съ этимъ фактомъ народной ярости противъ христіанъ принуждены были считаться и сами императоры и выражать свою волю въ приказахъ и наставленіяхъ властямъ, стоявшимъ лицомъ къ лицу съ народнымъ возбужденіемъ. Все это нужно имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь о гоненіяхъ на христіанство во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія.

Преслѣдовалась не вѣра во Христа, а презрѣніе къ государственной религіи и еще болѣе нарушеніе законовъ о недозволенныхъ товариществахъ; преслѣдовалось, кромѣ того, то необычайное упорство, съ какимъ христіане стояли на своемъ, при объясненіяхъ съ властями, стараясь показать, что они не только не боятся мученій, но даже желаютъ имъ подвергнуться. Въ этомъ упорствѣ, которое напередъ отстраняло всякое примиреніе, въ нежеланіи входить въ объясненія, въ готовности идти на казнь и пытку, видѣли неуваженіе къ властямъ, нѣчто вызывающее, мятежное. Власть, обладающая широкими полномочіями, вездѣ любитъ покорность и смиреніе, и нельзя удивляться, что она, имѣя по закону право предать казни строптиваго, за дѣйствительныя или мнимыя его преступленія, не чувствуетъ къ нему жалости. Христіане, не желая курить ладаномъ и дѣлать возліянія виномъ передъ статуей императора, являлись людьми мятежными и какъ-бы подтверждали подозрѣніе тѣхъ, кто видѣлъ въ нихъ враговъ имперіи и какихъ-то опасныхъ заговорщиковъ. Многіе изъ нихъ, въ особенности фанатически настроенные монтанисты, и не скрывали своего отвращенія не только къ языческой религіи, но и ко всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ, предсказывая, притомъ, скорый конецъ всему этому «царству дьявола» и торжество послѣдователямъ Христова ученія, и радуясь общественнымъ бѣдствіямъ, какъ явному признаку наступающаго суда Божія надъ врагами своей религіи. Только такимъ образомъ, т. е. путемъ отрицанія существующаго порядка, пренебреженія къ тому, что было обязательнымъ для каждаго добраго гражданина, имя христіанина сдѣлалось ненавистно и уже само по себѣ стало обозначать нѣчто преступное, требующее преслѣдованія и наказанія.

Маркъ Аврелій, какъ слѣдуетъ думать, не раздѣлялъ всѣхъ предразсудковъ, какіе были въ ходу относительно христіанъ въ населеніи имперіи. Безъ сомнѣнія, ему не приходило въ голову обвинять ихъ за то, что въ одномъ мѣстѣ произошло наводненіе, въ другомъ засуха, тамъ голодъ, тамъ моръ, тамъ землетрясеніе. Но онъ и не чувствовалъ къ нимъ ни любви, ни уваженія. Онъ не любилъ ихъ, какъ глава имперіи, въ которой христіане являлись элементомъ безпокойнымъ или, по крайней

мѣрѣ, причиною общественнаго неудовольствія; онъ не любилъ ихъ, какъ римлянинъ, высоко ставившій старыя римскія преданія, и не могъ сочувствовать людямъ, отвергавшимъ эти преданія и обычаи, на которыхъ покоилось величіе Рима; онъ не любилъ ихъ и какъ философъ, зная ихъ ученіе не по догматамъ и нравственнымъ правиламъ, въ немъ заключающимся, а по духу сопротивленія и упорства, какой они проявляли въ столкновеніяхъ съ римскими властями. Философъ - императоръ былъ послѣдователемъ стоической школы и высоко ставилъ ту неустрашимость при встрѣчѣ со смертью, которая была однимъ изъ главныхъ догматовъ этого философскаго ученія. Въ своихъ «Размышленіяхъ» онъ поминутно возвращается къ мысли о готовности оставить жизнь во всякую минуту и о необходимости смотрѣть на наступленіе часа смерти съ чувствомъ полнаго спокойствія, какъ подобаетъ вообще относиться ко всякому естественному и неизбѣжному явленію. Его, какъ стоика, повидимому, должно было бы восхищать это презрѣніе къ смерти, это нечеловѣческое мужество въ перенесеніи пытки и мученій, какимъ заявляли себя христіане. Между тѣмъ, мы находимъ въ его «Размышленіяхъ» явное неуваженіе къ геройству христіанъ, идущихъ на смерть, какъ на праздникъ. Онъ не видитъ въ ихъ неустрашимости передъ смертію ни обдуманности, ни того достоинства, съ какимъ встрѣчаютъ смерть или должны встрѣчать философы, а лишь одинъ задоръ или упрямство. Да вотъ это самое мѣсто въ «Размышленіяхъ»: «Какая это душа, которая хоть сейчасъ готова, если нужно, оставить тѣло, для того ли, чтобы исчезнуть, или чтобы разсѣяться, или чтобы продолжать свое существованіе! Я говорю: готова, въ томъ смыслѣ, что эта готовность является въ силу ея собственнаго сужденія, *не по чистому упрямству, какъ у христіанъ*, а обдуманно, съ достоинствомъ, такъ чтобы она могла внушить то же чувство и другому, безъ трагической ходульности» (IX, 3). Какъ философу, ему была непонятна эта жажда смерти, которую нерѣдко обнаруживали цѣлыя массы христіанскихъ исповѣдниковъ, видя въ мученичествѣ лучшее средство скорѣе соединиться со Христомъ и воспользоваться небеснымъ благами, имъ уготованными. Бывали примѣры, засвидѣтельствованные и отцами церкви, что христіане во множествѣ являлись сами къ властямъ,

требуя для себя казни и мученій, на какія были обречены нѣкоторые изъ представителей ихъ ученія, и случалось, что ихъ паспльственно прогоняли отъ судейскихъ трибуналовъ, рекомендуя имъ удовлетворить свою жажду смерти другими способами. Эту нелюбовь императора къ новой религіозной сектѣ, какою тогда было христіанство, раздѣляли всѣ его окружающіе, раздѣлялъ его учитель риторики Фронтонъ и философы, раздѣляло все образованное общество, въ то время поверхностно знакомое или и вовсе незнакомое съ сущностью христіанскаго ученія и смотрѣвшее на его послѣдователей, какъ на людей, преданныхъ самому грубому суевѣрію, въ религіозномъ отношеніи, и вредныхъ въ отношеніи общественномъ.

Можно ли послѣ всего этого возлагать всю тяжесть вины за преслѣдованія христіанъ, происходившія при Маркѣ Аврелій, на самого императора, который, вдобавокъ, не могъ же лично наблюдать за ходомъ дѣлъ во всей обширной имперіи и по неволѣ долженъ былъ полагаться на дѣйствовавшихъ его именемъ легатовъ, проконсуловъ и преторовъ? Разумѣется, нельзя, хотя было бы несправедливо и снимать съ него всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Никакое обстоятельство не въ состояніи смягчить, до полнаго оправданія, факта преслѣдованія, во время правленія философовъ, новой религіи,—преслѣдованія жестокаго, кроваваго, звѣрскаго, одного изъ самыхъ страшныхъ, какія только знаетъ исторія. Въ этомъ пунктѣ мы смѣло расходимся съ Ренаномъ, который готовъ отпустить совсѣмъ этотъ грѣхъ мудрому государю и, вопреки голосу плачевнѣйшихъ фактовъ, прославлять и тутъ его кротость и великодушіе. Качества эти, безспорно, составляли принадлежность души лучшаго изъ римскихъ императоровъ; но также вѣрно и то, что они не нашли себѣ полнаго оправданія въ отношеніи къ христіанскому населенію имперіи. Маркъ Аврелій не былъ двигателемъ гоненій; онъ, по всей вѣроятности, не одобрялъ обнаруживавшейся по временамъ жестокости къ этому населенію со стороны мѣстныхъ властей; но онъ ее терпѣлъ, допускалъ, не ограничилъ законодательнымъ актомъ, хотя, быть можетъ, и стремился къ смягченію ея на практикѣ, насколько позволяли ему заботы о другихъ нуждахъ государства, потрясаемаго, особенно въ послѣдніе годы его

правленія, не только внутренними бѣдствіями, но и внѣшними опасностями.

Когда рѣчь идетъ о христіанствѣ при Маркѣ Авреліи, т. е. во второй половинѣ II столѣтія нашей эры, то мы не должны представлять себѣ, что имѣемъ дѣло съ религіей, которой не достаетъ лишь полной свободы проявленія, чтобы сдѣлаться господствующею или, по крайней мѣрѣ, занять почетное мѣсто въ жизни современнаго общества. Это была религія, еще не установившаяся въ своихъ догматахъ, изобиловавшая множествомъ сектъ, изъ которыхъ каждая имѣла еще основаніе думать, что она получитъ въ церкви господство и преобладаніе. Это была религія, съ которою только-что начинали знакомиться въ греческой литературѣ и разбирать ея положенія. Въ глазахъ большинства образованныхъ людей и писателей она еще смѣшивалась съ іудействомъ, считалась одной изъ его сектъ, въ особенности на Западѣ имперіи. Количество исповѣдниковъ христіанства было весьма значительно на Востокѣ, видоизмѣняясь по разнымъ провинціямъ, но нигдѣ еще не достигало большинства населенія, исключая, можетъ быть, Гіераполиса и нѣсколькихъ другихъ городовъ Фригіи. Въ собственной Греціи христіанство въ это время не сдѣлало еще никакихъ успѣховъ. Въ Африкѣ оно нашло для себя благопріятную почву, но еще въ началѣ III столѣтія послѣдователи его составляли въ Карѳагенѣ едва десятую часть населенія. Въ Римѣ оно еще мало было замѣтно, если взять во вниманіе, что почти черезъ сто лѣтъ послѣ вступленія въ управленіе Марка Аврелія, въ половинѣ III столѣтія, количество вѣрующихъ во Христа не превышало въ столицѣ имперіи тридцати или сорока тысячъ, что̀ на полтора или даже на одинъ милліонъ населенія, конечно, очень не много. Въ городахъ Италіи оно начинало распространяться, но долгое время было еще такъ слабо, что въ третьемъ вѣкѣ оно считало немногимъ болѣе шестидесяти приходовъ. Въ Галліи, въ половинѣ II вѣка, оно только начинало пробивать себѣ дорогу и во время гоненія 177 года имѣло своими представителями почти исключительно азіатскихъ выходцевъ. Объ Испаніи, о Британіи, какъ мѣстахъ христіанской пропаганды во второй половинѣ II столѣтія, трудно даже сказать что-нибудь. Къ этому нужно прибавить, что общественное положеніе лицъ, принадлежавшихъ къ новой ре-

лигіи, было, за немногими исключеніями, очень низко. Это были рабы, вольноотпущенники, люди низшихъ профессій, вообще пришлецы и рѣдко туземцы въ Италіи. Разноплеменный составъ христіанскаго населенія на Западѣ доказывается тѣмъ, что языкомъ христіанъ въ Римѣ, во II и даже въ III вѣкѣ, былъ греческій. Это былъ языкъ литургіи, поученій, посланій, даже надгробныхъ надписей. Латинская христіанская литература началась въ Африкѣ, а не въ Римѣ. Апологическое сочиненіе Минуція Феликса, котораго Ренанъ упорно считаетъ африканцемъ, но который жилъ и писалъ въ Римѣ, не измѣняетъ дѣла, тѣмъ больше, что оно было единственнымъ въ своемъ родѣ и было назначено не для христіанъ, а для язычниковъ. Замѣчательно, что тамъ же, т. е. въ Африкѣ, сдѣланъ былъ и первый переводъ на латинскій языкъ библіи, переводъ, предшествующій Іеронимову и недавно изданный въ Парижѣ по ліонской рукописи *). Все это доказываетъ, какъ слабо было развитіе христіанства среди собственно римскаго и кореннаго италійскаго населенія, а это, въ свою очередь, даетъ намъ понять, какъ невелико было его общественное значеніе при Маркѣ Авреліи, какъ мало, слѣдовательно, христіанство II вѣка имѣло вліянія на общество и какъ мало у него было, въ то время, шансовъ на побѣду въ борьбѣ съ язычествомъ.

Правда, сила христіанства во второй половинѣ II столѣтія была не велика, едва даже замѣтна для людей, принадлежавшихъ къ образованному обществу; но она росла, а не уменьшалась, не смотря на полицейскія и судебныя преслѣдованія. Въ этомъ заключалось очевидное свидѣтельство жизненности новой религіи. Мало-по-малу въ ряды ея приверженцевъ стали вступать люди философскаго и литературнаго образованія, изъ среды которыхъ появлялись одинъ за другимъ ея защитники передъ правительствомъ и передъ образованнымъ обществомъ. Защита

---

*) Издано собственно только пятикнижіе Моисея. Оно вышло подъ заглавіемъ: Pentateuchi versio latina antiquissima e codice Lugdunensi. Version latine du Pentateuque antérieur à saint Jérôme, publiée d'après le manuscrit de Lyon avec des fac-similés, des observations paléographiques, philologiques et littéraires sur l'origine et la valeur de ce texte par Ulysse Robert. 1 vol. in 4. Paris, Firmin—Didot, 1881.

нерѣдко переходила и въ наступленіе. Это такъ называемые христіанскіе апологеты, рядъ которыхъ начинается при Адріанѣ именами Квадрата, бывшаго потомъ епископомъ аѳинской христіанской общины, и Аристида. Это были первые ходатаи по дѣламъ христіанства передъ римскими императорами. За нимъ слѣдовалъ мужественнѣйшій изъ апологетовъ, бывшій послѣдователь платонизма, Юстинъ Мученикъ, который отъ императора Антонина Пія и его сотоварища въ управленіи, Марка Аврелія, требовалъ, чтобы они доказали именно по отношенію къ христіанамъ свою репутацію справедливыхъ и мудрыхъ правителей. Но гоненія на христіанъ не прекращались; не переставали появляться и новые ихъ защитники. Цѣлый рядъ таковыхъ слѣдовалъ при Маркѣ Авреліи. Сюда относятся: ученикъ Юстина, Татіанъ, гностикъ при эдесскомъ дворѣ Бардезанъ, епископъ Гіераполиса Клавдій Аполлинарисъ, сардскій епископъ Мелитонъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ борцовъ противъ монтанизма Мильтіадъ, философъ Аѳинагоръ. Двѣ изъ дошедшихъ до насъ апологіи этого времени были назначены не для императора, а для публики. Это письмо къ Діогнету неизвѣстнаго автора и діалогъ «Октавій» Минуція Феликса. Къ самому концу II столѣтія, уже при Коммодѣ, сынѣ Марка Аврелія, писалъ въ защиту христіанства антіохійскій епископъ Ѳеофилъ, послѣдній изъ апологетовъ этого столѣтія. Апологіи эти знакомили языческій міръ съ христіанскимъ ученіемъ, отрицали справедливость обвиненій, направленныхъ противъ послѣдователей новой религіи, ходатайствовали объ избавленіи ихъ отъ преслѣдованій, выставляли на видъ преимущество христіанскаго ученія передъ эллинскою мудростью и переходили иногда въ рѣзкое нападеніе на всю современную образованность. Въ этомъ послѣднемъ духѣ писалъ Татіанъ, сочиненіе котораго «Противъ Грековъ» проникнуто самою непримиримою ненавистью къ греческой культурѣ. Татіанъ, въ духѣ чистаго азіата, сирійскаго варвара, отвергалъ, какъ потомъ и африканецъ Тертулліанъ, не только греческую философію, но даже искусство и литературу, желая уничтоженія сочиненій греческихъ трагиковъ и комиковъ и ничего не видя въ театрѣ, кромѣ школы разврата. Другіе, какъ философъ Аѳинагоръ и Минуцій Феликсъ, старались примирить языческую образованность съ христіанствомъ, указывая

въ немъ какъ-бы вѣнецъ того, къ чему стремилась философія и чего она не могла достигнуть собственными силами.

Сочиненія христіанскихъ апологетовъ не производили большаго дѣйствія ни на власть, ни на общество. Гоненія на христіанъ продолжались, и самыя тяжкія изъ нихъ происходили какъ разъ въ самомъ концѣ правленія Марка Аврелія; образованная публика, не смотря на усилія нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей отыскать точки примиренія между ученіемъ новой религіи и философскимъ раціонализмомъ, продолжали смотрѣть на это ученіе, какъ на нѣчто, исполненное самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и суевѣрія.

Римскіе и греческіе писатели мало знали христіанство и не чувствовали охоты къ ближайшему съ нимъ ознакомленію. Ни Фронтонъ, относившійся къ нему съ такою враждебностью, ни его наиболѣе знаменитый ученикъ (Маркъ Аврелій) не обнаруживаютъ слѣдовъ систематическаго знакомства съ нелюбимымъ ими ученіемъ. Ренанъ полагаетъ, что Маркъ Аврелій не имѣлъ предъ глазами ни одной редакціи евангельскихъ текстовъ и не зналъ, быть можетъ, даже имени Іисуса. Это не только вѣроятно, но даже почти несомнѣнно. Христіанство въ то время занимало слишкомъ низменное положеніе въ ряду другихъ религій, чтобъ возбудить желаніе къ его ближайшему изученію. Многихъ ли изъ насъ интересуетъ въ настоящее время, напр., религіозное движеніе среди евреевъ? Многіе ли изъ насъ знакомы съ талмудической литературой, не смотря на давнее ея существованіе? Образованные люди въ Римѣ знали христіанъ по процессамъ, да по практическимъ съ ними столкновеніямъ, все болѣе и болѣе учащавшимся. Въ самомъ императорскомъ дворцѣ, среди прислуги, находилось не мало христіанъ, что̀ засвидѣтельствовано не только христіанскими писателями, но и многочисленными эпитафіями, сохранившимися въ катакомбахъ св. Каллиста, и даже насмѣшливыми надписями и каррикатурами на христіанъ на стѣнахъ палатинскихъ зданій. Пренебреженіе къ новой религіи,—такъ громко выражавшееся у Лукіана, который въ своемъ сочиненіи «О смерти Перегрина», сдѣлалъ изъ нея предметъ язвительныхъ насмѣшекъ,—было причиною, почему среди язычниковъ не чувствовалось интереса и къ чтенію апологическихъ сочиненій, выпускавшихся время отъ времени христіанскими

писателями. Не смотря на то, во второмъ вѣкѣ нашей эры все-таки находились въ римскомъ и греческомъ обществѣ писатели, которые брали на себя задачу изучить христіанство въ его источникахъ и подвергнуть это ученіе критикѣ съ точки зрѣнія современной науки и философіи. Къ таковымъ принадлежалъ римскій философъ,—по однимъ эпикурейской, а по другимъ платонической школы,—Цельзъ, написавшій на греческомъ языкѣ противъ христіанъ полное сарказма и злобы сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Истинное слово».

Никогда христіанство не имѣло врага болѣе рѣшительнаго и систематическаго, чѣмъ какимъ явился во второй половинѣ II столѣтія авторъ только-что указаннаго сочиненія. Цельзъ зналъ христіанское ученіе не по слухамъ и не по случайнымъ свѣдѣніямъ: онъ зналъ его по священнымъ книгамъ, каноническимъ и неканоническимъ, по церковной литературѣ разныхъ сектъ, по изученію людей и преданій на мѣстахъ происхожденія и развитія христіанства. Онъ путешествовалъ по Палестинѣ, Финикіи и Египту, и внимательно изучилъ эти страны въ религіозномъ отношеніи. Іудейство ему было знакомо такъ же, какъ и религія египетская. Онъ внимательно ознакомился съ книгой Бытія, Исходомъ и книгами Пророковъ. Сочиненіе его противъ христіанства потерялось въ языческой литературѣ, но сохранилось въ христіанской, благодаря Оригену, который, полемизируя съ нимъ, съ большою вѣрностью передалъ его содержаніе, иногда съ выписками самаго текста. Оно было у него не единственнымъ въ этомъ родѣ, но было, очевидно, главнымъ, и даже въ чужой передачѣ достаточно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чѣмъ явилось христіанство въ глазахъ эллинской мудрости, которая и была самымъ страшнымъ врагомъ новаго религіознаго ученія. Только поборовши этого врага, основанная Христомъ религія могла считать свое дѣло выиграннымъ и торжество несомнѣннымъ, а побѣдить его во II вѣкѣ нашей эры было не только трудно, но и немыслимо. Это было время оживленнаго движенія греческой философіи; въ это время философія была на престолѣ, проникала собой законы и участвовала въ управленіи. Книга Цельза показываетъ, какъ гордо еще держала себя эллинская мудрость при встрѣчѣ съ новыми религіозными вѣрованіями.

Съ первыхъ же словъ Цельзъ считаетъ христіанство религіею вредною въ государственномъ отношеніи и нелѣпою предъ судомъ философіи. Какъ знатокъ еврейской исторіи, которой христіанство обязано своимъ происхожденіемъ, онъ начинаетъ опроверженіе догматовъ его съ еврейской точки зрѣнія, и прежде всего съ еврейской легенды о родителяхъ Іисуса, его воспитаніи и жизни; затѣмъ переходитъ къ разсужденію, что іудеи ждали совсѣмъ не такого мессію, что, будь онъ настоящій, они его не отвергли бы, что онъ былъ оставленъ даже своими учениками, схваченъ и казненъ, какъ обманщикъ. Такъ разсуждаютъ іудеи, которые, вдобавокъ ко всему, смѣются надъ ученіемъ о воскресеніи Христа и никакъ не могутъ допустить, чтобы Богъ могъ страдать, потерпѣть наказаніе и не показать всѣмъ своего величія. Но находя споры христіанъ съ іудеями смѣшными, Цельзъ принимается доказывать несостоятельность христіанства съ философской точки зрѣнія, причемъ указываетъ между прочимъ на то, что, исповѣдуя ни съ чѣмъ несообразное ученіе, христіанскіе учители стараются внушать его грубымъ и невѣжественнымъ людямъ, глупымъ дѣтямъ и безтолковымъ женщинамъ, боятся науки и образованія, и предпочитаютъ грѣшниковъ и преступниковъ людямъ чистымъ, словно Богу первые могутъ быть пріятнѣе.

Какъ философъ, Цельзъ не можетъ допустить, чтобы Богъ, или сынъ Божій, явился къ людямъ и жилъ съ ними. Для чего? Развѣ ему безъ того неизвѣстно, что происходитъ на землѣ? Развѣ онъ не можетъ исправить здѣшнихъ дѣлъ, не сходя на землю и не посылая туда кого-нибудь? Неужели это нужно было ему для того, чтобы быть признаннымъ людьми и удовлетворить тѣмъ самолюбіе, свойственное лишь людямъ? Христіане приписываютъ его пришествію на землю намѣреніе спасти людей, доставить блаженство праведнымъ и наказать неправедныхъ. Но зачѣмъ онъ дѣлаетъ это теперь, а не дѣлалъ раньше? Зачѣмъ онъ явился въ этой странѣ, а не въ другой? Такія рѣчи о божествѣ, по понятію Цельза, оскорбляютъ его святость. То, что христіане говорятъ о потопѣ и концѣ міра, есть только искаженіе старой истины. Міръ не подлежитъ разрушенію, а только на землѣ происходятъ по временамъ потопы и пожары. Цельзъ злостно смѣется надъ притязаніями іудеевъ и христіанъ,

по словамъ которыхъ Богъ только о нихъ и думаетъ, имъ возвѣщаетъ слово истины, съ ними входитъ въ сношенія и, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ согрѣшили, сходитъ на землю или посылаетъ своего сына, чтобы предать огню злыхъ, а добрымъ доставить вѣчное блаженство. Считая противнымъ здравому смыслу ученіе о преданіи вѣчному огню нечестивыхъ, Цельзъ возмущается ученіемъ о воскресеніи тѣла, какъ противнымъ всякимъ законамъ природы, и не допускаетъ объясненія этого явленія всемогуществомъ Божіимъ, такъ какъ Богъ, разумъ всего сущаго, не можетъ сдѣлать того, что̀ противно разуму.

За іудеями Цельзъ признаетъ то достоинство, что они, какъ и всѣ другіе народы, слѣдуютъ отечественнымъ законамъ и имѣютъ культъ національный. Христіане же отпали отъ евреевъ, и ихъ религія не имѣетъ никакого національнаго характера. Здѣсь противникъ христіанства, разбирая христіанское ученіе, находитъ его во всѣхъ отношеніяхъ нелогичнымъ,—идетъ ли рѣчь о мессіанизмѣ Христа, о сынѣ Божіемъ, о сатанѣ, о мірозданіи, или о пророчествѣ и вѣчной жизни—все равно. То же, что̀ у нихъ есть хорошаго, давно сказано Платономъ и другими философами, и сказано лучше, чѣмъ у нихъ. Цельзъ находитъ неразумнымъ ихъ отвращеніе къ храмамъ и божескимъ изображеніямъ. Что скульптурныя изображенія боговъ не суть боги, это знали еще персы, этому училъ Гераклитъ и это извѣстно каждому взрослому человѣку. Христіане утверждаютъ, что Бога нельзя изобразить (таково было на самомъ дѣлѣ мнѣніе первоначальной церкви, перешедшее въ нее изъ Ветхаго Завѣта), а между тѣмъ сами же говорятъ, что Богъ создалъ человѣка по образу своему. Они говорятъ, что въ поклоненіи статуямъ заключается поклоненіе демонамъ, а сами поступаютъ хуже, поклоняясь умершему. Но нѣтъ ничего худаго поклоняться демонамъ, такъ какъ Богъ поставилъ свои власти надъ разными явленіями въ мірѣ человѣческомъ. Христіане заявляютъ, что нельзя служить многимъ господамъ, но служеніе демонамъ есть собственно служеніе поставившему ихъ Богу. Да христіане, признавая единаго Бога, и не остаются, по мнѣнію Цельза, вѣрными этому принципу, такъ какъ они рядомъ съ Богомъ почитаютъ и его сына, и даже ставятъ сына человѣческаго выше верховнаго Бога. Если,

далѣе, они избѣгаютъ участія въ народныхъ религіозныхъ празднествахъ, то это потому, что они составляютъ тайную общину. Если христіане ревностно защищаютъ свою вѣру и угрожаютъ своимъ врагамъ вѣчными мученіями, то жрецы другихъ культовъ точно также поступаютъ по отношенію къ христіанамъ. Странно только, что христіане, говоря о воскресеніи тѣла, имѣющаго для насъ такую цѣну, охотно предаютъ его на мученіе, какъ нѣчто не стоющее вниманія. Между мыслящими людьми можетъ идти рѣчь лишь о безсмертіи души, но никакъ не тѣла. Христіане не хотятъ воздавать почестей властямъ, когда эти послѣдніе предсѣдательствуютъ на общественныхъ церемоніяхъ: въ такомъ случаѣ пусть же они и не женятся, и не рождаютъ дѣтей, не пользуются плодами земли, не принимаютъ участія вообще ни въ радостяхъ, ни въ бѣдствіяхъ жизни. Если они не хотятъ отдавать должнаго уваженія тѣмъ, которые нами управляютъ и власть которыхъ происходитъ отъ Бога, то намъ слѣдуетъ избавиться отъ класса людей, враждебныхъ установленному порядку.

Цельзъ—патріотъ и потому, дошедши до пункта, на которомъ христіане ему представляются не только превратно вѣрующими, но и дурными гражданами, онъ начинаетъ говорить языкомъ гнѣва. Онъ спрашиваетъ: ужь не воображаютъ ли христіане, что римляне оставятъ свои вѣрованія и своихъ боговъ и станутъ подъ покровительство того Бога, который не умѣлъ защитить свой народъ? Іудеи, говоритъ онъ, не владѣютъ болѣе ни однимъ комомъ земли; дождутся и христіане, со всѣхъ сторонъ преслѣдуемые, что съ ними совсѣмъ покончатъ. Но онъ самъ не вѣритъ, повидимому, этой угрозѣ, такъ какъ, въ заключеніе, приглашаетъ ихъ не быть врагами имперіи, которой и безъ того угрожаютъ варвары съ разныхъ сторонъ, а помогать императору, сражаться за него, не уклоняться отъ обязанностей гражданскихъ и отъ военной службы: во имя общаго блага онъ предлагаетъ имъ примиреніе.

Но угрозы искорененія христіанства остались неосуществленными; не послѣдовало и примиренія. Римская имперія продолжала преслѣдовать новую религію, которая, въ свою очередь, продолжала распространяться и возвышаться. Она возвышалась по мѣрѣ того, какъ падала сама имперія, падала въ силѣ нрав-

ственной и матеріальной. Паденіе же это началось рѣшительно и пошло быстрыми шагами съ того дня, какъ умеръ мудрый и добродѣтельный императоръ, и въ управленіе міромъ вступилъ его безпутный сынъ, не знавшій въ жизни высшаго удовольствія, какъ участвовать въ бояхъ гладіаторовъ. Правленіе подобныхъ Коммоду безумцевъ было гибельно для римскаго государства, но христіанство чрезъ это нисколько не проигрывало. Тутъ уже не было заботы о поддержаніи старыхъ римскихъ преданій; а какой вредъ могъ быть отъ того христіанству, которое отвергало эти преданія? Чѣмъ болѣе Римъ, подъ властію императоровъ варварскаго происхожденія, переставалъ быть Римомъ, тѣмъ ближе было торжество новой религіи. Она, правда, еще испытаетъ не одно жестокое гоненіе, и именно при императорахъ бодрыхъ и энергическихъ, которые пойдутъ по слѣдамъ Марка Аврелія въ поддержаніи угасающихъ все болѣе и болѣе преданій языческаго Рима. Но какъ невозможно поддержать умирающее, такъ нельзя было никакими, даже Діоклетіановскими, мѣрами прекратить жизнь тому, что̀ заключало въ себѣ условія жизненности. Прошло лишь нѣсколько лѣтъ, какихъ нибудь три года, послѣ жестокаго Діоклетіановскаго гоненія, имѣвшаго въ виду съ корнемъ вырвать религію, распространившуюся уже на всемъ пространствѣ имперіи, какъ на римскомъ престолѣ является лицо, при которомъ христіанство получило оффиціальное признаніе и которое, послѣ смерти, было причислено къ лику святыхъ христіанскою церковью. Было-ли видано что-либо болѣе чудесное во всемірной исторіи? Было-ли когда-нибудь торжество идеи рѣшительнѣе, очевиднѣе?

Но торжество это принадлежитъ уже четвертому вѣку нашей эры, а мы пока находимся еще во второмъ. Авторъ сочиненія, которое подало намъ поводъ къ настоящему разсужденію, высказываетъ мысль, что паденіе древняго міра, т. е. старой грекоримской образованности, стало дѣломъ несомнѣннымъ послѣ смерти Марка Аврелія и что день его смерти можетъ считаться въ этомъ отношеніи моментомъ рѣшительнымъ. Онъ руководствуется въ этомъ случаѣ такими соображеніями: «Въ философіи—говоритъ онъ—великій императоръ такъ высоко поставилъ идеалъ добродѣтели, что никто не былъ обязанъ заботиться о томъ, чтобъ ему слѣдовать; въ политикѣ, вслѣдствіе того, что онъ

недостаточно глубоко разграничилъ обязанности отца отъ обязанностей кесаря, онъ открылъ, не желая того, эру тирановъ и анархіи; въ религіи, вслѣдствіе слишкомъ большой привязанности къ государственному культу, несостоятельность котораго онъ хорошо видѣлъ, онъ приготовилъ насильственное торжество культа неоффиціальнаго». Соображенія эти намъ кажутся недостаточными для того, чтобы считать паденіе древней гражданственности такъ тѣсно связаннымъ съ неудачнымъ исходомъ правленія Марка Аврелія. Самымъ мрачнымъ предзнаменованіемъ для будущаго, послѣ смерти мудраго императора, безъ сомнѣнія, было то, что онъ оставилъ міру въ наслѣдство сына, явившагося настоящимъ чудовищемъ на престолѣ, въ особенности, послѣ болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтняго правленія хорошихъ государей. Правда, были между римскими кесарями неменьшія чудовища въ лицѣ безумнаго Калигулы, изысканно-преступнаго Нерона, кровожаднаго Домиціана, но не было еще императора, который бы, ведя гаремную жизнь, какъ восточный деспотъ, всегда готовый на всякое преступленіе и мерзость, при этомъ еще спускался до исполненія обязанностей гладіатора на римской аренѣ. Такое жесточайшее паденіе императорской власти, разумѣется, не сулило ничего хорошаго для римской имперіи; но въ то же время еще нимало не говорило о близкомъ концѣ античнаго міра. Погибла римская доблесть, но еще оставалась греко-римская культура, еще не окончился блестящій періодъ разработки римскаго права, одного изъ самыхъ великихъ созданій, завѣщанныхъ міру древней образованностью. Во всякомъ случаѣ, въ день смерти Марка Аврелія еще не было положено грани дальнѣйшему развитію человѣчества въ духѣ греко-римской образованности, и древній міръ еще никому не казался погибающимъ. Ренана смущаетъ этотъ дѣйствительно страшный контрастъ между двумя правленіями, смущаетъ въ особенности то, что «столько добродѣтели, столько любви» не могло предохранить человѣчество отъ того, чтобы сдѣлать его игрушкою низкихъ страстей самаго омерзительнаго человѣка. И потому французскій ученый считаетъ себя вправѣ говорить:

«Вѣра въ добро съ того времени была потеряна. Послѣ Калигулы, послѣ Нерона, послѣ Домиціана, можно было еще надѣяться. Опыты не были окончательными. Но теперь царство

зла, худшее, чѣмъ когда нибудь, возобновляется послѣ величайшаго усилія правительственнаго раціонализма, послѣ восьмидесяти четырехъ лѣтъ превосходнаго режима, послѣ Нервы, Траяна, Адріана, Антонина, Марка Аврелія. Прощай, добродѣтель, прощай, разумъ! Коль скоро Маркъ Аврелій не могъ спасти міра, то кто спасетъ его? Теперь да здравствуютъ безумные! да здравствуетъ нелѣпость! да здравствуетъ спріецъ и его двусмысленные боги! Серьезные врачи ничего не могли сдѣлать. Больному хуже, чѣмъ когда нибудь. Зовите эмпириковъ; они часто, лучше достойныхъ уваженія практиковъ, знаютъ, что̀ нужно народу».

Но дѣло въ томъ, что всю величину зла стараго порядка въ римской имперіи конца II вѣка мы ясно видимъ лишь послѣ того, какъ зло это сдѣлалось достояніемъ исторіи. Современники смерти Марка Аврелія и вступленія на царство его преступнаго сына—всего этого еще не видѣли. Тѣмъ менѣе ясна была въ тотъ моментъ судьба христіанства. Римская имперія въ то время была полна религіозными движеніями. Религій, стремившихся, помимо оффиціальнаго греко-римскаго культа, ко всемірному господству, было нѣсколько. Христіанство было лишь одною изъ нихъ. Особенно большія завоеванія сдѣланы были египетскимъ культомъ Изиды, который въ Римѣ заставлялъ очень много говорить о себѣ еще въ вѣкъ Августа, и персидскимъ культомъ Митры (*Mitras*, Mithras), бога солнца, начавшимъ распространяться въ римской имперіи во II и III вѣкахъ съ особенною силою и явившимся серьезнымъ соперникомъ христіанской религіи. Соперничество здѣсь было тѣмъ очевиднѣе, что въ организаціи своей митріакизмъ представляетъ необыкновенное сходство съ христіанствомъ. У него было крещеніе, эвхаристія, пятидесятидневный постъ, покаяніе, очищеніе отъ грѣховъ, помазаніе, общія трапезы. Поклонники Митры вѣровали въ безсмертіе, въ существованіе рая для чистыхъ душъ. Среди послѣдователей этого культа господствовала большая набожность, поддерживаемая благочестивыми вечернимъ собраніями. Сходство его религіозной этики съ христіанскою было такъ велико, что христіанскіе писатели видѣли въ этомъ «сатанинское заимствованіе». Своимъ братскимъ союзомъ, существовавшимъ между посвященными на служеніе ири-

скому богу, эта религіозная община такъ-же, какъ и христіанская, отвѣчала времени, когда чувствовалась такая потребность взаимной любви, поддержки, единенія. Ренанъ замѣчаетъ: «Можно сказать, что еслибъ христіанство было остановлено какою-нибудь смертельною болѣзнью въ своемъ развитіи, міръ сдѣлался бы поклонникомъ Митры». Это, конечно, сказано смѣло; но фактъ большаго распространенія митріакизма въ римской имперіи несомнѣненъ. Этотъ культъ персидскому богу пережилъ оффиціальное признаніе христіанства, пережилъ и провозглашеніе его господствующей религіей и если былъ, наконецъ, сокрушенъ новой религіей, то лишь путемъ жестокаго насилія, къ которому она стала прибѣгать, соединившись съ имперіей.

Итакъ, въ послѣдней четверти II столѣтія нашей эры, торжество христіанства въ римской имперіи или, лучше, побѣда надъ нею, подчиненіе ея себѣ, чѣмъ и кончилась упорная борьба новаго идеала съ старымъ, были еще дѣломъ не только далекимъ, но и крайне мечтательнымъ. Объ этомъ могли мечтать наиболѣе пылкія головы изъ послѣдователей христіанскаго ученія, какъ мечтаютъ теперь іудейскіе фанатики о пришествіи мессіи, который водворитъ на землѣ царство «избраннаго» народа. Но фактическихъ данныхъ, которыя бы хоть сколько-нибудь указывали въ то время на безсиліе стараго культурнаго міра устоять въ борьбѣ съ темными послѣдователями всѣми презираемой религіозной секты,—не было и признаковъ. Существовало, правда, какое-то смутное чувство общаго недовольства, неудовлетворенности настоящимъ, жажда перемѣны, желаніе выхода изъ какого-то томящаго состоянія *), потребность нравственнаго и соціальнаго обновленія; но какимъ путемъ придетъ эта перемѣна, это обновленіе, тогда еще никто не предугадывалъ. Не превратись римская имперія окончательно въ необузданную военную тиранію, не ослабѣй, подъ гнетомъ неблагопріятныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, наука и философія,—новый періодъ въ жизни человѣчества насталъ бы незамѣтно, процессъ обновленія совершился бы естественно, безъ потрясеній, причиненныхъ нашествіемъ варварскихъ народовъ и разгромомъ имперіи, безъ погруженія во тьму средневѣковаго

*) Ce qui regnait partout, c'était une profonde tristesse. Ренанъ, p. 467.

невѣжества. Но судьба, какъ извѣстно, распорядилась иначе. Дѣла имперіи, послѣ смерти Марка Аврелія, шли все хуже и хуже. Варвары нападали на нее со всѣхъ концовъ, императоры низвергались и поставлялись солдатами, военный деспотизмъ становился на дорогѣ всякому правильному развитію, матеріальное благосостояніе упадало, равнодушіе къ общему благу увеличивалось. При этомъ третій вѣкъ нашего лѣтосчисленія представляетъ въ умственномъ отношеніи полный упадокъ; въ римской литературѣ началось неудержимое разложеніе. Все ветшало, безсилѣло, разрушалось—наука, искусство, философія, государство. И вотъ то, что̀ казалось немыслимымъ въ концѣ II столѣтія, стояло въ концѣ III уже накануне своего осуществленія, а въ IV столѣтіи торжествовало свою побѣду. Этой побѣдѣ содѣйствовали, безъ сомнѣнія, не одни внѣшнія обстоятельства, благопріятно сложившіяся для христіанства въ правленіе Константина, не одно внутреннее и внѣшнее ослабленіе римской имперіи, требовавшей обновленія новою нравственною силой, но и внутреннія причины, дававшія христіанскому началу неоспоримое преимущество передъ всѣмъ, что̀ могло быть въ то время предложено къ обновленію ослабѣвшаго умственно и нравственно человѣчества.

«Христіанство побѣдило новою дисциплиной жизни, которую оно ввело въ міръ. Міръ нуждался въ нравственномъ преобразованіи: философія его не давала; установленныя религіи въ странахъ греческихъ и латинскихъ были поражены неспособностью сдѣлать людей лучшими». Такъ начинаетъ Ренанъ свою рѣчь о причинахъ побѣды христіанства. И надо сказать правду, въ этихъ немногихъ словахъ очень вѣрно указывается значеніе христіанства въ исторіи человѣчества.

Христіанство явилось въ мірѣ силою нравственною, которой разслабленный уже древній міръ не могъ противопоставить ничего равнаго. Греческая философія, предъявившая въ стоицизмѣ человѣку столь высокія нравственныя требованія, къ концу III вѣка была въ полномъ упадкѣ и не могла произвести нравственнаго переворота въ обществѣ, нуждавшемся въ обновленіи. При этомъ не нужно забывать, что философія была доступна лишь избраннымъ людямъ, людямъ тщательнаго образованія и счастливаго расположенія къ высшимъ умственнымъ занятіямъ.

Рядъ ея послѣдователей никогда не могъ быть многочисленъ, и никогда масса общества не была способна заниматься метафизическими тонкостями и слѣдовать въ своей жизни предписаніямъ, убѣдительно говорящимъ разуму, но не дѣйствующимъ на чувство и воображеніе. Еще менѣе эта эллинская мудрость, выработавшая ученіе о высшемъ благѣ, состоящемъ въ дѣйствіяхъ, согласныхъ съ разумною природой человѣка, была предназначена служить руководительницей въ нравственной жизни людямъ темнымъ, непросвѣщеннымъ, обездоленнымъ, «обремененнымъ и труждающимся», которыхъ она даже прямо чуждалась, какъ части человѣчества, погрязшей въ порокахъ и заблужденіяхъ и недоступной врачеванію уже въ силу своей непросвѣщенности. Философія была недоступна милліонамъ человѣческихъ существъ, населявшихъ римскую имперію, а установленная религія не удовлетворяла сердечныхъ потребностей человѣчества, искавшаго поддержки, облегченія, сострадания, милосердія. Этимъ объясняется, почему проникавшіе на Западъ чужестранные культы, имѣвшіе способность дѣйствовать на воображеніе своимъ таинственнымъ смысломъ и осуществлявшіе въ своей организаціи такъ или иначе идеи братства, пріобрѣтали себѣ многихъ адептовъ въ Италіи и охлаждали рвеніе къ національному богопочитанію.

Но ни одна изъ этихъ религій не говорила такъ внятно и такъ сочувственно ищущему обновленія человѣчеству, какъ религія Христа, призывавшая къ себѣ всѣхъ безъ различія: эллина и іудея, мудраго и глупаго, свободнаго и раба, богатаго и бѣднаго, знатнаго и темнаго, въ особенности же страждущаго и угнетеннаго, которымъ прямо обѣщала успокоеніе. Она говорила всѣмъ и каждому о братской любви, о чистотѣ сердца, о смиреніи духа, провозглашая всѣхъ людей равными предъ Богомъ и обѣщая своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ награду на небесѣ, несказанное и вѣчное блаженство. Христіанство въ одно и то же время и ставило высшій нравственный идеалъ, и открывало къ себѣ доступъ послѣднему изъ смертныхъ, не стѣсняясь никакимъ происхожденіемъ, никакою національностью, никакимъ общественнымъ положеніемъ, и дѣйствовало на воображеніе картиной будущей жизни, въ которой нѣтъ мѣста ни слезамъ, ни воздыханію, и гдѣ страдальцы за правду, люди, терпѣвшіе всякія мученія отъ людской несправедливости, всѣ оби-

женные судьбой, нищіе духомъ, всѣ, для кого земная жизнь была удѣломъ страданій, получатъ полное успокоеніе. Неужели этого могло быть недостаточно для торжества новой религіи, считавшей себя призванною къ обновленію человѣчества? Ничего нѣтъ удивительнаго, что на голосъ, такъ просто, такъ понятно, такъ сердечно приглашавшій къ себѣ «труждающихся и обремененныхъ», потекли народныя массы сначала на Востокѣ, гдѣ всякое религіозное ученіе, дѣйствовавшее на воображеніе, могло найти для себя благопріятную почву, а затѣмъ и на Западѣ, тоже извѣрившемся въ силу своихъ боговъ, не воодушевлявшихъ человѣка на нравственный подвигъ и не дававшихъ утѣшенія страждущимъ въ жизни загробной.

Религія, которую съ такимъ увлеченіемъ принимали народныя массы, и которая тѣмъ больше распространялась, чѣмъ больше ее преслѣдовали, рано или поздно должна была сдѣлаться религіей римской имперіи. Христіанство, мало по малу, перетягивая къ себѣ жизненныя силы всемірнаго государства, образовало, наконецъ, вокругъ него пустоту, въ которой ему вращаться становилось все труднѣе и труднѣе. Христіане избѣгали военной службы, соединенной съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ предписаній языческаго культа, а участвуя въ ней, не могли быть хорошими солдатами, такъ какъ служили противъ воли и совѣсти. Они не принимали на себя и общественныхъ должностей, исполненіе которыхъ было также соединено, по ихъ понятіямъ, съ идолослуженіемъ. Христіане не прибѣгали къ судамъ, установленнымъ въ государствѣ, а отдавали свои тяжбы на рѣшеніе своихъ пастырей. Они не заключали съ язычниками браковъ и удалялись отъ всякаго рода съ ними сношеній, тѣмъ болѣе, что существовали распоряженія, стѣснявшія развитіе совокупной гражданской жизни между христіанами и язычниками. Даже въ путешествіяхъ христіане не останавливались въ языческихъ гостинницахъ, а находили для себя пріютъ среди своихъ единовѣрцевъ, пользуясь общественными трапезами. Ренанъ справедливо замѣчаетъ, что христіанству не было нужды открыто нападать на имперію, чтобъ погубить ее; ему достаточно было только держать себя въ сторонѣ отъ государства, заключиться въ самомъ себѣ, чтобы подкопать его силы и сдѣлать невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе на прежнихъ началахъ. И дѣйствительно,

чѣмъ больше христіанство распространялось, тѣмъ больше слабѣла имперія, тѣмъ больше изсякала жизнь въ древнемъ обществѣ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число членовъ христіанской церкви, пустѣли не только языческіе храмы, но пустѣлъ форумъ, пустѣлъ театръ, циркъ, пустѣли мѣста гимнастическихъ упражненій, убывала сила героизма въ войскѣ, становилось меньше честныхъ и способныхъ людей на службѣ гражданской. Никакое государство не въ состояніи долго жить столь неестественною жизнью, выдерживать такое возростающее оскуденіе жизненныхъ силъ, на какое осуждаетъ его систематическое уклоненіе отъ участія въ его жизни многочисленнаго класса гражданъ, не желающихъ имѣть ничего общаго съ его учрежденіями, дѣятельностію и заботами. Не могла выдержать такого состоянія и римская имперія. Западъ ея, гдѣ общество держалось упорнѣе за старыя преданія, не чувствовалъ еще въ такой степени необходимости перемѣны, какъ Востокъ, именно Малая Азія, Сирія, Ѳракія, Македонія,—страны, сдѣлавшіяся ко времени Константина болѣе чѣмъ на половину христіанскими. А говорившій по гречески Востокъ, гдѣ всегда было больше жизни, больше культуры, больше умственнаго движенія, успѣлъ пріобрѣсти, послѣ объявленія Каракаллою римскими гражданами всѣхъ подданныхъ имперіи, явное преимущество надъ Западомъ, и въ концѣ III вѣка былъ, безспорно, важнѣйшею частью римскаго государства. Совершившійся тамъ переворотъ долженъ былъ, поэтому, обнаружить рѣшительное дѣйствіе на судьбу имперіи. Римскій императоръ становится на сторону христіанства. Новая религія побѣдила.

В. Модестовъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(по личнымъ воспоминаніямъ).

I.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ умеръ поэтъ; а въ печати что-то не попадаются разсказы и воспоминанія тѣхъ, кто зналъ его. Много народу перевидалъ онъ на своемъ вѣку, и всего больше, конечно, здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ онъ сталкивался съ людьми самыхъ разнохарактерныхъ профессій и слоевъ общества. Русскій писатель, особенно за послѣднія десятилѣтія, ведетъ жизнь кружковую; а иногда и совсѣмъ замыкается въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета. Некрасова-же знали сотни личностей, которыя обыкновенно не приходятъ въ столкновеніе съ литературными сферами.

И врядъ-ли кто-нибудь изъ нашихъ крупныхъ талантовъ вызывалъ въ массѣ читающей публики столько разнорѣчивыхъ толковъ и при жизни, и по смерти своей. Молодые люди, воспитавшіеся, можно сказать, на Некрасовѣ, прислушиваясь къ тому, что̀ про него говорили, какъ про человѣка, останавливались въ горькой нерѣшительности: ка̀къ имъ согласить его творчество, искренность и пылъ гуманныхъ чувствъ и широкихъ идей съ тѣмъ, что̀ имъ разсказывали изъ частной жизни поэта? И вездѣ цѣнятъ тѣсную связь между словомъ и дѣломъ, а у насъ и подавно. Отъ такого поэта, какъ Некрасовъ, молодые люди требовали, быть можетъ, совершеннаго отрѣшенія отъ всякихъ земныхъ благъ; а извѣстно было, что авторъ горькихъ сатиръ и горячихъ лирическихъ порывовъ, во имя страданій народа, живетъ богатымъ человѣкомъ, про-

водитъ половину своего времени въ клубахъ за карточной игрой. Вотъ эти два факта и выдѣлялись всего ярче изъ толковъ и сплетенъ, которыхъ масса не могла провѣрить.

Здѣсь не мѣсто произносить приговоры человѣку, еще такъ недавно жившему среди насъ. Наша собственная точка зрѣнія, какъ бы она ни казалась намъ безпристрастной и правдивой, лѣтъ черезъ тридцать—сорокъ покажется также весьма односторонней. Эпоха накладываетъ свою печать на приговоры современниковъ, даже и тогда, когда собраны всѣ факты. Все, что можно себѣ позволить, это—характеристику извѣстныхъ сторонъ человѣка, на основаніи личнаго знакомства, не для того, чтобы произносить безповоротные вердикты, а для того, чтобы что нибудь дополнить, привести нѣсколько подробностей, которыя иначе пропадутъ безслѣдно.

У насъ, обыкновенно, не приводятъ натуру, складъ и особенности извѣстной личности въ связь съ тѣмъ бытовымъ типомъ, къ какому она принадлежитъ. Кто знаетъ разныя великорусскія мѣстности, тотъ, конечно, отличалъ въ Некрасовѣ типическаго человѣка, сложившагося въ обстановкѣ помѣщичьяго быта въ приволжскомъ краѣ. У Некрасова посадка тѣла и лицо имѣли сѣверно-русскія черты. И рѣдкій изъ нашихъ писателей, воспитавшихся въ дворянской помѣщичьей средѣ, сохранилъ въ себѣ столько физіономической и бытовой связи съ народнымъ типомъ, хотя въ послѣднія десять лѣтъ—до смерти—(періодъ, когда я лично зналъ Некрасова), да вѣроятно и прежде, онъ не грѣшилъ никакимъ народничаньемъ ни въ костюмѣ, ни въ тонѣ, ни въ образѣ жизни. Лучшіе его портреты показываютъ этотъ типическій складъ лица и фигуры, какой вы встрѣтите въ нашихъ волжскихъ мѣстностяхъ. И бородка во французскомъ вкусѣ, которую онъ сталъ запускать только въ послѣдніе годы, не отнимала у его лица бытовой своеобразности. Натура у него была дѣйствительно желѣзная, до-нельзя выносливая и въ умственномъ трудѣ, и въ разныхъ физическихъ упражненіяхъ. Никто-бы, взглянувъ на него иной разъ, за три, за четыре года до смерти въ пасмурный петербургскій день, когда онъ весь гнулся и морщился, никто, говорю я, не зная его лучше, не повѣрилъ бы, что этотъ человѣкъ могъ въ тотъ-же день отпра-

виться на охоту и пробыть десять—двѣнадцать часовъ сряду подъ дождемъ и снѣгомъ. Болѣзни, нездоровыя привычки петербургской жизни, сидѣнье за корректурами или за карточнымъ столомъ, не сладкія испытанія писателя и редактора журнала, и, наконецъ, долгіе годы бѣдности, почти нищеты, томительнаго пробиванія себѣ дороги — все это превратило бы другаго человѣка въ дряхлаго старика въ тѣ годы, когда я зазналъ Некрасова; а онъ смотрѣлъ совсѣмъ не старымъ человѣкомъ, и только одинъ голосъ, давно получившій нѣкоторую хриповатость, показывалъ, что свѣжесть молодости утрачена.

Въ Некрасовѣ сидѣлъ также типическій холостякъ, хотя онъ и умеръ женатымъ. Весь образъ его жизни, обстановка, характеръ выѣздовъ и пріемовъ—все это сложилось въ условіяхъ холостой жизни. День начинался поздно; кромѣ редакціонныхъ пріемовъ, врядъ-ли кому удавалось видѣть Н. А. раньше часу; корректуры, посѣщенія ближайшихъ знакомыхъ и пріятелей, прогулка брали время до обѣда. Вечеръ и часть ночи проводились въ клубѣ. Квартира, памятная писателямъ нашего поколѣнія, сохраняла холостой типъ: зала, служившая первоначально и биллiардной, и редакціонной пріемной, и два большихъ кабинета, изъ которыхъ одинъ превращенъ былъ впослѣдствіи въ биллiардную, собаки, люди,—все говорило о холостыхъ привычкахъ хозяина. Отношеніе къ людямъ, т. е. къ своимъ служителямъ, было у Н. А. чрезвычайно гуманное и широкое. Конечно, многіе помнятъ его Василія, удалившагося за нѣсколько лѣтъ до смерти барина. Такіе каммердинеры складываются только на службѣ въ домахъ, гдѣ идетъ холостая жизнь. Они завѣдуютъ хозяйствомъ, принимаютъ и отказываютъ кому хотятъ, обращаются даже съ близкими знакомыми и пріятелями хозяина—глядя по своему личному расположенію. Врядъ-ли такой камердинеръ могъ у кого-либо получать больше и пользоваться бо́льшимъ авторитетомъ. И его преемникъ, взятый изъ мужичковъ-охотниковъ и оставленный въ полудеревенскомъ видѣ, придавалъ квартирѣ Н. А. своеобразный оттѣнокъ. На хозяйство тратилось, вѣроятно, вдвое и втрое больше, чѣмъ слѣдовало, и Н. А. относился къ этому очень добродушно и съ юморомъ, особенно,

когда говорилъ о томъ, какъ его обворовываетъ поваръ. Всегда пріятно было видѣть въ немъ совершенно простое и часто любовное отношеніе къ людямъ изъ народа, безъ всякой сладости и сантиментальности.

Это обращеніе съ народомъ придавало и его манерѣ говорить, его языку безъискусственную оригинальность; нисколько не странно звучало слово «отецъ», которое онъ любилъ часто употреблять, говоря съ болѣе близкими знакомыми или сотрудниками. Несовсѣмъ легко было схватить своеобразность рѣчи Некрасова, и рѣдко можно было вызвать его на оживленный разговоръ, особенно въ послѣдніе два года до болѣзни. Приближеніе этой болѣзни, припадки хандры въ связи съ негигіенической привычкой очень поздно ложиться, дѣлали его угрюмымъ и молчаливымъ, но случалось, за обѣдомъ у него или когда онъ захаживалъ посидѣть—вызывать его на оживленный разговоръ, въ особенности наводя его на воспоминанія о прежнихъ литературныхъ эпохахъ или на разсказы о жизни въ деревнѣ, на охотѣ, за границей. Только въ такія удачныя минуты и проявлялись во всей своей обаятельности умъ, юморъ и душевный складъ Некрасова. Мнѣ лично не случалось, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ писателемъ, встрѣчать болѣе своеобразный, природно-русскій умъ, какъ у него. Этотъ умъ могъ подчиняться въ его произведеніяхъ извѣстному публицистическому настроенію, брать мотивы у другихъ или, по крайней мѣрѣ, колоритъ, окрашиванье; но въ бесѣдахъ о чемъ-бы то ни было или въ дѣловомъ разговорѣ, отрывочными фразами, умъ этотъ сохранялъ всегда нѣчто неизмѣнно свое и практически-дѣльное, и человѣчно-широкое, и привлекательное. Многіе знаютъ, какъ плѣнителенъ могъ быть Н. А., когда хотѣлъ этого. Онъ не говорилъ вамъ любезностей, не дѣлалъ комплиментовъ; но одной какой-нибудь интонаціей, словомъ, опредѣленіемъ, а въ особенности оттѣнкомъ своего пониманія, овладѣвалъ вашимъ сочувствіемъ, и какъ только хандра или нездоровье, или раздраженіе петербургской жизни слетали съ него, сейчасъ всплывали своего рода наивность, здоровое чувство жизни, ея хорошихъ наслажденій, юморъ и шутка. Въ этомъ человѣкѣ привычка къ напряженію воли поддерживалась не только

трудомъ, но и двумя его главными страстными утѣхами: охотой и картами. Ни въ комъ я не встрѣчалъ такой внутренней заботы о томъ, чтобы всегда владѣть собою, не сдаваться предъ опасностью какого-бы то ни было рода.

— Хуже трусости, говорилъ мнѣ разъ Н. А.,—ничего быть не можетъ! Какъ только человѣкъ струсилъ, онъ погибъ, способенъ на всякую гадость, сейчасъ-же превращается въ звѣря.

Но выдержка въ крупныхъ вещахъ—рѣже появлялась у него въ обыденныхъ фактахъ и сношеніяхъ жизни. На европейскій взглядъ онъ, конечно, грѣшилъ неровностью своего тона, частой сумрачностью, и могъ отталкивать отъ себя многихъ, но вспышекъ безпричиннаго раздраженія или того, что̀ называется капризомъ, я почти никогда не видалъ у него. Помню одну сцену законнаго раздраженія.

Въ послѣднія десять лѣтъ, Некрасова одолѣвали и лично, и письменно просьбами о денежномъ пособіи. Мудренаго тутъ ничего не было: всякій зналъ, что онъ человѣкъ съ хорошими средствами; по всему Петербургу ходили разсказы объ его очень большихъ выигрышахъ. Но вслѣдъ за просьбами пошли и разные виды шантажа, угрозы обличеній. Вотъ одинъ изъ такихъ навязчивыхъ просителей и явился разъ въ пріемный день. Некрасовъ вышелъ изъ кабинета и раздраженно крикнулъ:

— Что вамъ отъ меня угодно? Вы пристаете ко мнѣ каждый день, пугаете меня; я вамъ сказалъ, что больше вамъ давать ничего не буду!

И потомъ, обратясь къ намъ (насъ было нѣсколько человѣкъ), прибавилъ:

— Просто житья нѣтъ въ послѣднее время! Дошло до того, что дожидаются меня у подъѣзда и говорятъ всякія грубости.

Но и въ этихъ случаяхъ у него вырывались ноты не раздраженнаго только человѣка, а человѣка, умѣющаго дать отпоръ каждому, и когда слѣдуетъ.

II.

Кто зналъ Некрасова въ Петербургѣ, тотъ, конечно, не могъ

отдѣлить въ немъ человѣка отъ литературнаго дѣятеля. И тутъ опять являлось въ немъ нѣчто совершенно своеобразное: писатель съ крупнымъ именемъ и большой популярностью и, въ то же время, человѣкъ съ образомъ жизни любаго помѣщика, пріѣзжающаго на зиму въ столицу, гдѣ онъ проводитъ половину дня за карточнымъ столомъ. Навѣрное многіе изъ нелитературныхъ пріятелей и простыхъ знакомыхъ Некрасова забывали очень часто: кто онъ такой. А между тѣмъ врядъ ли былъ въ послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ редакторъ, болѣе преданный интересамъ литературы. Въ немъ постоянно жила не одна только хозяйственная жилка литературнаго предпринимателя (хотя и она несомнѣнно сказалась въ немъ очень рано), но главнымъ образомъ любовь къ дѣлу, къ успѣхамъ свободной русской мысли, къ изящной словесности, къ поэзіи. Въ этомъ надо было убѣдиться въ личныхъ сношеніяхъ; на первое же знакомство, особенно внѣ редакціоннаго кабинета, Некрасовъ могъ производить впечатлѣніе человѣка равнодушнаго, скучающаго, а иногда и сухаго скептика, которому ни до чего нѣтъ дѣла. Но въ немъ сидѣлъ настоящій борецъ за русскую мысль и слово. Безъ дѣлецкой натуры онъ бы не могъ такъ скоро пробиться. Первая молодость, проведенная въ нищетѣ или, по крайней мѣрѣ, въ очень суровой житейской школѣ, дала ему выдержку сообразительнаго и ловкаго человѣка, выработала въ немъ нюхъ и чутье, умѣнье привлекать людей, заставлять ихъ работать, группироваться вокругъ того дѣла, которое должно было доставлять ему извѣстный доходъ. Прежде на эту тему любили распространяться въ обличительномъ духѣ, но, не говоря уже о томъ, что весьма трудно намъ возстановлять факты, бывшіе сорокъ лѣтъ тому назадъ, несомнѣнно то, что безъ практической способности Некрасова «Современникъ» не продержался-бы, а потомъ, точно также, послѣ запрещенія его, не возобновилъ бы своего существованія въ видѣ «Отечественныхъ Записокъ». Среди насъ такая выдержка цѣннѣе во сто разъ, чѣмъ на западѣ: она требуетъ гораздо больше ума и дѣловитости.

Каждый, кто имѣлъ дѣло съ Некрасовымъ,—хозяиномъ журнала,—согласится, что въ немъ, какъ въ редакторѣ, развилось чрез-

вычайно драгоцѣнное свойство: широкое отношеніе къ работѣ сотрудника. Разъ онъ призналъ въ комъ нибудь талантъ, заинтересовался имъ, онъ шелъ прямо къ нему, писалъ или знакомился и, безъ дальнихъ проволочекъ и выгораживаній своего редакторскаго достоинства, говорилъ, что ему нужно или что онъ желаетъ имѣть отъ этого сотрудника. На иной взглядъ, можетъ быть, Некрасовъ дѣйствовалъ иногда уже черезъ чуръ широко, напр. писалъ или говорилъ вновь пріобрѣтенному сотруднику: «Вы намъ доставьте вашу вещь—иногда это бывалъ цѣлый романъ—къ такой-то книжкѣ». И при этомъ онъ какъ бы-совсѣмъ не заботился ни о содержаніи, ни о формѣ этой вещи. Очень часто онъ отсылалъ въ типографію рукописи, не читая ихъ, и знакомился съ ними только въ корректурахъ, разумѣется, когда дѣло шло о сотрудникѣ, извѣстномъ ему. Но и съ начинающими поступалъ онъ почти также широко. Рукопись могла не очень скоро попасть къ нему на прочтеніе,—это правда, но врядъ-ли хоть одна талантливая вещь была имъ не замѣчена. Извѣстны подробности о томъ, какъ попали, напримѣръ, въ сотрудники «Современника», а потомъ «Отечественныхъ Записокъ», такіе начинавшіе тогда беллетристы, какъ покойные Помяловскій и Рѣшетниковъ. Въ выборѣ и быстротѣ, съ какой онъ налагалъ руку на талантливую вещь, въ томъ, какъ онъ умѣлъ привлечь молодаго писателя—и сказывалось его превосходство въ журнальномъ дѣлѣ. Онъ самъ слишкомъ хорошо зналъ писательскую нужду, чтобы не оказать поддержки молодому человѣку, давая ему впередъ денегъ за рукопись, а впослѣдствіи и просто за будущее сотрудничество.

Во второй комнатѣ теперь исторической квартиры, на Литейной, первое отъ двери зеркало играло большую роль въ душевныхъ ощущеніяхъ сотрудниковъ, не умѣющихъ сводить въ своемъ бюджетѣ концовъ съ концами. Въ подзеркальникѣ имѣлся узкій ящикъ; въ него (въ послѣдніе годы, по крайней мѣрѣ) Н. А. клалъ обыкновенно деньги, возвращаясь вечеромъ изъ клуба, клалъ ихъ такъ, зря, не пересчитывая. Хозяйство «Отечественныхъ Записокъ» было уже арендное и выдачи впередъ дѣлались съ согласія собственника журнала; надо было каждый разъ давать записку въ контору. И

вотъ очень часто Некрасовъ вынималъ радужныя ассигнаціи изъ узкаго ящика, скрытаго въ подзеркальникѣ, и выдавалъ ихъ сотрудникамъ, дѣлая имъ, такъ сказать, личный кредитъ.

На это могутъ сказать, пожалуй: «каждый редакторъ, не отличающійся мелочной скаредностью, сдѣлаетъ тоже!» Положимъ; но далеко не каждый въ состояніи такъ умно и объективно относиться къ труду молодыхъ писателей, къ ихъ оригинальности и творческой иниціативѣ, такъ сдержанно пользоваться своими редакторскими правами. Въ этомъ смыслѣ я, по крайней мѣрѣ, на своемъ писательскомъ вѣку не зналъ редактора болѣе либеральнаго, чѣмъ Некрасовъ, беря слово «либеральный» въ его примѣненіи къ свободѣ авторскаго труда. Не очень трудно уразумѣть, что въ авторѣ такой-то повѣсти есть талантъ (да и это разумѣніе дается далеко не всѣмъ редакторамъ), но гораздо труднѣе отрѣшиться отъ своего редакторскаго *я*, по просту говоря,—не умничать, не задергивать начинающаго писателя, не заставлять его поддѣлываться подъ тонъ изданія, даже и въ художественныхъ вещахъ, не требовать отъ него разныхъ, часто горькихъ и унизительныхъ уступокъ, не вызываемыхъ вовсе цензурными соображеніями. Въ послѣднее время эти замашки положительно развились. Безпрестанно слышатся жалобы начинающихъ беллетристовъ на то, какъ обращаются съ ними и тогда, когда вещи ихъ приняты. Такія жалобы слышатся и отъ молодыхъ писателей, занимающихся критикой и публицистикой. Нигдѣ почти человѣку свѣжему, тому, кто не хочетъ надѣвать мундира извѣстнаго органа, нельзя смѣло и широко заявить свою литературную личность. Не говоря уже о множествѣ всякаго журнальнаго полемическаго хлама, какой накопился въ послѣднія двадцать лѣтъ, о враждѣ, недоброжелательствѣ, зубоскальствѣ, мелкихъ сплетняхъ, чисто денежномъ соперничествѣ,—просто исчезаетъ, если не совсѣмъ исчезъ, духъ почина и пытливости, смѣлость, безъ которыхъ трудно двигать впередъ дѣло литературы; а всѣми этими свойствами, до послѣднихъ годовъ своей жизни, обладалъ Некрасовъ.

И если возразятъ на это, что «Современникъ», съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался вліятельнымъ журналомъ, весьма строго держался

своего знамени, то это, во-первыхъ, не мѣшало беллетристическому отдѣлу. Не только прежде, въ концѣ пятидесятыхъ или въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, всякій талантливый беллетристъ могъ найти тамъ гостепріимство; но даже въ послѣдніе годы, когда «Отечественныя Записки» точно также строго держались своихъ общественныхъ идеаловъ, ими, по иниціативѣ Некрасова, принимаемы были произведенія писателей даже противнаго лагеря. Стоитъ мнѣ только упомянуть о «Подросткѣ» Достоевскаго. Можетъ быть, это и была ошибка; но она показывала все-таки широкое отношеніе къ таланту и къ авторской самобытности.

Да и самые оттѣнки направленій, какія наслаивались на журналѣ, издававшемся Некрасовымъ, были гораздо больше дѣломъ его главныхъ сотрудниковъ, чѣмъ его самого.

На эту тему я помню весьма отчетливо разговоръ съ Н. А. и могу привести его слова, не ручаясь, разумѣется, за ихъ буквальную подлинность. Было это не больше, какъ за годъ до его болѣзни.

— Нельзя, говорилъ онъ,—все самому дѣлать. Надо предоставлять сотрудникамъ то, въ чемъ они смыслятъ больше. Я всегда такъ старался поступать. Вотъ когда пришелъ къ намъ Ч—скій, я и вижу, что ему—книги въ руки. И устранился, отдалъ ему въ полное распоряженіе всѣ серьезные журнальные отдѣлы. Точно то же было, когда и Добролюбовъ показалъ, какой въ немъ критическій талантъ. Я опять не сталъ вмѣшиваться.

А разъ это такъ, журналъ принимаетъ окраску самыхъ даровитыхъ и энергическихъ членовъ редакціи. Въ этихъ случаяхъ, когда самъ редакторъ не считаетъ себя особенно образованнымъ, будетъ всегда больше жизненности и смѣлости въ журналѣ. А Некрасовъ нисколько не преувеличивалъ степени своего образованія; онъ очень хорошо зналъ, что его главный запасъ: природный умъ, искусство распознаванія людей и чутье того, что въ данную минуту можетъ двигать общественное самосознаніе и литературное дѣло. Никогда не приводилось мнѣ схватить въ его замѣчаніяхъ, разсказахъ о себѣ или о другихъ, хоть малѣйшаго оттѣнка именно хозяйско-издательскаго самомнѣнія. Также не было въ немъ и той мелочности, какая многимъ замѣняетъ настоящую дѣльность.

Все шло такъ, само собою; были, конечно, и упущенія, при его образѣ жизни: рукописи по беллетристическому отдѣлу, когда онъ имъ завѣдывалъ, частенько залеживались; но все-таки таланты получали ходъ. Молодой писатель чувствовалъ не одну только денежную, но и нравственную поддержку. Хотя Некрасовъ и не отличался никакой сладостью, но его похвала, выраженная двумя—тремя словами, стоила фразистаго письма или одобрительнаго отзыва—тономъ директора департамента. Такъ точно и во всѣхъ другихъ сношеніяхъ по работѣ: онъ не раздражалъ никакой мелочностью, не требовалъ непремѣнно извѣстныхъ, строгихъ сроковъ, ставилъ всегда суть выше формальной стороны. Зато съ чѣмъ-бы вы къ нему ни обращались, даже и въ послѣдніе годы, когда онъ сталъ уже прихварывать, вы получали на все отвѣты, большею частью короткими записками, но толковые и всегда характерные.

Разумѣется, веди онъ другой образъ жизни въ Петербургѣ, особенно въ послѣдніе годы, и не чувствуй утомленія отъ долгой возни съ людьми, онъ могъ бы придать другой характеръ отношеніямъ между редакторомъ и постоянными сотрудниками, съ начала семидесятыхъ годовъ, когда «Отечественныя Записки» уже закрѣпили свою новую физіономію. Я пріѣхалъ тогда изъ-за границы и находилъ, что легла довольно рѣзкая черта между членами редакціи и постоянными сотрудниками. Это не происходило, мнѣ кажется, исключительно отъ того, какъ Некрасовъ держалъ себя. Тутъ дѣйствовали и другія причины: разница лѣтъ, вообще небойкость многихъ журнальныхъ работниковъ, а также и то, что редакція состояла уже изъ нѣсколькихъ лицъ. Но въ отдѣльныхъ сношеніяхъ съ сотрудниками Н. А. оставался все тѣмъ-же чуткимъ редакторомъ, любящимъ литературу, и гостепріимнымъ хозяиномъ.

Едва-ли не онъ одинъ умѣлъ поддерживать «Отечественныя Записки» въ ихъ оффиціальномъ положеніи. Онъ ладилъ съ разными членами подлежащаго вѣдомства. Двоихъ—троихъ изъ этихъ господъ я видалъ у него на обѣдахъ. Одинъ былъ страстный охотникъ, и бесѣда велась на охотницкія темы; другой лю-

билъ биллiардную игру. Такъ или иначе надо было съ ними ладиться. И когда выходили задержки, когда грозила опасность потерять книжку, а можетъ быть, и совсѣмъ скомпрометировать изданіе, Некрасовъ не утрачивалъ спокойствія, умѣлъ дѣлать уступки, относился ко всѣмъ этимъ передрягамъ съ чувствомъ и тономъ бывалаго журналиста.

И какъ-бы его ни утомляло долгое сидѣнье въ клубѣ, все-таки вы заставали его днемъ съ листами корректуръ, все-таки вы могли всегда найти въ немъ человѣка отзывчиваго на то, въ чемъ сказывался талантъ или умственная смѣлость. Къ молодымъ поэтамъ едва ли не онъ одинъ, въ тогдашнее время, и относился съ настоящимъ сочувствіемъ, прочитывалъ множество плохихъ и часто безграмотныхъ тетрадокъ и листковъ, присылаемыхъ ему отовсюду, охотно печаталъ все порядочное, любилъ разговоры о начинающихъ стихотворцахъ. Бѣдность талантовъ и по беллетристикѣ, и по другимъ отдѣламъ искренно огорчала его. Помню, какъ онъ говорилъ объ оскудѣніи въ молодыхъ людяхъ критическихъ дарованій за послѣднія десять лѣтъ, и, конечно, явись въ началѣ семидесятыхъ годовъ другой Добролюбовъ, онъ нашелъ бы въ Некрасовѣ такую-же поддержку. И ему была бы предоставлена гораздо болѣе широкая самостоятельность, чѣмъ гдѣ либо.

III.

Писатель въ Некрасовѣ совсѣмъ не выставлялся на показъ. Его можно было наводить на разсказы изъ жизни литературныхъ кружковъ; при этомъ онъ охотно приводилъ разные факты изъ собственныхъ воспоминаній, но не любилъ вовсе наполнять бесѣду своимъ писательскимъ *я*. Къ семидесятымъ годамъ его личное отношеніе къ публикѣ сдѣлалось цѣльнымъ, проникнутымъ благодарностью. Я не нарочно употребляю это слово; нѣсколько разъ мнѣ приводилось слышать отъ Некрасова фразы въ родѣ слѣдующей:

— Мнѣ жаловаться нечего. Я въ полной мѣрѣ награжденъ. Врядъ-ли кому стихи принесли столько, сколько мнѣ.

Онъ указывалъ на крупную денежную сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ, которую за послѣднія пятнадцать—двадцать лѣтъ доставили ему изданія его стихотвореній. Конечно, не въ одномъ этомъ денежномъ заработкѣ заключалась награда; но, какъ человѣкъ труда, знающій, какъ нелегко достается у насъ пишущей братіи матеріальная обезпеченность, онъ на цифрахъ и фактахъ показывалъ: насколько русская публика цѣнила его дарованіе и откликалась на мотивы его поэзіи. Вообще, несмотря на надвигающуюся болѣзнь, потерю свѣжести и ясности духа, въ немъ нисколько не развивалась писательская тревожность или раздраженность самолюбія. Въ такой натурѣ не могла преобладать наклонность къ постоянной возни съ самимъ собою, къ раздвоенію, къ воздѣлыванію своей авторской суетности. Дѣло редактора (хотя онъ въ послѣдніе годы и гораздо меньше предавался ему) заставляло его жить въ общеніи съ творческой работой другихъ. А петербургскій его образъ жизни, при которомъ сосредоточенная творческая работа была почти немыслима, отнималъ возможность уходить исключительно въ свои авторскія заботы, мечты и тревоги. Въ немъ прежній журнальный чернорабочій, принужденный писать что попало,—и водевили, и куплеты, и романы, и рецензіи,—уступилъ мѣсто художнику, любовно и строго относящемуся къ тому, что должно остаться, что онъ выпускаетъ въ свѣтъ съ отвѣтственностью поэта, любимаго публикой.

Когда заходила рѣчь о творческой работѣ, Некрасовъ и молодому писателю не позволялъ себѣ, какъ у насъ говорится, давать генеральскія правоученія, не указывалъ въ примѣръ на самого себя; а по-просту сообщалъ, какъ онъ самъ пишетъ. Только въ деревнѣ ему работалось. Но поэтическія настроенія подвергалъ онъ строгому контролю послѣ того, какъ набрасывалъ на бумагу все то, что въ первомъ порывѣ творчества лилось безъ удержу.

— Изъ пятисотъ, изъ тысячи стиховъ, говаривалъ онъ,—оставишь только сотню, остальное безпощадно перехеришь.

Помню я разсказъ И. А. о томъ, какъ въ деревенскомъ домѣ, послѣ удачной охоты, ночью, онъ записался.

— Голова такъ разгорѣлась, что образы пошли, какъ живые;

и такъ заработалъ мозгъ, что я даже немножко испугался. Никогда еще не испытывалъ я ничего подобнаго. Пошелъ къ буфету, досталъ тамъ чего-то, коньяку или наливки, и сталъ пить. Только этимъ и спасся.

Мнѣ кажется, что въ немъ, какъ въ поэтѣ, до самой смерти сознательно боролись два человѣка: одинъ—поэтъ, другой—обличитель общественныхъ недуговъ. Въ послѣднее время, второй преобладалъ; но первый никогда—и къ счастью—не сдавался, не хотѣлъ замолкнуть; а въ предсмертныхъ стихотвореніяхъ, вылившихся во время ужасныхъ страданій, воскресъ заново. Николаю Алексѣевичу, сколько я замѣтилъ, всегда пріятно было выслушивать тѣхъ, кто цѣнилъ въ немъ п о э т а, кто откровенно, иногда даже рѣзковато, ставилъ въ немъ сатирика на второй и на третій планъ. Самъ онъ съ большой любовью относился къ такимъ своимъ произведеніямъ, гдѣ творчество не поставлено въ тиски извѣстнаго условнаго тона, и, не захвати его болѣзнь, онъ, конечно, далъ бы еще болѣе широкій полетъ своему чисто-поэтическому дарованію.

Послѣдній разговоръ, какой мнѣ удалось имѣть съ нимъ, происходилъ слишкомъ за годъ до его смерти, весной, въ Лѣтнемъ саду. Болѣзнь уже подтачивала его; ему трудно было ходить; но тогда еще онъ врядъ-ли смотрѣлъ на себя, какъ на безнадежнаго больнаго. Разговоръ коснулся начинающихъ писателей,—тѣхъ, кого судьба закинула въ глушь провинціи,—и тутъ Н. А. вспоминалъ картины жизни въ уѣздномъ городкѣ, говорилъ, что такое значила въ эпоху его юности, для какого-нибудь воспріимчиваго молодаго малаго, случайно открытая поэтическая вещь, тетрадка стиховъ, поэма Пушкина, Лермонтова.

— Идете вы, говорилъ онъ, вечеркомъ мимо домика. Окна отворены, и такой вотъ юнецъ сидитъ въ темной комнаткѣ и валяетъ цѣлыми строфами вслухъ, упивается ими, а тамъ, глядишь, и зародилось въ немъ что-нибудь...

Проститься съ нимъ мнѣ не привелось, какъ и многимъ, кто сохранилъ къ нему цѣльное чувство.

П. Боборыкинъ.

Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

(За 20 лѣтъ).

I.

Минуло двадцать лѣтъ уже съ тѣхъ поръ, какъ впервые проявилось стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію.

Женскія среднеучебныя заведенія, отставъ, по сроку открытія ихъ, приблизительно на цѣлое столѣтіе отъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеній, въ настоящее время, почти уже догнали ихъ численно. Это означаетъ, что потребность въ среднемъ женскомъ образованіи развита въ такой же мѣрѣ, какъ и въ мужскомъ. А имѣя систематическое среднее женское образованіе, приближающееся, по уровню развитія, къ мужскому, рѣшительно невозможно обойтись безъ высшаго женскаго образованія.

Подъ вліяніемъ двоякаго рода побужденій, довольно быстро и неуклонно развивалось въ Россіи высшее женское образованіе въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ.

Первое, такъ сказать, реальное побужденіе—слишкомъ рѣзко бьющая въ глаза необходимость, какъ можно болѣе, обезпечить за женщиною право на самостоятельное трудовое существованіе. Со времени введенія земскихъ учрежденій, въ провинціи начали открываться педагогическіе курсы при женскихъ гимназіяхъ, женскія учительскія семинаріи, фельдшерскіе и акушерскіе курсы при земскихъ больницахъ и спеціальныя ремесленныя женскія школы. Не имѣя возможности подвести итогъ профессіональнымъ женскимъ школамъ въ провинціи, приводимъ слѣдующій перечень учрежденій этого рода, существующихъ въ Петербургѣ, въ настоящее время: педагогическіе курсы петер-

бургскихъ женскихъ гимназій; педагогическіе курсы Вел. Кн. Екатерины Михайловны; земская женская учительская школа; спеціальные курсы фребелевскаго общества; курсы сельскихъ учительницъ-садовницъ Воспитательнаго Дома; училище нянь при Воспитательномъ Домѣ; театральное училище; консерваторія; рисовальная школа; реальное женское училище; ремесленная школа; курсы стенографіи; практическій курсъ бухгалтеріи и счетоводства; телеграфная школа; курсы для приготовленія учительницъ гимнастики; училище для фельдшерицъ и сидѣлокъ дамскаго лазаретнаго комитета; училище фельдшерицъ при Воспитательномъ Домѣ; школа фельдшерицъ при общинѣ св. Георгія; фельдшерскій курсъ для сестеръ милосердія Покровской общины; училище для повивальныхъ бабокъ при Калинкинской больницѣ; родовспомогательное заведеніе Воспитательнаго Дома; повивальный институтъ съ родильнымъ госпиталемъ; повивальная школа при Маріинскомъ родовспомогательномъ домѣ. За исключеніемъ родовспомогательнаго заведенія Воспитательнаго Дома, театральнаго училища и рисовальной школы, какъ учрежденій давнихъ, всѣ остальныя профессіональныя учебныя заведенія возникли въ промежутокъ времени съ начала 60-хъ по начало 70-хъ годовъ.

Возникновеніе такого количества профессіональныхъ учебныхъ заведеній менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ доказываетъ, какъ великъ запросъ въ средѣ русскихъ женщинъ на самостоятельное трудовое существованіе. Но сфера практической дѣятельности, открываемая женщинамъ этими профессіональными школами, слишкомъ узка, матеріальное обезпеченіе слишкомъ скудно. Естественно, поэтому, что натуры наиболѣе способныя, развитыя и предпріимчивыя искали выхода къ высшему профессіональному образованію,—и эти поиски послужили толчкомъ къ возникновенію высшаго педагогическаго и медицинскаго женскаго образованія.

Другая, еще болѣе сильная побудительная причина, особенно въ сознаніи самихъ женщинъ, стремившихся къ высшему образованію—нравственная неудовлетворенность размѣрами средняго образованія. Систематическое образованіе дѣвушекъ обрывается именно въ тотъ моментъ, когда въ немъ чувствуется особенная необходимость, т. е., когда дѣвушка вступаетъ въ воз-

растъ, дающій ей возможность извлекать реальную пользу изъ полученнаго ею образованія. Лишь только дѣвушка вступаетъ въ зрѣлый возрастъ, лишь только она приближается къ моменту самостоятельной жизни и дѣятельности,—нить ея развитія внезапно обрывается, и она остается безъ дальнѣйшаго руководства, предоставленная самой себѣ, своимъ незрѣлымъ, недостаточно оформленнымъ понятіямъ и случайнымъ вліяніямъ чтенія и знакомства. А между тѣмъ условія практической жизни, та ступень цивилизаціи, на которой мы стоимъ въ настоящеее время, предъявляютъ рѣшительное требованіе, чтобы женщина, по крайней мѣрѣ, не отставала отъ мужчины въ образованіи и степени развитія, — была бы для мужчины нравственной опорой и помощью какъ въ семейной жизни, такъ и въ общественной дѣятельности.

Подъ вліяніемъ этого сознанія развилось стремленіе женщинъ къ высшему общему образованію и, въ результатѣ этого стремленія, возникъ цѣлый рядъ высшихъ женскихъ курсовъ, съ университетскимъ характеромъ преподаванія.

Какъ, по чьему почину, подъ какими условіями и вліяніями сложилось у насъ высшее женское образованіе? Кто далъ средства на это? Какую поддержку и помощь оказало, съ своей стороны, общество высшему женскому образованію? Какими правами пользуются женщины, получившія высшее образованіе? Насколько упрочено легально высшее женское образованіе? Насколько гарантировано дальнѣйшее его развитіе?

Только прослѣдивъ шагъ за шагомъ развитіе и ходъ высшаго женскаго образованія, съ момента зарожденія идеи о необходимости у насъ этой отрасли женскаго образованія, можно получить вполнѣ ясный, опредѣлительный отвѣтъ на эти вопросы. Прослѣдить же прошлое высшаго женскаго образованія, въ историческомъ порядкѣ его развитія, необходимо уже потому, что, не смотря на двадцатилѣтнюю дѣятельность этой важнѣйшей отрасли образованія, о ней до сихъ поръ появлялись лишь отрывочныя статьи, замѣтки и сообщенія; въ цѣломъ же, высшее женское образованіе,—это характерное и крупное явленіе нашей внутренней жизни за послѣднія 20 лѣтъ,—до сихъ поръ еще остается невыясненнымъ.

II.

1861 годъ принесъ Россіи первый проблескъ на пути къ свободѣ. Въ этомъ же году весьма характерно проявилось стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему общему и профессіональному образованію. Былъ моментъ, когда двери высшихъ учебныхъ заведеній широко распахнулись передъ русскими женщинами, ищущими свѣта знанія. Но не надолго. Въ 1864 году вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи окончательно замеръ даже въ печати и не возбуждался до конца 60-хъ годовъ. Это не значитъ, однако, что замерла самая идея о необходимости высшаго женскаго образованія. Напротивъ, идейная работа въ этомъ направленіи продолжалась—и тѣмъ страстнѣе, порывистѣе, мучительнѣе, чѣмъ болѣе приходилось укрываться съ вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи. Подъ вліяніемъ этой великой идеи, не находившей практическаго примѣненія и нормальнаго исхода въ Россіи, начало развиваться бѣгство русскихъ женщинъ за границу. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ, именно тогда, когда замолкла даже въ печати рѣчь о высшемъ женскомъ образованіи, сотни русскихъ женщинъ ежегодно направлялись за границу въ поискахъ высшаго образованія. Туда отправлялись лица съ средствами и безъ средствъ, получившія полное среднее образованіе и недоучившіяся, семейныя и безсемейныя, съ согласія мужей и родныхъ, и тайкомъ, какъ бѣглянки. Это бѣгство за границу, въ погонѣ за высшимъ образованіемъ, вывело кое-кого изъ бѣжавшихъ на торную дорогу, дало имъ высшее образованіе и обезпечило за ними право на самостоятельное, безбѣдное существованіе интеллигентнымъ трудомъ. Но масса устремившихся за границу женщинъ, безспорно, выдающихся по уму, характеру и силѣ воли, не попали на торную дорогу высшаго образованія, запутались въ дебряхъ житейскихъ дрязгъ и суеты, и погибли подъ бременемъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ жертвъ человѣчества во имя прогресса, эти жертвы, имѣющія право на названіе первыхъ піонеровъ и даже свѣточей высшаго женскаго образованія въ Россіи, внушаютъ къ себѣ глубокое уваженіе и симпатію. Онѣ погибли, спасаясь отъ безъисходной матеріальной и нравственной зависимости, отъ гнета надъ умомъ, чувствомъ и волею женщины;

онѣ погибли, стремясь къ чистому, лучшему, высшему не ради себя только, но и ради мужскаго пола, чтобы рабское положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ замѣнить равноправностью, чтобы раздѣлить съ мужчиною его труды и заботы, какъ въ семейной жизни, такъ и въ общественной дѣятельности, чтобы не принижать умственный и нравственный уровень мужчины, а неуклонно подвигать его впередъ и впередъ по пути прогресса, во имя личнаго счастья, а также семейнаго и общественнаго блага!..

На петербургскомъ съѣздѣ натуралистовъ, въ декабрѣ 1867 года, зародилась мысль организовать, глядя по обстоятельствамъ, рядъ лекцій или курсовъ для женщинъ, чтобы этимъ хоть нѣсколько удовлетворить такъ болѣзненно проявляющійся въ обществѣ запросъ на высшее женское образованіе. Честь самой идеи о высшихъ женскихъ курсахъ принадлежитъ Е. П. Конради; она обратилась къ съѣзду съ горячимъ, энергическимъ письмомъ, въ которомъ просила помочь женщинамъ въ полученіи высшаго образованія. Съѣздъ весьма сочувственно отнесся къ мысли о высшемъ женскомъ образованіи, изъявилъ готовность содѣйствовать осуществленію ея, но отстранилъ отъ себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Слухъ о предполагаемыхъ чтеніяхъ для женщинъ по предметамъ высшаго образованія началъ бродить въ обществѣ и вызвалъ горячій, энергическій откликъ изъ среды русскихъ женщинъ. Въ маѣ и іюнѣ 1868 года, на имя ректора петербургскаго университета, К. Ф. Кесслера (нынѣ уже умершаго), поступилъ рядъ заявленій отъ 400 женщинъ по поводу слуховъ о высшемъ женскомъ образованіи. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ заявленіи женщинъ отъ 11-го мая:

«Въ послѣднее время, по городу распространились слухи, что нѣкоторые изъ гг. профессоровъ здѣшняго университета предполагаютъ устроить рядъ лекцій или курсовъ для женщинъ и тѣмъ удовлетворить все болѣе и болѣе возрастающей въ обществѣ потребности серьезнаго женскаго образованія. Во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ начинаніи, которое не опирается на предшествовавшія попытки, однимъ изъ главныхъ задатковъ успѣха, для трудящихся въ пользу осуществленія предпріятія, служитъ увѣренность, что инициатива ихъ будетъ поддержана тѣми, во имя интересовъ которыхъ они дѣйствуютъ.

«Вотъ почему, не зная всѣхъ тѣхъ членовъ вашей уважаемой корпораціи, которые приняли участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, мы обращаемся къ вамъ, м. г., какъ къ ректору университета, съ покорнѣйшею просьбою передать имъ нашу горячую благодарность и увѣреніе въ томъ, что предполагаемыя лекціи встрѣтятъ въ насъ болѣе, чѣмъ праздное сочувствіе, вызванное минутнымъ увлеченіемъ. Мы надѣемся, что изъ массы русскихъ женщинъ, давно убѣдившихся въ недостаточности своего образованія, найдется немало личностей, готовыхъ къ сознательному труду, и потому открытіе для нихъ вашихъ аудиторій будетъ истиннымъ благомъ, которое впослѣдствіи обогатитъ наше общество многими полезными членами, и семейный бытъ нашъ болѣе образованными матерями и воспитательницами».

«Мы просимъ гг. профессоровъ,—говорится въ другомъ письмѣ женщинъ, отъ 13 мая, дополнительномъ къ письму, только что приведенному,—ходатайствовать объ открытіи правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Просимъ о разрѣшеніи этихъ лекцій въ стѣнахъ университета, въ часы, свободные отъ занятій студентовъ, или въ другомъ зданіи, вмѣщающемъ тѣ же учебныя пособія, какъ-то: химическую лабораторію, физическій кабинетъ и проч. Цѣль наша—поднять уровень женскаго образованія вообще и, въ тоже время, дать возможность нѣкоторымъ способнымъ личностямъ достичь знанія, нужнаго для занятія мѣстъ преподавательницъ въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Плату и всѣ расходы, могущіе встрѣтиться при открытіи лекцій, слушательницы принимаютъ на себя».

Такимъ образомъ, простой слухъ о предполагаемомъ профессорами университета чтеніи лекцій обратился, въ глазахъ женщинъ, жаждавшихъ высшаго образованія, какъ бы въ живой, положительный фактъ; одинъ этотъ слухъ разомъ сплотилъ между собою 400 женщинъ, проявившихъ удивительную энергію, настойчивость и постоянство въ утомительно-длинномъ и сложномъ рядѣ «прошеній», «ходатайствъ», «записокъ» и «заявленій», чтобы добиться высшаго образованія для своего пола. Въ этомъ дѣлѣ смѣшались и съ замѣчательнымъ единодушіемъ объединились женщины самаго разнообразнаго сословнаго положенія и

состоянія—отъ средняго, интеллигентнаго, до самаго высшаго. Починъ дѣла принадлежитъ Е. Н. Воронпной, Е. И. Конради, О. А. Мордвиновой, Н. В. Стасовой, В. П. Тарновской, М. В. Трубниковой, А. П. Философовой. Въ числѣ 400 женщинъ, подписавшихъ заявленіе, поданное на имя ректора университета, находимъ, напримѣръ, слѣдующія фамиліи: графиня В. Ростовцева, граф. А. И. Толстая, Е. и Н. Милютины, М. Ермолова, В. Римская-Корсакова, княгиня М.Эристова, Л. Воронцова, М. Георгіевская, С. Батюшкова, Ю. Абаза, М. Сабурова, Н. и О. Кутузовы, С. Баратынская, С. и Н. Дмитріевы, М. Коханова, О. Бутакова, П. Корнилова, П. Скворцова, баронеса Ю. Розенъ, кн. Н. Назарова, А. Тизенгаузенъ, С. Драгомирова, Н. и С. Аничковы. Съ момента первыхъ заявленій и ходатайствъ русскихъ женщинъ о высшемъ образованіи, къ нимъ примкнулъ профессоръ А. Н. Бекетовъ (нынѣ ректоръ петербургскаго университета), поддерживавшій и раздѣлявшій съ ними всѣ хлопоты и труды по устройству высшихъ женскихъ курсовъ. Почтенное имя А. Н. Бекетова остается неразрывно связаннымъ съ женскими курсами во все время ихъ существованія, до сихъ поръ.

Слѣдующее письмо смоленскихъ дамъ, отъ 28 іюня 1868 года, къ ректору университета доказываетъ, что учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ представляется дѣломъ не однихъ только петербургскихъ дамъ, что мысль о необходимости высшаго женскаго образованія вообще назрѣла въ русскомъ обществѣ. «Недавно достигли до насъ слухи,—говорится въ письмѣ смоленскихъ дамъ, подписанномъ 63-мя женщинами, — что, вслѣдствіе желанія гг. профессоровъ петербургскаго университета читать лекціи спеціально для женщинъ, были поданы послѣдними просьбы объ открытіи женскаго университета. Вполнѣ понимая всю недостаточность образованія, получаемаго женщинами въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, для приготовленія ихъ какъ къ семейной, такъ и къ общественной дѣятельности, мы спѣшимъ присоединить и наше заявленіе къ тѣмъ, которыя уже поданы вамъ, и выразить нашу живѣйшую признательность г.г. профессорамъ за то, что они человѣчно отнеслись къ женскому вопросу. Мы радуемся не за себя, потому что немногія изъ насъ настолько подготовлены, чтобы слушать университетскій курсъ, но радуемся за наше молодое поколѣніе.

за женскія гимназіи и другія учебныя заведенія, которымъ данъ будетъ жизненный толчекъ, вслѣдствіе чего постепенное улучшеніе воспитанія женщинъ совершится быстро и легко.»

Итакъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, въ пользу высшаго женскаго образованія подали свой голосъ около 500 женщинъ. Это совершилось при той тайнѣ, которая окружала заявленія женщинъ, при невозможности прибѣгать къ печатнымъ воззваніямъ, заявленіямъ и разъясненіямъ, такъ необходимымъ въ этомъ случаѣ.

Весьма характерно, что и въ Москвѣ, почти одновременно съ Петербургомъ, образовался кружокъ женщинъ, рѣшившихся добиваться высшаго образованія. Московскій кружокъ, на первыхъ же порахъ, потерпѣлъ двѣ крупныя неудачи: *во-первыхъ*, московская полиція, провѣдавъ о сходкахъ женщинъ, строжайше воспретила эти «сборища», чѣмъ, разумѣется, обратила ихъ въ тайныя; *во-вторыхъ*, совѣтъ московскаго университета, прослышавъ стороною о намѣреніи женщинъ обратиться къ нему съ просьбою—содѣйствовать высшему женскому образованію, рѣшилъ отвѣтить отказомъ, или—еще грубѣе—вовсе не отвѣчать. Но эти неудачи не смутили женщинъ, по прежнему продолжавшихъ стремиться къ высшему образованію, и, какъ увидимъ ниже, стремленіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ.

Вѣсть о попыткѣ русскихъ женщинъ создать въ Россіи высшее образованіе для своего пола вызвала самое теплое сочувствіе со стороны передовыхъ умовъ западной Европы. Изъ весьма длиннаго ряда сочувственныхъ отзывовъ по этому предмету особеннаго вниманія заслуживаютъ привѣтствія Дж. Стюарта-Милля, Андре Лео (псевдонимъ французской писательницы) и г-жи Бутлеръ (англичанки).

По поводу первыхъ извѣстій о починѣ русскихъ женщинъ, Милль прислалъ слѣдующее письмо на имя учредительницъ высшихъ женскихъ курсовъ:

«Милостивыя государыни!

«Съ чувствомъ удовольствія, смѣшаннаго съ удивленіемъ, узналъ я, что въ Россіи нашлись просвѣщенныя и мужественныя женщины, возбудившія вопросъ объ участіи своего пола въ разнообразныхъ отрасляхъ высшаго образованія, историческаго, филологическаго и научнаго, считая въ томъ числѣ и

занятіе практическою медициною, для того чтобы расположить въ пользу высшаго женскаго образованія выдающіяся силы ученаго міра. То, чего съ постоянно-возростающей настойчивостью безуспѣшно требовали для себя образованнѣйшія націи другихъ странъ Европы, благодаря вамъ, мм. гг-ни, Россія можетъ получить раньше другихъ. Это еще разъ докажетъ, что націи, сравнительно поздней цивилизаціи, воспринимаютъ иногда великія идеи прогресса прежде націй ранней цивилизаціи.

«Равноправность обоихъ половъ въ отношеніи умственнаго развитія важна не только для женщинъ въ частности,—хотя, конечно, и это представляется достаточнымъ основаніемъ,—но и еще болѣе для всемірной цивилизаціи. Я глубоко убѣжденъ, что нравственный и интеллектуальный прогрессъ мужчинъ, рискуетъ остановиться, если не пойти назадъ, при условіи, что умственное и моральное развитіе женщинъ будетъ сильно отставать. И это не потому лишь, что въ воспитаніи дѣтей ничто не въ состояніи замѣнить имъ мать, но также и потому, что на мужчину не можетъ не имѣть вліянія характеръ и идеи подруги его жизни. Женщина должна или побуждать мужчину къ поступательному движенію, или тянуть его назадъ, принижать. Итакъ, отъ всего сердца сочувствую успѣхамъ вашимъ и помогающихъ вамъ просвѣщенныхъ мужчинъ, и считаю доказанную уже вами настойчивость залогомъ того, что вы не потеряете мужества и употребите всѣ средства, чтобы добиться признанія законности вашего дѣла, успѣхъ котораго въ нашу образованную эпоху можетъ быть обезпеченъ за вами въ непродолжительномъ времени.

«Примите увѣреніе, мм. гг-ни, въ искреннемъ выраженіи моего глубокаго уваженія и живой симпатіи.

Дж. Стюартъ Милль».

Авиньонъ, 18 декабря, 1868 года.

Отношеніе петербургскаго университета къ просьбѣ женщинъ прямо противоположно отношенію московскаго университета. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ отвѣтѣ ректора университета, отъ 5 іюня 1868 года, на имя подавшихъ завленіе о высшемъ женскомъ образованіи: «Совѣтъ с.-петербургскаго университета,—отвѣчалъ ректоръ,—по выслушаніи доклада особой коммиссіи, назначенной для обсужденія ходатайства лицъ женскаго

пола о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ, постановилъ: объявить просительницамъ: 1) что совѣтъ университета выражаетъ свое полное сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные курсы по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) что открытіе университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ совѣтъ находитъ неудобнымъ и вообще предоставляетъ матеріальную часть организаціи лекцій самимъ просительницамъ, и 3) что, по полученіи просительницами отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшенія на открытіе сихъ курсовъ и по представленіи въ совѣтъ университета подписавшимися полнаго плана матеріальной стороны сего дѣла, совѣтъ университета займется не только пересмотромъ этого плана, но и приметъ на себя съ удовольствіемъ устройство учебной части, такъ какъ многіе члены ученаго университетскаго сословія выразили уже свое согласіе участвовать въ предполагаемыхъ курсахъ».

Къ сожалѣнію, препятствіе встрѣтилось именно въ томъ, чтобы организовать «правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные курсы», какъ домогались этого просительницы и совѣтъ университета. Бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, въ своемъ отвѣтѣ, отъ 21 декабря 1868 года, на просьбу женщинъ о разрѣшеніи высшихъ женскихъ курсовъ, между прочимъ, говоритъ: «Важнѣйшая и естественная обязанность женщинъ—воспитаніе и первоначальное образованіе дѣтей—не нуждается собственно въ университетскихъ курсахъ. Не входя въ разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ полезно допустить женщинъ къ преподаванію въ высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, совѣтъ университета изъявилъ согласіе устроить курсы съ условіемъ, чтобы курсы эти не имѣли популярнаго характера. Но для того, чтобы слушать съ пользою университетскіе курсы, излагаемые научнымъ образомъ, нужно быть достаточно къ тому подготовленнымъ; единственнымъ же ручательствомъ въ надлежащей подготовкѣ служитъ установленный для поступленія въ университетъ экзаменъ. А такъ какъ программы женскихъ учебныхъ заведеній не соотвѣтствуютъ сей цѣли, то въ настоящее время можетъ быть рѣчь объ устройствѣ для женщинъ

не университетскихъ курсовъ, а такого учебнаго заведенія, по окончаніи курса въ которомъ, воспитывающіяся могли бы быть достаточно приготовлены къ слушанію университетскихъ лекцій. Снисхожденіе для женщинъ въ этомъ отношеніи равносильно низведенію университетскихъ курсовъ до популярныхъ чтеній, что̀ прямо противорѣчитъ заявленію совѣта с.-петербургскаго университета». Далѣе, графъ Д. А. Толстой, въ своемъ отвѣтѣ просительницамъ, простеръ заботливость о судьбѣ курсовъ до того, что пустился въ подробный разсчетъ матеріальныхъ средствъ курсовъ, хотя эта сторона дѣла совершенно не касалась его. По разсчетамъ министра просвѣщенія, совершенно неожиданно оказалось, что предполагаемыми матеріальными средствами курсовъ «можно вознаградить за чтеніе лекцій только по двумъ предметамъ каждаго факультета; на вознагражденіе же за чтеніе остальныхъ 9-ти предметовъ историко-филологическаго и 10 предметовъ физико-математическаго факультета, а также на покрытіе расходовъ на наемъ помѣщенія, на отопленіе и освѣщеніе его, на прислугу, учебныя пособія и другіе необходимые расходы—не предвидится источника». Надо полагать, что этотъ разсчетъ понадобился графу Д. А. Толстому только въ видахъ желанія его предупредить, что, «вообще, разсчитывать на матеріальное пособіе со стороны министерства просвѣщенія просительницы не могутъ», хотя, опять таки, въ прошеніи, поданномъ министру просвѣщенія, о какомъ бы-то ни было пособіи курсамъ со стороны казны не было даже и помину. Можно даже поручиться, что учредительницы курсовъ не только не искали, но положительно не желали, на первыхъ порахъ, пособія отъ казны, чтобы сохранить возможно большую независимость этого, только-что еще зарождающагося, учрежденія. «Сочувствуя стремленію женщинъ получать высшее образованіе,—говоритъ графъ Д. А. Толстой въ заключеніе своего отвѣта просительницамъ,—я полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ устроить для сего общія публичныя лекціи, т. е. совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде и профессора университета изъявятъ на это согласіе».

Таково было «сочувствіе» министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, «стремленію женщинъ получать

высшее образованіе». Къ этому «сочувствію» остается прибавить развѣ то, что оффиціальнымъ письмомъ министра внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашева, отъ 5 апрѣля 1869 года, учредительницамъ курсовъ воспрещено было «публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій для предполагаемаго курса общихъ лекцій для мужчинъ и женщинъ, а также и о подпискѣ на слушаніе курсовъ». А между тѣмъ, въ это же самое время, министръ народнаго просвѣщенія занимался разсчетами матеріальнаго содержанія курсовъ, и эту сторону дѣла (т. е. произвольно получаемые имъ недочеты) ставилъ препятствіемъ при разрѣшеніи принципіальнаго вопроса о высшихъ женскихъ курсахъ.

Словомъ, учредительницамъ курсовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, пришлось бороться съ огромными и совершенно даже непредвидѣнными препятствіями. Наконецъ, въ исходѣ 1869 года, послѣдовало окончательное разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія открыть чтеніе лекцій профессорами университета, но только не въ формѣ «правильныхъ, дѣльныхъ курсовъ», спеціально для женщинъ, какъ домогались того учредительницы и желали профессора университета, а въ видѣ «публичныхъ лекцій для мужчинъ и женщинъ». Въ этомъ же году, нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, при 2-й московской гимназіи, разрѣшено было открыть «публичные курсы для женщинъ по программѣ классическихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія». Бывшій директоръ 2-й московской гимназіи, Ф. Н. Королевъ (впослѣдствіи директоръ Петровской земледѣльческой академіи) принялъ женщинъ, отвергнутыхъ московскимъ университетомъ, подъ свое покровительство, и по личному его ходатайству, въ октябрѣ 1869 года, состоялось открытіе курсовъ. Съ оставленіемъ г. Королевымъ должности директора 2-й гимназіи (въ январѣ 1870 года), курсы перекочевали на Лубянку, въ третью мужскую гимназію, почему и извѣстны подъ именемъ «лубянскихъ».

По странной игрѣ случая, петербургскія «публичныя лекціи для мужчинъ и женщинъ», открывшіяся 2 января 1870 года, нашли пріютъ, на первыхъ порахъ, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ самой квартирѣ министра, гдѣ и помѣщались въ теченіе двухъ лѣтъ, до начала 1872 года. Затѣмъ, публичныя лекціи пріютились во владимірскомъ уѣздномъ училищѣ, откуда и получили названіе «владимірскихъ».

Нѣсколько ранѣе открытія «публичныхъ лекцій для мужчинъ и женщинъ», небольшой кружокъ, изъ среды петербургскихъ учредительницъ высшаго женскаго образованія, началъ хлопотать объ открытіи подготовительныхъ курсовъ, чтобы пополнить пробѣлы недостаточнаго вообще женскаго образованія и тѣмъ облегчить слушаніе профессорскихъ лекцій. Извѣстный педагогъ, І. И. Паульсонъ, принялъ на себя завѣдываніе подготовительными курсами. 1-го апрѣля 1869 года, въ 5-й петербургской мужской гимназіи, у Аларчина моста, послѣдовало открытіе вечернихъ занятій для женщинъ по тѣмъ предметамъ, которые проходятся въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ съ недостаточною полнотою для высшаго образованія. Курсы эти извѣстны подъ именемъ «аларчинскихъ».

Такимъ образомъ, къ началу 1870 года, въ Петербургѣ были: подготовительные аларчинскіе курсы и публичныя профессорскія лекціи, которыя, для краткости, мы будемъ называть владимірскими курсами; въ Москвѣ — лубянскіе курсы для женщинъ, по программѣ мужскихъ гимназій. Такъ возродилось въ Россіи высшее женское образованіе, естественно проявившееся въ началѣ 60-хъ годовъ и безвременно замершее подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

III.

Отвѣчали ли народившіеся курсы и лекціи стремленію женщинъ къ высшему образованію?

Аларчинскіе петербургскіе курсы, какъ и московскіе лубянскіе, имѣли характеръ подготовительныхъ къ высшему образованію курсовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ аларчинскихъ курсахъ преподавались только русскій языкъ, ариѳметика, алгебра, геометрія, физика и химія; а въ лубянскихъ курсахъ — предметы гимназической программы, включая сюда древніе и новые языки. Но лубянскіе курсы, съ узко-подготовительною программою, продержались всего лишь одинъ годъ; подъ давленіемъ энергическаго требованія самихъ слушательницъ, курсы постепенно разростались въ высшеобразовательномъ отношеніи и ослабѣвалъ подготовительный ихъ характеръ. Такъ, въ 1870 году открылось чтеніе лекцій по химіи; въ 1871

году чтеніе лекцій по математикѣ и физикѣ происходило въ трехъ курсахъ; въ этомъ же году открылись лекціи по астрономіи. Уже въ 1873 году, какъ у преподавателей, такъ и у слушательницъ, вполнѣ созрѣло сознаніе необходимости обратить лубянскіе курсы въ физико-математическій факультетъ (съ естественнымъ и математическимъ отдѣленіями), оставивъ притомъ двухгодичный подготовительный курсъ по всѣмъ предметамъ мужскихъ гимназій. Все прошлое лубянскихъ курсовъ, просуществовавшихъ 10 лѣтъ, представляетъ послѣдовательное выростаніе этого скромнаго учрежденія до предѣловъ физико-математическаго факультета университета.

Практика лубянскихъ курсовъ доказываетъ, что исправленіе недостатковъ общеобразовательной программы среднеучебныхъ женскихъ заведеній должно идти объ руку съ высшимъ образованіемъ, такъ какъ, за пополненіемъ этихъ недостатковъ, естественно открывается еще большій запросъ на высшее образованіе. Въ этомъ же убѣждаетъ насъ и судьба петербургскихъ подготовительныхъ аларчинскихъ курсовъ. Курсы эти, преслѣдуя узко-подготовительную цѣль, лишены были возможности развиваться и, такъ сказать, обречены были на естественную смерть. До 1875 года курсы имѣли достаточное количество слушательницъ, чтобы окупать расходы; но съ этого года начинается весьма значительная убыль слушательницъ, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, позаимствованія изъ кассы владимірскихъ курсовъ, такъ что аларчинскіе курсы вскорѣ принуждены были закрыться, т. е. умерли естественною смертью, не имѣя возможности, вмѣстѣ съ пополненіемъ недостатковъ средняго женскаго образованія, развиваться въ сторону высшаго образованія.

Большой интересъ представляютъ владимірскіе курсы, какъ первый опытъ систематическихъ публичныхъ лекцій, по предметамъ университетскаго курса. Въ самомъ составѣ предметовъ было нѣкоторое колебаніе, но за все время существованія курсовъ (до преобразованія ихъ въ высшіе женскіе курсы) довольно правильно, т. е. съ незначительными, случайными перерывами, читались лекціи по слѣдующимъ предметамъ: русской словесности, всеобщей исторіи, русской исторіи, ботаникѣ (морфологіи и физіологіи растеній), анатоміи

и физіологіи человѣка, зоологіи, химіи неорганической и органической, физикѣ и геологіи. Два года (съ 1871 по 1873 учебный годъ) читались лекціи по государственному и уголовному праву; но затѣмъ чтеніе лекцій по этимъ предметамъ прекратилось и болѣе не возобновлялось. Въ практикѣ владимірскихъ курсовъ немаловажную особенность представляетъ санкціонированіе профессорскихъ программъ III отдѣленіемъ, куда онѣ обязательно представлялись для просмотра. Третье-отдѣленскій контроль нерѣдко задерживалъ начало чтенія по нѣкоторымъ предметамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Это едва-ли не единственный опытъ педагогической практики приснопамятнаго III отдѣленія.

Публичныя владимірскія лекціи имѣли опредѣленный, систематическій характеръ университетскаго преподаванія; чтеніе каждаго предмета разсчитано было на два года. Но преподаваніе не могло быть успѣшно, потому что аудиторія была слишкомъ подвижна по составу и крайне разнообразна по уровню развитія и подготовкѣ слушающихъ; преподаватели не имѣли возможности познакомиться съ подготовкою слушательницъ, примѣниться къ ней; между преподавателями и аудиторіей не было и не могло быть живыхъ сношеній, органической связи, а слѣдовательно—не было и живой производительной работы. Дѣятельность владимірскихъ курсовъ, какъ публичныхъ лекцій, заключалась въ простомъ чтеніи лекцій—и только. Такая постановка дѣла не только не удовлетворяла, но прямо тяготила и преподающихъ, и слушающихъ.

Такимъ же недостаткомъ страдали и лубянскіе, и аларчинскіе курсы. Разношерстность аудиторіи по уровню подготовки, неприноровленность преподаванія къ степени развитія слушающихъ, отсутствіе контроля, надъ тѣмъ, въ какой мѣрѣ усвоивается преподаваемое—вызывали неудовольствія въ слушающихъ: извѣстный характеръ чтенія казался однимъ слишкомъ спеціальнымъ, другимъ—слишкомъ поверхностнымъ. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, помимо публичныхъ лекцій, по многимъ предметамъ читались частныя лекціи, въ частныхъ квартирахъ, притомъ лицами, не имѣвшими никакого отношенія къ курсамъ. Такъ велика, значитъ, была рознь между преподавателями и слушающими, что первые не могли приноровиться къ уровню аудиторіи; вторыя, въ свою очередь, находили невозможнымъ

согласиться между собою и высказать какія-либо опредѣленныя желанія отъ имени всей аудиторіи.

Но, не смотря на серьезные недостатки лубянскихъ, владимірскихъ и аларчинскихъ курсовъ, они принесли весьма существенную пользу высшему женскому образованію. Они послужили къ окончательному примиренію правительства и общества съ мыслью о высшемъ женскомъ образованіи; дали весьма многимъ изъ поступившихъ на высшіе врачебные женскіе курсы (открывшіеся въ Петербургѣ въ 1872 году) солидную общеобразовательную подготовку; наконецъ, содѣйствовали сокращенію срока ученія тѣмъ женщинамъ, которыя отправлялись за границу.

Не имѣя возможности собрать свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ русскихъ женщинъ, получившихъ полное высшее образованіе въ заграничныхъ университетахъ, назовемъ слѣдующихъ женщинъ, окончившихъ тамъ курсъ со степенью доктора: г-жи Суслова, Яковлева, Евреинова, Ковалевская, Гончарова, Свѣтловская, Скворцова, Цишкевичъ, Лермонтова и Литвинова. Здѣсь есть доктора правъ, математики, медицины, химіи и другихъ высшихъ наукъ. Г-жи Штоффъ, Гассе и Идельсонъ, прослушавъ сначала двухгодичный курсъ владимірскихъ лекцій и затѣмъ курсы заграничныхъ университетовъ, съ успѣхомъ выдержали экзаменъ въ петербургскихъ врачебныхъ женскихъ курсахъ на степень врача.

Практика владимірскихъ, лубянскихъ и аларчинскихъ курсовъ не удовлетворила не однихъ только преподавателей и слушательницъ,—она не удовлетворила также и правительство. Этотъ опытъ полувысшаго женскаго образованія еще болѣе растравилъ стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію и явно усилилъ бѣгство ихъ за границу въ поискахъ дѣйствительно высшаго образованія. Въ виду этого, въ 1873 году, правительство, по собственному почину, признало необходимымъ учредить особую смѣшанную коммиссію, изъ членовъ IV отдѣленія (Собственной Его Величества Канцеляріи) и министерства народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова, для разработки вопроса объ учрежденіи дѣйствительно высшихъ учебныхъ курсовъ для женщинъ (непремѣнно университетскаго характера, избѣгая, однако, самаго названія,—«университетъ»), въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи, и составленія

для нихъ необходимыхъ программъ. Какъ распоряженіе правительства объ учрежденіи коммиссіи, такъ и дѣятельность ея оставались въ тайнѣ. Но это не мѣшало, однако, учредительницамъ владимірскихъ курсовъ проникать въ тайны коммиссіи и своими ходатайствами и заявленіями, то на имя членовъ ея, то на имя министра народнаго просвѣщенія, направлять дѣятельность коммиссіи въ пользу того, чтобы курсы были поставлены примѣнительно къ той подготовкѣ, которую получаютъ женщины въ существующихъ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ; чтобы они имѣли характеръ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ; чтобы учрежденіе курсовъ было возможно не въ Петербургѣ только, но и въ другихъ университетскихъ городахъ. Смѣшанная правительственная коммиссія, не имѣя въ своей средѣ ни одной изъ учредительницъ высшихъ женскихъ курсовъ, такъ прониклась сознаніемъ необходимости высшаго женскаго образованія, что проэктировала учрежденіе отдѣльнаго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ; по смѣтѣ коммиссіи, на одну только постройку зданія необходимо было-бы затратить около 70,000 рублей. Коммиссія склонялась въ пользу того, что проэктируемое высшее учебное заведеніе для женщинъ должно имѣть характеръ педагогическій и состоять изъ пяти отдѣленій: физико-математическаго съ фармацевтическимъ подъотдѣленіемъ, отдѣленій русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ и литературы, и историко-филологическаго. Наконецъ, въ 1875 году послѣдовалъ правительственный циркуляръ съ обѣщаніемъ доставить женщинамъ ту же возможность высшаго образованія въ Россіи, ради которой онѣ устремляются за границу.

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ и неуклоннаго стремленія женщинъ къ высшему образованію, у правительства окончательно, можно сказать, установилось сознаніе необходимости высшаго женскаго образованія въ Россіи. Особенно сильное, даже рѣшительное содѣйствіе упроченію этого сознанія оказала блистательная практика врачебныхъ женскихъ курсовъ, учрежденныхъ въ 1872 году при петербургской медико-хирургической академіи, по почину бывшаго въ то время главнаго военно-медицинскаго инспектора, Н. И. Козлова. Курсы эти, какъ учрежденіе, вполнѣ опредѣленное по цѣли, научное по программѣ, строгое и дѣловое по складу занятій,—сразу за-

служили полную и глубокую симпатію въ русскомъ обществѣ. Они послужили образцомъ, примѣромъ для лицъ, добивавшихся университетскаго женскаго образованія. Ссылка на этотъ неотвратимый примѣръ, противъ котораго ничего не могли сказать даже завзятые недоброжелатели высшаго женскаго образованія, подвигала впередъ разрѣшеніе вопроса объ университетскомъ женскомъ образованіи, поставленномъ также опредѣленно и законченно, какъ и медицинское женское образованіе. Именно, подъ вліяніемъ роста и безупречной практики высшаго медицинскаго женскаго образованія, назрѣвало сознаніе необходимости высшаго университетскаго женскаго образованія, и постепенно ослабѣвали и падали тѣ искусственныя преграды, которыми опутано было, съ 1868 года, практическое осуществленіе этого вопроса.

Въ 1872 году профессоръ московскаго университета, В. И. Герье, открылъ высшіе женскіе курсы, съ двухгодичнымъ срокомъ обученія. Это первые, по времени возникновенія, высшіе общеобразовательные женскіе курсы, съ университетскимъ характеромъ преподаванія. По положенію о курсахъ, въ нихъ обязательно преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: русской литературы, всеобщей литературы, всеобщей исторіи, русской исторіи, исторіи цивилизаціи, исторіи искусства и физики (?) Такимъ образомъ, курсы имѣютъ нѣкоторое подобіе историко-филологическаго факультета, съ преобладаніемъ историческихъ наукъ.

Открытіе курсовъ профессора Герье повліяло на уменьшеніе слушательницъ въ лубянскихъ курсахъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто 181 слушательницъ, бывшихъ на курсахъ въ 1870 году, въ 1872 году осталось только 103. Всѣ словесно-историческіе предметы постепенно отпали въ пользу курсовъ В. И. Герье—и дѣятельность лубянскихъ курсовъ всецѣло сосредоточилась на предметахъ физико-математическаго университетскаго курса. Министерство народнаго просвѣщенія охотно разрѣшало частныя отступленія отъ первоначальной программы (т. е. программы классическихъ гимназій); но когда, путемъ этихъ отступленій, лубянскіе курсы приблизились къ уровню физико-математическаго факультета и было возбуждено ходатайство (въ 1880 году) о преобразованіи ихъ въ физико-математическій факультетъ и о предоставленіи окончившимъ курсъ опредѣленныхъ правъ,—мини-

стерство народнаго просвѣщенія заупрямилось и не дало на это своей санкціи. Безправіе же, неопредѣленность, неоформленность существованія курсовъ, хотя бы въ самыхъ основныхъ чертахъ, слишкомъ вредно вліяли на ходъ курсовъ, — количество слушательницъ годъ отъ году убывало. Это прекрасное высшеобразовательное женское учрежденіе, рѣшительно необходимое для Москвы, въ виду односторонности курсовъ профессора Герье, съ пользою просуществовавъ 10 лѣтъ, закрылось. Однимъ серьезнымъ разсадникомъ высшаго женскаго образованія стало меньше.

Заканчивая очеркъ этихъ, такъ сказать, предвѣстниковъ и предтечъ высшаго женскаго образованія, необходимо отмѣтить еще одну весьма серьезную черту — женское самоуправленіе на курсахъ. Владимірскіе курсы управлялись кружкомъ выборныхъ изъ среды учредительницъ курсовъ; аларчинскіе — выборными изъ среды слушательницъ (депутатками). Ф. Н. Королевъ, учреждая московскіе курсы, все управленіе ими принялъ на себя; но, оставляя курсы, онъ передалъ кормило правленія въ руки слушательницъ, — и лубянскіе курсы управлялись подобно аларчинскимъ курсамъ. Большую административную способность проявили женщины въ управленіи курсами. Не смотря на новизну и сложность дѣла, управленіе курсами и хозяйственная ихъ часть велись очень стройно, серьезно, разумно. Были и промахи, непзбѣжные въ каждомъ дѣлѣ; но они такъ мало значущи, просто ничтожны въ общемъ ходѣ курсовъ, что на нихъ даже неумѣстно было бы останавливаться.

М. Песковскій.

(Продолженіе будетъ).

ЖИРОНДИСТУ.

(Къ картинѣ К. Мюллера.)

Тронулась въ путь колесница позорная...
Узникъ, какъ снѣгъ, побѣлѣлъ.
Душу укутало облако черное,
Умъ отъ тоски онѣмѣлъ.
Онъ истомился за ночь безпредѣльную
Нечеловѣческихъ мукъ.
Лишь отдается въ немъ болью смертельною
Сердца усиленный стукъ.
Словно сквозь дымку тумана,
Движется море головъ,
Слышится бой барабана,
Слышится топотъ шаговъ.
Все это ждалъ онъ—и все неожиданно
Какъ-то случилося вдругъ.
Люди бѣгутъ, какъ на праздникъ невиданный...
Всѣхъ ихъ любилъ онъ, какъ другъ.
Страшныя тѣни парятъ надъ душою,
Выплывутъ, снова нырнутъ...
Грудь наболѣвшую съ болью тупою
Медленно, медленно рвутъ.
Что-то рыдаетъ... Туманится взглядъ...
Мрачно и страшно... Назадъ, о назадъ!!

Поздно... Напрасны тоска и рыданія...
Ахъ, какъ свѣтло назади!

Вотъ промелькнуло знакомое зданіе.
Дрогнуло что-то въ груди...
Онъ поклонился. Глядятъ любопытные.
Это—родной его домъ.
Плачутъ тамъ мать и сестра... Беззащитныя!
Вотъ за любимымъ окномъ
Первую книгу прочелъ онъ завѣтную,
Другомъ была ему книга дана,
Вечеромъ сѣлъ онъ и ночь непримѣтную
Съ нею провелъ онъ безъ сна.
Помнитъ: онъ всталъ обновленнымъ,
Къ другу скорѣй побѣжалъ,
Крѣпко въ порывѣ смущенномъ
Руку ему онъ пожалъ —
И полилися вдругъ слезы блаженныя...
День этотъ вмѣстѣ они провели.
Плача, давали обѣты священные,
Въ жертву себя обрекли...
Бѣдный ребенокъ! Въ тотъ радостный день
Первую къ гробу прошелъ онъ ступень!
Нѣту возврата. О, годы счастливые!
Гдѣ ихъ припомнить теперь?..
Тише, о тише, толпа... Терпѣливѣе!
Ждать ужь недолго, повѣрь...
Вотъ показалися стѣны угрюмыя...
Помнитъ онъ: судьи сидѣли кругомъ.
Вѣру въ людей звали верхомъ безумія,
Сильнаго вѣрою—звали врагомъ.
Жадно они разметали
Счастья минувшаго прахъ,
Жадно могилы копали,
Рылись въ погибшихъ мечтахъ,—
Нѣтъ, онъ не выдержалъ!.. Въ сердцѣ кипѣвшая
Рвалась наружу гроза.
Все, что таила душа наболѣвшая,

Все имъ швырнулъ онъ въ глаза...
Зналъ, что проходитъ въ тотъ горестный день
Онъ предпослѣднюю къ гробу ступень.
Да, предпослѣднюю... Шумъ приближается.
Что это?! Ноги дрожатъ...
Въ холодъ предсмертный душа погружается.
Страшно!.. Назадъ, о, назадъ!!
Поздно... Напрасны тоска и рыданія.
О, какъ свѣтло позади!
Бьютъ барабаны... Минута молчанія...
Что-то порвалось въ груди...
Снова, ревущей грозою,
Бурно ликуетъ народъ.
Все покрывается мглою,
Все завертѣлось...
Впередъ!!
Выше держи свою голову блѣдную,
Ногу смѣлѣй подымай—не страшись...
Это прошелъ ты ступеньку послѣднюю...
. . . . . .
—Кончены мука и жизнь.
Ты-жъ успокой, о родная земля,
Кости того, кто погибъ за тебя.

Н. Минскій.

ПОЛИТИКА МОСКВЫ И РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ.

(ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА).

I.

Въ русскомъ народѣ «нѣтъ ни малѣйшаго политическаго элемента, нѣтъ никакого политическаго духа», «русскій народъ—народъ не государственный»—заявлялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ поборниковъ нашей народности, покойный К. Аксаковъ. Заявлялъ же онъ это не въ какой нибудь слегка набросанной газетной статьѣ, но въ «Запискѣ», представленной имъ, въ 1855 году, покойному императору Александру Николаевичу. Стало быть, здѣсь выставлялъ онъ хорошо-обдуманный признакъ нашей народности въ примѣненіи ея къ политическому быту Россіи. Надобно полагать, что здѣсь были не слова, сказанныя на вѣтеръ, но слышался голосъ искренняго и глубокоубѣжденнаго человѣка, какимъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ К. Аксаковъ. Между тѣмъ, сторонники его политическаго ученія нынѣ неумолчно твердятъ, что Россія, какъ по внутреннимъ, такъ и по внѣшнимъ своимъ дѣламъ, должна держаться народной политики, но откуда же взять руководительныя для того начала? Нельзя же съ такою цѣлью обращаться къ пониманію народа, не имѣющаго ни малѣйшаго политическаго элемента, ни малѣйшаго политическаго духа. Это было бы то же самое, что̀ начать освѣдомляться у слѣпыхъ о цвѣтахъ и тѣняхъ, а у глухихъ—о силѣ и сочетаніи звуковъ. Такимъ образомъ, если признать справедливымъ заявленіе К. Аксакова—а заявленія этого не отвергаютъ наши литературные народники—о поголовной не-

способности русскаго народа къ дѣламъ политическимъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что народъ не только не руководилъ упомянутыми дѣлами, но даже не въ силахъ былъ понимать ихъ. Изъ этого выходитъ, что за него, въ области нашей отечественной политики, должны были всегда думать и дѣйствовать другія лица, отличавшіяся отъ него иными элементами, инымъ духомъ. Значитъ, люди эти или были какими-то выродками изъ народа, или людьми передѣланными на иной складъ, подъ вліяніемъ «духа» и «элементовъ», чуждыхъ русскому народу.

Мы не имѣемъ положительныхъ указаній на то, чтобы К. Аксаковъ подразумѣвалъ, подобно нынѣшнимъ его согласникамъ, подъ словомъ «народъ», одно только, такъ называемое, простонародье или, еще тѣснѣе, одно только крестьянство. По высказываемымъ же въ наше время взглядамъ, «русскимъ народомъ» могутъ считаться только тѣ русскіе люди, которые остались вѣрными московской старинѣ, не исказивъ въ себѣ основъ исконной своей народности зловредными ученіями Запада. Въ силу такого ограничительнаго понятія о народѣ, вопросъ о нашей «народной», или «національной» политикѣ представляется еще болѣе замысловатымъ. Невольно набѣгаетъ мысль: какимъ же путемъ люди, отрѣшенные вовсе отъ политики и, если такъ выразиться—лишенные даже по этой части всякаго природнаго чутья, могли являться представителями государственно-народной мудрости, оставаясь самобытниками безъ всякихъ позаимствованій изъ-чужа? Исторія политики Москвы—политики какъ внутренней, такъ и внѣшней,—можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ любопытный вопросъ.

Политика есть умѣнье пользоваться вещественными, умственными и нравственными силами народа, а въ разноплеменномъ государствѣ—и всѣхъ подвластныхъ ему народовъ; примѣняться къ его или ихъ потребностямъ и уровню понятій, и направлять всѣ эти подручныя силы къ опредѣленнымъ, иногда очень отдаленнымъ, но всегда полезнымъ цѣлямъ. При этомъ приходится сообразоваться съ различными обстоятельствами какъ внутри, такъ и внѣ государства, и быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Короче, здѣсь должна проявляться самая разносторонняя дѣятельность по сложнымъ, иногда чрезвычайно запутан-

нымъ вопросамъ, касающимся какъ внутренней управы государства, такъ равно и его отношеній къ другимъ державамъ.

По самому существу политическихъ дѣлъ, веденіе ихъ, по необходимости, должно оставаться за людьми «преимущими» по умственному развитію, которое, конечно, достигается путемъ образованія, переходящаго отъ одного народа къ другому. Между тѣмъ, московскіе народники проповѣдуютъ въ этомъ отношеніи полную обособленность русскаго народа и его самобытное развитіе на народныхъ началахъ и, какъ средство для достиженія этого, предлагаютъ вернуться «домой», т. е. въ Москву, или, точнѣе, къ бывшимъ тамъ и исходившимъ оттуда народно-государственнымъ порядкамъ.

Все это, впрочемъ, высказывается въ трескучихъ и безсодержательныхъ возгласахъ съ указаніемъ на блаженную московскую старину,—съ одной стороны, какъ на якорь государственнаго спасенія, какъ на поворотъ къ народному духу, а съ другой—какъ на исканіе какого-то измышленнаго «всечеловѣка» и «самого себя въ самомъ себѣ». При этомъ русскіе народники толкуютъ о «самородной умственности» и о «свѣтложизненномъ радостномъ міросозерцаніи», т. е. о такихъ предметахъ, которые дай Богъ осилить глубокомысленному нѣмецкому гелертеру, но которые вовсе не подъ стать простому здравому смыслу русскаго человѣка. Кромѣ того, народники наши, связывая эти туманныя отвлеченности съ возвратомъ домой, впадаютъ въ противорѣчіе, такъ какъ Москва не занималась никогда такими выдуманными отвлеченностями и представляла собою только образецъ государственной дѣловитости.

О туманности и шаткости подобныхъ проповѣдей излишне говорить. Внимать имъ—значитъ то же самое, что вмѣсто простой русской пѣсни слушать московскіе романсы новѣйшей стряпни. Впрочемъ, если даже и допустить пользу, могущую произойти отъ поворота къ московской старинѣ, то все же производимая при этомъ игра на струнахъ русской народности является особымъ вопросомъ при сопоставленіи этой народности съ внутренней и внѣшней политикой во время московской поры нашей исторіи.

Несомнѣнно, что, по возвращеніи «домой», политика эта должна будетъ почерпать руководительныя для себя начала не изъ ученій Запада, а изъ того духа и тѣхъ воззрѣній, которыя были

свойственны московскимъ временамъ. Несомнѣнно также и то, что въ этомъ случаѣ является важнѣе всего историческая преемственность политическихъ преданій.

Въ прежнюю пору, вопросы какъ внутренней, такъ и внѣшней политики были иного свойства, сравнительно съ нынѣшними. Въ нихъ не было того осложненія и той запутанности, какими они отличаются нынѣ. Такъ, по внутренней политикѣ, государственная власть не занималась вовсе, нынѣ жизненнымъ, политическимъ вопросомъ о народномъ образованіи. О государственномъ языкѣ не было и помину: онъ существовалъ самъ по себѣ. Печати, столь тревожащей нынѣ всѣ правительства, у насъ въ московскую пору не существовало, за исключеніемъ, начавшагося въ исходѣ XVI столѣтія, печатанія богослужебныхъ книгъ. Не существовало и рабочаго вопроса, который обратился нынѣ въ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ политическаго свойства. Финансовая и торговая политика не отличалась особенною затѣйливостью, да, наконецъ, и всѣ вообще условія внутренней государственной управы были настолько просты и обиходны, что не представляли для правительства какихъ либо чрезвычайныхъ затрудненій: во всемъ можно было справиться грозою и силой. Теперь всѣ эти дѣла, намѣченныя нами въ общихъ чертахъ, подлежащія вѣдѣнію внутренней политики, приняли совершенно иной складъ и достигли такихъ размѣровъ, что, относительно ихъ, отъ былаго времени не только нельзя получить какихъ либо руководительныхъ указаній, но даже и какихъ либо поверхностныхъ отвѣтовъ. На запросы объ этихъ дѣлахъ, въ нынѣшнемъ ихъ значеніи, московская старина должна отзываться безусловнымъ молчаніемъ. Въ свою очередь она, въ частности, даетъ очень неподходящіе къ нашему времени отвѣты, въ родѣ того, напримѣръ, что учиться по-латыни значитъ—губить свою душу, а открывать тайны природы—заниматься волхованіемъ и чародѣйствомъ. Рабочій вопросъ она упрощаетъ чрезвычайно, внушая, что лѣнивaго раба нужно понуждать къ работѣ лозою или батогомъ. По части финансовой политики она поучаетъ «выбивать» государевы доходы и т. д.

Теперь мы обратимся къ обсужденію вопроса о томъ, насколько государственная политика Москвы соотвѣтствовала въ свое время духу, понятіямъ и стремленіямъ русскаго народа?—

т. е. постараемся опредѣлить, до какой степени можно считать ее народною и національною въ ту пору, а слѣдовательно пригодною и нынѣ, еслибы могло состояться чудеснымъ образомъ предполагаемое возвращеніе «домой», или, говоря иначе, возвращеніе къ началамъ московской политики.

II.

Съ Москвой, прежде безвѣстнымъ поселкомъ, возникшимъ среди финскаго племени, а потомъ «стольнымъ» городомъ «молодшаго» великаго княженія, носившимъ не только не русское, но и вообще не славянское названіе, — не были связаны преданія и воспоминанія о стародавней русско-народной жизни. Москва только впослѣдствіи освятилась въ глазахъ русскихъ развитіемъ народности. Въ Москвѣ господствовали не преданія народа, но преданія одной семьи, вознесшейся среди всѣхъ своихъ родичей. Первенство Москвы установилось: вслѣдствіе отшествія въ сторону Литвы Кіева—«матери городовъ русскихъ»; вслѣдствіе паденія Новгорода—колыбели русской державы—и утраты политическаго значенія такими древними русскими городами, какими были: Псковъ, Тверь, Рязань, Ростовъ, Суздаль и Владиміръ-на-Клязьмѣ. Москва, въ совершенную противоположность этимъ вѣчевымъ городамъ, явилась представительницею новыхъ государственныхъ началъ и зиждительницею того политическаго объединенія Земли Русской, которое не могло установится на Руси при вѣчевыхъ порядкахъ въ старѣйшихъ городахъ русскихъ. Не смотря на свое государственное значеніе, Москва даже въ XVI столѣтіи не достигла первенства въ общественномъ пониманіи. Такъ, во всѣхъ случаяхъ, когда вычитывался великокняжескій, а потомъ и царскій титулъ, наименованіе «Владимірскій» стояло выше наименованія «Московскій». Когда въ 1588 году возникло предположеніе объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, то мѣстопребываніе патріарха всей Руси назначалось во Владимірѣ, какъ «стольнѣйшемъ» городѣ, и новый первосвятитель долженъ былъ именоваться патріархомъ «Владимірскимъ», а не «Московскимъ». Значитъ, историческія, а вмѣстѣ и народныя преданія, даже въ концѣ XVI столѣтія, были въ сѣверной Руси за Владиміръ, а не за Москву.

Несомнѣнныя политическія заслуги Москвы передъ Россіей должны, конечно, признавать всѣ русскіе люди и преимущественно такъ называемые «западники», потому что Москва, создавъ «государство» московское, приблизила Русь къ тѣмъ порядкамъ, какіе въ ту пору существовали уже на Западѣ, т. е. установила монархію, или единодержавіе. Государственность, а не народность, была положена Москвою въ основаніе нашей политической жизни, и великіе князья, а тѣмъ болѣе цари московскіе и всея Руси явились передъ Европой въ томъ блескѣ, въ какомъ не могли показаться ей прежніе великіе князья, занимавшіе «столы», колеблемые и великокняжескими родичами, и вѣчевымъ произволомъ. Иностранные государи все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ почетомъ стали относиться къ дѣйствительнымъ уже, а не призрачнымъ властителямъ всея Руси, какъ къ своимъ державнымъ собратамъ. Въ свою очередь, и государи московскіе усердно, какъ мы это увидимъ, заботились о томъ, чтобъ поддержать свое достоинство въ мнѣніи Европы. Они не пренебрегали этимъ мнѣніемъ,—и современные намъ поборники московской старины, внушая презрѣніе и высокомѣрныя отношенія къ Западу, идутъ въ разрѣзъ съ тѣми основами, какія усвоила себѣ наша московская политика при своемъ, повидимому, самобытномъ развитіи.

Мы высоко ставимъ государственную мудрость Москвы, но признаёмся, что въ политикѣ ея не видимъ слѣдовъ той народности, какую обыкновенно ей приписываютъ. Москва думала о «государствѣ», а не о народѣ и не объ его исконныхъ обычаяхъ и преданіяхъ. И тѣ и другія не подходили подъ ея увеличивающійся государственный ростъ, и ей нужно было не поддерживать, а стереть ихъ съ лица Земли Русской для водворенія новыхъ порядковъ. Ей для развитія и упроченія своего могущества были нужны книжныя или самодѣльныя, но не народныя начала, съ которыми она и вела борьбу, созидая небывалую еще у насъ государственность по собственному своему почину.

Въ нашей исторіи московской поры имѣетъ первостепенную важность вопросъ о объединительной политикѣ государей московскихъ. Какъ ни сильно отозвалась эта политика на будущности русской державы, и по какимъ бы соображеніямъ ни держались ея владѣтели Москвы, все же политика ихъ не бы-

ла въ духѣ русскаго народа и шла наперекоръ его обычаямъ и преданіямъ.

Если современные намъ народники обличаютъ «петербургскій періодъ» нашей исторіи въ уклоненіи отъ народныхъ началъ, то это же самое приходится сказать и относительно московской поры. Если Петербургъ представляется имъ столицею, чуждой Россіи, то развѣ въ свое время и Москва не представлялась Руси такимъ же чуждымъ «стольнымъ» городомъ? Если Петербургъ затмилъ первенствующее значеніе Москвы, то развѣ и она, въ свою очередь, не поступила точно также въ отношеніи древнѣйшихъ городовъ русскихъ, надъ которыми прошло нѣсколько вѣковъ народно-русской жизни? Если Петръ, уклоняясь отъ старо-московскихъ порядковъ, основалъ свое мѣстопребываніе въ новомъ городѣ, то развѣ великіе князья московскіе остались на жительствѣ въ старинныхъ вѣчевыхъ городахъ? Вообще, въ основѣ московской государственности лежатъ, въ сущности, тѣ же самыя соображенія, какими руководствовался Петръ, покидая Москву. Если народъ роптalъ на нововведенія Петра, то здѣсь только повторялось то же самое, что̀ было и при водвореніи господства Москвы, когда, по свидѣтельству современныхъ источниковъ, въ народѣ говорили: «нельзя жить, какъ живемъ теперь, не по нашимъ старинамъ!»

Самые способы, употребляемые Москвою для государственнаго объединенія, обнаруживаютъ отсутствіе общенародныхъ стремленій къ такому новому порядку. Москва присоединяла къ своимъ владѣніямъ отдѣльныя княженія или ихъ части, посредствомъ купли, обмѣна, по «чернымъ памятямъ», т. е., по завѣщаніямъ, по ярлыкамъ ханскимъ или, просто, въ силу завоеванія. Все это было, конечно, дѣломъ государственной, но никакъ не народной политики, т. е. не такой политики, которая соображалась бы съ желаніемъ народа. Иванъ III заявлялъ новгородцамъ, что онъ хочетъ имѣть у нихъ «государство». При окончательномъ покореніи Новгорода, вмѣстѣ съ московскою ратью, дѣйствовали «сильные» татарскіе полки подъ предводительствомъ татарскаго царевича Муртоса. Въ Хлыновѣ было оказано господству Москвы такое упорное сопротивленіе, что нужно было отправить туда огромное,—особенно по той порѣ,—шестидесяти-четырехъ-тысячное войско, въ которомъ татары пре-

обладали по ихъ численности. Помимо вопроса о значеніи народоправствъ новгородскаго и хлыновскаго, нельзя не признать, что Москва, наводя на нихъ татарскіе погромы, не могла никакъ пріобрѣсти себѣ сочувствія среди русскаго православнаго народа.

Наряду съ такими насильственными способами объединенія, Москва вела политику личнаго закрѣпощенія, безъ сомнѣнія, слишкомъ противную духу русскаго народа. Вслѣдствіе этой политики, боярство и вообще служилые люди подверглись личному закрѣпощенію. Въ великомъ княженіи московскомъ не заводилось уже прежнихъ вольныхъ дружинъ, которыя были однимъ изъ отличительныхъ признаковъ народной нашей жизни. Съ уничтоженіемъ разныхъ удѣльныхъ, а также независимыхъ великихъ княженій Тверскаго и Рязанскаго, прежніе отъѣзды бояръ должны были прекратиться сами собою, да и кромѣ того, Москва требовала или добывала насиліемъ отъѣзжиковъ въ эти княженія. При такихъ условіяхъ, и боярамъ, и служилымъ людямъ приходилось по неволѣ оставаться «крѣпкими» государству московскому. Не имѣя уже возможности укрыться въ предѣлахъ Русской Земли, бояре и служилые люди стали искать для себя убѣжище въ Литвѣ, и многочисленность «крестоцѣловальныхъ» и «поручныхъ» записей свидѣтельствуетъ объ изобиліи московскихъ отъѣзжиковъ, не зараженныхъ еще западнымъ лжеученіемъ. Стремленіе къ отъѣздамъ изъ Москвы сохранялось въ московскомъ боярствѣ и въ служилыхъ людяхъ даже во второй половинѣ XVII вѣка. Нынѣ наши мнимые народники корятъ русскихъ людей за тяготѣніе къ чужеземщинѣ, но вотъ что писалъ князь Иванъ Голицынъ царю Алексѣю Михайловичу: «русскимъ людямъ съ королевскими вмѣстѣ служить нельзя: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ лучшихъ людей», т. е. переберутся въ Польшу. Не отъ себя мы говоримъ о такихъ стремленіяхъ «русскихъ лучшихъ» людей, которые не были еще, какъ нынѣшняя наша «интеллигенція», оторваны отъ народа. За насъ говоритъ современникъ старо-московскихъ порядковъ, и несомнѣнно, что рѣчь его гораздо достовѣрнѣе, чѣмъ измышляемые возгласы о разныхъ задушевныхъ московскихъ «единеніяхъ».

Въ свою очередь и горожане становились «крѣпкими» той

мѣстности, гдѣ они или жили изначала, или были поселены, противъ ихъ воли, по распоряженію правительственной власти. Въ силу установившейся въ Москвѣ политики, оставалось закрѣпостить крестьянъ за ихъ помѣщиками и вотчинниками, что̀ и было сдѣлано при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ. Закрѣпощеніе крестьянъ у насъ обыкновенно приписываютъ злокозненнымъ разсчетамъ тогдашняго правителя государства, впослѣдствіи царя Бориса Ѳедоровича, заискивавшаго для себя поддержки у бояръ. Думается, однако, что къ такому поверхностному объясненію не лишнимъ будетъ сдѣлать нѣкоторое добавленіе.

Закрѣпощеніе сельскаго населенія на Руси было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обще-государственной политики, усвоенной Москвою. Послѣ того, какъ бояре и люди служилые сдѣлались, вопреки прежнимъ народнымъ обычаямъ, «крѣпкими» государству, а горожане—городамъ, приходилось и крестьянамъ сдѣлаться «крѣпкими» землѣ. Въ основѣ московской политики было пріуроченіе каждаго къ опредѣленному мѣсту и наложеніе на каждаго какого-либо «тягла». Еслибы сами «преимущіе» люди не были лишены прежней личной свободы, выражавшейся въ безпрепятственномъ переходѣ на службу отъ одного владѣтеля къ другому, то едва ли они могли бы подумать о возможности поступить подобнымъ же образомъ съ лично-свободнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Обратившись же изъ вольныхъ дружинниковъ въ подневольныхъ холоповъ, они не могли уже относиться бережно къ правамъ низшихъ «посошныхъ» людей.

Безъ сомнѣнія, и по понятіямъ того времени представлялось и страннымъ, и непослѣдовательнымъ, что боярин̀ъ и служилый человѣкъ не могли отъѣхать въ сторону, какъ они дѣлывали это прежде; что горожанинъ не имѣлъ права уйти оттуда, гдѣ онъ долженъ былъ нести свое тягло, тогда какъ «смердъ» могъ, по прежнему, свободно разгуливать по всей русской землѣ. Нужно было, для избѣжанія такой несообразности, сдѣлать своего рода уравненіе. Странно же было допускать, чтобы простой человѣкъ, относительно возможности располагать своею личностью, пользовался бо̀льшимъ правомъ, нежели человѣкъ «преимущій» во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Прямымъ послѣдствіемъ такихъ, вполнѣ понятныхъ, соображеній и было общее личное закрѣпощеніе русскаго крестьянства посредствомъ прикрѣпленія къ

землѣ, сдѣлавшейся временною или полною собственностью помѣщика или вотчинника.

Само собою разумѣется, что такую политику никакъ нельзя приводить въ связь съ духомъ и стремленіями народа, такъ какъ она направлялась въ разрѣзъ съ его бытовыми условіями и хранившимся среди его воспоминаніями. Политика Москвы, въ отношеніи угнетенія и подавленія народа, шла замѣтно впередъ. Такъ, «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича, слѣдуя не русскому духу, а татарскому обычаю, узаконило ставку крѣпостнаго человѣка на правежъ за долги его господина. Затѣмъ, когда во время войны съ Польшею царь Алексѣй обѣщалъ своему воинству особенныя милости и когда послѣ того служилые люди стали жаловаться, что у нихъ много бѣглыхъ, то царь, снисходя къ ихъ жалобамъ, какъ бы въ видѣ оказанія имъ милости, послалъ въ Москву указъ, чтобы бояре схватили бѣглецовъ, «да изъ нихъ, добавилъ Алексѣй Михайловичъ,—человѣкъ десять повѣсить въ старыхъ нашихъ городахъ, а другихъ—бить кнутомъ и отсылать въ Москву»...

Послѣдствія такой угнетательной политики были прискорбны. Бояре и люди служилые, ничѣмъ не обезпеченные ни лично, ни имущественно, начали домогаться болѣе выгоднаго положенія, пуская въ ходъ ковы и крамолы. Такой образъ дѣйствій проходитъ черезъ всю московскую пору. Духъ пропсковъ, жившій среди подневольнаго боярства, проявился съ особенною рѣзкостью въ смутное время. Едва только представилась возможность недальняго отъѣзда изъ Москвы, какъ и бояре, и служилые люди стали перебираться изъ Москвы на новоселье въ тушинскій станъ, очень хорошо зная, что они шли на службу къ «воровскому» царю. Горожане, недовольные воеводскимъ управленіемъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія, стали заявлять правительству, что они «разбѣгутся въ стороны», а крестьяне осуществляли подобную угрозу на дѣлѣ. Они толпами уходили на Украйну, на Донъ и на Уралъ. Убѣдиться въ томъ, что московская политика не проникалась народнымъ духомъ и не дѣйствовала согласно съ нимъ, очень не трудно, если взглянуть на то печальное состояніе, въ какомъ находилось государство московское ко времени петровскихъ преобразованій. Бунтъ въ Новгородѣ; вооруженное возстаніе Пскова въ союзѣ съ Гдо-

вомъ и Изборскомъ; семилѣтняя осада непокорной царскимъ указамъ соловецкой обители; возмущенія въ Москвѣ, когда мятежники, или по тогдашнему «гилевщики» изъ народа, дерзнули даже оскорбить царя; раскольничьи и стрѣлецкіе мятежи и, наконецъ, возстаніе Разина, когда ватаги русскаго народа овладѣвали государевыми городами и шли на Москву, чтобы перебить бояръ, служилыхъ и приказныхъ людей:—все это слишкомъ наглядно свидѣтельствуетъ о разладѣ правительственной власти съ народомъ и должно отнимать охоту возвратиться «домой».

Разладъ этотъ происходилъ отъ того, что «государство Московское»—какъ тогда называлась прежняя Русь, или Русская Земля—не заботясь вовсе о томъ, что̀ было нужно народу, дѣйствовала въ разрѣзъ съ его обычаями и заимствовала основныя начала своей внутренней политики изъ такихъ источниковъ, которые противорѣчили русской народности.

III.

Признакомъ народности въ московской политикѣ наши зазыватели «домой» выставляютъ преимущественно: мѣстное самоуправленіе, земскіе соборы и челобитныя, подаваемыя государю сообща. Думается однако, что всѣ эти признаки не имѣютъ вовсе того значенія, какое придается имъ ревнителями московской старины. Эти господа весьма смутно понимаютъ сущность дѣла, играютъ звонкими словами и умалчиваютъ—умышленно или только по невѣдѣнію—о томъ, какъ возникло и что̀ представляло собою на дѣлѣ московское «самоуправленіе».

Связывая, по недосказанному изложенію нашихъ историческихъ учебниковъ—мысль объ этомъ самоуправленіи съ мыслью о защитѣ народа отъ произвола мѣстныхъ начальствъ, народники выставляютъ московское областное самоуправленіе за образецъ, который можетъ быть позаимствованъ изъ исторіи самобытнаго нашего развитія. Взамѣнъ другихъ учрежденій, заводимыхъ на западный ладъ, царь Иванъ IV,—по ихъ умилительному повѣствованію,—покровительствуя народу, хотѣлъ упомянутою мѣрою противопоставить боярству горожанъ и поселянъ. Оказывается, однако, что мѣстное самоуправленіе въ государствѣ московскомъ стали первоначально водворять бояре, а не царь,

т. е. оказывается совершенно противное тому, что̀ разсказывается въ бытописаніяхъ нашихъ московскихъ народниковъ.

Царь Иванъ IV Васильевичъ, по прозванію Грозный, родился 25-го августа 1530 года, а первыя грамоты, жалованныя городамъ, пригородамъ и волостямъ, относятся уже къ 1539 г. слѣдовательно къ той порѣ, когда государствомъ правили бояре. Грамоты были даны только отъ имени царя, но не имъ непосредственно, да, конечно, и безъ всякаго участія восьми или девяти-лѣтняго ребенка. Въ упомянутомъ году даны были грамоты на самосудъ и саморасправу каргопольцамъ, бѣлозерцамъ и галичанамъ. Правда, что и Иванъ IV, вступивъ въ правленіе государствомъ, продолжалъ начатую боярами выдачу грамотъ, но онъ пренебрегалъ ими, и когда, въ 1547 году, семьдесятъ человѣкъ псковичей пріѣхали въ Москву жаловаться на своеволіе воеводъ, вопреки данной Пскову грамотѣ, то онъ приказалъ обливать этихъ представителей мѣстнаго управленія горячимъ виномъ, палилъ имъ огнемъ бороды и самъ зажигалъ свѣчею волосы на ихъ головахъ.

Въ силу грамотъ, данныхъ городамъ, пригородамъ и волостямъ въ боярское правленіе, какъ горожане, такъ и поселяне получили право суда, помимо намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Они могли ставить у себя судьями дѣтей боярскихъ, а также старостъ и десятскихъ изъ «лучшихъ» людей. Эти должностныя лица назывались «выборными головами» и «губными старостами». Обязанность ихъ была—ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ. Иванъ IV, какъ мы сказали, продолжалъ эту боярскую поблажку народу, но обставилъ ее такъ, что она стала обращаться въ тяготу. Для полученія царской жалованной грамоты нужно было горожанамъ или поселянамъ принять непосредственно на себя сборъ оброка, наложеннаго царемъ. Вслѣдствіе этого, такія льготныя грамоты стали называться «откупными», такъ какъ въ силу ихъ горожане и поселяне откупались у царя отъ его воеводъ и тіуновъ. Выдача грамотъ на такихъ условіяхъ напоминала времена татарщины, когда русскіе князья, откупаясь отъ ордынскихъ царей, устраняли вмѣшательство татаръ въ судъ и расправу. Предоставленное упомянутыми грамотами самоуправленіе было очень шатко, такъ какъ, если оброки не сходили въ срокъ сполна, то ихъ доправляли слу-

жилые люди самыми крутыми способами, а города и волости утрачивали дарованное имъ право. Отъ Ивана IV получили «откупныя грамоты», въ 1555 году, устюжскія, а въ 1556 году—двинскія волости. Особенной охоты къ полученію «откупныхъ» грамотъ на Руси не проявлялось, и это очень понятно: на дѣлѣ онѣ не обезпечивали никакихъ правъ и не уничтожали произвола намѣстниковъ и воеводъ. Притомъ трудно было находить такихъ «излюбленныхъ» людей, которые захотѣли бы принимать на себя отвѣтственность за исправный платежъ оброка и рѣшились бы отвозить его въ Москву, гдѣ ихъ ожидали разныя невзгоды. Вѣроятно, къ этому времени относится существующая донынѣ въ нашемъ народѣ поговорка: «въ Москву идти—голову нести», замѣнившая прежнюю, въ которой на мѣсто слова «Москва» ставилось слово «орда». Такимъ образомъ оказывается, что «Москва» и «орда» слились у народа въ одно понятіе, и это свидѣтельствуетъ, что политика Москвы не пользовалась расположеніемъ народа. На Москву какъ бы переходили преданія о временахъ татарскихъ.

Итакъ восхваляемое нашими народниками московское городское и сельское самоуправленіе не имѣетъ вовсе той привлекательности, какую силятся придать ему, и ближе всего подходитъ къ оброчному положенію бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Во внутренніе ихъ распорядки самъ баринъ не вмѣшивался, если староста или бурмистръ исправно доставлялъ наложенный на вотчину оброкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ господинъ не отказывался отъ права поступить, если онъ того пожелаетъ, и съ сельскими выборными, и съ крестьянами по своему личному усмотрѣнію, такъ что здѣсь не было никакого «правоваго порядка».

Затѣмъ, если въ самоуправленіи такого рода видѣть какой-то зачатокъ народной жизни, требовавшій только дальнѣйшаго развитія, то нельзя не признать, что и такой скудный зачатокъ былъ уничтоженъ не преобразованіями Петра, но политикою Москвы, установившей государственную власть, а не общественное управленіе, и весьма неблагосклонно смотрѣвшей на выборное начало. Уже къ 1642 году никакихъ «излюбленныхъ» людей на Руси не было. На происходившемъ въ этомъ году земскомъ соборѣ соборяне заявляли: «оскудѣли мы отъ воеводскаго задержанія и насильства; при прежнихъ государяхъ посадскіе люди су-

дились сами между собою; воеводъ, кромѣ украинскихъ городовъ, не было, а были губные старосты». Политику безусловнаго господства правительственной власти, безъ всякой примѣси выборнаго начала, Москва старалась утвердить и въ только-что поддавшейся ей Малороссіи. Такъ, стольнику Кикину данъ былъ наказъ внушать черкасамъ, т. е. малороссамъ, чтобъ они, отказавшись отъ выборной старшины, просили у царя московскихъ воеводъ. Еще ранѣе, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, Москва требовала, чтобы донскіе казаки служили не подъ начальствомъ «излюбленныхъ» ими людей, а подъ начальствомъ московскихъ воеводъ. Казаки, не подчиняясь этому требованію, отвѣчали, что они прежде служили съ «своими головами», а съ воеводами служить не будутъ.

«Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича уничтожило въ Землѣ Русской всѣ зачатки народнаго самоуправленія, которыя проявились было въ малѣтство Ивана IV, по боярскому почину. Послѣ изданія «Уложенія», всюду установилась приказная и воеводская расправа.

Въ виду этого, представляются не только странными, но и забавными возгласы нашихъ московскихъ народниковъ о мѣстномъ самоуправленіи, согласномъ съ духомъ народа, объ «оздоровленіи» какихъ-то корней, поврежденныхъ губительными наносами съ Запада, о развитіи народной жизни и т. д., съ приглашеніемъ при этомъ вернуться «домой», т. е. къ старомосковскимъ порядкамъ.

Что касается значенія земскихъ соборовъ, то они, какъ совѣщательныя учрежденія, введенныя въ обычай съ особыми правительственными цѣлями, не согласовались съ духомъ русскаго народа, среди котораго вѣча, мірскіе сходы и отпрыски этихъ послѣднихъ—«казацкіе круги»—являются собраніями, имѣющими рѣшающую силу. Такой общій складъ собраній или сборищъ отразился даже и въ самыхъ обиходныхъ народныхъ учрежденіяхъ, какъ напримѣръ, артели и разныя промышленныя ватаги. Лучшимъ доказательствомъ, что земскіе соборы не совпадали съ понятіями народа, служитъ то, что о нихъ не сохранилось въ народѣ никакой благодарной или сочувственной памяти. Напротивъ даже, въ одной старинной народной пѣснѣ упоминается,

что царь рубитъ головы тѣмъ соборянамъ, которые дерзаютъ сказать ему на соборѣ «встрѣчное слово».

Земскіе соборы прошли въ народной жизни совершенно безслѣдно, не пріучивъ къ себѣ народа и не принеся ему никакой пользы. Сама правительственная власть не обращала никакого вниманія на ихъ мнѣнія. Такъ, на соборѣ по вопросу: отдавать ли обратно Азовъ туркамъ?—мнѣніе собора высказалось въ отрицательномъ смыслѣ, но, тѣмъ не менѣе, изъ Москвы былъ посланъ указъ о возвращеніи султану этого города. Въ другой разъ невниманіе правительства къ земскому собору выразилось еще рѣзче. Такъ, былъ созванъ соборъ по вопросу: принимать ли Малую Россію подъ державу государя московскаго?—но прежде чѣмъ успѣлъ составиться соборъ и высказать по этому вопросу какое либо мнѣніе, въ Украйну были отправлены царскіе посланцы для заключенія окончательнаго договора съ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ.

Соборы не улучшали внутренней государственной управы: не смотря на заявленія, дѣлаемыя на соборахъ, воеводы продолжали грабить и притѣснять народъ. Мало того, заявляемыя на соборахъ жалобы государевыхъ «спротъ» и разныхъ «людишекъ» даже и не доходили до царя чрезъ тогдашнее «средостѣніе». Такъ надобно заключать изъ того, что въ выпискахъ изъ соборныхъ постановленій, приготовленныхъ для прочтенія государю, не вносились сѣтованія соборянъ на обиды, притѣсненія и жалкое положеніе народа. Извѣстно также, что за порицаніе прочитаннаго на земскомъ соборѣ «Уложенія» до 150 человѣкъ были заточены въ Соловецкій монастырь.

Нынѣшняя наша «бюрократія», противъ которой такъ яростно вооружаются наши народники, ведетъ свое начало изъ временъ утвержденія московской управы. Еще при Василіи III дьяки были главными воротилами государственныхъ дѣлъ. Иванъ IV, по словамъ Курбскаго, вполнѣ довѣрялъ своимъ дьякамъ, а по извѣстію, дошедшему отъ другаго русскаго отъѣзжика, Тетерина, у царя были новые довѣренные люди (вѣрники)—дьяки, которые «половиною его кормили, а бо́льшую—себѣ брали». При немъ, по его указу, «дьяки» вѣдали въ Новгородѣ всѣми земскими дѣлами и, по словамъ лѣтописца, «дьяки были мудры, а земля пуста». Части, на которыя при Иванѣ IV было раздѣлено

московское государство, назывались не по городамъ или областямъ, а по именп завѣдывавшихъ ими дьяковъ. Впослѣдствіи государи московскіе, не рѣшаясь нарушить право мѣстничества, стали проводить дьяковъ въ боярскую думу, подъ именемъ «думныхъ дворянъ», а царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ дьяковъ въ качествѣ тайныхъ надсмотрщиковъ даже за воеводами, начальствовавшими надъ войскомъ. Дьяки, при неспособности бояръ, заправляли въ приказахъ всѣми дѣлами, и они—эти всемогущіе дѣльцы—а не коллегіальныя учрежденія со введеніемъ выборнаго начала, основанныя Петромъ Великимъ, должны считаться первоначальными представителями нашего чиновничества. О нихъ и объ ихъ подручникахъ—подъячихъ и приказныхъ—донынѣ живетъ въ русскомъ народѣ ненавистная память.

«Несовѣтіе» было въ духѣ московской политики. Стремленіе къ этому проявилось еще при великомъ князѣ Василіи III, который говорилъ ближнимъ своимъ людямъ, желавшимъ высказать государю свое мнѣніе: «поди прочь, смердъ, ты мнѣ ненадобенъ». Близкій къ Василію III человѣкъ, епископъ Вассіанъ (Топорковъ) внушалъ его сыну, Ивану IV, что если онъ, Иванъ, хочетъ быть самодержцемъ, то не держалъ бы при себѣ совѣтника, который былъ бы умнѣе его. Затѣмъ, какое бы значеніе ни придавали думѣ боярской, во всякомъ случаѣ она не была произведеніемъ народнаго духа и народныхъ стремленій. Не была, да и не могла она быть проводникомъ народнаго голоса, но была, напротивъ, «средостѣніемъ», заглушившимъ его. Самъ народъ не единился съ боярами, издстари отличая «боярскій разумъ» отъ «крестьянской простоты».

Наконецъ, челобитья, подаваемыя государю сообща, на которыя такъ умилительно указываютъ народники, какъ на прямую связь народа съ царемъ, не имѣютъ вовсе такого объединяющаго значенія. Всего чаще челобитья подавали люди «преимущіе»—помѣщики и тогдашніе «плутократы»—люди торговые и промышленные; закрѣпощенные же крестьяне не пользовались этимъ правомъ, такъ какъ у нихъ были свои «государи», отдѣлявшіе ихъ отъ царя. Притомъ челобитья эти составлялись не въ силу совѣщаній между представителями «всякихъ чиновъ» и даже не въ силу совѣщаній людей того чина, къ которому вообще могло относиться дѣло, затрогиваемое челобитчиками. Ста-

ринныя московскія челобитныя, подаваемыя на имя царя, составлялись обыкновенно небольшимъ кружкомъ просителей, желавшихъ получить какія либо выгоды, которыя очень часто клонились во вредъ или ущербъ другимъ. Выходило такъ: нѣсколько человѣкъ, сговорясь между собою, просили о чемъ нибудь царя и посылали ходоковъ въ Москву, которые посулами и устраивали дѣло въ подлежащемъ приказѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, нерѣдко другой кружокъ челобитчиковъ просилъ объ отмѣнѣ того, что̀ было сдѣлано по первой челобитной, и тогда послѣдняя челобитная удовлетворялась въ противность первой. Очевидно, что въ такихъ челобитныхъ не слышалось вовсе голоса народа, но въ нихъ только отражались желанія или домогательства той или другой горсти стакнувшихся между собою людей. О народныхъ отголоскахъ тутъ не могло быть и помину, такъ какъ не было никакого общаго народнаго или хоть мѣстнаго народнаго представительства. Подачею челобитныхъ объясняется шаткость московскаго законодательства. Оно, удовлетворяя нерѣдко противоположныя одна другой челобитныя, установляло сегодня одно, а спустя нѣкоторое время другое правило, смотря потому, какъ пошло то или другое дѣло въ приказѣ.

Е. Карновичъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ОДНОДВОРЦЫ.

Повѣсть.

VII.

Темною лѣтнею ночью, у костра тлѣющаго и вдругъ вспыхивающаго, прилегли усталые брёховскіе мужики, стерегшіе лошадей въ ночномъ. День-денской навозъ со дворовъ возили въ поле; кто въ зипунъ завернулся, кто въ старый полушубокъ. Впрочемъ ночь стояла теплая. Млечный путь, перепоясавъ темный небосклонъ, свѣтился миріадами то блѣдныхъ, то яркихъ звѣздъ. Разбредшіяся по раздольному лугу, спутанныя лошади то чернѣлись, приближаясь къ слабому свѣту догоравшаго костра, то уходили въ темноту ночи. Оттуда, изъ этой теплой ночной темноты неслось здоровое фырканье, звучное лягапье, пронзительный визгъ кусающихся лошадей; кругомъ слышалось, какъ лошадиные зубы звучно щипали траву. Лошадиныя головы и шеи, приближаясь къ костру, освѣщались его вспышками. Въ тихой и теплой темнотѣ ночи, гдѣ-то далёко, тупо стучали въ чугунную доску,—конечно, на помѣщичьей усадьбѣ, у амбара. Доносился откуда-то собачій лай. Но эти далекіе, тревожные звуки были безсильны нарушить торжественность и величіе ночнаго покоя. Изрѣдка въ чуткомъ, словно прислушивающемся, ночномъ воздухѣ проносился отдаленный звонъ церковнаго колокола; чибизъ, словно съ испуга, вскрикивалъ вдругъ пронзительно и жалобно, и срывался съ своихъ глухихъ кочекъ. Шумѣли въ темнотѣ его сухія крылья, звонко разсѣкавшія недвиж-

ный воздухъ. Бѣдная птица, какъ бы жалуясь на свое горе людямъ, какъ бы взывая къ нимъ о помощи, кружится съ жалобнымъ плачемъ надъ спящими мужиками и исчезаетъ въ темнотѣ. Вотъ всплеснула въ ручьѣ сонная вода, задѣтая на лету птичьимъ крыломъ... И опять только жаворонки поютъ да лягушки квакаютъ...

Не всѣ мужики спали въ ночномъ; очередные: Рачителевъ Иванъ, Суярокъ Кузьма, да бѣлобрысый здоровенный Савка лежали тѣснымъ кругомъ, какъ говорится «на чеку», прислушиваясь къ малѣйшему подозрительному звуку. Воротившійся въ село Антошка конокрадъ напугалъ брёховцевъ не на шутку: какъ бы лошадку у кого молча не попросилъ? Миша, тоже очередной, стерегъ въ сторонѣ отъ олешника: неравно пришлось бы вора перенять. Миша, не дожидаясь петровокъ, поставилъ избу: подошелъ ему случай купить сходно кобылу съ телѣгой и упряжью; а что остались деньжонки, онъ къ свадьбѣ берегъ. Брёховскіе однодворцы стерегли свой табунъ въ ночномъ, обыкновенно, въ «кулигахъ» и «на острову». «Островомъ» называлась обширная лука, то есть, какъ ладонь, ровный лугъ, съ трехъ сторонъ охваченный узкою, вилявшею какъ змѣя, рѣчкой; широкій перешеекъ съ густымъ олешникомъ, обсѣвшимъ болото въ высокихъ кочкахъ, соединялся съ зеленями на косогорѣ. Очередные мужики разговаривали. Шла рѣчь о бабьемъ характерѣ вообще, о томъ, что злую жену ничѣмъ не выучишь. Подъ «выучкою» тутъ разумѣлось, конечно, битье. По поводу женской невѣрности, словоохотливый Кузьма Суярокъ разсказывалъ сотоварищамъ мѣстное преданье о мужикѣ, о его невѣрной женѣ и объ Продѣ, то есть чортѣ. По словамъ Суярка, дѣло такъ было:

«Вышелъ Продъ (чортъ) въ лѣсъ. Буря была ужасть какъ. Похотѣлось Проду шутку сшутить надъ лѣсникомъ; сталъ онъ его обманывать, человѣчьимъ голосомъ кричать, глаза отводить; свиститъ, аукаетъ, въ ладони хлопаетъ. Завелъ добраго человѣка, лѣсника, въ бучило самое, въ болотную тваць... Подкумилъ! Набрелъ Продъ на сухой дубъ — грозой его на-двое раскололо. Взялась это буря сильная, да половинки расколотыя и качаетъ.

Качаетъ ихъ туда-сюда. Продъ на эту штуку утѣшается, не наглядится, не нахохочется! Онъ—ребята—шутникъ вѣдь. Раскачались половинки древа одна туда, другая сюда, а онъ себѣ сигъ, да между половинокъ и перепрыгиваетъ; сигалъ, да какъ то не потрафилъ: руку ему половинки и прихватили. А тутъ и буря стихла, словно не она, ни гу-гу. Взвылъ Продъ—жутко ему пришлось. На ту пору лѣсникъ подошелъ, изъ болотной «твани» выбрался. Что за оказія? Видитъ: Продъ виситъ на древѣ — болтается. Смекнулъ лѣсникъ, неглупъ былъ, дѣло-то подходящее: можно ссѣчь Прода, Богу тѣмъ угодить. Поднялъ топоръ острый; заколотился на древѣ Продъ, хвостикомъ завертѣлъ, подъ себя козьи ножки подобралъ съ копытцами. Давай человѣку кланяться, да древо рожками долбить, откупаться сталъ. «Не сѣки, молъ, ты меня, Прода, топоромъ острымъ, человѣче; дамъ тебѣ то, что̀ злата и серебра дороже, открою тебѣ великую тайну». Такъ и такъ, поладили. Подрубилъ человѣкъ одну половинку того сухаго древа; Продъ сорвался, на земь палъ. Взговорилъ онъ: «Спасибо тебѣ, человѣче, сослужилъ ты мнѣ службу, и я тебѣ сослужу; приходи—говоритъ—завтра къ озеру, приведи съ собою своего вѣрнѣйшаго друга». Продъ засигалъ себѣ по лѣсу: Го—го—го! а человѣкъ къ себѣ пошелъ. Думаетъ: «кто мнѣ другъ есть вѣрный»? жонка. И по писанью сказано: «жена и мужъ едина плоть». Чуть свѣтъ, пошелъ съ женой къ озеру, либо—скажемъ—къ пруду. Прода нѣтъ. Легъ это человѣкъ къ своей женѣ на колѣнки, стала она ему въ головѣ искать—онъ и засни. Глядитъ жонка, изъ озера или изъ пруда вышелъ Продъ, съ рожками, съ хвостикомъ, на козьихъ ножкахъ, какъ слѣдуетъ. «Ну, говоритъ, жонка, хочешь злата—серебра»?—Хочу.—Все сдѣлаешь, что̀ велю?—Все сдѣлаю.—Бросилъ ей Продъ мѣшокъ съ червонцами и острый ножъ.—«Золото, говоритъ, твое, жонка, а ножемъ острымъ мужа зарѣжь»! Жонка дернула было мужа по горлу ножемъ—Продъ схватилъ тутъ ея руку, а мужа взбудилъ. Проснулся дурень, Фалалеюшка не хуже нашего Савушки. Продъ ему: «Гляди—говоритъ—человѣче: ради злата сего, согласилась жонка твоя тебя смерти предать». Глянулъ человѣкъ—жонка съ ножемъ надъ нимъ, а злато въ мѣшкѣ въ уголь обра-

тилось. Взговорилъ Продъ: «Человѣку другъ не жена, а песъ вѣрный.—Ну, говоритъ, человѣче, заплатилъ я тебѣ за животъ свой твоимъ животомъ; долгъ платежомъ красенъ, прощай»! Схватилъ жонку, да съ нею въ омутѣ и пропалъ, аль-ни-дымокъ изъ омута поднялся да сѣрой засмердѣло—чортовымъ духомъ. Вернулся къ себѣ человѣкъ безъ жонки. Съ той поры не терпѣлъ онъ бабьяго роду невѣрнаго, пса же своего облюбилъ: потому пса и бьешь, а онъ все тебѣ вѣренъ».

Шумъ въ темнотѣ, отъ котораго шарахнулись лошади, заставилъ мужиковъ у костра насторожиться и прислушаться.

— Никакъ лошадь поймалъ! тихо, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, проговорилъ Савка, извѣстный между мужиками своею чуткостью, припавъ ухомъ къ влажной отъ росы травѣ.

— Обрата́лъ, братцы, поѣхалъ! При послѣднихъ своихъ словахъ, онъ быстро поднялся на ноги съ дубиной въ рукахъ.

— Мужиковъ будить надо! дрожащимъ голосомъ проговорилъ Савка товарищамъ и нетерпѣливо взмахнулъ своей дубиной. — На мѣстѣ уложу, какъ попаду! рѣшительно добавилъ онъ, прислушиваясь къ мягкому лошадиному топоту, постепенно удалявшемуся отъ табуна.

— Не ори, надо это теперь поумнѣе, Савушка, замѣтилъ ему благоразумный Кузьма Суярокъ:—Верхомъ пужнёмъ за нимъ—не сорвется, пріятель! поумнѣе это надо, миленькій!

Говоря такъ, и тоже съ дрожью въ голосѣ, Суярокъ проворно обралъ первую попавшуюся ему лошадь и, взвалясь на нее животомъ, легко сѣлъ на крутую лошадиную спину съ дубинкой въ рукѣ. Иванъ Рачителевъ и Савка уже сидѣли верхами.

— Подымайтесь, мужики! воры! воры! закричалъ съ трудомъ сдерживавшій себя Савка, заколотивъ по лошадиному пузу босыми пятками и поскакалъ въ темноту.

— Держи! лови! ушелъ! ушелъ! послышались въ темнотѣ крики.

— Михайло! перенимай! Держи его, Михайло! воръ! воръ! вопилъ Суярокъ, не отставая отъ Савки.

— Сюда! сюда! Держи! держи! вторилъ Иванъ Рачителевъ, на

всякій случай забирая лѣвѣе, чтобы отрѣзать конокрада отъ олешника.

Проснувшіеся мужики опрометью вскочили, одѣвались, садились верхами и съ криками «держи! лови!» скакали на подмогу своимъ.

Тревога усиливалась вмѣстѣ съ крикомъ и лошадинымъ топотомъ. Темнота и неизвѣстность придавали мужикамъ, съ просонья, пущаго страха.

— Стой! стой! поймалъ! Сюда! сюда! донеслись впереди, изъ темноты, крики молодца Миши, перехватившаго конокрада. —Братцы, ко мнѣ!

Иванъ и Кузьма съ Савкой наскочили на глухой шумъ и глухіе голоса людей, явно изнемогавшихъ въ борьбѣ. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Толкутся двое, какъ будто на одномъ мѣстѣ, да покряхтываютъ, и только. Возлѣ нихъ лошадь, за поводъ ее держитъ конокрадъ, не выпускаетъ, даромъ что самъ подъ Михайлой на землѣ лежитъ. Борьба стихла. Для мужиковъ сейчасъ же стало понятно, что одинъ изъ нихъ одолѣваетъ. Но кто: Михайла или конокрадъ?

— За разъ, Миша! за разъ, Миша! Смѣло крикнулъ Савка, тяжело свалясь съ лошади и двигаясь, на угадъ, на помощь Михайлѣ.

— Я его уйму, друга! Дай только мнѣ за него, за ворищу взяться!.. Гдѣ вы тутъ?

Въ робкой тишинѣ темной ночи явственно послышался ударъ, какъ бы по человѣку палкой. Лошадь вырвалась и убѣжала къ табуну.

— Ой! убилъ! не своимъ голосомъ, съ отчаяньемъ и вправду убитаго человѣка, не громко воскликнулъ конокрадъ—и смолкъ. Все стихло. Савка невольно остановился, Иванъ съ Кузьмою тоже. Наступила та, всегда неожиданная, минута страшнаго, томительнаго ожиданья, за которою неминуемо слѣдуетъ страшное извѣстіе.

— Дай мнѣ за него только взяться! хвастливо заговорилъ Савка, первый нарушая строгую тишину ночи, наступившую вслѣдъ

за негромкимъ, но за душу схватившимъ крикомъ конокрада.—Я его уйму!..

— Унялъ, должно, я его! послышался въ темнотѣ какъ будто смущенный и нерѣшительный голосъ Михайлы:—не брыкается!..

— Антошка! не то спросилъ, не то подтвердилъ Савка, руками ощупывая конокрада, пластомъ лежавшаго навзничъ.—Что-то онъ, братцы, присмирѣлъ? словно не онъ?

— Онъ! мрачно сказалъ Михайло, и прибавилъ, съ душевнымъ сокрушеньемъ:—Грѣхъ, никакъ, мой?.. Не убитъ ли?..

— Паря! испуганно воскликнулъ Савка, спѣшно подымаясь на ноги:—и то! убитъ, должно: не шевельнется!..

— Что съ дуру мелешь! съ сердцемъ прикрикнулъ на Савку Кузьма Суярокъ, подойдя съ Иваномъ и нагинаясь къ лежащему конокраду: — зашибъ онъ его маленько, а ты сейчасъ: убилъ! Дура!

— Вотъ-те и дура! огрызнулся на него глупый мужикъ:— Отъ дуры я слышалъ! А ты его пощупай сперва.

Суярокъ молча приподнялся, явно озадаченный, словно его самого хватили по лбу. Онъ стоялъ молча и неподвижно, соображая, что случилось и что дѣлать?

— Миша! убилъ ты его! со слезами въ голосѣ, не укоризненно, а соболѣзнуя, воскликнулъ Рачителевъ Иванъ, убѣдясь, что конокрадъ Антошка не дышетъ и губы у него похолодѣли.—Горюха ты мой!

— Грѣхъ случился! Грѣхъ мой! съ мрачной грустью, дрожа лихорадочною дрожью, пробормоталъ Михайло.—Пропала моя головушка!

— Гдѣ онъ? гдѣ Антошка? кричали прискакавшіе изъ табуна мужики.

Вмѣсто отвѣта, догадливый Кузьма Суярокъ зажегъ спичкой уже связанный имъ пукъ сухой болотной кучи. Ярко вспыхнуло веселое пламя. При его свѣтѣ, толпа все прибывавшихъ мужиковъ увидѣла лежащаго на спинѣ Антошку. Кровь, бившая изъ раскроенной палкою головы, залившая его лицо, бороду, рубаху, и мертвая неподвижность его членовъ лучше словъ объяснили мужи-

камъ, въ чемъ дѣло. Вдругъ смолкли крики, угрозы, брань. Среди тревожной тишины, тотъ, на кого собралась эта взволнованная толпа съ дубьёмъ, уже не видитъ ее, не слышитъ, не боится... Сухой пукъ сгорѣлъ быстро. Мертвый Антошка и толпа опять поглощены темнотою. Ахнули мужики: ихъ подавила страшная новость.

— Убитъ! шепталъ одинъ, но такъ, что всѣ слышали въ тишинѣ темной ночи.

— Вотъ грѣхъ то! вздохнулъ другой.

— Михайловъ крестникъ! съострилъ Савка.

— Самъ пропалъ и людей погубилъ! замѣтилъ разсудительный Суярокъ.

— Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову разбить! измыслилъ кто-то вслухъ, повидимому, относясь къ убійству конокрада болѣе съ философской, чѣмъ съ личной стороны.

Мужики подѣльнѣе и поопытнѣе интересовались не убитымъ, а убійцей. Много глазъ въ молчаливомъ, но живомъ участіи глядѣло на бѣднаго Михайлу все время, пока свѣтилъ имъ зажженный Суяркомъ пукъ. Много искреннихъ, непритворныхъ сожалѣній вызывала къ себѣ неподвижная, словно оглушенная громовымъ ударомъ, молодцоватая фигура Михайлы, на долю котораго выпалъ тяжкій жребій—навсегда избавить отъ конокрада Антошки брёховское общество, столько лѣтъ имъ обижаемое.

— За всѣхъ отвѣтитъ одинъ! со вздохомъ прошамкалъ въ темнотѣ старикъ Переверкинъ:—О, Господи, помилуй!

— Пропалъ, должно, теперь я, братцы? глухо повторилъ Михайла.

VIII.

Вѣсть объ убійствѣ Антошки Буслая живо обѣжала село Брёхово, Мармыжи тожъ, степные хутора и сосѣднія деревни. Вѣсть эта, разумѣется, убила старуху Гордѣевну. Немощная, престарѣлая, она лишилась, какъ ей казалось, и единственнаго сына, и послѣдней своей опоры, своего кормильца и поильца. Какъ ахнула Гордѣевна, узнавши отъ людей про свое несчастье, такъ и упала

на постель, головы не подымала. Лучше-бы ей самой въ могилу лечь, чѣмъ пережить такой ударъ. За что же, за какую вину паслано ей это наказанье? И когда же отымаютъ у нея сына? Одною ногою она въ гробу стоитъ. Умереть-бы ужь ей дали!

И въ Рачителевой семьѣ несчастье съ Михайлою всѣ близко къ сердцу приняли: жалѣли парня. Въ Рачителевой избѣ Михайла былъ, въ послѣднее время, желаннымъ гостемъ. Баловница Матрена, въ угоду милой дочкѣ, уже поглядывала на красиваго парня, какъ на своего будущаго зятя, и утѣшалась на свою «парочку». О Варѣ и говорить нечего: заперлась себѣ въ пуньку съ работой, только къ обѣду выходила съ опухшими отъ слезъ глазами, скучная, сердитая. Теперь трудно было слова отъ нея добиться, совсѣмъ на себя не похожа стала дѣвка. Куда дѣвался ея звонкій смѣхъ, ея задорная веселость, вызывающій блескъ ея черныхъ глазъ и румянецъ во всю щеку? Всѣ въ семьѣ, начиная съ Митрія, ахали, жалѣли, недоумѣвали по поводу небывалаго въ селѣ происшествія. И все село ахало и жалѣло Михайлу.

— «Одинъ за всѣхъ отвѣтитъ»! твердили мужики. Почему-то въ народѣ упорно держалось убѣжденіе, что нечаянное убійство Антошки—дѣло не одного Михайлы, а всего общества. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждалъ богачъ Кирсанъ Тимофенчъ. Не замедлилъ подкатить становой приставъ Ламницкій. Въ нарядной горницѣ Кирсана Тимофенча, за большимъ крашенымъ столомъ, застрочилъ свое безграмотное «дознаніе» письмоводитель становаго, небольшой человѣчекъ безъ усовъ и бороды, вмѣсто которыхъ желтѣлась у него щетина, такъ что сморщенное, разноглазое лицо его выходило разноцвѣтнымъ: носъ и губы—синеватые, а ниже носа, кругомъ рта, все желтое. Опредѣлить его лѣта было-бы такъ-же не легко, какъ и опредѣлить цвѣтъ его волосъ и глазъ. Полинялая нанковая пара и отсутствіе не только бѣлья, но и его признаковъ, окончательно роняли эту непоказную фигуру въ глазахъ всѣхъ, даже невзыскательныхъ мужиковъ. Тупое выраженіе его заспаннаго лица говорило, что онъ способенъ исполнять, а не разсуждать. Согнувшись «въ три погибели», свернувъ голову, какъ пристяжная, крѣпко сжавъ синія отъ махорки губы, онъ строчилъ «до-

знаніе» съ увлеченіемъ опытнаго въ своемъ дѣлѣ писаря, ни къ кому не обращаясь, ничего не замѣчая, ничѣмъ не развлекаясь. Изрѣдка только онъ отрывался отъ своего стальнаго пера для того, чтобы наскоро щелкнуть пальцами въ веснушкахъ и желтыхъ волосикахъ по старой табакеркѣ, и еще скорѣе запустить въ носъ понюшку табаку. Становой, титулярный совѣтникъ Василій Ѳедоровичъ Лампицкій, въ разстегнутомъ форменномъ сюртукѣ, съ забурѣвшею отъ лѣтъ головою и изрядным брюшкомъ, медленно прохаживался по горницѣ изъ угла въ уголъ, съ заложенными за спину руками, цѣпляясь за свои же шпоры, къ которымъ никакъ не могъ привыкнуть. Изъ-за старой, съ обившимися петлями, черной атласной жилетки, скромно выглядывалъ грязный крахмальный воротъ сорочки. Серебряная цѣпочка отъ часовъ ёрзала по той самой дорожкѣ на жилетѣ, которую она добросовѣстно вытерла до нитокъ. На концѣ стола самоваръ кипѣлъ съ чайникомъ на головѣ, старооскольскіе крендели бѣлѣлись на тарелкѣ, графинчикъ водки съ рюмкой, конечно, присутствовалъ тутъ же. Кирсанъ Тимофеичъ, стоя у изразцовой печки, велъ рѣчь объ Антошкиномъ убійствѣ. Потертая фигура становаго, улыбавшагося нѣсколько ядовито, сосредоточивала на себѣ вниманіе умнаго старика, сельскаго «воротилы». Хотѣлось ему узнать мнѣніе становаго. Очень хорошо понимая «подходцы» богатаго однодворца, становой, какъ всегда дѣлывалъ въ такихъ случаяхъ, больше помалчивалъ и многозначительно взглядывалъ на хозяина: «ты, молъ, говори, а мы послушаемъ». Становой Лампицкій, какъ вообще всѣ нехитрые люди, имѣлъ слабость казаться хитрымъ и дальновиднымъ полицейскимъ чиномъ. Онъ налилъ себѣ рюмку, выпилъ, облизнулся съ гримасой и крякнулъ. Затѣмъ, опустивъ голову и медленно погладивъ ладонью по своему брюшку, какъ-бы содѣйствуя выпитой рюмкѣ пройти куда слѣдуетъ, глубокомысленно постоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Кто говоритъ! Антошкѣ подѣломъ! сказалъ, наконецъ, становой, не подымая съ полу глазъ, которымъ сообщилъ теперь коварное выраженіе.—А все-таки, пожалуй, Михайло отвѣтитъ. Законъ! нельзя. Поймали бы они его, да хорошенько вложили ему сколько влѣзетъ, чтобъ не забылъ, да по начальству и предста

вили. Я бы дознаньице, къ слѣдователю... У меня бы не сорвался... Вѣдь сажали мы его.

— Точно: сажали, Василій Ѳедоровичъ, подтвердилъ хозяинъ.— Два раза высидѣлъ...

— Мало-бы что: ворища! и ворищу убивать—закона нѣтъ... Нынче судомъ все... Судъ!.. Становой взмахнулъ бурой головой и, неодобрительно засмѣявшись, глянулъ на хозяина, какъ-бы желая узнать: что̀ хозяинъ? какъ онъ о судѣ думаетъ? такъ-ли же нелестно, какъ и становой? или иначе какъ? Показалось становому, что и старикъ-хозяинъ новаго суда не одобряетъ. Это его почему-то развеселило, и онъ сейчасъ-же выпилъ другую рюмку, а выпивши, продѣлалъ то же самое, что̀ и послѣ первой рюмки.

— Извѣстно, Василій Ѳедоровичъ, грѣхъ такой случился! вздохнувъ, замѣтилъ хозяинъ, глядя въ раскрытое окно. — Мужиковъ много при томъ дѣлѣ было. Сказываютъ, поймалъ Михайло вора съ мереномъ съ Титковымъ, вскричалъ мужикамъ, чтобы по̀мочь дали. Антошка — возьми — душить его за глотку сталъ. Видючи такую бѣду—задушилъ бы онъ его—Михайло хвать Антошку дубинкой. На грѣхъ, въ рукахъ дубинка у Михайлы случись. По почи-то не увидѣлъ—по виску попалъ!.. Нешто хотѣлъ онъ этого? Извѣстно, задержать конокрада хотѣлъ... Мужики наскочили—Антошка готовъ совсѣмъ, вязать некого... Грѣхъ одинъ!

— Похоже по дѣлу, присяжные его оправдаютъ, замѣтилъ становой, снова обращаясь къ рюмкѣ. — Бояться ему, кажется, нечего...

— Онъ не боится. Я—говоритъ— нечаянно убилъ. Хоть самому говоритъ — сейчасъ умереть, не хотѣлъ я этого. Врагъ, видно, замѣшался.

— Врагъ! Становой засмѣялся, выпилъ рюмку и прошелся козыремъ по горницѣ, заложивъ руки за спину.—Врагъ попуталъ, насмѣшливо философствовалъ онъ: — вали на какого-то «врага», благо никто его не знаетъ. Выпилъ я вотъ рюмку водки — врагъ натолкнулъ, сдѣлалъ я какое мошенничество—лукавый попуталъ. Кто же сей врагъ и лукавый? Я самъ.—Жаль мнѣ самому малаго, сказалъ онъ вдругъ совсѣмъ уже не философскимъ тономъ, а съ

своей полицейской усмѣшкой, — остановился и опустилъ, не безъ разсчета на эффектъ, бурую стриженую голову.

— Самъ, Кирсанъ, знаешь: полицейская часть наша такая: не радъ да готовъ.

— Законъ, Василій Ѳедоровичъ! съ убѣжденіемъ сказалъ хозяинъ. — Не отъ насъ это... Законъ! Хозяинъ вздохнулъ, глядя въ окно.

Становой глянулъ на дверь, словно изъ предосторожности: не подслушалъ бы кто въ сѣняхъ, что онъ намѣренъ сказать.

— Въ сѣнцахъ никого нѣтути, счелъ своимъ долгомъ успокоить становаго умный старикъ, приготовляясь слушать.

Становой, не покидая своего ехиднаго выраженія и, во чтобы то ни стало, желая казаться передъ хозяиномъ всевѣдущимъ полицейскимъ окомъ, началъ:

— Михайлу подъ караулъ отдавать нечего; какъ думаешь, Кирсанъ Тимофеичъ?

— Вы въ этомъ не сумлевайтесь нисколько, Василій Ѳедоровичъ, поспѣшилъ успокоить становаго хозяинъ: — не такой онъ человѣкъ, чтобы ему прятаться... Эхъ, жаль парня! по всему селу паренекъ... Умный, не обидчикъ.

Приставъ Лампицкій недаромъ служилъ столько лѣтъ въ своемъ стану и недаромъ пользовался его расположеніемъ. Человѣкъ онъ былъ покладистый, не притязательный, входящій въ положеніе всякаго; если онъ рюмку мимо рта не проносилъ, то эта слабость болѣе вредила ему самому, чѣмъ другимъ. Во всякомъ углу своего стана онъ имѣлъ между мужиками «пріятелей». Въ дѣлѣ, сколько нибудь важномъ и щекотливомъ, касавшемся крестьянина, становой Лампицкій поступалъ не иначе, какъ переговоривъ предварительно съ «хорошими» стариками и узнавъ ихъ мнѣніе о дѣлѣ или о человѣкѣ. Быть можетъ, именно благодаря этой постоянной связи своей съ лучшею частью населенія, становой отличался благоразумнымъ и почти всегда вѣрнымъ образомъ дѣйствій. Жалобы на него были рѣдкія и больше оказывались неосновательными; довѣріе къ нему крестьяне имѣли полное, хотя онъ особенною мягкостью не отличался. «Тѣмъ становой хорошъ: вѣ-

ренъ, справедливъ»! отзывались о немъ крестьяне. — «Какъ сказалъ—такъ по его и выйдетъ». Въ такихъ вліятельныхъ старикахъ, какъ Кирсанъ Тимофеичъ, становой Лампицкій имѣлъ всегда поддержку тамъ, гдѣ бывало нужно: и въ стану, и по земскому собранію. Кирсанъ Тимофеичъ, какъ самъ онъ выражался, «ходилъ уѣзднымъ гласнымъ» уже нѣсколько трехлѣтій; какъ умный старикъ, онъ безо всякихъ стараній очутился въ земскомъ собраніи вожакомъ крестьянскихъ гласныхъ. Онъ ясно понималъ свое положеніе, какъ земской силы, считая всегда своими двадцать крестьянскихъ голосовъ, изъ общаго числа сорока пяти гласныхъ. Съ одной стороны онъ видѣлъ стремленіе предсѣдателя собранія, дворянскаго предводителя, подчинить своему вліянію крестьянскихъ гласныхъ въ такой степени, чтобы желанія и замыслы предсѣдателя имѣли безусловную поддержку въ безмолвной сѣрой толпѣ, засѣдающей за зеленымъ столомъ; съ другой стороны онъ понималъ, что по земскому собранію часто проводились нововведенія, не обѣщавшія уѣзду никакой пользы, обременительныя для тощихъ мужицкихъ кармановъ. При разрѣшеніи крупныхъ вопросовъ, при выборахъ въ гласные, въ мировые судьи, особенно ощущалось невидимое, но сильное давленіе стараго предводителя на крестьянскихъ гласныхъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько старшинъ. Благодаря не столько твердости своихъ земскихъ началъ, сколько своему замѣчательному искусству въ интригѣ и въ дѣлѣ организаціи партіи, предводитель сгруппировалъ вокругъ себя большинство. Всѣ вопросы обыкновенно разрѣшались въ собраніи открытымъ голосованіемъ въ томъ смыслѣ, какъ предполагалъ предводитель; несогласившіеся съ большинствомъ гласные оставались всегда тѣ же и въ томъ же числѣ. Но старикъ Кирсанъ Тимофеичъ, съ измальства воспитанный въ строгомъ повиновеніи начальству, какое бы оно ни было, въ предсѣдателѣ собранія видѣлъ «начальство», а потому вторилъ ему даже по вопросамъ, которые понималъ по своему, по мужицки, а не такъ, какъ предсѣдатель. Когда предсѣдатель собранія, въ роли «цивилизованнаго» человѣка и «обновителя» уѣзда, считалъ нужнымъ обратиться къ крестьянскимъ гласнымъ, съ разъясненіемъ какого-либо важнаго мѣстнаго мѣропріятія, не выходившаго изъ круга

практическаго пониманія и мужицкаго вѣковаго опыта; и когда умный Кирсанъ Косюткинъ убѣждался, что предсѣдатель несетъ вздоръ, за который мужики опять должны будутъ отдуваться карманами,—въ такихъ случаяхъ старикъ не имѣлъ мужества не согласиться съ предсѣдателемъ и возразить ему; напротивъ, онъ обыкновенно вставалъ и, почтительно кланяясь предсѣдателю, говорилъ нѣсколько неопредѣленно:

— Надо, ваше превосходительство, сдѣлать какъ лучше; вамъ виднѣе; коли такъ нужно—стало и дѣлать надо такъ. Мы, мужики безграмотные, что мы знаемъ?

Такимъ образомъ составлялось опредѣленіе собранія, иногда вовсе уѣзду не нужное, вызывавшее новое обложеніе; тѣмъ не менѣе Косюткинъ хорошо понималъ «суть дѣла», и въ бесѣдѣ, по душѣ, съ пріятелями высказывалъ о предсѣдателѣ и ораторахъ собранія взглядъ, далеко для нихъ не лестный. Еслибы эти «ораторы» уѣзда могли послушать «мужицкую» о себѣ правду, они, быть можетъ, многое бы себѣ уяснили въ своихъ общихъ, туманныхъ, съ практическою жизнью не вяжущихся теоріяхъ и, чего добраго, отказались бы отъ иныхъ, упорно ими проводимыхъ въ земство «мѣропріятій». — «Все объ этихъ школахъ сельскихъ стараются»! не безъ ироніи, тономъ жалующагося человѣка, говаривалъ Косюткинъ послѣ земскихъ собраній своимъ старикамъ:— «Дались имъ эти школы! Школу выстроилъ, по ихнему—словно-бы и подати мужикъ заплатилъ, и голодный сытымъ сталъ, и бѣдный—богачомъ... а они только послѣднее у мужика обираютъ. Дюже у насъ начетисты стали по земству оклады. А мужику откуда взять»?

По распоряженію становаго, брѣховскій сотскій съ десятскими согнали къ нему мужиковъ, бывшихъ въ ночномъ во время убійства конокрада, для спроса ихъ, какъ свидѣтелей; впрочемъ спрашивалъ ихъ становой и показанія ихъ безграмотно записывалъ письмоводитель только ради формы; Михайло Ивановъ, сынъ Полевой,—«отъ роду 25-ти лѣтъ, православнаго исповѣданія, холостъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ»,—объяснилъ, какъ дѣло вышло, и какъ нечаянно въ дракѣ съ Антошкой Буслаемъ, кото-

раго онъ перехватилъ съ украденнымъ изъ табуна мереномъ и который чуть его не задушилъ, — попалъ онъ ему дубинкой въ голову и положилъ за-мертво. Свидѣтели все это подтвердили. Искусившійся въ пачканьѣ сѣрой бумаги каракулями, что онъ называлъ почему-то «дознаньемъ», письмоводитель записалъ только показанье Кузьмы Суярка, а остальныхъ свидѣтелей только поименовывалъ, добавляя къ каждому фразу: «показалъ то же, что и первый». Передавъ сотскому пакетъ съ дѣломъ и самимъ Михайлою, для немедленнаго доставленія судебному слѣдователю, становой выпилъ на прощанье съ своимъ пріятелемъ Кирсаномъ Тимофеичемъ еще рюмку водки, и укатилъ подъ звонъ двухъ колокольчиковъ изъ села Брёхова на «новое тѣло».

А до пріѣзда слѣдователя, убитый Антошка лежалъ на лугу, на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ-же положеніи: на спинѣ, съ разбросанными врозь руками и ногами. Карауливше тѣло, по наряду старосты, брёховскіе мужики прикрыли его съ головою чьимъ-то порваннымъ старенькимъ чекменёмъ, а то страшновато было глядѣть на убитаго, да и муха садилась на кровь. Впрочемъ, всякій разъ, какъ старые караульщики смѣнялись,—новые, изъ любопытства, снимали съ тѣла чекмень и глядѣли на обезображенное смертью лицо. Синеватыя тѣни мертваго лба и мертвыхъ щекъ и будто остановившіяся на ужасной мысли, судорожно завороченные подъ-вѣки глаза пугали караульщиковъ, особенно къ ночи. Всклокоченная въ дракѣ съ Михайлой, черная борода густо залита кровью, такъ же, какъ и рубашка убитаго. Страшно чернѣлось въ вискѣ смертельное пятно, плотно набитое блестящими зеленоватыми мухами. Носъ отъ потери крови завострился и сталъ словно не Антошкинъ: у живаго совсѣмъ другой былъ носъ; голова безсильно свалилась на сторону. Не пугалъ теперь брёховскихъ мужиковъ отважный конокрадъ, а вызывалъ ихъ состраданіе. Жалостливъ вѣдь русскій человѣкъ!

В. Марковъ.

ЦЕНЗУРА И СВОБОДА ПЕЧАТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

(*Окончаніе*).

Въ предъидущей статьѣ мы указали на происхожденіе и главные моменты историческаго развитія цензуры на западѣ Европы. Мы видѣли, что она является впервые въ Италіи и совпадаетъ съ началомъ реформаціи, то-есть именно съ тѣмъ величайшимъ моментомъ всемірной исторіи, когда человѣческая мысль предъявила рѣшительно свои права на неприкосновенность убѣжденія и свободу совѣсти. Ревнивая подозрительность римской іерархіи и необходимость охранить авторитетъ католической церкви, а главнымъ образомъ авторитетъ самихъ папъ— противъ пробуждающагося сознанія народовъ — заставила владыкъ Ватикана ввести цензъ для мысли, установить надъ нею правильный, постоянный контроль. Величайшій изъ грѣшниковъ, когда нибудь сидѣвшихъ на папскомъ престолѣ, Александръ VI Борджіа былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ въ человѣчествѣ цензоромъ. Свѣтская власть не замедлила воспользоваться изобрѣтеніемъ, явившимся въ нѣдрахъ католической церкви. Въ самомъ непродолжительномъ времени цензура теряетъ свое исключительно клерикальное значеніе и становится однимъ изъ государственныхъ учрежденій. Мы видѣли исторію возникновенія, развитія и уничтоженія цензуры въ Германіи. Въ разныя эпохи, сообразно тому или другому взгляду и настроенію правительства въ данный моментъ, цензурная строгость усиливалась или ослабѣвала. Мы видѣли, какими послѣдствіями отзы-

валось въ жизни различныхъ германскихъ государствъ то или другое—свободное или несвободное положеніе печати. Въ эпоху послѣдней великой борьбы Европы съ Наполеономъ, когда нѣмецкая печать пользовалась нѣкоторой степенью свободы—она сослужила огромную службу Германіи, пробудивъ въ гражданахъ ея патріотическій духъ и стремленіе къ свободѣ и независимости. Та же самая печать, находившаяся въ стѣсненномъ положеніи въ эпоху французской революціи, особенно въ Австріи, выказала свое полное безсиліе противодѣйствовать наплыву изъ Франціи революціонныхъ идей. Высшее вѣнское общество, видя гнетъ, тяготѣвшій надъ нѣмецкою печатью, зная, что она говоритъ не то, что̀ должна или могла бы говорить при другихъ обстоятельствахъ, съ жаромъ бросалось на произведенія революціонной французской литературы, проникаясь такимъ образомъ духомъ матеріализма и революціонныхъ началъ. Та же самая австрійская печать, запуганная и загнанная строгими правительственными мѣрами, оказалась безсильною помогать правительству своимъ вліяніемъ на общество въ эпоху борьбы Австріи съ Наполеономъ въ 1809 году. Крайнее недовольство, проявлявшееся повсемѣстно въ интеллигентныхъ сферахъ противъ стѣсненій печати, недовольство, развивавшееся притомъ и усиливавшееся вмѣстѣ съ развитіемъ образованія,—начало̀, наконецъ, повсюду обращать на себя вниманіе правительства и повело къ отмѣнѣ цензуры. Необходимость этой мѣры во всѣхъ государствахъ Европы сдѣлалась слишкомъ очевидной. Правительства, которыя не желали вступить въ открытую борьбу съ ясно заявившими себя нравственными интересами народовъ, должны были уважить права развившагося общественнаго самосознанія и предоставить интеллигентнымъ людямъ право говорить въ печати то, что̀ они желаютъ или находятъ нужнымъ говорить въ данный моментъ, а не то, что̀ имъ могутъ иногда подсказывать на ухо со стороны... Мы видѣли, что 1848 годъ составилъ эпоху уничтоженія цензуры во всѣхъ германскихъ государствахъ.

Въ настоящее время, свобода прессы, какъ извѣстно, составляетъ общее достояніе европейскихъ государствъ, основной пунктъ западноевропейскихъ законовъ печати. Здѣсь является весьма интереснымъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя государства,

стоящія въ дѣлѣ научнаго и литературнаго развитія ниже, чѣмъ напр. Франція или Германія, отмѣнили у себя цензуру раньше. Такъ, въ Даніи цензура уничтожена еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія—въ 1770 году. Въ Швеціи уничтоженіе ея послѣдовало еще раньше, а именно въ 1766 году, хотя, впрочемъ, на короткое время. Скоро потомъ она была возобновлена и только въ 1809 году уничтожена окончательно. Мы изложили въ первой статьѣ исторію возникновенія цензуры въ Италіи и ея исторически—послѣдовательное развитіе въ Германіи, до отмѣны ея въ 48 году. Представимъ теперь общія черты, касающіяся исторіи цензуры и развитія свободной прессы въ двухъ другихъ государствахъ, служащихъ представительницами западно-европейской цивилизаціи—въ Англіи и Франціи.

Великобританія была первою страною изъ великихъ европейскихъ государствъ, которая отмѣнила у себя цензуру и установила свободу прессы. Первоначально наблюденіе за печатью находилось въ вѣдѣніи такъ называемой camera stellata,—судилища, установленнаго Генрихомъ VIII. Онъ опредѣлилъ число типографщиковъ и типографскихъ станковъ, и назначилъ цензора, безъ одобренія котораго ничего не могло печататься. Наказанія, которыя налагались за злоупотребленія печатнымъ словомъ, принимали иногда совершенно варварскій характеръ; за оскорбленіе въ печати особы короля, часто даже мнимое, виновные наказывались отрѣзываніемъ ушей или отсѣченіемъ руки. Долгій парламентъ, сосредоточившій при Карлѣ I въ своихъ рукахъ всю власть, принялъ въ свое завѣдываніе и цензуру. До 1694 г. онъ большею частію возобновлялъ узаконенія, по которымъ все касавшееся печати поручалось вѣдѣнію магистратуры, но въ этомъ году рѣшительно высказался противъ такого возобновленія. Это распоряженіе парламента составляетъ первый моментъ въ исторіи развитія свободы англійской прессы. Безъ особенной регламентаціи вошло въ обычай и укоренилось въ англійской жизни—предоставлять печати полную свободу, не подвергая ее какимъ бы то ни было стѣсненіямъ или ограниченіямъ. Само собою разумѣется, что люди, дѣйствительно злоупотреблявшіе печатнымъ словомъ, привлекались къ судебной отвѣтственности и должны были ожидать рѣшенія своей участи отъ приговора присяжныхъ. Таковы наиболѣе инте-

ресные, выдающіеся моменты въ исторіи англійской прессы. Отъ варварскихъ истязаній, доходившихъ иногда, какъ мы видѣли, до искалѣченія людей, признававшихся виновными, великая нація, безъ посредствующихъ переходовъ, и не только безъ вреда, а съ очевидною пользою для себя, перешла къ полной свободѣ печатнаго слова. Необходимо, однако, замѣтить, что эта неограниченная свобода существовала исключительно для Великобританіи и не касалась ея колоній. Еще въ серединѣ сороковыхъ годовъ въ англійскихъ колоніяхъ, и особенно въ Остъ-Индіи, печать, главнымъ образомъ ежедневная, была подвержена значительнымъ ограниченіямъ. Но не далѣе, какъ къ концу этого десятилѣтія, въ остъ-индскихъ владѣніяхъ Британіи стало замѣтно проявляться стремленіе къ достиженію полной равноправности съ метрополіей относительно законовъ печати.

Мы переходимъ теперь къ законодательству той страны, въ которой пресса играла если не болѣе дѣйствительную и вліятельную роль, чѣмъ въ другихъ странахъ, то во всякомъ случаѣ болѣе открытую и замѣтную для самаго поверхностнаго наблюденія. Я разумѣю Францію. Мы только повторимъ старую, общеизвѣстную истину, сказавъ, что великая французская революція едва-ли не на половину была подготовлена литературой. Самъ Наполеонъ I, говорятъ, сказалъ однажды, что онъ обязанъ своимъ императорскимъ достоинствомъ Ж. Ж. Руссо, и тотъ же Наполеонъ видѣлъ въ «Женитьбѣ Фигаро» Бомарше первый моментъ начинающейся революціи. Трудно указать другую страну, въ которой законы о печати подвергались бы въ разныя времена столькимъ измѣненіямъ, представляли бы столько колебаній, то въ смыслѣ расширенія ея правъ и свободы, то въ смыслѣ ограниченія и стѣсненія. Тѣмъ любопытнѣе, разумѣется, прослѣдить главные моменты въ развитіи французскаго законодательства, касающагося этого предмета.

Съ конца XIII-го столѣтія наблюденіе за книжнымъ дѣломъ во Франціи перешло въ вѣдѣніе парижскаго университета. Изобрѣтеніе книгопечатанія не произвело въ этомъ случаѣ никакой перемѣны... Впрочемъ, въ виду обширности предмета, я не буду останавливаться на эпохахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, которыя не представляютъ къ тому же явленій, имѣющихъ почему нибудь особенно важное значеніе. Говоря о французской

печати, я считаю за лучшее начать ея исторію съ того времени, когда она пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на общество, становясь одною изъ самыхъ могущественныхъ силъ, опредѣляющихъ ходъ политическихъ событій. Я разумѣю ближайшее къ намъ время, непосредственно предшествовавшее великой революціи и послѣдовавшее за ней. Свобода выраженія мнѣній и свобода печати впервые гарантируются во Франціи конституціонными постановленіями 1791 и 1793-го годовъ. Все предъидущее время было временемъ довольно строго регламентированнаго контроля надъ произведеніями литературы. Какія же явленія создавались такимъ порядкомъ вещей въ самой литературѣ? Склонялась ли она передъ авторитетомъ положительнаго законодательства, или же человѣческая мысль, въ силу обыкновеннаго, всюду дѣйствующаго закона отпора, начала искать себѣ тайнаго убѣжища и, вмѣсто законнаго пути для своего появленія на свѣтъ, нашла незаконный?

Случилось, конечно, послѣднее. Деспотизмъ французскихъ королей произвелъ то, что литература сдѣлалась въ одной части своей не только покорнымъ орудіемъ власти, но собраніемъ панегириковъ и разнаго рода гимновъ въ честь правителей страны и вообще лицъ, облеченныхъ властью. Въ то же самое время, въ лучшей части общества, между лучшими литературными силами отпоръ выразился тѣмъ, что начали печатать за границей. Все, что не могло законнымъ образомъ появляться въ предѣлахъ Франціи, стало появляться безъименно на чужеземной территоріи. Запрещенная мысль, получивъ крещеніе за границей, возвращалась домой въ предѣлы Франціи,—туда, гдѣ она родилась,—и здѣсь, разгуливая безпрепятственно, хотя и не открыто, производила на массы читателей обыкновенное дѣйствіе запрещеннаго плода... Великіе писатели Франціи, лучшіе умы и наболѣе горячіе патріоты не считали для себя унизительнымъ, при подобнаго рода обстоятельствахъ, печатать свои произведенія тайно за границей. Чѣмъ выразились стѣснительныя цензурныя мѣропріятія для книгъ и сочиненій, тѣмъ самымъ отозвались они и въ сферѣ журналистики. Многіе изъ журналовъ, выходившихъ во Франціи передъ революціей, получили свое основаніе за границей. Конституціонныя гарантіи печати, явившіяся, какъ мы видѣли выше, въ 1791 и 93 годахъ, не-

долго однако сохраняли свою силу. Въ IV-мъ году отъ основанія республики, 27 жерминаля, былъ изданъ законъ, угрожавшій смертью за возбужденіе къ государственной измѣнѣ, къ возстановленію во Франціи королевства, къ убійствамъ и грабежамъ. Чтобы газеты не могли проводить подобнаго рода тенденцій, онѣ были подчинены полицейскому надзору новымъ закономъ 19-го фрюктидора V-го года. (1797 г.) Общественное мнѣніе во Франціи между тѣмъ высказывалось безусловно за свободу печати, еще до изданія конституціонныхъ гарантій. Не упоминая о другихъ выраженіяхъ этого мнѣнія, я остановлюсь на протестѣ противъ принципа цензуры одного изъ величайшихъ дѣятелей первой революціи, Мирабо. Никто во Франціи не сдѣлалъ такъ много для свободы прессы, какъ онъ. «Одно дѣйствительное средство противъ всѣхъ общественныхъ золъ, писалъ онъ въ 1788 году, это — свобода прессы. Безъ свободы прессы не можетъ быть ни истиннаго образованія, ни настоящей конституціи». Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Мирабо написалъ новое сочиненіе, эпиграфомъ для котораго взялъ слѣдующія слова Мильтона: «убить человѣка—значитъ убить разумное существо, но задушить хорошую книгу—значитъ задушить умъ». Въ сочиненіи этомъ авторъ подвергаетъ анализу различные факты, касающіеся свободы прессы, и приходитъ къ заключенію, что она должна быть безусловна—«illimitée». Новая эпоха въ исторіи французской печати начинается съ Наполеона I. Еще не достигнувъ императорства, онъ, подъ предлогомъ защиты республиканскихъ интересовъ, ловко направленными мѣрами поставляетъ печать въ полную зависимость отъ власти, слѣдовательно, главнымъ образомъ отъ себя. Декретъ, обнародованный отъ имени консуловъ въ 1800 г., требовалъ, чтобы для изданія политическихъ газетъ испрашивалось разрѣшеніе властей, и устанавливалъ при этомъ такія правила, которыя давали правительству возможность держать прессу въ своихъ рукахъ. Провозглашая открыто, что «цензуры во Франціи не существуетъ» и что «свобода мысли есть величайшее завоеваніе нашего вѣка», Наполеонъ, на самомъ дѣлѣ, не слишкомъ-то высоко цѣнилъ это величайшее завоеваніе вѣка и въ 1810 году подчинилъ контролю книжную торговлю. Число типографщиковъ и книжныхъ магазиновъ было ограничено. Содержате-

ли типографій должны были получать патенты на свою профессію и принимать присягу. Прежде чѣмъ приступать къ печатанію сочиненія, нужно было заявлять о немъ властямъ. Декретъ, изданный въ началѣ 1811 года, установилъ пошлину въ 1 сантимъ съ каждаго продаваемаго газетнаго листка, а другой декретъ въ концѣ того же года уменьшилъ число издававшихся во Франціи политическихъ газетъ до четырехъ. Факты эти показываютъ краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій, какъ относился императоръ французовъ къ тому принципу, который онъ провозглашалъ величайшимъ завоеваніемъ вѣка. Уменьшивъ число политическихъ газетъ до четырехъ, Наполеонъ не удовольствовался ограниченіемъ количественнымъ, а позаботился и о качественномъ. Политическія газеты должны были съ этого времени заниматься не политикой, а «политическими новостями». Раздраженіе императора,—если какая нибудь газета позволяла себѣ пускаться въ разсужденія о политикѣ,—не знало границъ. Самый легкій намекъ, самое невинное историческое сближеніе, если только ихъ можно было истолковать въ неблагопріятномъ для императора смыслѣ, принимали въ его глазахъ характеръ государственнаго преступленія. Отрывокъ изъ Шатобріана о Серторіи до того раздражилъ Наполеона, что онъ воскликнулъ въ присутствіи Дюрока: «я изрублю Шатобріана саблею на лѣстницѣ моего дворца».

Я полагаю, что приведенныхъ фактовъ слишкомъ достаточно для охарактеризованія того общаго духа, которымъ были проникнуты законодательныя мѣры Наполеона I-го относительно прессы. Съ возстановленіемъ на французскомъ престолѣ династіи Бурбоновъ, уничтожена была и цензура. Хартія 7-го іюня 1814 года, въ числѣ другихъ гражданскихъ правъ, предоставила Франціи и свободу прессы. Французы получили, на основаніи этого акта, право свободно обсуждать въ печати всякаго рода вопросы и высказывать какія угодно мнѣнія, лишь бы только пользованіе этимъ правомъ не выходило изъ предѣловъ уваженія къ закону. Но дѣйствіе этихъ льготныхъ мѣръ не было продолжительно. Не далѣе какъ въ томъ же году, 21-го октября, была снова возстановлена предварительная цензура для всѣхъ вообще сочиненій, не превышающихъ объемомъ двадцати печатныхъ листовъ. По отношенію къ журналамъ, законъ 21-го

октября постановилъ правиломъ, что всѣ вообще періодическія изданія могутъ открываться не иначе, какъ съ разрѣшенія короля, а содержатели типографій и книжныхъ магазиновъ должны получать патенты для своей профессіи и приносить присягу. Но до чего общественное мнѣніе во Франціи было уже возбуждено противъ цензуры, лучше всего видно изъ того, что самъ Наполеонъ I-й, занявъ вторично престолъ по возвращеніи съ острова Эльбы, издалъ декретъ, уничтожившій цензуру и провозгласившій свободу прессы. Послѣ вторичнаго отреченія Наполеона I-го, въ положеніи французской печати происходятъ новыя перемѣны. Реставрація настаиваетъ на возстановленіи цензуры, но въ виду крайняго нерасположенія общества къ репрессаліямъ, колеблется, отмѣняетъ принятое рѣшеніе и, наконецъ, снова къ нему возвращается. Королевскимъ эдиктомъ отъ 8-го августа 1815 года было постановлено, что ни одна газета не можетъ выходить безъ разрѣшенія министра, и что всѣ вообще періодическія изданія подлежатъ разсмотрѣнію особой комиссіи. Новое измѣненіе въ этомъ положеніи дѣлъ послѣдовало въ 1819 году. Законъ, обнародованный 17-го мая этого года, представляетъ значительный прогрессъ сравнительно съ предъидущими. Онъ заключаетъ въ себѣ перечисленіе возможныхъ проступковъ печати, насколько это можетъ быть опредѣлено, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ наказаній. На основаніи этихъ правилъ, печатное подстрекательство къ совершенію преступленія должно было разсматриваться, какъ соучастіе въ немъ, если за подстрекательствомъ слѣдовало совершеніе преступленія; если же этого не было, наказаніе могло сводиться до степени обыкновеннаго исправительнаго. Сроки тюремнаго заключенія по дѣламъ подобнаго рода были опредѣлены отъ 6-ти мѣсяцевъ до 5 лѣтъ. Уничтоживъ цензуру и пропзволъ, новый законъ предоставилъ каждому гражданину право безпрепятственно открывать новый журналъ или газету и ввѣрилъ всѣ дѣла по злоупотребленію печатнымъ словомъ — суду присяжныхъ. Правила эти, нашедшія въ обществѣ самый благосклонный пріемъ, составили эпоху въ исторіи развитія французской прессы. Съ какимъ живымъ сочувствіемъ отнеслось общество къ наступившей теперь, съ новыми узаконеніями, свободѣ печати, можно видѣть изъ того, что скоро послѣ обнародованія ихъ, организо-

валось общество подъ названіемъ: Société des amis de la liberté de la presse. Въ числѣ членовъ его считались лучшіе, наиболѣе либеральные граждане Франціи. Періодъ свободы продолжался однако недолго — не болѣе восьми мѣсяцевъ. Правительство раскаялось въ благодѣяніи, которое оказало странѣ, и, безъ особенно важныхъ причинъ, поспѣшило возвратиться на путь реакціи. Покушеніе Луве противъ герцога беррійскаго послужило прекраснымъ для этого предлогомъ. Французская пресса снова подвергается гоненію: наступаетъ полное торжество реакціи. Для открытія новаго журнала требуется снова разрѣшеніе короля, и рукописи, прежде печатанія ихъ, должны подвергаться цензурѣ.

Въ 1822 году послѣдовали еще болѣе тяжелыя ограниченія. Напечатаніе въ журналѣ статьи противъ монархіи, личности короля или кого нибудь изъ членовъ королевской фамиліи влекло, на основаніи вновь изданныхъ правилъ, къ временной пріостановкѣ или же къ совершенному прекращенію журнала. Какъ либеральный законъ 17 мая 1819 года вызвалъ сочувствіе и одобреніе цѣлой Франціи, такъ наступившая вслѣдъ за тѣмъ реакція сдѣлалась предметомъ всеобщаго негодованія. Энергическимъ выразителемъ этого общественнаго настроенія явился, между прочимъ, Бенжаменъ Констанъ... Не менѣе энергически, съ своей стороны, вела реставрація борьбу съ печатью. Въ самый короткій промежутокъ времени, не далѣе девяти или десяти дней, сорокъ два писателя были приговорены къ тюремному заключенію или штрафамъ. Не было литературной знаменитости, которой рано или поздно не пришлось бы побывать на скамьѣ подсудимыхъ. Но, соразмѣрно съ этимъ гнетомъ и тираническими мѣрами реакціи, возростало и негодованіе общества. Непоколебимый защитникъ свободы прессы, Бенжаменъ Констанъ открыто называлъ реакціонные цензурные законы того времени позоромъ Франціи. Какъ ни тяжело было это время въ исторіи умственнаго развитія страны, впереди предстояли дни еще болѣе тяжелые. Самыя печальныя явленія въ этомъ родѣ ознаменовали правленіе Карла X, когда респрессивныя мѣры въ дѣлахъ печати привели наконецъ къ революціи. Частные случаи угнетеній и кары, постигавшія иногда очень извѣстныя лица, то за статьи, то за протесты противъ

насилія, были многочисленны. Самая академія не избѣгла угрозъ правительства, когда, въ виду возроставшихъ репрессалій, рѣшила вступиться за права печатнаго слова и подать адресъ королю. Адресъ, редактированный Шатобріаномъ и Вильменомъ, не былъ принятъ. Знаменитый историкъ Мишо, принимавшій непосредственное участіе въ дѣлѣ, былъ лишенъ за это должности королевскаго чтеца, и вмѣстѣ съ этимъ званіемъ потерялъ пенсію въ 5 тысячъ экю. Протестъ академіи противъ репрессивныхъ правительственныхъ мѣръ не остался однако безъ послѣдствій. Правительство отмѣнило одинъ изъ наиболѣе стѣснительныхъ законовъ, пріобрѣвшій извѣстность подъ насмѣшливымъ именемъ: la loi de justice et d'amour. Такимъ образомъ, еще разъ, реставрація возвратилась къ либеральнымъ мѣрамъ. Законъ 18 іюля 1828 года отмѣнилъ для печати систему предварительныхъ дозволеній и предостереженій, предоставивъ право каждому французу, пользующемуся политическими и гражданскими правами, открывать новый журналъ. Говоря относительно, это былъ очень либеральный законъ, и послѣдствія его не замедлили обнаружиться. Быстро начали возникать новые журналы, и правильное развитіе общественныхъ интересовъ казалось обезпеченнымъ. Не такъ вышло на дѣлѣ. Переходъ отъ либеральныхъ къ репрессивнымъ мѣрамъ послѣдовалъ снова, и притомъ быстро. 1830-ый годъ сдѣлался столько же памятнымъ, сколько и роковымъ годомъ въ исторіи французской печати. Знаменитые декреты Карла X, снова отнимавшіе у нея только что дарованныя права, и заключавшіе въ себѣ крайнія реакціонныя постановленія, привели къ тому, что Парижъ построилъ баррикады и, залившн улицы кровью, посадилъ на престолъ новаго короля. Іюльская революція была вызвана главнымъ образомъ ограниченіемъ правъ и свободы печати. Съ паденіемъ Карла X, для печати снова наступаютъ благопріятныя времена. Новое правительство, въ виду рѣшительной невозможности не уступить—обезпечиваетъ снова ея свободу новою хартіей, по которой цензура была отмѣнена навсегда.

Не смотря на то, что и послѣ этого, въ дальнѣйшихъ судьбахъ французской печати, проявлялось иногда уклоненіе отъ либеральнаго принципа со стороны правительства, не смотря на то, что

по случаю парижскаго и ліонскаго возстаній свобода прессы была ограничена снова въ 1835 году—французская печать пріобрѣла въ царствованіе Луи Филиппа ту силу и значеніе, которыхъ она никогда не имѣла прежде. Причиной этого усиленія ея значенія было, впрочемъ, обстоятельство чисто коммерческое, а именно—значительное пониженіе цѣны за журналы и газеты, чѣмъ Франція была обязана главнымъ образомъ Эмилю Жирардену. Февральская революція выдвигаетъ вопросъ о свободѣ прессы на первый планъ. Само собою разумѣется, что новыя узаконенія относительно ея были составлены въ духѣ либеральныхъ началъ. Система предостереженій для періодическихъ изданій и другія ограничительныя мѣры были отмѣнены, а печати была предоставлена свобода, почти безусловная. Быстро началось возникновеніе новыхъ газетъ, изъ которыхъ многія, какъ нельзя полнѣе, характеризовали свое направленіе однимъ своимъ названіемъ: la Guillotine, le Sans-Culotte etc. Но и на этотъ разъ французской печати недолго было суждено пользоваться своими правами. И теперь правительство, хотя и республиканское, послѣ нѣсколькихъ газетныхъ манифестацій, признанныхъ опасными, направило мѣры къ тому, чтобы ограничить эти права.

Переворотъ 2-го декабря 1851 г. уничтожилъ послѣдніе остатки свободы прессы во Франціи. Наступаетъ самый мрачный періодъ въ ея исторіи—правленіе Людовика-Наполеона. Мы не будемъ останавливаться на литературныхъ явленіяхъ этой печальной эпохи: они совершались на нашихъ глазахъ и потому всѣмъ памятны. Трудно представить другую законодательную систему, болѣе притѣснительную и, слѣдовательно, менѣе благопріятную для интересовъ общества, интересовъ образованія. Общія начала цензурной системы въ эпоху второй имперіи извѣстны: мѣры цензуры предварительной, облеченной въ благовидную форму правительственной санкціи на изданіе политическихъ газетъ, предоставленіе министру права—назначать главнаго редактора (rédacteur en chef)—эти предварительныя мѣры были соединены съ строгими мѣрами цензуры карательной. Судъ присяжныхъ отмѣненъ. На исправительную полицію возложена обязанность—вѣдать и преслѣдовать всякаго рода проступки по дѣламъ печати. Этими общими чертами эпохи, со-

прикасающейся непосредственно съ нашимъ временемъ, мы заканчиваемъ нашъ бѣглый очеркъ исторіи французской печати. Представимъ теперь общіе выводы. Мы отмѣтили уже въ исторіи германской печати то въ высшей степени характеристическое явленіе, что она оказывала огромныя услуги правительству и обществу въ то время, когда она пользовалась наибольшей свободой, какъ это было въ эпоху освободительной войны (Befreiungskrieg) въ 13-мъ году; но та же печать является безусловно безсильною служить общественнымъ интересамъ послѣ того, какъ долговременный цензурный гнетъ отучилъ ее отъ смѣлаго энергическаго слова. Въ исторіи французской печати, вниманіе наше останавливаютъ двѣ рѣзко бросающіяся въ глаза черты: съ одной стороны мы видимъ необычайную измѣнчивость и непостоянство законодательныхъ мѣръ, безпрерывныя колебанія между либеральнымъ принципомъ и системою репрессалій, а съ другой—рѣзко заявляющее себя негодованіе общества противъ цензурныхъ ограниченій, разразившееся, наконецъ, въ правленіе Карла X формальной революціей... Энергическія усилія передовыхъ умовъ Франціи, выражавшіяся отчасти въ произведеніяхъ самой печати, настолько укоренили въ обществѣ желаніе видѣть прессу свободною и независимою, что правительство не могло долѣе противиться общественному настроенію. Новый законъ о печати, утвержденный президентомъ республики 29 іюля прошлаго года, провозгласилъ полную, безусловную свободу прессы, удержавъ для нея отвѣтственность по суду только за тѣ дѣйствія, которыя вообще не дозволяются закономъ, какъ дѣйствія юридическія. Право же выражать всякаго рода мнѣнія, обсуждать, съ какой угодно точки зрѣнія, все, что̀ касается религіи, философіи, политики, нравственности, вопросовъ общественной жизни—полное и неограниченное. Франція, такимъ образомъ, прошедши всевозможныя системы цензурныхъ стѣсненій, достигла наконецъ той самостоятельности печати, при которой становится возможнымъ существенно полезное служеніе общественнымъ нуждамъ и интересамъ. Французскій законъ о печати прошлаго года—это одно изъ наиболѣе отрадныхъ явленій нашего времени и самый роскошный плодъ современной французской цивилизаціи. Свобода печати въ Англіи существуетъ, какъ мы видѣли, de facto, въ силу укоренив-

шагося давностью обычая, въ силу безмолвнаго, такъ сказать, позволенія со стороны закона. Свобода печати во Франціи возведена на степень юридическаго принципа, получившаго освященіе въ законѣ. Уничтоженіе цензуры въ современной Европѣ—фактъ, совершившійся повсемѣстно. Даже на родинѣ своей, въ Италіи, она существуетъ исключительно для сочиненій религіозно-католическаго содержанія. Даже въ Испаніи, которая когда-то славилась своею инквизиціей, цензура отмѣнена...

Мы кончили. Читатель, пробѣжавшій нашъ очеркъ, могъ видѣть, что мы всюду держались строго-фактической почвы, не позволяя себѣ прерывать общей исторической нити не только разсужденіями, но даже бѣглыми замѣчаніями. Мы заставили говорить факты,—и они сами по себѣ даютъ положительные, опредѣленные выводы. Исторія французскаго законодательства по дѣламъ печати показываетъ намъ, что эпохи наибольшаго давленія печати и репрессивныхъ мѣръ—совпадаютъ съ эпохами крайняго развитія абсолютизма власти—со временами бонапартизма и реставраціи. Но какъ скоро въ сферѣ политической жизни начиналось вѣяніе болѣе свободнаго духа—общественные интересы выигрывали, а въ томъ числѣ интересы свободной мысли и свободнаго слова. Общество, между тѣмъ, среди всевозможныхъ колебаній законодательства по дѣламъ печати, среди безпрерывныхъ переходовъ закона отъ мѣръ либеральныхъ къ мѣрамъ репрессивнымъ, постоянно и неуклонно стремилось къ одной цѣли—добиться для печатнаго слова его естественныхъ правъ, то-есть свободы и независимости. Желаніе страны, наконецъ, осуществилось. Французская печать сдѣлалась свободною.

Нѣтъ сомнѣнія, что наше дальнѣйшее политическое и общественное развитіе сдѣлаетъ то же самое и у насъ. Это столько же естественно, сколько и неизбѣжно. Свобода мысли и слова—это естественный и вполнѣ логическій результатъ правильнаго, нормальнаго развитія, исходный и конечный пунктъ стремленій цивилизаціи. Въ странѣ, гдѣ правительство и общество дружно работаютъ для одной общей цѣли, гдѣ между ними нѣтъ разлада и недоразумѣній, гдѣ всѣ здоровые элементы общества поставлены въ отношенія правильнаго взаимодѣйствія, свободная печать—одна изъ самыхъ могущественныхъ и по-

лезныхъ силъ въ обществѣ, едва ли не первая, по своему значенію, двигательница прогресса и развитія. Ея существенная и главная задача въ этомъ смыслѣ—мы говоримъ о печати собственно періодической — сообщать правительству о настоящихъ нуждахъ общества, о его дѣйствительныхъ интересахъ и стремленіяхъ, давать правительству возможность пробовать, такъ сказать, въ каждый данный моментъ пульсъ общественной жизни. Но если печать, при существованіи извѣстныхъ условій, *не можетъ* быть искреннею, то она, очевидно, будетъ фальшивою и лукавою, то-есть будетъ говорить полуфразами и полунамеками, езоповскимъ «рабьимъ» языкомъ; а иногда будетъ сообщать и «докладывать» о мнимыхъ интересахъ, мнимыхъ стремленіяхъ общества. Кого же все это будетъ вводить въ заблужденіе и кто проиграетъ отъ этой неискренности? Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей и правительство, и общество, которыя во всякой политически и нравственно-здоровой странѣ, непремѣнно должны сознательно и дружно стремиться къ одной общей цѣли,—будутъ идти ощупью, сбиваясь въ темнотѣ съ дороги и не узнавая другъ друга. Общество будетъ лишено возможности пользоваться въ желанной полнотѣ помощью правительства для лѣченія своихъ золъ и недуговъ, а правительство можетъ иногда принимать не тѣ мѣры, какія нужны для лѣченія болѣзни, по незнанію всѣхъ ея симптомовъ. По духу и характеру европейской цивилизаціи, печать во всѣхъ государствахъ Европы разсматривается, какъ сила, предназначенная помогать правительству въ осуществленіи его цѣлей. Но какимъ образомъ она можетъ выполнить эту свою миссію, если будетъ отыскивать для себя рѣшеніе тѣхъ или другихъ общественныхъ вопросовъ не тамъ, гдѣ она должна его находить, не въ совѣсти и убѣжденіяхъ дѣятелей, посвящающихъ ей свои силы, а внѣ ея сферы—въ какихъ нибудь правительственныхъ канцеляріяхъ или различныхъ бюро по дѣламъ печати? Можетъ ли она говорить смѣло и независимо, зная, что надъ нею постоянно виситъ Дамокловъ мечъ, готовый упасть каждую минуту? — Какіе совѣты, какое содѣйствіе въ разрѣшеніи трудныхъ общественныхъ вопросовъ можетъ оказывать правительству такая печать, которая должна постоянно сама принимать совѣты и указанія,

и которую будутъ постигать тяжелыя кары, если она откажется имъ слѣдовать?—А между тѣмъ расширеніе правъ печати легальной, открытой, пользующейся покровительствомъ закона—одно изъ лучшихъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ подавленію печати не легальной, устроивающей свои пріюты на чердакахъ и подъ землею. Мы видѣли, что вѣнское общество, въ концѣ прошлаго столѣтія, съ жаромъ бросалось на произведенія французской революціонной литературы и отворачивалось отъ произведеній своей собственной печати, состоявшей подъ опекой цензуры. Мы видѣли, что передовые писатели, передовые умы Франціи печатали иногда свои произведенія за границей, не находя возможности, печатать ихъ въ предѣлахъ отечества по причинѣ цензурныхъ стѣсненій. Эти ли примѣры не краснорѣчивы, не убѣдительны? — Думать, что строгостью цензуры можно предохранить общество отъ вторженія въ среду его растлѣвающихъ началъ,—величайшее заблужденіе. Это все равно, что надѣяться подавить и уничтожить въ обществѣ преступленія съ помощію строгости наказаній. — Что̀ можетъ быть циничнѣе, отвратительнѣе многихъ произведеній французской литературы эпохи Людовика XV-го? А между тѣмъ, во Франціи существовала въ это время цензура. Въ то же время сочиненія, которыя, по изложеннымъ выше причинамъ, не могли явиться во Франціи и печатались за границей—внѣ цензурнаго контроля—помимо другихъ достоинствъ ихъ, представляютъ образецъ сдержанности и благороднаго нравственнаго чувства. А произволъ цензоровъ въ цензурѣ предварительной? А произволъ административный въ цензурѣ карательной? Что могутъ сказать сторонники контроля надъ печатью въ виду такихъ рѣзкихъ, вопіющихъ невыгодъ? Пусть бы кто нибудь объяснилъ. Я возьму примѣры изъ нашего недавняго прошлаго:—почему «Мѣдный Всадникъ» Пушкина не былъ допущенъ въ печать при жизни его автора, а могъ явиться только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ былъ написанъ?—Между тѣмъ поэма не заключаетъ въ себѣ ровно ничего политическаго. Почему Гоголь не могъ всю жизнь напечатать 2-го тома своихъ «Мертвыхъ Душъ» и кончилъ тѣмъ, что сжегъ половину своего великаго труда? Почему, почему?! Этихъ п о ч е м у набралось бы слишкомъ много, коль скоро зашла рѣчь о правахъ и положеніи нашей печати! Посильному

разсмотрѣнію всѣхъ этихъ вопросовъ, касающихся собственно нашей прессы, мы надѣемся въ непродолжительномъ времени посвятить особую статью.

Дмитрій Лебедевъ.

ВЕСНА.

(А. А. С.....ой)

Когда тепломъ весны повѣетъ съ дальнихъ горъ
И нѣгой томною прозрачный воздухъ дышетъ—
Меня манитъ къ себѣ полей родныхъ просторъ,
А грудь усталую былая мощь колышетъ.
Я жадно слушаю, что говоритъ ручей,
Подъ снѣгомъ прососавъ незримую дорогу,
Гляжу, какъ на холмахъ засѣянныхъ полей
Пестрѣютъ озими, кудрявясь понемногу.
А на проталинахъ, по жнивамъ и лугамъ,
Полудня ранній гость, ужь жаворонокъ жмется
И, съ трелью звонкою взлетая къ облакамъ,
Въ бездонной синевѣ онъ беззаботно вьется.
Природа звуками волшебными полна;
Такъ упоительно-разъимчивъ воздухъ чистый;
Даль вѣковыхъ лѣсовъ, воспрянувшихъ отъ сна,
Заката пышнаго румянитъ блескъ лучистый.
Въ минуты тѣ плывутъ задумчивой волной
Былаго счастія заманчивыя грезы—
И надъ страницами любви пережитой
Безспльно капаютъ непрошенныя слезы.

Н. С.....ъ.

Наблюденія надъ русскою народною школою.

III.

При кабинетномъ обсужденіи вопроса объ обязательномъ обученіи не упускаютъ изъ виду и тѣхъ деревень, откуда ходить ежедневно дѣтямъ въ школу было бы затруднительно или по причинѣ отдаленности отъ школы, или по непроходимости дорогъ весною и осенью. Для устраненія этого затрудненія проэктируются при школахъ квартиры, куда бы можно было помѣщать дѣтей на цѣлую недѣлю. Мы не знаемъ, насколько это было-бы практично для крестьянъ; но въ настоящее время очень немногіе пользуются подобнымъ средствомъ. Они условливаются съ какой либо крестьянской семьей, живущей въ томъ селѣ, гдѣ есть школа, за два или за три рубля въ зиму, и ввѣряютъ ей своего парнишку, котораго только на праздники берутъ домой. Провизію же для его прокормленія отпускаютъ съ нимъ вмѣстѣ на недѣлю. Все это могутъ дѣлать, конечно, крестьяне наиболѣе состоятельные и по доброй волѣ; но мы не думаемъ, чтобы обязательность могла зайти такъ далеко, еслибы даже при школахъ устраивались особыя квартиры, за которыя бы не требовалось никакой платы. Нельзя требовать ни отъ одной семьи, чтобы она противъ воли отдавала своего ребенка на чужой призоръ, который не можетъ быть подъ ея контролемъ. Нельзя требовать и отъ школьнаго учителя, чтобы онъ, послѣ утомительной классной работы, имѣлъ неослабный надзоръ за школьнымъ пріютомъ и отвѣчалъ бы за то, что̀ ребята могутъ дѣлать въ его стѣнахъ. Пришлось бы нанимать особаго надежнаго дядьку и на него возлагать эту отвѣтственность. Тогда потребовались бы лишніе расходы и все-таки нельзя было бы ручаться, что постоянный надзоръ за дѣтьми обезпе-

ченъ. Законъ можетъ требовать, чтобы крестьяне на нѣсколько часовъ въ день посылали своихъ дѣтей въ школу, но едва ли онъ можетъ, не идя въ разрѣзъ съ естественными правами родителей, требовать, чтобы ребенка отлучали отъ семьи ради школы. Это можетъ быть предоставлено только на добрую волю отцовъ и матерей. И теперь мы встрѣчали крестьянъ, которые и хотѣли бы провести своихъ дѣтей черезъ школы, но боятся выпустить ихъ изъ-подъ своего надзора, хотя и имѣютъ возможность выбрать такую семью, гдѣ ребенокъ ихъ могъ бы найти надежный пріютъ. Ихъ удерживаетъ страхъ, что мальчикъ вдали отъ своей семьи избалуется. Тѣмъ большій страхъ существуетъ за дѣвочекъ. И можно съ увѣренностью предсказать, что матери не будутъ отпускать своихъ дочерей въ школьные пріюты, хотя бы они и устраивались совершенно отдѣльно отъ пріютовъ для мальчиковъ. Какимъ же образомъ тутъ можно утвердить обязательное обученіе для всѣхъ, если не поставить школу въ каждой деревнѣ, о чемъ невозможно и думать.

Въ настоящее время, по статистическимъ даннымъ, почти половина грамотныхъ людей изъ крестьянства пріобрѣла грамотность помимо школы: они учились у лицъ церковнаго причта, не исключая даже и просвирень, у полуграмотныхъ солдатъ, у писарей, замотавшихся семинаристовъ, у бабъ и у всякаго другаго люда *), конечно, учились не такъ скоро, не такъ успѣшно, какъ учатся въ школахъ; многіе изъ нихъ, научившись кое-какъ читать, не умѣютъ писать. Но никто и не будетъ утверждать, что не было бы лучше, еслибы они учились въ школѣ. Вопросъ заключается въ томъ, можетъ-ли у насъ одна школа, безъ содѣйствія разныхъ грамотныхъ лицъ, которыя не могутъ назваться присяжными учителями, взять въ свои руки все элемен-

*) Намъ указывали на пожилаго крестьянина, который прежде провелъ черезъ школу своего сына, а потомъ и самъ сталъ учиться у него. Этотъ фактъ связывается съ справедливымъ заключеніемъ барона Н. А. Корфа, что грамотность имѣетъ значеніе не только для самого обученнаго, но и для всей его семьи, для его неграмотныхъ друзей и знакомыхъ. «Грамотность ведетъ къ грамотности, говоритъ онъ, такъ какъ питомцы народной школы нерѣдко обучаютъ неграмотныхъ, и такъ какъ семья, въ которой уже есть грамотный, охотнѣе посылаетъ и остальныхъ неграмотныхъ членовъ своихъ въ школу». (Рус. Мысль, 1881 г. Октябрь).

тарное обученіе крестьянскихъ дѣтей и удовлетворить возростающему спросу крестьянъ на грамотность? Строгое обсужденіе вопроса показываетъ, что отъ утвердительнаго отвѣта намъ приходится отказаться. Въ такомъ случаѣ, чтобы не идти въ разрѣзъ съ законными требованіями крестьянъ, намъ необходимо признать всякія средства, какими добывается грамотность, также законными и не считать преступленіемъ, если какой бы ни было грамотный человѣкъ возьмется выучить малыхъ ребятъ читать, писать и считать. Пусть ихъ учатъ и отвѣчаютъ передъ закономъ только тогда, когда обнаружится, что учатъ *не дѣлу*. Пусть оберегаетъ нравственность дѣтей не полиція какого бы то ни было вѣдомства, а сами отцы и общества, къ которымъ они принадлежатъ. Она навѣрно будетъ обережена лучше.

Намъ кажется, что въ скоромъ времени сама школа по необходимости должна будетъ прибѣгнуть къ помощи грамотныхъ людей, не разбирая, есть ли у нихъ какія либо свидѣтельства, лишь бы были только сносно-грамотны да смирны нравомъ. Нѣкоторыя школы и теперь нуждаются въ помощникахъ для учителя, которому невозможно справиться съ числомъ, превышающимъ пятьдесятъ учениковъ. А намъ указывали школы, гдѣ ихъ болѣе девяноста при одномъ учителѣ или учительницѣ. Конечно, число такихъ многолюдныхъ школъ съ каждымъ годомъ будетъ быстро увеличиваться. Самъ собою является вопросъ объ учительскихъ помощникахъ, иначе школа дѣлается несостоятельною, хотя бы въ законномъ требованіи права на льготу по воинской повинности. Откуда же взять этихъ помощниковъ? Лица, получившія свидѣтельства на право обученія, ищутъ себѣ мѣстъ учительскихъ и находятъ ихъ, такъ какъ съ каждымъ годомъ открываются новыя школы. Кому изъ нихъ охота идти въ учительскіе помощники, если они имѣютъ право занять мѣсто самостоятельнаго учителя? По неволѣ приходится обращаться къ такимъ, которые не имѣютъ оффиціальнаго права разсчитывать на эти мѣста и которые все-таки упражнялись въ учительскомъ дѣлѣ—брали на выучку дѣтей въ крестьянскихъ семьяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, подъ руководствомъ учителя, могли бы въ первую зиму практиковать дѣтей въ чтеніи и дать самому учителю болѣе возможности заниматься съ другими школь-

ными отдѣленіями. Выгода была бы и въ томъ, что эти помощники знакомились бы отъ учителя съ новыми методами обученія, могли бы ими пользоваться и въ своей частной практикѣ, еслибы почему либо оставили свои занятія въ школѣ. А пробывъ въ ней нѣсколько лѣтъ, они, можетъ быть, оказались бы въ силахъ пріобрѣсти себѣ и право на должность учителя. По нашему мнѣнію, хорошо бы было, еслибы всѣ занимающіеся домашнимъ обученіемъ въ селахъ имѣли какую нибудь связь съ мѣстною школою и могли пользоваться совѣтами школьнаго учителя; тогда и школа получила бы особенное образовательное значеніе въ своемъ районѣ: каждый крестьянинъ, задумавъ обучить своихъ дѣтей грамотѣ и въ то же время не находя возможности, по какимъ либо обстоятельствамъ, ввѣрить ихъ школѣ,—могъ бы обращаться къ школьному учителю съ просьбою указать ему на человѣка наиболѣе надежнаго, который уже занимается обученіемъ. Совѣтъ учителя могъ бы оградить крестьянина отъ плохихъ и полуграмотныхъ домашнихъ учителей, которымъ онъ теперь нерѣдко довѣряется.

IV.

Изъ своихъ бесѣдъ съ крестьянами я убѣдился, что прежнія понятія ихъ о школьномъ учителѣ, вооруженномъ розгою и бранью, стали измѣняться. У нихъ уже вырабатываются иныя идеальныя представленія объ учителѣ. Мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобъ хвалили учителя, прибѣгающаго къ брани и побоямъ. Напротивъ, всегда восхваляли того, кто ласково относится къ дѣтямъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что такое качество учителя для нихъ какъ бы непривычно и неожиданно. Такъ, въ одномъ московскомъ селѣ называютъ своего учителя рѣдкимъ человѣкомъ за кроткое обращеніе съ дѣтьми и за ихъ быстрые успѣхи, и съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ говорятъ объ его тихомъ поведеніи, не смотря даже на то, что онъ, сколько можно было заключить изъ ихъ словъ, мало сближался съ ними и жилъ больше уединенно, проводя время за книгами или въ одиночныхъ прогулкахъ. Одинъ учитель въ Можайскомъ уѣздѣ оставилъ такую добрую память о себѣ за хорошій нравъ и любовь къ дѣтямъ, что крестьяне продолжаютъ гордиться своимъ Александромъ Ивановичемъ, не смотря на то, что онъ уже пе-

решелъ въ другую школу. Въ Шир—ѣ, Ярославской губерніи, крестьяне не нахвалятся учителемъ за его скромность и доброту.

Одна мать съ большимъ удивленіемъ разсказывала, какъ ея девятилѣтняго сына нельзя удержать дома за какой нибудь семейной надобностью: такъ и рвется каждое утро въ школу, а придетъ домой, садится за книгу. Это она приписывала хорошему вліянію учителя. Но еще не могла свыкнуться съ мыслію, что можно заставить ребятъ учиться безъ кулаковъ и безъ розги. Впрочемъ, было замѣтно, что она не желала бы возвращенія къ прежнимъ пріемамъ обученія, если можно обойтись и безъ нихъ не во вредъ дѣлу. Вотъ какія идеальныя черты начинаютъ выдѣляться въ представленіяхъ крестьянъ, и очень понятно, что учителя, подходящіе подъ эти представленія, должны скоро пріобрѣсти ихъ симпатіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вызвать любовь къ школѣ, что̀ также неминуемо ускоритъ распространеніе грамотности.

Но всего интереснѣе для меня былъ вопросъ объ учительницахъ, которыхъ теперь уже не рѣдкость встрѣтить въ сельскихъ школахъ. Большинство изъ нихъ получило среднее образованіе и выросло вдали отъ той сферы, гдѣ теперь приходится жить. Понятно, что имъ труднѣе, чѣмъ учителю, сближаться съ массою, которая не умѣетъ быть сдержанною въ своихъ выраженіяхъ, часто очень циничныхъ. Оказывается, что крестьяне, хотя и смотрятъ на учительницу, какъ на барышню, но въ то же время не отказываютъ ей въ своихъ симпатіяхъ, если только она ласкова съ дѣтьми и усердно дѣлаетъ свое дѣло. Намъ не разъ случалось слышать похвалы такой учительницѣ; въ одномъ селѣ, крестьяне, не зная, какія слова прибрать для ея аттестаціи, повторяли: «она обращается съ нашими дѣтьми кротко, б л а г о р о д н о», и только жалѣли, что на ея рукахъ девяносто учениковъ, хорошо понимая, какіе неимовѣрные труды она должна была нести въ этой массѣ обучающихся. Она должна заниматься съ четырьмя отдѣленіями. Надолго ли хватитъ ея силъ при такихъ условіяхъ? Замѣчательно также, что крестьяне хорошо понимаютъ, какъ трудно молодой, образованной дѣвушкѣ жить въ ихъ средѣ: «развѣ могутъ

забавлять ее наши мужицкія рѣчи», говорятъ они; и нисколько не въ обидѣ, что она стоитъ далеко отъ нихъ.

Изъ моихъ наблюденій по вопросу о сельскихъ учительницахъ, онъ разрѣшается такъ, какъ можно желать. Крестьяне не только не враждебно, но съ уваженіемъ могутъ относиться къ нимъ, хотя вообще они не склонны идеализировать женщину; и было бы совершенно неосновательно опасеніе, что учительница можетъ быть имъ не мила лишь потому, что женщина все не то, что мужчина, какъ мнѣ сначала думалось. Теперь я даже убѣдился, что она болѣе приходится имъ по душѣ, такъ какъ мягче въ обращеніи и легче можетъ привязывать къ себѣ дѣтей. Ея скромность и сдержанность имъ нравятся, а если они замѣчаютъ, что у нея дѣти учатся, а не балуются, то похваламъ ихъ нѣтъ конца. Такая учительница можетъ возвышать и идеальныя ихъ представленія о женщинѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и хорошо повліять на нравственную сторону учащагося поколѣнія.

Къ сожалѣнію, я знакомился съ сельской учительницей только по описаніямъ самихъ крестьянъ, а лично мнѣ не пришлось бесѣдовать ни съ одной изъ нихъ. На лѣто онѣ обыкновенно уѣзжаютъ или къ роднымъ, или въ какое-либо помѣщичье семейство для занятій съ дѣтьми. Но, по разспросамъ, можно заключить, что жизнь ихъ очень однообразна. Случается, что, кромѣ семейства священника, вблизи нѣтъ ни одной подходящей семьи, гдѣ бы можно получить книги для удовлетворенія эстетическихъ потребностей. Да и священникъ, если онъ вдовый и съ одними малолѣтними дѣтьми, также не можетъ представлять веселаго сосѣдства. Поэтому желательно, чтобы жизнь сельской учительницы была обставлена какъ можно лучше въ виду той пользы, какую она можетъ приносить преимущественно передъ учителемъ. Какъ скоро оказывается, что крестьяне могутъ съ уваженіемъ относиться къ ея дѣятельности, то вопросъ о предпочтеніи учительницы или учителя рѣшается въ пользу первой. Во-первыхъ, въ учительницы идутъ дѣвицы, обучавшіяся въ гимназіи или въ духовныхъ женскихъ училищахъ или, по крайней мѣрѣ, въ прогимназіи; я уже не говорю о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда являются дѣвушки съ высшимъ образованіемъ. Во всякомъ случаѣ, большинство учительницъ обра-

зованіе большинства сельскихъ учителей. Во-вторыхъ, онѣ умѣютъ лучше обращаться съ дѣтьми, теплѣе относятся къ своему дѣлу и сильнѣе привязываютъ къ себѣ дѣтей, что вѣрнѣе ручается за успѣхъ самаго дѣла. Въ-третьихъ, онѣ могутъ скорѣе, чѣмъ учителя, подѣйствовать благотворно на нравственную сторону крестьянской жизни, въ особенности, если у нихъ будутъ не только ученики, но и ученицы. Соображая все это, мы могли бы посовѣтовать земствамъ привлекать въ сельскія школы преимущественно учительницъ, тѣмъ болѣе, что для ихъ образованія даже не требуется спеціальныхъ учительскихъ семинарій. Уже существующія въ настоящее время женскія гимназіи и прогимназіи во всѣхъ губернскихъ и во многихъ уѣздныхъ городахъ ежегодно выпускаютъ значительное число дѣвицъ, которыя не прочь поступать на должности сельскихъ учительницъ. Еслибы для нихъ земства устраивали на одинъ годъ педагогическіе курсы, съ цѣлью подготовлять ихъ для спеціальныхъ школьныхъ занятій, то сельскія училища много бы выиграли. У насъ есть свѣдѣнія, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ежегодно такими мѣрами можно бы было подготовлять до пятидесяти и болѣе сельскихъ учительницъ. По мѣрѣ же распространенія женскихъ гимназій и прогимназій въ уѣздныхъ городахъ и увеличенія въ нихъ числа ученицъ, будетъ увеличиваться и число желающихъ посвятить свои силы школьному дѣлу, такъ какъ оно никогда не будетъ оспариваться у женщины. Такимъ образомъ, безъ затрудненія разрѣшается вопросъ, въ состояніи ли учительскія семинаріи приготовлять столько сельскихъ учителей, сколько ихъ будетъ требоваться въ недальнемъ будущемъ. По нашему мнѣнію, учительскія семинаріи—учрежденіе временное; онѣ стоютъ дорого и въ большомъ числѣ будутъ обременительны для всѣхъ. А разъ что женское образованіе у насъ сдѣлалось доступно большинству городскихъ сословій, и образованная дѣвушка развила въ себѣ стремленіе къ труду, она прямо попадаетъ на то дѣло, которое ей всего болѣе по силамъ и, такъ сказать, по ея натурѣ. Нужно только умѣть направить эти силы. Въ такомъ случаѣ сдѣлаются ненужными и учительскія семинаріи, которыя большую часть времени употребляютъ на элементарное образованіе, но не могутъ удовлетворительно выполнить своей спеціальной про-

граммы. Мы увѣрены, что средства, употребляемыя для содержанія одной семинаріи, были бы очень достаточны для поддержанія педагогическихъ курсовъ по всѣмъ городамъ губерніи, гдѣ есть гимназіи и прогимназіи, и думаемъ, что дѣло значительно бы выиграло. Конечно, предполагается, что и самыя гимназіи будутъ совершенствоваться и становиться на почву болѣе педагогическую.

Мы сказали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жизнь учительницы пока очень тяжела, по недостатку сколько нибудь подходящаго къ ней общества, но съ теченіемъ времени около нея образуется и маленькое общество, когда земство будетъ устраивать земскія больницы, гдѣ врачами будутъ женщины, также ученыя акушерки. Кромѣ того, для поддержанія интереса къ педагогическому дѣлу въ учительскомъ сословіи, необходимо устраивать учительскіе съѣзды три раза въ годъ—въ праздники рождественскіе, пасхальные и въ лѣтніе каникулы, съѣзды уѣздные и губернскіе. Они, по сознанію самихъ учителей, очень важны уже потому, что дѣйствуютъ живительнымъ образомъ на духъ преподавателей, и поддерживаютъ въ нихъ бодрость, еслибы даже и не рѣшали важныхъ вопросовъ. Возвратившись со съѣзда, учитель съ бо́льшимъ интересомъ принимается за дѣло, такъ какъ та или другая сторона этого дѣла ему лучше освѣтилась въ недавнихъ бесѣдахъ съ товарищами, такъ какъ мысль его занята исправленіемъ какой-либо своей ошибки, сознанной въ преніяхъ по поводу того или другаго педагогическаго вопроса. На съѣздѣ прочтено или разсказано нѣсколько дѣльныхъ сочиненій, указаны другія, которыя стоитъ прочесть и которыя онъ намѣренъ пріобрѣсти. Желательно, чтобы земства при этомъ позаботились и объ эстетическихъ впечатлѣніяхъ, на которыя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на потребность духа, чтобы учитель или учительница возвращались къ своему дѣлу съ полнотою души и были бы этимъ ограждены отъ апатіи, неминуемой при однообразныхъ впечатлѣніяхъ жизни. Но чтобы все это устроилось, прежде всего необходимо, чтобы мы всѣ поняли важное значеніе народнаго учителя.

Къ сожалѣнію, большинство смотритъ на него еще свысока, не предполагая въ немъ даже такихъ потребностей, которыя лежатъ въ основѣ человѣческой природы. Имъ, конечно, пока-

жется страннымъ наше желаніе заботиться объ эстетическихъ впечатлѣніяхъ, такъ какъ они воображаютъ, что это роскошь, приличная другой, высшей сферѣ жизни, куда скромный народный учитель и не долженъ соваться со своимъ носомъ. Имъ трудно понять, что за недостаткомъ эстетическихъ впечатлѣній, человѣкъ грубѣетъ, съуживается въ тѣсной сферѣ своей дѣятельности и непремѣнно будетъ искать развлеченія въ грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ, если не отупѣетъ и не впадетъ въ меланхолію, что̀ никакъ не желательно для народнаго учителя, а тѣмъ болѣе, ради успѣховъ школьнаго дѣла. Есть люди, которые не хотѣли бы допустить даже въ учительскія библіотеки народныхъ школъ художественныхъ произведеній литературы, считая затрату денегъ на пріобрѣтеніе такихъ книгъ совершенно непроизводительною, на томъ основаніи, что учителя научили тому, что̀ онъ долженъ знать, чему и какъ долженъ учить, больше ничего ему и не нужно; пусть онъ занимается съ ребятами, вотъ и вся его сфера, и всякія дальнѣйшія о немъ заботы совершенно излишни. Такіе люди не поймутъ нашихъ требованій; рѣчь о средствахъ самообразованія, самовоспитанія, самоусовершенствованія имъ будетъ недоступна. Тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ утверждать, что крайне недостаточно только подготовлять народныхъ учителей и учительницъ, необходимо употребить и всѣ старанія, чтобы сдѣлать ихъ жизнь человѣчески сносною, при существующей обстановкѣ деревенской жизни. Безъ этого и всѣ ваши учительскія семинаріи, и всякаго рода подготовки не принесутъ желаемой и ожидаемой пользы.

Мы разговаривали съ нѣсколькими учителями объ ихъ житьѣ-бытьѣ. Всѣ жалуются на тягость своей работы въ учебное время и на убійственную скуку въ длинныя пятимѣсячныя каникулы, жалуются даже тѣ, которые сравнительно поставлены въ условія болѣе благопріятныя. Мы вспоминаемъ бесѣду съ учителемъ одной изъ школъ Воспитательнаго Дома. Три года назадъ онъ кончилъ курсъ въ московской учительской семинаріи на двадцатомъ году возраста и опредѣленъ въ эту школу. Молодой человѣкъ—очень не глупый, повидимому, старательный, и судя по многимъ признакамъ, добросовѣстный въ своемъ дѣлѣ. У него теперь пятьдесятъ два ученика—тридцать два изъ питомцевъ и питомокъ московскаго Воспитательнаго Дома и двадцать изъ

крестьянскихъ мальчиковъ, за которыхъ отцы платятъ школѣ по 4 руб. въ годъ. Оговоримся, что этой платою учителя не пользуются. Ученики, отъ восьми до тринадцатилѣтняго возраста, дѣлятся на два отдѣленія, съ которыми онъ занимается одновременно всѣми школьными предметами, не исключая и Закона Божія, впрочемъ, подъ наблюденіемъ приходскаго священника. Школа нанимаетъ помѣщеніе въ крестьянской избѣ. Она состоитъ изъ большой учебной комнаты, нельзя сказать, чтобы просторной для пятидесяти учениковъ, и изъ маленькой каморки для учителя; ея меблировка—кровать, столъ, два стула. Другая часть избы занята семействомъ хозяина, которому онъ платитъ отъ себя семь руб. въ мѣсяцъ за обѣдъ, изъ жалованья въ 21 рубль. Остальное идетъ на всѣ другія потребности, въ которыя немыслимо вводить какія либо удовольствія. Единственно, что онъ позволяетъ себѣ—выписывать, вмѣстѣ съ священникомъ сосѣдняго села, какую-то московскую еженедѣльную газету, по которой только и узнаетъ, что дѣлается въ Божьемъ мірѣ. Впрочемъ, у него есть еще скрипка, на которой онъ разъигрываетъ кое-какія пьески въ свободныя минуты. Къ благопріятнымъ обстоятельствамъ нужно отнести то, что въ недальнихъ окрестностяхъ есть еще нѣсколько школъ земскихъ и Воспитательнаго Дома, такъ что учителя могутъ, хотя изрѣдка, посѣщать другъ друга, разумѣется пѣшкомъ. «Если придется въ праздникъ съ кѣмъ-либо встрѣтиться, разсказывалъ мой собесѣдникъ, и поговорить о своемъ школьномъ дѣлѣ, то почувствуешь больше душевной силы, и въ первые дни недѣли работаешь съ оживленіемъ, а только въ концѣ недѣли снова появляется усталость, такъ что въ субботу уже съ нетерпѣніемъ ждешь конца урока, чтобы въ праздникъ что-нибудь почитать и немножко освѣжиться». Въ будни же и по вечерамъ отдыхать не приходится: нужно подготовиться къ урокамъ слѣдующаго дня, сообразить, какими самостоятельными работами занять каждое отдѣленіе, такъ какъ оба они должны быть заняты въ одно и то же время. Другое благопріятное обстоятельство—возможность доставать для чтенія книги черезъ управляющаго сосѣднимъ имѣніемъ (школа богата учебными пособіями, но не книгами для чтенія), безъ чего въ праздное лѣтнее время пришлось бы умереть со скуки и чѣмъ могутъ пользоваться не всѣ народные учителя. Но и при такихъ

условіяхъ мой собесѣдникъ *) жаловался на чувство одиночества, на недостатокъ общества, хотя къ крестьянамъ онъ относился очень добродушно, и они съ своей стороны расположены къ нему и къ школѣ. Послѣ этого понятно, какъ народные учителя должны цѣнить учительскіе съѣзды и рваться на нихъ. Это заключеніе подтверждается опытами московскаго Воспитательнаго Дома. Въ рождественскіе праздники, учителя школъ этого дома призываются въ Москву въ учительскую семинарію, гдѣ и получаютъ временное помѣщеніе вмѣстѣ съ содержаніемъ. Тамъ устраиваются общія педагогическія бесѣды въ присутствіи директора семинаріи, весьма опытнаго и любящаго свое дѣло педагога, и нѣсколькихъ спеціалистовъ-преподавателей. На бесѣдахъ, каждый изъ прибывшихъ учителей можетъ высказывать всѣ затрудненія и недоумѣнія, какія онъ встрѣчалъ въ своей практикѣ, и получаетъ совѣты и разныя указанія. Конечно, они побесѣдуютъ и между собою въ отдѣльныхъ кружкахъ, разъ—другой сходятъ въ театръ или въ музеи, и этого достаточно, чтобы надолго освѣжить душу и по возвращеніи ревностно приняться за свое дѣло. Оживляетъ даже самое ожиданіе слѣдующаго года, причемъ новыя возникающія въ практикѣ затрудненія и недоумѣнія не такъ тяготятъ душу, потому что есть надежда на помощь другихъ въ близкомъ будущемъ. Намъ пришлось слышать не отъ одного учителя признаніе, какъ важны и дороги для нихъ эти ежегодныя сходки. Конечно, еще большее значеніе имѣли бы онѣ въ смыслѣ оживленія духа, еслибы устраивались три раза въ годъ для всѣхъ народныхъ учителей, два съѣзда уѣздные и одинъ губернскій. По нашему мнѣнію, это единственно вѣрное средство поддержать духъ учителей и педагогическій интересъ къ школьному дѣлу. Этого вопроса нельзя обойти при разрѣшеніи общаго вопроса о народной школѣ.

Необходимо также позаботиться и объ учительскихъ библіотекахъ, которыя въ настоящее время очень скудны. При значительномъ числѣ школъ въ одной мѣстности, нѣтъ даже надоб-

---

*) Нужно замѣтить, что воспитаніе онъ получилъ въ крестьянской избѣ, какъ питомецъ Воспитательнаго Дома, слѣдовательно ему очень близка крестьянская жизнь, по крайней мѣрѣ, по своей внѣшности.

ности, чтобы въ каждой школѣ была своя библіотека. Можно завести одну на нѣсколько школъ, лишь-бы она занимала центральное между ними положеніе при небольшомъ районѣ. Это сократило-бы расходы на каждую школу и дало-бы возможность обогатить библіотеку многими прекрасными и даже дорогими сочиненіями. Въ особенности, въ ней долженъ быть богатъ отдѣлъ художественныхъ произведеній литературы, какъ противовѣсъ съ одной стороны тѣмъ, болѣе и менѣе, серьезнымъ сочиненіямъ, которыя при чтеніи требуютъ извѣстнаго умственнаго и утомительнаго напряженія, съ другой—тѣмъ грубымъ развлеченіямъ, къ которымъ иногда пристращаются учителя послѣ утомительныхъ трудовъ, за недостаткомъ чего-нибудь болѣе благороднаго. Въ настоящее время, учительскія библіотеки снабжаются книгами по каталогу министерства народнаго просвѣщенія, куда вносятся только сочиненія, которыя могутъ способствовать лишь умственному развитію учителя. Между тѣмъ учителя сильно нуждаются и въ другомъ чтеніи, особенно въ лѣтнія продолжительныя каникулы, когда имъ рѣшительно нечего дѣлать. Нѣкоторые изъ нихъ уѣзжаютъ на лѣто къ своимъ роднымъ *); но другимъ и некуда, и не на что ѣхать. Это-то праздное время рѣшительно портитъ многихъ изъ нихъ. Не отъ одного намъ приходилось слышать желаніе имѣть при школѣ хоть какой нибудь клочекъ земли, гдѣ-бы можно было развести или садикъ, или огородъ, чтобы заботами о нихъ наполнять хоть часть своего времени. Но и этого ни у кого нѣтъ подъ рукою. Согласитесь, что положеніе тяжелое: или читать неудобочитаемыя книги, присланныя по чужому выбору, (если онѣ есть или еще не перечитаны), или сидѣть сложа руки въ душной каморкѣ, или, наконецъ, скитаться безъ цѣли по знакомымъ полямъ и лѣсамъ,—и такъ пять мѣсяцевъ! А между тѣмъ небольшой клочекъ земли могъ-бы внести въ лѣтнюю жизнь учителя много оживляющаго и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Своими работами въ саду или огородѣ онъ

*) Мы слышали, что иные отправляются куда-нибудь на работы, совсѣмъ не педагогическія, какъ напримѣръ, на желѣзныя дороги въ разрядъ нижнихъ служителей. Эти заработки имъ необходимы для пополненія своего скромнаго бюджета.

могъ-бы служить хорошимъ примѣромъ для крестьянъ, онъ могъ-бы и въ своихъ ученикахъ развить охоту къ такимъ занятіямъ. Учительницѣ, можетъ быть, еще дороже былъ-бы этотъ клочекъ земли, такъ какъ ей еще труднѣе найти физическія занятія, которыя необходимы и для здоровья, и для бодрости духа. Она сильнѣе привязалась-бы къ своему мѣсту, о чемъ не мѣшало-бы позаботиться тѣмъ, на комъ лежитъ нравственная обязанность заботиться о школѣ.

В. Стоюнинъ.

(До слѣдующаго №).

ГРОЗА.

(Передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ).

Лазурь небесъ кольцомъ свинцовымъ
Сомкнулъ напоръ зловѣщихъ тучъ;
Исчезъ за облакомъ суровымъ
Послѣдній тусклый солнца лучъ;
Стихъ вѣтеръ, листьевъ не колышетъ;
Все смолкло; все, что̀ жизнью дышетъ,
Смертельной замерло тоской...
Весны нѣтъ слѣду обаянья;
Лишь бури грозное дыханье
Паритъ всецѣло надъ землей...

И вотъ, средь тишины глубокой,
Раздался вѣщій Божій громъ;
Сверкнула молнія; жестокій
Поднялся вихрь, и все кругомъ
Въ порывѣ бѣшеномъ ломая,
Все на пути уничтожая,
Стремится глубже въ даль и въ даль!
Въ безсвязномъ дикомъ изступленьѣ
Трудъ тяжкій многихъ поколѣній
Разрушить въ прахъ ему не жаль.

Все ближе, ближе рокотъ бури...
Больнѣе сердцу, тяжелѣй!
Небесъ не видно ужь лазури,
Чернѣе тучи и мрачнѣй.
Твердимъ мы въ страхѣ по неволѣ:
«Нѣтъ, ясныхъ дней не будетъ болѣ!»
И думамъ горестнымъ—отвѣтъ
Одинъ лишь слышится холодный.
Въ борьбѣ неровной и безплодной
Все сгинетъ, все! надежды нѣтъ!

Но буря стихла на мгновенье...
И, словно свѣтлый лучъ небесъ,
Раздалось радостное пѣнье:
«Спаситель живъ! Христосъ воскресъ!»
Еще бушуетъ непогода,
Еще тяжелая невзгода,
Какъ бремя, на сердцѣ лежитъ;
Но праздникъ свѣтлый искупленья
Всему, что̀ жаждетъ утѣшенья,
Надежду кроткую даритъ.

Воскресъ Христосъ; да торжествуетъ
Надъ смертью жизнь, надъ мракомъ—свѣтъ!
Пусть все, что̀ страждетъ, что тоскуетъ,
Найдетъ сочувственный привѣтъ.
Христосъ не зналъ ни лжи, ни лести,
Чуждался онъ кровавой мести,
Намъ давъ любви святой завѣтъ:
Пусть въ честь Христова Воскресенья,
Сердцамъ даруя обновленье,
Сквозь тьму проглянетъ правды свѣтъ!

С. Г.

12 Апрѣля 1881 г.

ФОСТЭНЪ

Романъ Эдмонда Гонкура.

XVI.

Гости Фостэнъ ждали актрису, которая пошла переодѣваться, въ большой гостиной маленькаго отеля, въ улицѣ Годо-де-Монруа. Это была обычная толпа посѣтителей ужиновъ перваго представленія, въ которой сталкиваются литераторы, живописцы, ученые, политическіе дѣятели, генералы, доктора и всякаго рода знаменитости, между которыми всегда вотрутся, неизвѣстно какимъ образомъ и неизвѣстно кѣмъ приглашенные, незнакомые люди съ длинными бородами, съ булавками въ галстукахъ или въ казацкихъ панталонахъ, съ возбуждающими общее любопытство иностранными орденами, имя которыхъ всѣ безуспѣшно спрашиваютъ другъ у друга за столомъ. Въ группахъ вяло разговаривали о какихъ-то неопредѣленныхъ предметахъ; одинокіе разсматривали безконечно долго, съ скучающимъ видомъ, бездѣлушки по угламъ; откинувшійся въ креслѣ репортеръ писалъ въ тетрадкѣ папиросной бумаги, при свѣтѣ стоявшей сзади лампы, свою вечернюю хронику.

Вошла, переодѣтая къ ужину, Фостэнъ. На ней было что-то въ родѣ атласнаго пеньюара-кремъ съ бархатными отворотами и лацканами того же цвѣта, отдѣланными старинным серебрянымъ кружевомъ, съ туберозами, вышитыми по немъ разноцвѣтными бусами. Въ волосахъ вилась вѣтка зелени съ металлическимъ блескомъ шпанской мухи. На темномъ фонѣ платья, посреди блеска

и богатства цвѣтовъ изъ причудливыхъ камней, виднѣвшаяся въ вырѣзанномъ квадратѣ часть груди была бѣла, какъ плѣсень на стѣнахъ погреба, а переливающійся блескъ зеленаго электрическаго огня отъ гирлянды въ волосахъ, при каждомъ движеньѣ головы, придавалъ верхней части лица странную фантастическую красоту, а смѣющимся глазамъ съ темной синевой—взглядъ ангела-демона.

Въ гостинной пробѣжалъ восторженный шепотъ, и лихорадочно возбужденная представленіемъ Фостэнъ, посреди образовавшагося около нея кружка, отталкивая нетерпѣливо ногой шлейфъ своего платья, заговорила съ нервной раздражительностью о событіяхъ вечера, объ эффектѣ, который пропалъ у нея вслѣдствіе слишкомъ рано данной реплики, объ неумѣлости управляющаго к л а к е р а м и, этими кашлюками, перешедшими за ней изъ Одеона во Французскій театръ, и въ этихъ жалобахъ разбитый голосъ актрисы звучалъ снова звонкими нотками и рѣзкими звуками. Когда дворецкій доложилъ, что «кушать подано», она взяла поспѣшно подъ руку незнакомаго молодаго человѣка, котораго слушала передъ тѣмъ съ удивительнымъ вниманьемъ, пошла впереди всѣхъ и, обернувшись къ гостямъ, проговорила:

— Здѣсь безъ церемоній, господа, всякій садится, гдѣ хочетъ и гдѣ можетъ.

И Фостэнъ сѣла за столъ посрединѣ, противъ сестры.

Въ столовой, пропитанной ароматомъ трюфелей и раковъ,—вокругъ стола, покрытаго камчатной скатертью и уставленнаго массивнымъ серебромъ, граненымъ хрусталемъ, корзинками рѣдкихъ цвѣтовъ и освѣщеннаго по старинному бѣловатымъ свѣтомъ свѣчей, горѣвшихъ въ канделябрахъ и въ люстрѣ съ блестящими хрусталиками, спускавшейся съ потолка, на свѣтломъ фонѣ котораго, такъ же, какъ и по стѣнамъ, виднѣлась, точно сквозь утренній туманъ-нагота всѣхъ олимпійскихъ богинь,—сначала наступило сосредоточенное молчаніе проголодавшихся тонкихъ гастрономовъ.

Молчаніе вскорѣ смѣнилось шумомъ и говоромъ, заглушеннымъ кѣмъ-то сказанной фразой:

— Ужинъ со свѣчами, браво!.. Еслибы женщины знали, какъ

выигрываетъ ихъ кожа отъ свѣчей, ни въ одной парижской столовой завтра же не осталось бы ни одного газоваго рожка и ни одной лампы!

Фостэнъ разговаривала съ молодымъ человѣкомъ, котораго посадила съ правой стороны около себя.

— Какая у васъ удивительно пріятная вибрація голоса!.. Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, какъ обаятельно дѣйствуетъ на меня голосъ... онъ проникаетъ, увѣряю васъ, дальше моего уха... говорите, говорите еще, дайте мнѣ послушать... Да, въ вашемъ голосѣ есть что-то напоминающее Делонэ, но онъ еще сильнѣе затрогиваетъ нервы... О! я увѣрена, что въ извѣстные дни вы сейчасъ вызовете мнѣ слезы на глаза!

И актриса слушала, наклоняясь къ нему, какъ къ затрогивающему душу инструменту.

— Прелестно, положительно прелестно, повторяла Фостэнъ, наклонивъ голову на бокъ и, такъ сказать, любуясь падавшими съ его губъ словами.—Право, вы должны были бы приходить ко мнѣ каждый день на нѣсколько часовъ... Слушать, когда вы говорите... читаете... для меня было бы настоящимъ праздникомъ. У васъ въ голосѣ есть ноты... это очень странно... ноты, въ которыхъ слышатся вмѣстѣ и смѣхъ, и рыданіе... О! знаете, ваше объясненіе въ любви, должно быть, очень опасно! и молодая женщина кокетливо разсмѣялась.

Потомъ, прервавъ вдругъ смѣхъ, Фостэнъ обратилась къ гостямъ:

— Рекомендую вамъ рыбу, господа... это волжская стерлядь... подарокъ одного изъ тамошнихъ друзей, который прислалъ мнѣ ее эфированную. Да, эфированную. Говорятъ, что усыпленная этимъ способомъ рыба не совсѣмъ умираетъ, и это единственное средство доставить ее, въ болѣе или менѣе свѣжемъ видѣ, на край свѣта.

Фостэнъ обратилась опять къ своему сосѣду; она обращалась къ нему съ той нѣгой въ одной половинѣ тѣла, съ тѣми ласкающими изгибами линій, которые вы можете подмѣтить у женщины, сидящей подлѣ человѣка, который ей нравится. Одна сторона ея тѣла—сторона обращенная къ неинтересующему ее сосѣду—дѣлается угрюмой, безжизненной, неподвижной, а другая, въ то же время, очень забавно трепе-

щетъ граціей, лаской мускуловъ и какъ бы выдѣляетъ изъ себя цѣпкіе любовные атомы. Женщина живетъ, можно сказать, только этой стороной: только обращенное къ этому сосѣду плечо ея вздрагиваетъ, только та сторона груди, которую онъ видитъ—трепещетъ, только та часть тѣла, соприкасающаяся съ испареніями любимаго человѣка, волнообразно изгибается.

Бонь-Амъ, въ этой средѣ, стоящей выше уровня ея знакомства, старалась держаться какъ можно приличнѣе. Она распространялась очень подробно, разсказывая про свое вышиванье, которое предназначалось для деревенской церкви того села, гдѣ у Карсонака была дача.

Карсонакъ чувствовалъ себя также не въ своей тарелкѣ; очень скромный и приниженный, онъ сидѣлъ за столомъ подлѣ мистификатора, которому разсказывалъ очень серьезно, какъ ужасно ему надоѣлъ Бальзакъ; что онъ съуживаетъ горизонтъ, задерживаетъ развитіе театра, и какъ онъ, сталкиваясь съ нимъ безпрестанно на одной и той же мысли, долженъ очень часто выкидывать сцены, написанныя несравненно лучше, чѣмъ у романиста. Сосѣдъ только отвѣчалъ на все: «вѣрю тебѣ», такъ что бульварный авторъ спрашивалъ себя и никакъ не могъ разобрать, была ли это пьяная фамильярность, или дерзкая иронія?

. . . . . .

— Хорошо, скажите прямо: душа и волосы; но это нынче вышло изъ моды; это типъ старинной свѣтской женщины, типъ женщины тридцатыхъ годовъ; нынѣшнія свѣтскія женщины...

— Нынѣшнія свѣтскія женщины, вскричалъ, прерывая разсказчика, одинъ знаменитый писатель,—это женщины худощавыя, сухія, плоскія, костлявыя, съ самымъ малымъ количествомъ тѣла, представляющимъ крошечное мѣстечко для любовныхъ упражненій, женщины, съ цвѣтомъ блѣдной немочи и скверной болѣзни въ лицѣ, съ плохо накрашенными глазами и губами, существа, по наружности, худосочныя, похожія на призраковъ и отъ которыхъ требуется только острое выраженіе лица, пикантность и шикъ. Эта красота, конечно, не годится въ модели для элементарныхъ рисовальныхъ школъ, но нужно сознаться, что для того состоянія любовной

гнилости, до котораго дошли мужчины девятнадцатаго столѣтія, это чертовски возбуждающій типъ.

— Вонъ невѣжу! вскричала шутя Фостэнъ.

— Развѣ я произнесъ хоть одно сколько-нибудь неприличное слово? спросилъ, совершенно простодушно, краснорѣчивый послѣдователь Рабле.

Въ разговоръ вмѣшался государственный человѣкъ, въ которомъ проглядывалъ большой охотникъ до женщинъ, мужчина съ очень молодымъ лицомъ подъ сѣдыми волосами.

— Да, господа, вы можете приходить въ негодованіе и угощать толпу всевозможными статьями относительно нравственности... но нѣкоторая распущенность положительно необходима въ государствѣ; она смягчаетъ нравы, дѣлаетъ общество человѣчнѣе, утончаетъ и образуетъ мужчину. Всѣ великіе люди всѣхъ эпохъ были развратны...

— О! О!

— Знаешь,—сказалъ на ухо своему сосѣду одинъ изъ гостей съ одутловатымъ, грязно-розовымъ лицомъ, напоминавшимъ вырѣзанную въ завядшей редискѣ голову апостола,—все это правительство состоитъ изъ инвалидовъ и всяческихъ сводниковъ.—Конецъ рѣчи государственнаго человѣка былъ заглушенъ короткими возраженіями, сыпавшимися со всѣхъ сторонъ, какъ выстрѣлы изъ пистолета.

— Этотъ драматическій критикъ уменъ... да у него столько же эстетическаго чувства, какъ у послѣдняго театральнаго ламповщика.

— Изящна эта актриса?!. точно маркитантка изъ труппы фавновъ!

— Онъ не любитъ эту женщину?.. благодарю, онъ далъ ей недавно 10 тысячъ франковъ за то, чтобы она согласилась принять слабительное... и вы не находите, что это самая дорогая любовь!

— Не говорите мнѣ про него; дуракъ съ возвышенными идеями и трансцендентальными взглядами.

— Таковъ Парижъ: кокотка, которая цѣнится въ двадцать пять

луидоровъ, стоитъ золотой члену жокей-клуба, а лакей въ 1200 франковъ пойдетъ за 300 къ мосье де-ла-Рошфуко.

— Васъ удивляетъ, что государство оказываетъ такое сильное покровительство музыкѣ; между тѣмъ, это очень понятно: всѣ банкиры-жиды меломаны.

— Общее правило: всегда остерегаться человѣка съ либеральными идеями и платьемъ поповскаго покроя.

— О! какая несносная болтунья!.. словомъ, это женщина, которая заявляетъ свою симпатію къ Швеціи, потому что эта страна невинная.

— Я тебѣ говорю, что пятифранковая монета на воротничкѣ рубашки, это и есть тотъ финансистъ.

— Извините, вмѣшался Бланшронъ:—вы говорите объ очень дѣльномъ человѣкѣ. Я, кажется, не слыву за дурака въ биржевыхъ дѣлахъ. Между тѣмъ, вотъ что случилось со мной. Выходя однажды отъ меня, онъ выронилъ изъ кармана, конечно, не безъ умысла, заказъ на очень крупную покупку. И я, господа, слышите, даже я, не рѣшился играть противъ него.

Въ эту минуту Фостэнъ замѣтила, что ея сосѣдъ справа складывалъ очень старательно на скатерть, подлѣ своей тарелки, рыбьи кости. Это открытіе вызвало на ея лицѣ сердитую гримасу, какъ у дѣвочки, которую обманули, давъ вмѣсто конфектъ пустой ящикъ. Она начала отвѣчать ему очень сухо, и ласкающія движенія тѣла, отклонившись мало-по-малу отъ молодаго человѣка съ рыбьими косточками, едва замѣтными поворотами, нечувствительными движеніями и искусно исполненной перемѣной позиціи, перешли постепенно къ сосѣду налѣво.

Это былъ философъ, свѣтскій человѣкъ, проповѣдывавшій свѣтскимъ женщинамъ честность и добро, что-то въ родѣ свѣтскаго духовника девятнадцатаго вѣка, который угощалъ своихъ послѣдовательницъ Платономъ вмѣсто евангелія, подбиралъ имъ шерсти для вышиванья, сообщалъ парижскія сплетни, когда онѣ уѣзжали лѣтомъ въ деревню или въ Ниццу зимой, и, въ случаѣ нужды, ухаживалъ за ними послѣ родовъ и читалъ въ это время житіе св. Августина. Напоминая лицомъ типъ краснаго прокуро-

ра и обладая нѣсколько профессорской граціей, онъ былъ любимцемъ женщинъ, которыя готовы были перессориться между собой за фланелевую фуфайку, смоченную потомъ его краснорѣчивыхъ бесѣдъ. И вотъ философъ, какъ только почувствовалъ приближеніе хозяйки дома, бросился ухаживать съ сверкающими глазами, забѣгавшими за вырѣзанный лифъ платья, осыпая ее сладкими комплиментами и тѣми преувеличенными похвалами, которыми такъ жестоко надоѣдаютъ любимымъ женщинамъ галантерейные академики.

— Вы ничего, рѣшительно ничего не кушаете.

— О! въ дни первыхъ представленій я чувствую только жажду... а эти грубыя вещи, требующія некраснваго жеванья... я нахожу, что женщинамъ нейдетъ ѣсть мясо.

— Вамъ, можетъ быть, хотѣлось бы питаться сюблимированнымъ мясомъ... и смотрите, у васъ за столомъ сидитъ нѣчто въ родѣ домашняго бога, занимающагося разложеніемъ простыхъ тѣлъ... попросите у него рецептъ.

— Замѣчательно, возразилъ химикъ, слышавшій конецъ разговора,—что эта изящная идея, пришла въ голову раньше всего не женщинѣ, а мужчинѣ, ученому канонику въ Нотръ-Дамъ. Старику надоѣло тратить время на ѣду и въ то же время опротивѣла ея матеріальная сторона, и онъ велѣлъ сюблимировать мясо, и началъ его употреблять въ формѣ невещественной, по нѣскольку капель, собранныхъ въ банку отъ духовъ. Только черезъ два или три года этого режима, у нашего каноника сдѣлалось съуженіе желудка, отъ котораго онъ едва не умеръ. Это очень грубо, но нужно сознаться, что для насъ, простыхъ смертныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, амброзія никуда ни годится, и самое лучшее сюблимированное мясо не сравнится съ начиненной трюфелями индѣйкой.

— Кстати объ индѣйкахъ съ трюфелями, возразилъ одинъ изъ гостей:—Знаете-ли, объ чемъ плакалъ Россини три раза въ продолженіе всей своей жизни? Это фактъ вполнѣ достовѣрный, о которомъ я узналъ изъ письма маэстро къ Херубини. Въ первый разъ онъ плакалъ въ тотъ день, какъ освистали его первую оперу; затѣмъ, когда услышалъ въ первый разъ игру Херубини

на скрипкѣ и, наконецъ, въ третій разъ, когда, катаясь по озеру Гарди, уронилъ въ воду индѣйку съ трюфелями, которую держалъ въ рукахъ.

— Исторія очень не дурна, и такъ какъ разговоръ зашелъ объ ѣдѣ, я вамъ разскажу кстати другую, про небесную пищу графа Марселюсса. Этотъ крупный католическій вельможа причащался у себя въ замкѣ не иначе, какъ облатками съ своимъ гербомъ. Однажды священникъ видитъ съ ужасомъ, что запасъ гербовыхъ облатокъ весь вышелъ; онъ рискнулъ однако положить въ благородный ротъ простую плебейскую облатку, прибавивъ вмѣсто извиненія: «Чѣмъ Богъ послалъ, ваше сіятельство»!

Философъ продолжалъ расточать передъ Фостэнъ свои профессорскія обольщенія и любовное краснорѣчіе, а она, въ припадкѣ неудержимаго кокетства, не только не останавливала, но почти подстрекала его. Замѣтивъ свой успѣхъ, онъ вздумалъ упрочить побѣду посредствомъ фокуса, изобрѣтеннаго имъ для подчиненія женщинъ, фокуса, очень искуснаго, но который онъ употреблялъ слишкомъ часто и не давая себѣ труда изучить поглубже женщинъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло. Посмотрѣвъ съ минуту задумчиво на свою сосѣдку, онъ началъ:

— Въ вашей красотѣ есть особенно характерный признакъ ума... О! я хорошій судья въ этихъ вещахъ... признакъ, обнаруживающій литературныя способности: — я не говорю про вашъ трагическій талантъ и мы оставимъ его въ сторонѣ... но про тотъ другой талантъ, скрытый, но навѣрно существующій... Вамъ слѣдовало бы писать... Пишите все, что дѣлается на вашихъ глазахъ... попробуйте... я вамъ помогу совѣтами... буду руководить... Еслибы вы знали, какія прекрасныя вещи удавалось написать, благодаря моей дружеской помощи, многимъ свѣтскимъ женщинамъ. Фостэнъ улыбнулась. Къ несчастью, она знала фокусъ; ей разсказала про него, двѣ недѣли тому назадъ, одна молодая женщина, которой философъ навязывался въ *совѣтчики* ея прозы, и актриса чувствовала себя глубоко униженной, видя, что съ ней поступаютъ, какъ со всякой встрѣчной дурой.

— Очень, очень вамъ благодарна... вы не взяли привилегіи

на это открытіе... это ни больше, ни меньше, какъ геніальная эксплуатація женщинъ: обѣщать сейчасъ же какой нибудь барынѣ талантъ Жоржъ-Занда... Онѣ, конечно, бросаютъ свои щи, мужа, дѣтей... А какъ великъ вашъ классъ?..

И въ продолженіе нѣкотораго времени, Фостэнъ мучила, безъ устали и безъ жалости, бѣднаго философа своей злой и почти свирѣпой ироніей. Сосѣдъ справа перенесъ очень легко потерю милостей хозяйки дома. Онъ много ѣлъ, еще больше пилъ и спдѣлъ, въ состояніи веселаго опьяненія, уткнувшись въ жилетъ подбородкомъ, съ распустившейся на лбу прядкой волосъ, и ежеминутно поглаживая бѣлой рукой свою черную бороду, между тѣмъ какъ въ горлѣ его переливался тихонько напѣвъ шансонетки его родной провинціи.

Покачавшись съ минуту, онъ придвинулся къ Фостэнъ.

— Вы говорили въ началѣ ужина, заговорилъ онъ нараспѣвъ,— что вамъ было бы пріятно слышать, какъ я говорю... читаю... Въ скобкахъ нужно сказать, что у меня есть отецъ, который очень не аккуратенъ, какъ кассиръ, и потому, если вы желаете доставить себѣ это удовольствіе, каждый день по нѣскольку часовъ... за пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ?

— Мы поговоримъ въ другой разъ о вашемъ предложеніи.

Молодой человѣкъ принялся снова очень покойно поглаживать свою бороду и напѣвать тихонько пѣсенку.

Фостэнъ начала обмахиваться кружевомъ своего лифа, держа его въ обѣихъ рукахъ. Она сжалась и прислонилась къ спинкѣ стула; на лицо ея набѣжало уныніе, смѣшанное съ презрѣніемъ, отвращеніемъ, почти ненавистью къ словамъ и особамъ своихъ сосѣдей. Она обвела глазами вокругъ стола, переходя съ одного лица на другое умоляющимъ взглядомъ, который какъ будто говорилъ: «Неужели никто изъ васъ не сжалится и не освободитъ меня отъ этихъ надоѣдалъ»? Затѣмъ она вдругъ застыла въ неподвижности, только матовые ногти ея скользили по бѣлой шеѣ, да признаки досадливой скуки выражались физически, легкимъ вздрагиваньемъ всего тѣла.

Остроумныя замѣчанія, каламбуры, шумный говоръ и шутки

прекратились посреди стихавшихъ голосовъ и возвышавшихся мыслей; общій разговоръ мало-по-малу замеръ и распался на à parte, въ которыхъ каждый, возвращаясь къ своимъ занятіямъ, трудамъ и идеямъ, угощалъ ими свой уголокъ съ очаровательной словоохотливостью умныхъ, нѣсколько опьянѣвшихъ людей, подъ конецъ обѣда, обильно политаго хорошимъ виномъ.

— Слѣдовало бы уяснить всѣмъ и каждому удивительныя свойства матеріи, доведенной до summum'à извлеченной изъ нея пользы, говорилъ одинъ гость, наклоняясь къ своему сосѣду и вертя въ рукахъ пробку отъ графина.

— Да, вы могли бы написать славную книгу о прославленіи матеріи!

— Мнѣ самому хотѣлось бы, да не могу... У меня нѣтъ написаннаго плана... Въ разговорѣ, мнѣ иногда удается дать о немъ понятіе; но когда я берусь на слѣдующій день спокойно за перо, выходитъ совсѣмъ не то.

. . . . . .

— Французскій языкъ, говорилъ одинъ иностранный писатель-гигантъ съ кроткимъ лицомъ,—французскій языкъ представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ инструмента, на которомъ изобрѣтатели искали просто ясности, логики и нѣкоторой точности, а теперь этотъ инструментъ очутился вдругъ въ рукахъ людей, болѣе нервныхъ, чуткихъ, ищущихъ необъяснимыхъ ощущеній и неспособныхъ удовлетворяться лишь приблизительно точнымъ опредѣленіемъ своихъ благополучныхъ предшественниковъ.

. . . . . .

— Кровь сдѣлалась такой рѣдкостью, что ее положительно не найти, говорилъ физіологъ съ красивымъ задумчивымъ лицомъ. Нынче кровопусканія совсѣмъ вывелись. Въ мое время, кровь стояла въ госпиталяхъ лаханками. Недавно она понадобилась мнѣ для лекціи, но я нигдѣ не могъ найти. Безъ того старика-доктора, который придерживается моей методы, мнѣ такъ и не удалось бы достать. Онъ же, бывшій ученикъ Бруссе, строго придерживается традиціи и безпрестанно прокалываетъ себѣ жилу. «Я пускаю себѣ каждый день кровь и поливаю ею цвѣты», сказалъ онъ мнѣ

разъ. Система лѣчить и убивать людей измѣняется положительно до основанія черезъ каждыя двадцать лѣтъ.

— Варѳоломеевская ночь погубила Францію! проповѣдывалъ журналистъ съ іудейскимъ лицомъ на толстомъ, бородавчатомъ туловищѣ и несвязной, тяжелой рѣчью эльзасца, у котораго слова вылетали изъ горла, какъ отрыжка.—Протестантская Франція осталась бы навѣкъ великой европейской націею... Въ протестантскихъ странахъ существуетъ, видите-ли, постепенная градація между философіей высшихъ и вѣрованіями низшихъ классовъ. Во Франціи же, между скептицизмомъ наверху и идолопоклонствомъ внизу, лежитъ яма, пропасть... И вы скоро увидите, до чего доведетъ эта пропасть!

. . . . . .

— Египетъ, Египетъ, шепталъ на ухо своему сосѣду живописецъ-стилистъ.—Египетъ! Меня, знаете, преслѣдуетъ мысль,—набросать нѣсколько страницъ о немъ... торфяная, словно резиновая почва, на которой не слышно шаговъ... Вамъ знакомъ только свѣтлый Востокъ, съ яркими, выступающими видами... здѣсь же всѣ плоскости подернуты легкой дымкой тумана, который сгущается по мѣрѣ удаленія предметовъ... и въ сѣромъ туманѣ черные или синіе человѣчки... красный цвѣтъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко... Ахъ! какъ удивительно эффектна на этомъ освѣщеніи синяя бумажная ткань... У меня до сихъ поръ стоятъ передъ глазами эти человѣчки, съ пятномъ свѣта на лбу и на ключицѣ.

И онъ сдѣлалъ въ воздухѣ жестъ, какъ бы положивъ два штриха на картину.

— Да, нужно имѣть сильный талантъ, чтобы воспроизвести колоритъ этихъ туманныхъ плоскостей и неопредѣленнаго неба... при этомъ растительность, поднимающаяся изъ смолистаго ила, съ такой зеленью, какъ нигдѣ... Нѣтъ, я положительно не нашелъ въ живописи средствъ передать это.

Въ то время, какъ онъ говорилъ о далекой, сырой странѣ, бѣлки его лихорадочныхъ глазъ какъ-то странно расширялись.

— А ночи... что это за ночи! продолжалъ онъ.—Жоржъ, обратился онъ къ сидѣвшему на другомъ концѣ стола и не слышав-

шему его гостю, — помнишь ты тѣ часы, что̀ мы провели у какого-то канатчика, около одного пилона. О! какіе часы! Мнѣ хочется что нибудь написать, чтобы пережить снова эти ощущенія.

И на живописца-писателя спустилась опять сосредоточенность, за которой онъ не слышалъ шумнаго говора вокругъ стола.

. . . . . .

— Истинная наука, наука вполнѣ отвлеченная и презирающая промышленность, говорилъ химикъ, — есть принадлежность аристократическаго общества. Соединенные Штаты интересуются и пользуются нашими открытіями только въ смыслѣ приложенія; то же самое въ Италіи, гдѣ безкорыстные ученые принадлежатъ къ поколѣнію старыхъ ученыхъ... Въ нынѣшній денежный вѣкъ, господа, нѣтъ охотниковъ гоняться за славой. Когда, въ этихъ странахъ, у какого нибудь молодаго человѣка начинаютъ слишкомъ сильно развиваться научные инстинкты, онъ сейчасъ выбираетъ карьеру, удовлетворяющую отчасти его вкусамъ и, отчасти, желанію обогатиться. Онъ дѣлается инженеромъ, строителемъ желѣзныхъ дорогъ, директоромъ фабрики или химическаго завода. И во Франціи начинается то же самое, и политехническая школа уже не доставляетъ намъ ученыхъ.

. . . . . .

— Этотъ мягкій шумъ... я право не могу дать вамъ о немъ понятіе, говорилъ молодой генералъ,—между тѣмъ, онъ слышится мнѣ иногда такъ ясно... Мы были такъ сжаты, такъ скучены, идя приступомъ на Малаховъ курганъ... и знаете... я слышалъ, какъ пули врѣзывались въ тѣла̀ окружающихъ съ такимъ свистомъ, какъ врѣзывается камень въ глину, а при ударѣ о кости, слышался сухой трескъ дерева, лопающагося отъ мороза. О! какой это скверный шумъ!

— О! Богъ мой, да,—ронялъ, какъ бы во-снѣ, короткія фразы ученый съ широкимъ кругозоромъ,—еще самое бо̀льшее, какой нибудь десятокъ милліоновъ лѣтъ съ топливомъ и со сносной атмосферой на земной поверхности. Потомъ, вслѣдъ затѣмъ, ни лѣса, ни каменнаго угля — ледяной періодъ. Тогда остатки незамерзшаго человѣчества должны будутъ уйти подъ землю и по-

селиться въ рудникахъ. Будутъ питаться наростами, грибами... и такъ какъ человѣческому обожанію необходимъ богъ свѣта, подземный человѣкъ начнетъ обожать болотный или, иначе говоря, рудничный газъ.

— Послушайте, эта жизнь съ самимъ собой, безъ развлекающаго васъ вида солнца, можетъ развить страшную метафизическую силу, возразилъ очень серьезно сосѣдъ ученаго, который сидѣлъ, смиренно сложивъ свои жирныя руки на растянутой по животу салфеткѣ.

— Господа, сказала вдругъ Фостэнъ,—у насъ есть Капское вино, отправленное, сто лѣтъ тому назадъ, на голландскомъ кораблѣ, потерпѣвшемъ крушеніе на Схевнингенскомъ берегу, и которое нашли недавно, доставая изъ моря грузъ, въ убранныхъ раковинами боченкахъ... вино, стоющее по 200 франковъ бутылка... Вы, конечно, узнаете въ этомъ любезность мосье Бланшрона... я думаю, теперь пора бы его выпить?

— Выпить за здоровье Федры! вскричали въ одинъ голосъ присутствующіе.

Когда вино было налито, всѣ гости встали, привѣтствуя актрису криками, посреди звона стакановъ: «Да здравствуетъ Федра! за здоровье Фостэнъ»!

Въ то время, какъ всѣ столпились въ безпорядкѣ, провозглашая тостъ, молодой человѣкъ съ музыкальнымъ голосомъ замѣтилъ громко: — «Вотъ странно, я искалъ до тѣхъ поръ точку опоры, покуда не потерялъ равновѣсія».—Въ эту минуту сестры встрѣтились другъ съ другомъ, и Бонь-Амъ шепнула на ухо Фостэнъ:

— Была минута, когда я прозакладывала бы пять золотыхъ за молодаго человѣка.

— А! очень пріятная музыка, еслибы отъ нея можно было отнять господина... Это ты его привезла?

— Нѣтъ... а другой?

— Другой?.. настоящій горшокъ меду... прокислаго меду.

— А теперь, сказала Фостэнъ, входя одна въ гостиную:—теперь нужно оргію Бетховена. Будемъ его играть, пѣть, танцовать.

Я требую Бетховена вплоть до утра. Онъ необходимъ сегодня моимъ нервамъ.

XVII.

На слѣдующій день послѣ перваго представленія Федры и тянувшагося почти до утра ужина, Фостэнъ встала въ мрачномъ настроеніи и унынiи, которое является, безъ всякаго повода и причины, послѣ всякаго сильнаго нервнаго возбужденія, вызваннаго волненіемъ, радостью или лихорадочнымъ удовольствіемъ. Она позавтракала, не развертывая утреннихъ газетъ съ отчетами о вчерашнемъ спектаклѣ.

Ей было противно оставаться дома, противно выйти и страшно подумать о посѣщеніи людей, которыхъ она больше всего любила. Проснувшись, она вдругъ почувствовала какое-то равнодушіе пресыщенія ко всему, что ее особенно интересовало въ другіе дни. Въ этомъ полнѣйшемъ отсутствіи воли,—какого бы то ни было желанія или прихоти,—недостатокъ влеченія къ чему бы то ни было на свѣтѣ выражался страннымъ ощущеніемъ, свойственнымъ мрачной, нестерпимой скукѣ: все казалось ей сѣрымъ; небо, квартира, даже Кунигунда казались ей безцвѣтными, безжизненными, и она испытывала то странное чувство, которое является у женщины, вышедшей изъ ярко освѣщенной бальной залы въ полутемную переднюю. Это мрачное унынiе слѣдующаго дня не походило на облако, которое нагоняетъ на лобъ женщины какая нибудь неудача въ жизни и которое разсѣевается въ сварливой сценѣ, а было скорѣе мрачнымъ минутнымъ разочарованіемъ, унылой сосредоточенностью внутри себя, прерывающей ту мозговую работу составленія плановъ и воздушныхъ замковъ, которая прекращается обыкновенно только въ припадкахъ этой тоски и въ предчувствіи смерти.

Фостэнъ поднялась опять въ спальню, присѣла у камина, и съ неопредѣленнымъ, блуждающимъ взглядомъ начала машинально качать, висѣвшую на кончикѣ ноги, туфлю.

Она осмотрѣлась раза два или три кругомъ, переходя взглядомъ, справа налѣво, по ковру и какъ бы отыскивая признаки

чего-то несуществующаго; потомъ встала, подошла къ кровати, отвернула медленно, почти безсознательно, одѣяло и начала раздѣваться. Раздѣвшись до половины, она позвонила Кунигунду:

— Запри ставни, сказала она, принеси мнѣ зажженную лампу... и не вели никого принимать.

— Не больны-ли вы?

— Нѣтъ, только нахожу нынѣшній день очень скучнымъ.

Почти совсѣмъ уже раздѣвшись, она вошла въ маленькую уборную въ глубинѣ алькова, вынула между ночными рубашками, изъ шести или семи маленькихъ книжекъ, перемѣшанныхъ съ ея бѣльемъ и душистыми подушечками, одинъ томикъ и положила его подъ подушку.

Проскользнувъ подъ одѣяло, въ охватившей ее пріятной теплотѣ, посреди искусственной темноты, освѣщенной лампой подъ абажуромъ, Фостэнъ выставила свое прелестное личико съ маленькимъ четыреугольникомъ яркаго свѣта на лбу, короткой свѣтлой полоской на нижней вѣкѣ, съ яркой точкой въ нижней части зрачка и блестящей запятой на углу рта. Вся остальная часть лица пребывала въ нѣжной полутѣни, съ блуждающимъ свѣтомъ на тонко очерченныхъ округлостяхъ.

Приходило ли вамъ когда нибудь въ голову, въ скверныя минуты жизни, чтобы отдѣлаться отъ скучнаго времени, уйти отъ дѣйствительной жизни и углубиться, лежа въ постели, посреди обманчивой полутьмы, въ чтеніе какого нибудь невѣроятнаго, безумнаго вымысла? Именно къ этому-то средству прибѣгла Фостэнъ. Она легла лицомъ къ стѣнѣ, повернувъ къ лампѣ освѣщенную, извилистую линію закутанныхъ плечъ и затылокъ съ вьющимися и разбѣгавшимися позади ея, по простынѣ, волосами и начала читать маленькій томикъ, держа одной рукой, подъ самымъ носомъ, залитыя свѣтомъ страницы.

Страницы маленькой книжечки уносили ея воображеніе въ причудливый міръ, съ ужасающими своей громадностью пейзажами, непзмѣримыми глубинами, безконечными водными пространствами, къ свѣту пылающихъ планетъ, къ архитектурѣ, о которой могъ мечтать развѣ только Пиранезъ, къ постоянно двигавшимся процес-

сіямъ десятковъ тысячъ людей и къ безконечнымъ выставкамъ женщинъ, сидѣвшихъ на лазурныхъ диванахъ, въ восточныхъ костюмахъ.

Въ замкнутомъ пространствѣ темной комнаты, въ какомъ то легкомъ оцѣпенѣніи и полусонномъ состояніи, Фостэнъ ощущала, какъ бы въ видѣніи, близость того, что читала.

Въ этихъ сверхъестественныхъ пейзажахъ, все прошлое вставало безъ всякой послѣдовательности и порядка; вся перепутанная и встряхнутая, какъ въ калейдоскопѣ, исторія человѣчества падала вокругъ нея неожиданными волшебными картинами, которыя ежеминутно измѣнялись временемъ и перемѣной обстановки. Она была при дворѣ Карла I; музыка, балы, нарядныя дамы, по мановенію какой-то, никому не принадлежащей руки, вдругъ исчезали передъ появленіемъ окруженнаго толпой римскихъ центуріоновъ, несшихъ на стрѣлахъ багряную тунику, консула Поля-Эмилія, привѣтствуемаго вдали криками римскихъ легіоновъ. Она бродила посреди паническаго бѣгства современнаго войска, окруженная шепотомъ нѣсколькихъ тысячъ невидимыхъ бѣглецовъ, и видѣла силуэты печальныхъ женщинъ, которыя жали другъ другу руки, со словами: «прости навѣки» и исчезали при словѣ «смерть», падавшемъ съ устъ блѣдной Прозерпины, сидѣвшей на тронѣ въ багровомъ апоѳеозѣ. «Прости навѣки, прости навѣки», повторяло сзади эхо.

Многое изъ того, что читала лежавшая женщина, ускользало отъ ея пониманія, по недостатку образованія; но въ сущности эта книга была для ея взрослой особы то же, что волшебная сказка для ребенка, ограниченный умъ котораго схватываетъ только все сверхъестественное.

И по мѣрѣ того, какъ Фостэнъ читала «Курильщиковъ опіума», разыгравшееся воображеніе ихъ автора начинало мало-помалу овладѣвать ею и, рядомъ сильныхъ мозговыхъ ощущеній, уносило ее отъ дѣйствительной жизни, скучнаго дня и болѣзненнаго ослабленія нервовъ.

XVIII.

Очень интересный и задушевный музей представляетъ собою

фойэ артистовъ французскаго театра, по стѣнамъ котораго живутъ всѣ прежнія, нарисованныя или изваянныя, драматическія знаменитости, какъ будто улыбающіяся отдыху современныхъ актеровъ и актрисъ, во время антрактовъ.

На одной стѣнѣ виситъ Дюкло, нарисованная Ларжильеромъ въ апоѳеозѣ его таланта, во всемъ величіи и пышности прежнихъ театральныхъ царицъ, съ грудью, широко обнаженной изъ подъ покрововъ Аріадны, и съ короной изъ звѣздъ, которую держитъ надъ ея головой толстый Амуръ. По бокамъ Дюкло—Баронъ и Лекэнъ, а подъ нею—красивое, кроткое, задумчивое, писанное Миньяромъ, лицо Мольера. Противъ этой стѣны расположены два фойэ работы Жофруа, въ которыхъ оживаетъ, окруженная актерами и актрисами первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, мадмуазель Марсъ; надъ однимъ изъ этихъ фойэ виднѣется лицо Тальма. На другой стѣнѣ, между окнами, возвышается старый, монументальный регуляторъ, отмѣтившій такое множество побѣдоносныхъ или мучительныхъ часовъ; по бокамъ его—колонны съ бѣлыми мраморными бюстами Клэронъ и Данжевиля. Наконецъ у стѣны, посреди которой, на каминѣ, вмѣсто часовъ лежитъ глыба бѣлаго мрамора съ бронзовымъ бюстомъ Превиля,—съ одной стороны помѣщена картина Энгра, изображающая Людовика XIV на обѣдѣ съ Мольеромъ, съ другой—ветхая картина, съ точнымъ воспроизведеніемъ нашего стариннаго театра, освѣщеннаго свѣчами, и на которомъ видны, въ одной изъ своихъ ролей, всѣ шуты и скоморохи нашего прошлаго, и за ними, въ углу, Мольеръ: картина, подаренная французскому театру епископомъ изъ Нанси.

Въ этомъ маленькомъ музеѣ, для отдыха живыхъ посреди покойниковъ, стоятъ большія кресла и широкіе, красиво выгнутые диваны; былъ тамъ еще одинъ стулъ восемнадцатаго вѣка, который Луи-Филиппъ призналъ за тотъ, что видѣлъ у отца и вымѣнялъ на люстру, у которой Бовалле разбивалъ тростью каждый разъ, приходя въ мрачномъ духѣ въ фойэ, по одной подвѣскѣ.

Зимніе вечера подъ этими портретами, на располагающихъ къ лѣни креслахъ, посреди усыпительныхъ зеленыхъ обоевъ, въ пріятномъ свѣтѣ старинныхъ, отражающихся въ зеркалахъ, лампъ и при

веселомъ пламени гигантскихъ полѣньевъ, которые горятъ только здѣсь да въ комнатѣ присяжныхъ уголовнаго суда, посреди минутнаго отдыха актрисъ въ фантастическихъ одѣяніяхъ,—зимніе вечера кажутся особенно теплы и уютны въ этомъ волшебномъ и добродушно стариковскомъ уголкѣ.

Пролежавъ цѣлый день въ кровати, Фостэнъ рѣшилась вдругъ выйти и пріѣхала провести часъ—другой въ фойэ артистовъ французскаго театра. Она сидѣла въ нарядномъ платьѣ, съ развязанными лентами шляпы, на стулѣ подлѣ камина, спиною къ старой картинѣ съ Мольеромъ и Готье-Гаргилемъ, опершись локтемъ на употреблявшіеся въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» маленькія клавикорды—святыню комедіи Бомаршэ.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія выходить, Фостэнъ очутилась на улицѣ, въ силу той непреодолимой потребности, которая, на другой день послѣ созданія новой роли, влечетъ тревожнаго творца ея въ тѣ мѣста, гдѣ онъ надѣется услышать разговоръ о своемъ твореніи, замѣтить, что имъ занимаются, слышать похвалы и насладиться, черезъ посредство знакомыхъ, восторженнымъ поклоненіемъ публики.

Въ этотъ вечеръ давали какую-то, не имѣвшую денежнаго успѣха, современную пьесу одного изъ академиковъ и, игранную уже сотню разъ, «провербу» Мюссэ. Народу въ театрѣ было мало, фойэ почти пустъ.

Тамъ было только трое мужчинъ: членъ магистратуры, имѣвшій въ театрѣ привязанность, которую тщательно скрывалъ, ухаживая за всѣми актрисами безъ исключенія; старый ученый, обычный посѣтитель, который, грѣясь весь день по библіотекамъ, приходилъ вечеромъ грѣться въ театрѣ, и еще ученый пруссакъ, вошедшій въ моду, вслѣдствіе развившагося въ ученомъ мірѣ пристрастія къ германской наукѣ, и который началъ показываться въ свѣтъ въ галстукѣ съ розовыми горошками.

— Это однако справедливо, говорилъ онъ французскому ученому,—я полагалъ, что можно достичь чего нибудь, работая въ углу... какъ истый нѣмецъ, какимъ я былъ въ то время, когда игралъ по вечерамъ на фортепіано въ своей мансардѣ... Но старикъ

Газе, сказалъ мнѣ, что здѣсь можно добиться чего нибудь только черезъ женщинъ... Посмотрите на Шанвалье... еслибы онъ не бывалъ въ гостиныхъ... тогда я началъ бы одѣваться, какъ всѣ... Здѣсь онъ бросилъ взглядъ гордаго самодовольства на свою особу и прибавилъ глубоко-грустнымъ тономъ:—Только вотъ горе... я чувствую, что не могу никогда говорить женщинамъ тѣхъ сальностей, на которыя такъ искусны вы, французы... Я пробую... но это такъ грубо... и выходитъ такъ грязно... что я, остановившись посреди фразы, никакъ не могу ее кончить!

Отъ времени до времени, кто нибудь изъ актеровъ, бросивъ изъ передней любопытный взглядъ въ фойэ, подходилъ къ актрисѣ и перечислялъ хорошо отозвавшіяся о ней газеты, не прибавляя ни слова отъ себя. Одинъ только Брессанъ, въ своемъ развѣвающемся костюмѣ Фантазіо, сѣлъ по другую сторону камина и заговорилъ громко, съ горячимъ товарищескимъ сочувствіемъ, о замѣчательномъ драматическомъ талантѣ, выказанномъ ею накануѣ. Потомъ фойэ совсѣмъ опустѣлъ. Наконецъ вошелъ знакомый актрисѣ, маленькій сухой человѣчекъ съ выхоленной плѣшью, съ черепомъ, доведеннымъ, посредствомъ какого-то особаго способа, до гладкости костянаго шара, невыносимый типъ свѣтскаго диллетанта, любитель-торгашъ, спекулянтъ на имѣвшія успѣхъ книги, чичероне высокопоименитыхъ иностранцевъ, словомъ страшный надоѣдало, въ комплиментахъ котораго, даже помимо его воли, было всегда что нибудь оскорбительное, но котораго терпѣли и почти прощали, по свойственной парижанамъ низости передъ человѣкомъ, имя котораго упоминается газетами на всѣхъ замѣчательныхъ похоронахъ и на всѣхъ представленіяхъ.

Войдя въ фойэ, онъ подошелъ къ актрисѣ съ глубокимъ поклономъ, склонивъ голову на бокъ и опустивъ руки вдоль туловища.

— Знаете, вашъ вчерашній успѣхъ былъ для меня положительной неожиданностью, началъ онъ самымъ любезнымъ тономъ. Право... я не предполагалъ въ васъ тѣхъ средствъ, которыхъ требуетъ роль... тѣмъ не менѣе, нельзя не признать этого успѣха, если онъ признанъ всѣми... между тѣмъ, я совсѣмъ не вѣрилъ. Нужно вамъ сознаться, что я жилъ всегда въ средѣ, положительно

отрицающей существованіе у васъ таланта... я былъ чрезвычайно изумленъ, повѣрьте, изумленъ пріятно... Позвольте однако вамъ представить одного иностранца, который горитъ желаніемъ познакомиться съ нашей великой артисткой.—Онъ исчезъ на минуту и подвелъ къ Фостэнъ голландскаго адмирала, который говорилъ такъ мало и такъ дурно на нашемъ языкѣ, что трудно было предположить, чтобы онъ могъ понять по-французски что бы то ни было, кромѣ пантомимы Полишинеля.

Свѣтскаго диллетанта и голландскаго адмирала смѣнили двое молодыхъ, приглаженныхъ и вылощенныхъ attachés посольства, которые, взявшись подъ руки, раскачиваясь и любуясь въ каминное зеркало своими вырѣзными жилетами, повторяли поочередно, замирающимъ голосомъ: «Божественно, божественно, божественно»!

Послѣднимъ явился искренній поклонникъ. Это былъ знаменитый хирургъ, извѣстный своей страстью къ театру; онъ пролетѣлъ бомбой черезъ фойэ и бросилъ нѣсколько фразъ артисткѣ:

— Я пропустилъ изъ за васъ операцію въ Бордо... О! я телеграфировалъ моему больному: «Завтра невозможно. Фостэнъ играетъ». Вы были дивно хороши, все время дивны хороши!

Фостэнъ улыбнулась красивой улыбкой, вздернувшей уголки ея рта, и отвѣчала:

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ... У меня есть что-то, никогда меня не обманывающее... Когда я попадаю удачно, вполнѣ удачно, я слушаю себя... мнѣ пріятно себя слушать... я доставляю сама себѣ наслажденіе... я въ одно и то же время и актриса, и отчасти зрительница. Вчера я чувствовала это иногда.... но не все время... нѣтъ, далеко не все время.

— Великолѣпна все время, все время! воскликнулъ хирургъ, убѣгая.

Потомъ въ залѣ разнесся слухъ, что Фостэнъ въ театрѣ; всѣ знакомые, друзья потянулись къ фойэ и поздравляли ее, не находя все-таки ни одной фразы, которая пощекотала бы ея самолюбіе.

И шумныя, многочисленныя похвалы, и поздравленія продолжались до тѣхъ поръ, пока Фостэнъ не ушла, наконецъ, изъ фойэ.

(Продолженіе будетъ).

Эпизодъ изъ жизни Гарибальди.

(Съ итальянскаго. *)

Дѣйствіе происходитъ на Капрерѣ. Капрера—пустынный островъ, служившій убѣжищемъ дикимъ козамъ, о которомъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, никто не могъ себѣ представить, что ему предназначено судьбой сдѣлаться знаменитымъ.

Гарибальди, получивши въ наслѣдство отъ своего брата небольшую сумму денегъ, купилъ часть острова въ 1858 году и уединился на немъ. Жилъ онъ съ своей небольшой семьей въ палаткѣ; впослѣдствіи палатка превратилась въ баракъ, который въ свою очередь перестроился въ домикъ, существующій и по сей день.

Въ 1865 году,—въ которомъ происходило то, о чемъ я начинаю разсказывать,—каменный домикъ былъ уже готовъ, и Гарибальди, не страдавшій въ то время болѣзнью, какъ теперь, могъ назваться настоящимъ королемъ острова. Вмѣстѣ съ нимъ, на островѣ находились Менотти, Риччіоти, Ахиллъ Фаццари, Пасторисъ, впослѣдствіи умершій въ Дижонѣ, Джіованни Бассо, Джіованни Фрусчіанти и крестьянка, по имени Фіорина.

Гарибальди ложился спать немного спустя послѣ позднихъ вечерень. Въ три часа по полуночи онъ вставалъ и принимался за чтеніе; никто не входилъ въ его комнату, и онъ никогда

*) Тревожные слухи объ усилившейся болѣзни знаменитаго итальянскаго героя и близость печальной развязки снова приковали къ его личности вниманіе европейскаго общества,—почему мы и нашли своевременнымъ заимствовать предлагаемый разсказъ изъ одного мало извѣстнаго итальянскаго журнала. Переводъ принадлежитъ М. П. М—ой. Ред.

никого не призывалъ къ себѣ, до тѣхъ поръ, пока прочіе домашніе не вставали.

Едва наступалъ день, онъ поднимался и шелъ кормить гусей, и гуси, завидѣвши его издалека, начинали радостно кричать. Около восьми часовъ, поболтавши немного съ домашними, Гарибальди отправлялся въ горы съ ружьемъ на плечѣ. Иногда онъ возвращался домой съ убитымъ бекасомъ, а иногда и съ пустыми руками. Въ полдень, на столъ подавался обѣдъ;—столъ не покрывался никогда скатертью, а салфетки замѣнялись газетными листами. Гарибальди отдалъ приказаніе, чтобъ начинали обѣдать, не дожидаясь его. Если онъ замѣчалъ, что дожидались его возвращенія къ обѣду, онъ приходилъ въ дурное расположеніе духа, и, наоборотъ, всегда оставался доволенъ, видя, что начали обѣдать безъ него. Обѣдъ состоялъ изъ супа, одного мяснаго блюда, и—впрочемъ не всегда—изъ плодовъ. Гарибальди—большой любитель плодовъ, въ особенности винныхъ ягодъ. Если между ягодами особенно выдавалась прекрасная груша или золотой персикъ, Гарибальди, которому естественно принадлежало право—первому взять лучшій плодъ, оставлялъ его на блюдѣ нетронутымъ, и такъ какъ другіе слѣдовали его примѣру, то эти плоды возвращались къ столу и на другой день. За обѣдомъ Гарибальди охотно шутилъ, вина онъ не пилъ, а если иногда выпивалъ маленькій стаканчикъ, то становился веселѣе и словоохотливѣе. Вызываемый на откровенность своими собесѣдниками, онъ разсказывалъ различные эпизоды изъ своей, исполненной всевозможныхъ приключеній и легендъ, бурной жизни. Разсказчикомъ онъ бывалъ чрезвычайно интереснымъ и правдивымъ.

Окончивши обѣдъ, Гарибальди разламывалъ на-двое тосканскую сигару и, усѣвшись немного поодаль отъ двери дома — курилъ. Затѣмъ онъ отправлялся садить и подрѣзывать кой-какія растенія или же уходилъ къ себѣ. Такимъ образомъ короталъ онъ время до вечера. Ходилъ, читалъ, призывалъ кого нибудь, возвращался, шутилъ, курилъ... Все въ прошедшемъ времени!

Въ настоящую минуту онъ не можетъ двинуться съ мѣста. На переносной постели, его передвигаютъ въ ту или другую сторону. Говоритъ онъ очень мало и съ трудомъ, не можетъ

дѣйствовать по своему желанію, не владѣетъ болѣе памятью и такимъ образомъ долженъ отказаться отъ своихъ наиболѣе любимыхъ привычекъ. Ничего ему болѣе не остается, какъ думать, улыбаться своимъ внукамъ и созерцать безпредѣльное море, открывающееся во всемъ своемъ величіи предъ его глазами.

Возвратимся къ прошлому.

Молодые люди, состоявшіе при Гарибальди, не могли натурально вести одинаковую съ нимъ жизнь. Они не довольствовались хожденіями по горамъ и охотой за козами. Они, когда генералъ не отдавалъ приказанія оставаться на Капрерѣ, брали лодку и отправлялись на островъ Магдалину. Лодокъ у нихъ было двѣ; одна—маленькая утлая лодочка, болѣе подходящая для плаванія по озерамъ, нежели по морю, сдѣланная такимъ образомъ, что ее можно было переносить на плечѣ съ одного мѣста на другое. Это было то самое судёнышко, которое называли б е к а с и к о м ъ, и на которомъ Гарибальди, обманувши бдительность итальянской эскадры, ушелъ въ 1867 году съ Капреры и высадился на континентѣ.

Однажды молодой гарибальдіецъ, котораго называли «соколомъ», осмотрѣвъ хорошенько эту лодочку, отвязалъ ее и, спустивъ потихоньку въ море, отправился на островъ Магдалину. Обѣдъ кончился, а онъ все еще не возвращался. Гарибальди уже окончилъ курить свою половинку тосканской спгары, а молодаго человѣка все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Куда это онъ отправился? сказалъ генералъ, — по всей вѣроятности, на островъ Магдалину, и, боясь дурной погоды, остался тамъ.

Молодой человѣкъ дѣйствительно отправился на остр. Магдалину, гдѣ его ожидала возлюбленная красавица. Онъ боялся, что проливной дождь помѣшаетъ ей прійти на условленное мѣсто свиданія, и отправлялся туда единственно съ намѣреніемъ сдержать слово вѣрнаго любовника, безъ надежды увидѣть ее. Но молодая дѣвушка, горячо его любившая, находилась уже на мѣстѣ свиданія и поджидала его, вся измокшая отъ дождя.

— На два слова явился я сюда; нужно торопиться, моя радость, такъ какъ мои ищутъ меня.

— Я не знаю, какъ и благодарить тебя, мой милый, за то,

что ты пришелъ по этой погодѣ. Но, Боже мой, какъ могъ ты приплыть въ этой орѣховой скорлупѣ?

— Э! не все ли равно! иначе вѣдь нельзя было, моя дорогая, отвѣчалъ гарибальдіецъ.

— Но какъ же ты возвратишься домой, неужели опять на этой лодочкѣ? съ испугомъ твердила дѣвушка.

— Да вѣдь иначе же невозможно... Любовники поболтали еще немного, обнялись и разстались.

Молодой человѣкъ былъ такъ счастливъ, имѣя возможность увидѣть и разцѣловать предметъ своей любви, что совсѣмъ позабылъ объ опасности и пустился въ море на своей орѣховой скорлупкѣ. Но едва онъ отдалился на ружейный выстрѣлъ отъ острова Магдалины, какъ поднялся такой сильный вѣтеръ, что, казалось, волны готовились поглотить лодочку съ отважнымъ пловцемъ.

Молодой человѣкъ съ величайшимъ трудомъ справлялся съ веслами, силы покидали его. Нѣсколько минутъ онъ считалъ уже себя погибшимъ. Теченіе было сильно, и онъ отчаялся побороть его. Наконецъ огромная волна выбросила его къ подножію скалъ на Капреру, въ противоположной сторонѣ отъ берега, обитаемаго Гарибальди. Что тутъ дѣлать? какъ быть! пуститься опять въ море, чтобы имѣть возможность приблизиться къ жилищу Гарибальди, ему казалось безуміемъ, такъ какъ буря еще не утихла и вѣтеръ дулъ съ ужасающей силой. Дѣлать нечего, онъ оставилъ на скалистомъ берегу лодочку, а самъ, карабкаясь по выступамъ скалъ, отправился къ дому, куда и явился за часъ до вечера.

— Гдѣ вы были? Не на островѣ-ли Магдалинѣ? спросилъ генералъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ тотъ; отвратительная погода помѣшала мнѣ явиться раньше, чѣмъ я предполагалъ.

— А гдѣ же вы оставили лодочку?

— Ахъ, да лодочку... и онъ въ замѣшательствѣ объяснилъ, въ какомъ мѣстѣ ее оставилъ.

— А, такъ вы ее б р о с и л и тамъ? Браво! Позвать сюда Фіорину...

— Явилась Фіорина, крестьянка, прислуживавшая въ домѣ.

— Фіорина, сказалъ Гарибальди, идите взять лодочку, кото-

рую этотъ господинъ б р о с и л ъ на берегу. Возвращайтесь на ней моремъ; хотя море и взволновано, но я увѣренъ, ч т о в ы н е т р у с и т е. Если не хотите рисковать одна, то возьмите съ собою Луку.

Вотъ въ какомъ родѣ генералъ давалъ внушенія своимъ подчиненнымъ. Рѣзкія, строгія, нравственныя, сильно потрясающія внушенія. Лука!... Кто такой Лука? Лука Спано. Но кто былъ Лука Спано? Это былъ кретинъ.

Однажды Менотти и Ахиллъ Фаццари на островѣ Магдалинѣ увидѣли одного несчастнаго 18-лѣтняго мальчика, сироту, почти голаго, голоднаго, грязнаго и дрожащаго отъ холода. Они приняли въ немъ участіе и привезли его на Капреру, гдѣ генералъ обогрѣлъ его у разведеннаго огня, накормилъ и предложилъ ему остаться у нихъ въ домѣ. Лука былъ въ восторгѣ отъ этого предложенія. Онъ остался у нихъ, перемывалъ тарелки, смотрѣлъ за гусями и козами. Съ козами онъ чрезвычайно подружился; онѣ становились предъ нимъ на заднія ноги, лизали ему руки, зимою онѣ тѣсно жались вокругъ Спано, какъ бы желая согрѣть его. Съ ними онъ словно принадлежалъ къ одной семьѣ. Нужно было его одѣть. Гарибальди не имѣлъ ничего, кромѣ пары панталонъ и плаща. Его дѣти и окружающіе не были въ этомъ отношеніи богаче его. Что тутъ дѣлать? Гарибальди сохранялъ, въ воспоминаніе славной компаніи 1859 года, свою военную одежду. Не имѣя во что одѣть Луку, онъ отдалъ ему это платье, не потому, чтобы онъ имъ не дорожилъ, но по большой сердечной добротѣ, потому что одѣть нагаго казалось ему лучше, нежели сохранять вещь безъ употребленія.

И Лука перемывалъ тарелки и ходилъ за козами, имѣя на себѣ панталоны съ серебряными лампасами и генеральскій мундиръ, присвоенный итальянской арміи. Лука, какъ уже замѣчено выше, былъ кретинъ, но не въ буквальномъ смыслѣ слова, а просто былъ слабоуменъ, грубъ и упрямъ. Не смотря на все это, Гарибальди захотѣлъ образовать его, говоря, что у него бездна терпѣнія и постоянства. Невозможное сдѣлалось возможнымъ.

Въ 11 часовъ утра Лука долженъ былъ приходить въ комнату Гарибальди, и генералъ училъ его, что̀ продолжалось около часу. Ни одного дня не проходило безъ урока, ни одного уро-

ка не могъ пропустить Лука. Это было для него мученіемъ, пыткой, страданіемъ. Когда наступалъ назначенный для урока часъ, Лука приходилъ въ дурное расположеніе духа, прощался со своими козами, цѣловалъ ихъ, какъ будто бы ему приходилось отправляться на гильотину, ласкалъ гусей и приближался, блѣдный и дрожащій, къ дверямъ комнаты своего учителя. Гарибальди въ теченіе получаса обучалъ его чтенію и письму, а другіе полчаса училъ его ариѳметикѣ. Но ариѳметика, эта ужасная ариѳметика, приводила въ отчаяніе Луку.—И все таки, говорилъ ему Гарибальди, я сдѣлаю изъ тебя математика!—«Генералъ, возражалъ меланхолически несчастный Лука,—если вы не раскроите мнѣ головы и не вложите туда эту книгу, я этихъ цифръ никогда не пойму».

Приближалась война 1866 г., и генералъ приготовлялся уже взойти на судно, какъ вдругъ ему попался на глаза плачущій Лука.—«Чего ты плачешь, Лука».—«Да я хочу также ѣхать съ вами».—«Ну, пожалуй, поѣзжай, а если придется умереть?»—«Тѣмъ лучше, генералъ; въ раю, по крайней мѣрѣ, не обучаютъ цифрамъ». Гарибальди засмѣялся и велѣлъ ему слѣдовать за собой. Такъ Лука сдѣлался солдатомъ.

Страшны Тирольскія горы! Одинъ батальонъ солдатъ съ двумя пушками, въ любомъ изъ этихъ ущелій, можетъ прогнать прочь цѣлое войско. И Гарибальди подвигался впередъ между этими ущельями. Приближался день сраженія при Монте-Суэло. Вечеромъ, послѣ кровавой битвы, при перекличкѣ, вызвали въ числѣ другихъ Луку Спано, но отвѣта не послѣдовало. День спустя, Меноттн и Ахиллъ, проѣзжая поле сраженія, увидѣли двухъ убитыхъ—гарибальдійца и тирольца,—которые, повидимому, нападая одинъ на другаго, пали почти въ одно время и застыли въ объятіяхъ другъ друга. Гарибальдіецъ былъ Лука Спано. Лицо его выражало ту блаженную улыбку, какую оно имѣло постоянно, когда онъ выходилъ изъ комнаты Гарибальди, избавившись отъ ариѳметики... Когда Меноттн разсказалъ генералу, въ какомъ видѣ нашелъ онъ Луку на полѣ сраженія, генералъ опустилъ голову и нѣсколько времени молчалъ. Такъ точно, какъ Наполеонъ 1-й, когда увидѣлъ мертваго маршала Дезе при Маренго!

Когда правительство короля спросило у Гарибальди списокъ

наградъ, которыя слѣдовало раздать тирольскимъ войскамъ, полковники представили своихъ кандидатовъ на усмотрѣніе Гарибальди, и онъ, прочитавши списокъ кандидатовъ 1-го полка, имѣвшихъ право на полученіе медали за храбрость,—взялъ перо и начерталъ, не произнося ни слова, одно имя: Лука Спано.

Бѣдной служанкѣ, сестрѣ убитаго, была послана эта медаль. Она сохраняетъ ее и теперь. И часто бѣдняжка спрашиваетъ себя: ея ли это, въ самомъ дѣлѣ, братъ,—тотъ Лука Спано, который умеръ, сражаясь съ примѣрной храбростью въ ущельяхъ Тироля...

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

Опытъ нравственной статистики столичнаго населенія.

V.

БРОДЯГИ, НИЩІЕ И БЕЗПАСПОРТНЫЕ.

Какъ извѣстно, нищенствовать въ Петербургѣ строго воспрещается, по требованіямъ благочинія. Никому не возбранено бѣдствовать, переносить всевозможныя лишенія, питаться акридами, а если нѣтъ и акридъ, то безъ проволочекъ умирать съ голоду, но доводить объ этомъ до свѣдѣнія общества—строго воспрещается. Петербургъ на этотъ счетъ необыкновенно чопоренъ и взыскателенъ, во чтобы ни стало стремясь повсечасно являть улыбающійся видъ совершенно счастливаго города, населеннаго одними лишь благоденствующими и сытыми обывателями. Ко всему этому, городъ симметріи и вицъ-мундирнаго щегольства, онъ, подобно департаментскому чиновнику-франту, чрезвычайно брезгливъ ко всякимъ неопрятнымъ пятнышкамъ и предательскимъ прорѣхамъ, неожиданно обнаруживающимся на его форменномъ мундирѣ. Но при неослабной чисткѣ этихъ пятенъ и заштопываніи этихъ прорѣхъ, онъ не любитъ вдаваться въ ихъ анализъ, въ изслѣдованіе причинъ ихъ досаднаго появленія, а усматривая въ нихъ лишь продукты неблагонамѣренности и злой воли неблагонадежнаго класса населенія, стремится энергически «предупреждать» ихъ и «пресѣкать» мѣрами строгости, и—на этомъ вполнѣ успокоивается.

Эту же нехитрую систему поверхностной полицейской «чистки» практикуетъ Петербургъ и по отношенію къ явленіямъ пауперизма и нищенства. Всѣ заботы полиціи, а отчасти и близко

стоящаго къ ней, по своимъ функціямъ и по характеру своей дѣятельности, «нищенскаго комитета»,—всѣ почти заботы ихъ, по сокращенію и ослабленію пауперизма и нищенства въ столицѣ, сводятся къ непрерывной ловлѣ бездомныхъ пролетаріевъ и уличныхъ попрошаекъ, «задержанію» ихъ въ полицейскихъ домахъ, препровожденію для «дознанія» въ вышеназванный «комитетъ», и затѣмъ—высылкѣ изъ столицы на «мѣстожительства»; а частію ко взысканію, по закону, чрезъ мировыхъ судей. Сбывая съ рукъ такимъ образомъ, изъ году въ годъ, впадающихъ въ крайность обывателей—бездомныхъ бродягъ, голодающихъ бѣдняковъ и нищихъ—Петербургъ, въ лицѣ своихъ хозяевъ и блюстителей его благочинія, самодовольно мнитъ, что онъ радикально «искореняетъ» на своемъ соціальномъ тѣлѣ эти непріятныя для чувства симметріи язвы. Правда, онъ, кромѣ того, довольно широко развилъ свою филантропическую дѣятельность и располагаетъ множествомъ благотворительныхъ учрежденій, разсчитанныхъ на предупрежденіе разнаго рода нуждъ; тѣмъ не менѣе—нуждъ этихъ оказывается такъ много, а число неимущихъ выдѣляется столичнымъ населеніемъ повседневно въ такой огромной прогрессіи, что, сколь ни значительна по объему, на первый взглядъ, петербургская филантропія, вся она представляется не болѣе, какъ жалкой заплаткой, и въ сотой долѣ не прикрывающей громадной, вѣчно разверстой прорѣхи петербургской бѣдности и нищеты. Понятно, что, при такомъ несоотвѣтствіи между количествомъ рукъ, протягиваемыхъ за общественнымъ подаяніемъ, и размѣромъ послѣдняго, приходится безъ церемоніи руки, втунѣ протянутыя и остающіяся порожними, убирать и отстранять, чтобъ не мозолили напрасно глазъ. Въ этомъ заключается и объясненіе, и оправданіе той энергической «чистки», которую постоянно производитъ полиція въ длинныхъ и пестрыхъ рядахъ петербургской голи и бѣдноты, т. е. петербургскаго пролетаріата, хотя, по правдѣ сказать, «чистка» эта, не смотря на всю ея ретивость, есть ничто иное, какъ безплодная Сизифова работа, или переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Какъ ни усердна въ этомъ отношеніи петербургская полиція, тѣмъ не менѣе нищіе и попрошайки всякаго рода встрѣчаются въ столицѣ чуть не на каждомъ шагу, какъ это могъ бы засвидѣтельствовать каждый

петербуржецъ. Полиція не можетъ искоренить въ столицѣ цѣлыя тысячи нищихъ, бродягъ и безпаспортныхъ—она безсильна даже сколько нибудь ощутительно уменьшить ихъ число, ихъ безпрерывное накопленіе. Это лучше всего и всего нагляднѣе покажетъ намъ нижеприводимая табличка, обнимающая общую численность этихъ, такъ сказать, печатныхъ или клейменныхъ представителей петербургскаго пролетаріата и пауперизма, притомъ, такихъ только, которые не умѣютъ избѣжать блюстительнаго ока и корректівной руки полиціи. Вотъ эта табличка.

Задерживалось полиціей.

Годы.	Нищихъ.	Безпаспортныхъ.	Бродягъ, бродячихъ женщ. и дезертировъ.	Всего.
1869	8,985	11,459	5,000	25,444
1870	5,314	9,826	4,667	19,870
1871	5,607	7,003	4,311	16,921
1872	4,543	6,613	4,533	15,689
1873	6,240	6,599	4,576	17,415
1874	4,083	7,347	3,730	15,160
1875	4,840	8,439	2,510	15,789
1876	4,238	8,948	2,796	15,982
1877	5,464	7,766	2,245	15,475

Среднимъ счетомъ въ годъ, въ теченіе девятилѣтія, «задерживалось» слѣдовательно: нищихъ—5,479, безпаспортныхъ—8,222; бродягъ, бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ и дезертировъ—3,818, а всего—17,411 чел.

Уже изъ бѣглаго обзора общихъ годичныхъ итоговъ представленной таблички видно, что искорененіе полиціей всѣхъ этихъ противуобщественныхъ элементовъ, гнѣздящихся въ столичномъ населеніи, не приноситъ никакихъ существенныхъ результатовъ. Если исключить 1869-й годъ, слишкомъ рѣзко выдающійся своимъ максимальнымъ итогомъ (25,444) бродягъ, нищихъ и безпаспортныхъ, что̀ составляло простую случайность, то за остальныя восемь лѣтъ тѣ же итоги не представляютъ никакого, сколько нибудь замѣтнаго колебанія цифръ и ихъ прогрессивнаго пониженія. На самомъ дѣлѣ оказывается, что, какъ ни усердствуетъ полиція вычистить Петербургъ отъ этихъ отъявленныхъ голышей и «скитальцевъ», ихъ почти нисколько

не убываетъ. Сегодня ихъ изловили, задержали и выпроводили изъ города, на завтра—глядь—они опять точно изъ земли выросли и почти въ томъ-же количествѣ и составѣ. И такъ до безконечности, да иначе это и быть не можетъ... Вздумайте вычерпать Неву хотя бы тысячами стоведерныхъ бочекъ—ея и на вершокъ не убавится! Также, въ сущности, непстощимъ резервуаръ нищеты, пролетаріатства и сопровождающей ихъ нравственной порчи, непрерывно порождаемой разнообразными неблагопріятными условіями городской жизни и всей нашей соціально-экономической неурядицы.

Но, разумѣется, полиція, въ видахъ внѣшняго благоустройства и благочинія, не можетъ оставаться безучастной къ накопленію въ городѣ бродягъ и нищихъ, и не стремиться, такъ или иначе, искоренять ихъ, хотя бы и была проникнута убѣжденіемъ, что она попросту занимается не искорененіемъ, а лишь перемѣщеніемъ этихъ общественныхъ язвъ съ одного мѣста на другое. Кромѣ того, что эти язвы нарушаютъ благолѣпіе и симметричность стройной организаціи городской жизни, преслѣдованіе ихъ и искорененіе аргументируется еще слѣдующимъ основательнымъ соображеніемъ. Повседневный опытъ показываетъ, что обыкновенно руки, остающіяся праздными и, при условіи пустоты желудка, молитвенно протягиваемыя къ щедротамъ филантропіи,—когда она не въ состояніи удовлетворить ихъ—обнаруживаютъ наклонность къ нарушенію частной и общественной собственности, въ легкомысленномъ разсчетѣ возстановить этимъ способомъ гармонію правильнаго распредѣленія порцій хлѣба насущнаго и прочихъ земныхъ благъ. Конечно, такія, соціалистическаго свойства, притязанія никоимъ образомъ въ благоустроенномъ градѣ терпимы быть не могутъ, даже въ предположеніи.

Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, опирающейся на требованія общественной и частной безопасности, то тогда бродяги и нищіе, задерживаемые и устраняемые полиціей, должны представить собою какъ-бы передовую шеренгу столичнаго «неблагонадежнаго класса», ежеминутно аттакующую, если не въ полномъ своемъ составѣ, то въ лицѣ «охотниковъ» и застрѣльщиковъ, существующій соціальный порядокъ вещей. Разумѣется, что друзья этого порядка, заинтересованные въ его сохраненіи,

иначе не могутъ и не должны смотрѣть на каждаго лишняго обывателя, оказавшагося безъ прибора и безъ стула за общественнымъ пиршественнымъ столомъ,—какъ, съ другой стороны, эти лишніе, обойденные судьбою, гости не могутъ, понятно, не вожделѣть къ общественному пирогу и не стремиться урвать отъ него кусочекъ на свою долю путемъ незаконнымъ, если «на законномъ основаніи» имъ предоставлено лишь класть зубы на полку... Съ такой-же точки зрѣнія вынуждены и мы смотрѣть на этотъ неосновательный и опасный народъ. Сама патентованная наука взираетъ на праздныхъ, бездомныхъ и нищенствующихъ субъектовъ весьма неодобрительно.

«Ничто, кажется, такъ не опасно для человѣка,—говоритъ Эстерленъ,—какъ бездѣйствіе, вошедшее въ привычку»... «Многочисленныя наблюденія показываютъ, что тунеядная и бездѣятельная жизнь гораздо опаснѣе, чѣмъ даже самая напряженная дѣятельность, и чаще дѣлается источникомъ умственнаго и нравственнаго разстройства». Все это по адресу нищихъ, праздношатающихся бродягъ и, вообще, личностей, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, и—какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ—эта категорія обывателей, дѣйствительно, выдѣляетъ изъ своей среды главный контингентъ преступниковъ; но только крайне ошибочно было-бы думать, что вся эта среда, образующая, такъ сказать, ядро столичнаго classe dangereuse, исчерпывается вышеприведенными цифрами полицейской статистики. Какимъ благонравнѣйшимъ и счастливымъ городомъ представился-бы намъ Петербургъ, еслибъ, напр., все число обрѣтающихся въ немъ праздныхъ «скитальцевъ» и нищенствующихъ обывателей, бездѣятельныхъ по неимѣнію работы или по неспособности къ ней, исчерпывалось цифрой задерживаемыхъ полиціей бродягъ и нищихъ, т. е. въ 9,189 человѣкъ (не считая безпаспортныхъ)! Къ сожалѣнію, эта цифра неизмѣримо ниже дѣйствительной, какъ это уже было, впрочемъ, нами констатировано въ предшествовавшихъ главахъ нашего изслѣдованія. Мы даже имѣемъ основаніе думать, что въ руки полиціи и въ ея статистику, по даннымъ рубрикамъ, попадаетъ много такого народа, который въ сущности не можетъ быть отнесенъ къ группѣ городскаго пролетаріата, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, категорію без-

паспортныхъ, которые, однако-же, по своей численности (8,222), составляютъ почти половину разсматриваемой здѣсь общественной группы.

Безпаспортность—это такой видъ преступности, который въ настоящее время, кажется, нигдѣ, кромѣ Россіи, не встрѣчается. Притомъ, безпаспортность—грѣхъ чисто крестьянскій, по преимуществу, и очень ужь наивный, чтобъ въ немъ могли изобличаться люди завѣдомо порочные, искушенные городскимъ пройдошествомъ и умѣньемъ избѣгать цѣпкихъ, но достаточно неуклюжихъ у насъ рукъ полиціи. Извѣстно, что, въ огромномъ большинствѣ, безпаспортные въ столицѣ попадаются среди простолюдиновъ и, главнымъ образомъ, заѣзжихъ крестьянъ, прибывшихъ въ Петербургъ на заработки. Въ сущности, ихъ даже нельзя называть, въ строгомъ смыслѣ, безпаспортными: паспорты у нихъ обыкновенно имѣются на лицо, но только просроченные и, поэтому, потерявшіе свою силу. Полиція, блюдя строжайшія паспортныя правила, не вдается въ эту квалификацію,—и безъ разбора «тащитъ» и «не пущаетъ» и дѣйствительно безпаспортныхъ, и тѣхъ, у кого паспорты не въ порядкѣ. Безспорно, что немало есть случаевъ, гдѣ эта провинность является результатомъ пренебреженія къ «законнымъ требованіямъ» власти, распущенности и бездѣльничества,—рѣдко злонамѣренности,—но въ массѣ безпаспортность является вслѣдствіе «простоты», малаго знакомства съ законами и, наконецъ, разныхъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ случайностей, играющихъ иногда такую огромную роль въ судьбѣ и карьерѣ русскаго человѣка, особенно—низшаго класса. Самая обыденная и чаще всего встрѣчающаяся случайность—мѣшкотность «деревни» при высылкѣ въ столицу требуемыхъ отъ нея паспортовъ, по причинамъ иногда возмутительнымъ. Обыкновенно бываетъ такъ: «деревня», въ лицѣ своихъ властей и родственниковъ отлучившагося на заработки своего члена, смотритъ на него, какъ на доходную статью и облагаетъ елико-возможно большимъ побором, какъ бы оброкомъ. Извѣстно, что у нашихъ, проживающихъ въ столицѣ, простолюдиновъ вся корреспонденція съ родной деревней зиждется на рублѣ. Каждое родственное посланіе изъ деревни, послѣ теплыхъ привѣтствій и низкихъ поклоновъ, неизбѣжно кончается требованіемъ присылки денегъ, безъ «вложенія» кото-

рыхъ почти немыслимо ни одно отвѣтное изъ столицы письмо. Если-же «вложенія» нѣтъ, не взирая на требованія, если отошедшій на промыселъ членъ деревни оказывается предъ нею неисправнымъ въ платежѣ наложеннаго на него оброка, то она обыкновенно пускаетъ противъ него въ ходъ, какъ испытанное и вѣрное орудіе понужденія и наказанія, — «пачпортъ», т. е. его лишеніе, несвоевременную его высылку. Можно представить себѣ, какая масса происходитъ, при этомъ, всякихъ злоупотребленій и вымогательствъ, связывающихъ по рукамъ и ногамъ заѣхавшаго въ столицу крестьянина и доводящихъ его до фатальной, законопреступной безпаспортности, совершенно независимо отъ его личной воли!

Тягость и крайняя притязательность на личную свободу нашей устарѣлой паспортной системы не только, безъ надобности, связываетъ городскаго простолюдина, лишаетъ его часто работы и хлѣба и ставитъ въ безвыходное положеніе, но служитъ еще источникомъ своеобразныхъ, спеціальныхъ преступленій, чрезвычайно затрудняя и полицію, и юстицію массой фиктивныхъ, ненужныхъ дѣлъ, въ такомъ, напр., родѣ. Выбираемъ наиболѣе характеристическія изъ нихъ. Судится въ окружномъ судѣ нѣкто — молодой человѣкъ, петербургскій уроженецъ, въ уклоненіи отъ отбыванія воинской повинности. Онъ вынулъ жребій и, получивъ отсрочку на годъ по слабости здоровья, «совершенно забылъ» явиться къ сроку. Его судятъ за эту забывчивость и приговариваютъ къ двумъ недѣлямъ ареста; но передъ этимъ онъ выспдѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, пересылался нѣсколько разъ по этапу изъ Харькова въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Варшаву и обратно, вовсе не за это преступленіе, а только потому, что имѣлъ несчастье потерять свой паспортъ. Ни ручательства за него, ни удостовѣренія его личности людьми, знающими его, не оказывали никакого дѣйствія на облегченіе его участи. Дѣло это самое простое и обыкновенное, но весьма характеристическое, потому что точно такимъ-же образомъ и по такому-же поводу тысячи лицъ ежегодно «задерживаются», по мѣсяцамъ томятся въ тюрьмахъ и разбрасываются по лицу земли русской съ испорченною жизнью и карьерой.

Чтобы избавиться отъ такихъ тягостныхъ послѣдствій без-

паспортности и отвлечь вниманіе полиціи, самъ собою напрашивается искусъ къ изобрѣтенію подложнаго паспорта, если настоящаго нельзя почему-либо достать. Какъ извѣстно, сочиненіе фальшивыхъ паспортовъ, представляющее собою уже несомнѣнный криминалъ,—самый обыденный и распространенный видъ преступленія въ разсматриваемой здѣсь средѣ городскихъ подонковъ. Но только несправедливо было-бы думать, что на преступленіе это идутъ исключительно одни испорченные, опустившіеся люди, съ ослабѣвшей волей, легко поддающейся на всякое грѣховное искушеніе. Нѣтъ, наша паспортная система создаетъ нерѣдко такія невозможныя положенія, что человѣку, ни въ чемъ неповинному, съ самой чистой совѣстью, приходится выбирать между подложнымъ паспортомъ или петлей на шею!

Въ томъ-же окружномъ судѣ, въ другой разъ, входитъ на скамью подсудимыхъ, при помощи сторожей, разбитая параличемъ, «весьма приличная женщина», крестьянка 40 лѣтъ, обвиняемая въ прожиданіи по чужому паспорту. Грустную повѣсть разсказала она суду! Еще при крѣпостномъ правѣ, 17-ти лѣтъ, ее выдали насильно замужъ, по «господскому приказу». «Съ самаго начала жизнь съ мужемъ, въ мужней семьѣ, была не красна; я,—разсказывала подсудимая,—терпѣла, думала, что лучше будетъ, но чѣмъ дальше жила, тѣмъ дѣлалось все хуже и хуже». И мужъ, и вся семья «ѣли ее поѣдомъ», обременяли непосильной работой и, притомъ, держали впроголодь, на бросовыхъ «хлѣбныхъ коркахъ съ водичкой». Своя родня помочь несчастной не хотѣла, уйти отъ мучительной жизни, по добру, нечего было и думать. «Стала я,—продолжала подсудимая, — просить невѣстку свою, солдатку вдову, чтобъ она отдала мнѣ свой паспортъ. Она согласилась, и я дала ей 3 рубля и сказала, что, если паспортъ подѣйствуетъ, то вышлю ей еще 10 рублей». Паспортъ «подѣйствовалъ»: съ нимъ подсудимая благополучно прожила въ Петербургѣ девять лѣтъ «по разнымъ мѣстамъ въ прислугахъ»; но, на ея несчастье, пошли паспортныя строгости, стали требовать провѣрки «вѣчныхъ паспортовъ», посредствомъ посылки ихъ въ «свои мѣста». Между тѣмъ, невѣстка подсудимой, снабдившая ее своимъ паспортомъ, за это время умерла, и—тутъ-то обнаружилось преступленіе подсудимой, ви-

новной, въ сущности, только тѣмъ, что ей хотѣлось пожить по-человѣчески, правоспособной гражданкой. Судъ ее оправдалъ.

Вообще судъ, заваливаемый дѣлами о нарушеніи паспортныхъ правилъ, относится къ этому нарушенію очень снисходительно, очевидно, вслѣдствіе «внутренняго убѣжденія» въ полной несостоятельности и отсталости нашей придирчивой паспортной системы. Большинство дѣлъ этого рода разбирается у мировыхъ судей, и—вотъ, напримѣръ, какихъ опасныхъ субъектовъ приходится нерѣдко судьямъ карать по всей строгости законовъ. Предстаетъ предъ очи суровой Ѳемиды «дряхлая старушка 70 лѣтъ», крестьянка тверской губерніи, обвиняемая въ проживаніи въ столицѣ по просроченному паспорту.—«Признаете себя виновною?»—спрашиваетъ судья. — «До сей поры,—шамкаетъ подсудимая,—я никогда въ судѣ не бывала, живу своими трудами... родилась на свѣтъ, когда еще французъ приходилъ въ русскую землю... Паспортъ просрочила потому, что наше волостное правленіе далеко отъ Петербурга, а тамъ позамѣшкались, въ этомъ я не виновата»... Мировой судья, однако, неумолимъ и—караетъ подсудимую штрафомъ... въ 25 копѣекъ. Другое дѣло по такому-же преступленію; подсудимыхъ—трое: мастеровой, за то, что паспортъ у него оказался просроченнымъ «на нѣсколько дней», его хозяинъ, за то, что держалъ его съ такимъ паспортомъ, и квартирная хозяйка, у которой онъ проживалъ, за то, что не выбросила его на улицу въ тотъ-же часъ, какъ фатальному паспорту ея жильца истекъ срокъ.—«Признаете-ли себя виновными?» спрашиваетъ судья этого ужаснаго преступника и его сообщниковъ. Преступникъ и его квартирная хозяйка приносятъ повинную, но хозяинъ мастерской оправдывается: виновный въ просрочкѣ работалъ у него поденно и, потому, не настояло надобности спрашивать у него паспорта. Судья безпощаденъ — и со всѣхъ трехъ подсудимыхъ взыскиваетъ цѣлыхъ три четвертака... Подобные процессы въ мировыхъ камерахъ столицы повседневны. «Полиція,—замѣчаетъ одинъ судебный хроникеръ,—то и дѣло составляетъ протоколы о нарушеніи паспортныхъ и адресныхъ правилъ, а мировые судьи, каждое засѣданіе, разбирая подобнаго характера дѣла, находятъ возможнымъ весьма нерѣдко или оправдывать обвиняемыхъ, или-же подвергать ихъ штрафу въ 1 копѣйку, въ 3,

5 и много, много въ 10 коп.; нѣкоторые-же судьи приняли за правило назначать штрафъ, для всѣхъ и каждаго, въ 25 коп., и только немногіе налагаютъ болѣе солидный штрафъ». Не смотря, однако, на такую ничтожность штрафовъ, встрѣчаются горемыки, для которыхъ заплатить какой нибудь четвертакъ составляетъ почти непосильное лишеніе, и нерѣдко сами сердобольные судьи или кто нибудь изъ публики вносятъ на алтарь отечества эти четвертаки за подсудимыхъ, ради торжества существующей паспортной системы... Сколько-же безъ пути растрачивается времени, канцелярскихъ чернилъ и бумаги, сколько волочится отрываемаго отъ работы народа по полицейскимъ и судебнымъ камерамъ, сколько сама полиція и юстиція безплодно расходуетъ силъ на дѣлопроизводство по этому предмету,—никто, къ сожалѣнію, не считалъ, хотя стопло-бы, чтобъ показать всю несообразность нашей паспортной системы и всю ея убыточность для общественной экономіи.

Безпаспортность или неисправность паспорта, влекущія за собою потерю работы и даже крова,—такъ какъ обличающихся въ этой погрѣшности гражданъ никто не долженъ держать и укрывать, подъ страхомъ отвѣтственности предъ закономъ,—создаютъ для человѣка невыносимое положеніе, равняющееся лишенію правъ состоянія и гражданства. Въ низшемъ, рабочемъ быту, гдѣ чаще всего встрѣчается такое положеніе, оно является часто прямой причиной бродяжничества и нищенства, а нерѣдко—и болѣе существенныхъ нарушеній общественнаго права. Городской рабочій безъ паспорта или съ просроченнымъ паспортомъ въ карманѣ—прямой кандидатъ въ бродяги и нищіе: это можно принять за общее правило. Безъ этой стереотипной бумажки, онъ все равно, что безъ рукъ, потому что его нигдѣ не принимаютъ на работу. Что-жъ ему остается, въ неопредѣленномъ чаяніи лучшаго исхода, какъ не бродить и, за неимѣніемъ средствъ, не попрошайничать, если не идти къ болѣе важнымъ закононарушеніямъ?

Впрочемъ, тотъ-же рабочій, хотя бы и съ исправнымъ паспортомъ въ рукахъ, но безъ занятій, безъ заработка, опять таки—прямой кандидатъ въ бродяги и нищіе, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ нашъ, всѣмъ ходомъ русской исторіи, воспитался считать нищенство и бродяжничество весьма обычными и отнюдь

не зазорными бытовыми формами. Вслѣдствіе этого, въ составѣ разсматриваемой группы петербургскаго уличнаго пролетаріата и пауперизма, крестьяне занимаютъ господствующее мѣсто, по своей численности. По той-же причинѣ, мы имѣемъ полное основаніе, съ точки зрѣнія соціально-экономической, обобщить всѣхъ безпаспортныхъ съ нищими и бродягами въ однородную группу, созданную и обставленную однородными бытовыми условіями.

Накопляется эта перекатная голь и бѣднота на петербургской улицѣ весьма обыкновеннымъ порядкомъ и вполнѣ наглядно.

Извѣстно, что въ Петербургъ ежедневно прибываетъ съ деревенской голодухи масса рабочаго люда безъ опредѣленной цѣли, съ однѣми лишь мечтательными надеждами на хорошіе заработки, изобиліемъ и общедоступностью которыхъ столица наша славится искони въ мнѣніи народа гораздо болѣе, чѣмъ она этого заслуживаетъ. Отправляясь въ столицу, на основаніи такой традиціи, рабочіе не освѣдомляются заранѣе, да и неоткуда имъ справиться объ этомъ—настоитъ-ли тамъ надобность въ ихъ рукахъ, или нѣтъ? желанными-ли они явятся туда гостями, или же окажутся лишними? Вслѣдствіе этой неизвѣстности происходитъ то, что на рынкѣ труда въ Петербургѣ очень часто предложеніе рабочихъ рукъ далеко превышаетъ ихъ спросъ, а отсюда множество прибывшихъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ искателей лучшаго сразу попадаетъ въ крайне стѣснительное и безпомощное положеніе. Возвращаться домой, въ деревню—не на что, да и какъ возвращаться, когда человѣкъ бѣжалъ изъ нея отъ нужды и голода? Пристроиться въ Питерѣ не посчастливилось; средствъ никакихъ; помощи ни откуда, а, между тѣмъ, жить хочется и, какъ ни изломала, какъ ни истерзала лютая жизнь, все еще въ изможденной груди теплится искра надежды, что авось Богъ пошлетъ счастье—и заработокъ, и хлѣбъ, и довольство... Но покамѣстъ, до счастья, надо же какъ нибудь кормиться. Что дѣлать?—Исходъ одинъ: идти «побираться», «христарадничать», или «звонить», выражаясь терминомъ петербургскихъ нищихъ.

Нужно замѣтить, что въ такое трудное положеніе попадаютъ въ столицѣ не только пришлые изъ деревни новички, но и обжившіеся здѣсь, опытные и знающіе ремесло рабочіе, вслѣдствіе двухъ основныхъ причинъ: во-первыхъ, колебаній на

рынкѣ труда и промышленности, и во-вторыхъ, полнаго отсутствія организаціи и самопомощи въ самой рабочей средѣ.

Колебанія въ спросѣ рабочихъ рукъ, во всѣхъ отрасляхъ торгово-промышленной дѣятельности столицы, бываютъ чрезвычайно рѣзки и часты. Не говоря уже о постоянной громадной количественной разницѣ этого спроса между лѣтнимъ и зимнимъ временемъ, весьма не рѣдки бываютъ случаи, особенно въ заводско-фабричной промышленности столицы, когда, вдругъ, вслѣдствіе какихъ нибудь несчастныхъ финансово-экономическихъ случайностей, складывающихся чаще всего по прихоти «внѣшней политики», промышленность эта вынуждается сократить свое производство, и вотъ въ одно прекрасное утро сотни, а иногда тысячи рабочихъ остаются безъ дѣла и, слѣдственно, безъ хлѣба. Подобные случаи, по мелочамъ, происходятъ въ Петербургѣ, можно сказать, повседневно; но на нихъ обращается вниманіе только тогда, когда они принимаютъ огромные размѣры. Такъ, изъ нашихъ матеріаловъ узнаёмъ, что столичная полиція была крайне обезпокоена въ 1872 году, по случаю прекращенія работъ на литейномъ заводѣ Макферсона и Карра, когда, вслѣдствіе этого, до 3,000 рабочихъ сразу очутилось въ безпомощномъ положеніи. Полицейскій «отчетъ» назвалъ этотъ случай «исключительнымъ», и—онъ былъ такимъ на самомъ дѣлѣ, но только лишь въ количественномъ отношеніи. По три тысячи человѣкъ рѣдко выбрасывается на улицу за разъ, въ одинъ день, — это правда; но вразбродь, по мелочамъ, подобныя случайности весьма обыкновенны въ промышленно-рабочей средѣ Петербурга. По мелочамъ, онѣ только кажутся незамѣтными и не внушаютъ тревоги; тѣмъ не менѣе, если ихъ обобщить и подвести имъ итогъ, то онѣ, пожалуй, пріобрѣли бы довольно угрожающую физіономію, и тогда для насъ стало бы ясно, что эти-то случайности и служатъ главнымъ факторомъ въ образованіи многочисленнаго петербургскаго уличнаго пауперизма и пролетаріата, вычерпать которые такъ безплодно усиливается полиція неослабными «задержаніями», арестами и административными высылками. Что это, дѣйствительно, такъ — подтверждаетъ цитированный выше отчетъ, довольно краснорѣчивымъ изображеніемъ огромнаго увеличенія въ столицѣ «людей, не имѣю-

щихъ ни средствъ къ существованію, ни даже опредѣленнаго пристанища», увеличенія, происшедшаго, именно, вслѣдствіе указаннаго «исключительнаго» случая, оставившаго одновременно три тысячи рабочихъ безъ занятій. «Число такихъ людей,—говорится въ отчетѣ,—достигло тогда громадныхъ размѣровъ: въ одномъ полицейскомъ домѣ ночевало ежедневно, по неимѣнію ночлега, болѣе 600 человѣкъ; прилегающіе къ Сѣнной площади дома кн. Вяземскаго, де-Роберти и др. буквально были переполнены ночлежниками; наконецъ, немалое число людей проводили ночи подъ мостами, въ паркахъ и т. п. мѣстахъ».

Картина вѣрная; одно только, якобы, внезапное увеличеніе такихъ пролетаріевъ и пауперовъ до «громадныхъ размѣровъ» было здѣсь результатомъ оптическаго обмана: «размѣры» эти постоянно «громадны», какъ свидѣтельствуетъ самая статистика полицейскихъ арестовъ, но они не ощущительны на притупившійся полицейскій глазомѣръ, способный прійти въ смущеніе только предъ лицомъ «исключительныхъ» случаевъ, которые представляются здѣсь не болѣе, какъ частными эпизодами общаго явленія. Не заглядывая слишкомъ глубоко въ корень этого явленія, остановимся на ближайшей его причинѣ, о которой мы упомянули выше, т. е. на отсутствіи въ столичной рабочей средѣ корпоративной организаціи и самопомощи. У этой пришлой, крестьянской чернорабочей массы, составляющей почти двѣ трети столичнаго населенія, нѣтъ здѣсь ни осѣдлости, ни своего хозяйства съ его запасами и подспорьями, нѣтъ, словомъ, д о м а, а, главное, у нея нѣтъ здѣсь той общинной солидарности, взаимной поддержки и самопомощи, которыя болѣе или менѣе обезпечиваютъ отъ сумы и крайности поселянъ, живущихъ въ деревнѣ. Петербургскій рабочій живетъ здѣсь постоянно налегкѣ, живетъ изолированно, ради заработка и на заработокъ: другихъ интересовъ и другихъ цѣлей у него нѣтъ. «Корни» его остались въ деревнѣ, а въ столицѣ, попавъ въ среду подобныхъ себѣ, такихъ-же залетныхъ птицъ, онъ смѣшивается съ ними лишь механически, случайно: всѣ они—другъ другу ч у ж і е; въ то же время, всѣ они—чужаки для города и городъ для нихъ—чужой. Петербургскій рабочій к л а с с ъ—вовсе не классъ, въ смыслѣ какой нибудь организаціи: это просто—масса случайно, механически скученныхъ людей подъ кровлями

фабрикъ и заводовъ, а потому, чуть только эти кровли отказываютъ имъ въ гостепріимствѣ,—они разсыпаются и дезорганизуются, безсильные чѣмъ нибудь, сообща, помо́чь себѣ, какъ это умѣютъ дѣлать, напр., рабочіе на Западѣ.

Не будучи въ состояніи сами себѣ помо́чь, въ моменты промышленныхъ кризисовъ, наши столичные рабочіе не встрѣчаютъ никакой почти помощи и со стороны общества, не говоря уже о «хозяевахъ» — фабрикантахъ и заводчикахъ. Одна только полиція прилагаетъ къ нимъ свое попеченіе, но попеченіе полиціи выражается лишь въ томъ, что она, согласно съ своимъ призваніемъ, «тащитъ» и «не пущаетъ», хотя отъ этого никому не легче. По поводу вышеописаннаго «исключительнаго» случая, въ 1872-мъ году, градоначальникъ, какъ значится въ его отчетѣ, «принявъ въ соображеніе: во 1-хъ, что праздные рабочіе легко могутъ сдѣлаться жертвами неблагонамѣренныхъ людей и, по ихъ внушеніямъ, вступить на путь преступленій, и, во 2-хъ, что, въ случаѣ возникновенія на какой либо изъ здѣшнихъ фабрикъ безпорядковъ, подобныхъ тѣмъ, которые были на Кренгольмской мануфактурѣ, присутствіе толпы, не имѣющей опредѣленныхъ занятій, можетъ придать означеннымъ безпорядкамъ характеръ весьма серьезный»,—принявъ все это въ соображеніе, градоначальникъ «счелъ своей обязанностью, въ видахъ охраненія въ столицѣ общественнаго порядка и спокойствія», исходатайствовать себѣ разъ навсегда право: «тѣхъ изъ иногородныхъ рабочихъ, которые, по какимъ-бы то ни было причинамъ, лишаются работы и таковой въ теченіе семи дней не пріищутъ, приглашать немедленно отправляться на мѣсто родины»... *)

Таковъ дальновидный и предусмотрительный взглядъ полиціи на рабочаго, не имѣющаго работы, — взглядъ, вполнѣ оправдываемый тѣмъ простымъ соображеніемъ, что обыватель

*) Къ слову сказать, извѣстный тюрьмовѣдъ В. Н. Никитинъ свидѣтельствуетъ, что и безъ «приглашеній» полиціи, къ ней немало обращается простолюдиновъ, «не нашедшихъ себѣ работы въ столицѣ и, потому, просящихъ отправить ихъ, въ видѣ милости, на родину по этапу, такъ какъ на свой счетъ они, по безденежью, не могутъ вернуться туда» («Жизнь заключенныхъ»).

безъ «опредѣленныхъ занятій», безъ средствъ къ существованію и даже безъ пристанища, скандалезно портитъ симметричность городскаго благоустройства, мозолитъ блюстительное око своимъ безцѣльнымъ скитальчествомъ, безъ сомнѣнія, питаетъ въ глубинѣ души далеко не идиллическія чувства и помыслы о «существующемъ порядкѣ вещей», а «въ минуту жизни трудную» близокъ и къ активному нарушенію этого порядка, хотя бы въ видѣ одиночныхъ покушеній на частную собственность. Словомъ, мы хотимъ сказать, что полиція вполнѣ точно опредѣлила главный, такъ сказать, материкъ столичнаго classe dangereuse, уплачивающаго «подать преступленію» и комплектующаго ряды разсматриваемой здѣсь группы пролетаріевъ и пауперовъ—бродягъ, уличныхъ проститутокъ, нищихъ и безпаспортныхъ, не имѣющихъ пристанища. Можно-бы только оспаривать національность практикуемаго способа искорененія этого опаснаго народа, ибо, не смотря на сугубость и энергичность полицейскихъ «приглашеній» удалиться изъ Петербурга, народа этого нисколько почти не убываетъ, какъ мы видѣли, въ предѣлахъ столицы; но, вѣдь, полиція другихъ, лучшихъ средствъ и не имѣетъ для цѣленія этой огромной общественной язвы...

Изслѣдовавъ такимъ образомъ почву, источники и господствующій составъ петербургской уличной голи и нищеты, мы остановимся теперь на нѣкоторыхъ частныхъ, характеристическихъ сторонахъ этого явленія. Прежде всего посмотримъ на процедуру «ловли» этого несчастнаго бродячаго народа, которая укажетъ намъ на его главнѣйшія гнѣзда и на его территоріальное распространеніе въ чертѣ столицы. Изъ свѣдѣній полицейской статистики видно, что самой излюбленной мѣстностью петербургскихъ бродягъ, нищихъ и безпаспортныхъ служитъ Спасская часть, гдѣ ихъ «задерживается» болѣе одной т р е т и общаго числа, въ средней годичной сложности. Это объясняется очень просто тѣмъ, что Спасская часть, представляя собою центръ столицы, сосредоточиваетъ въ себѣ наибольшее число торгово-промышленныхъ заведеній и, слѣдовательно, наибольшую циркуляцію дѣловаго населенія, около котораго легче всего, такъ или иначе, поживиться попрошайкамъ, искателямъ случайной «поденной» работы, а также и охотникамъ до всякой движимости, которая «плохо лежитъ». Кромѣ того, въ Спасской

части сосредоточено наибольшое число доступныхъ для чернаго народа трактировъ, кабаковъ, портерныхъ, «обжорныхъ» заведеній съ дешевой снѣдью, и разнаго рода притоновъ для гульбы и разврата. Здѣсь-же, наконецъ, находятся въ наибольшемъ числѣ обширныя и гостепріимныя ночлежныя трущобы, въ родѣ знаменитой «Вяземской лавры», представляющей собою, какъ бы, центральный резервуаръ бродячаго и нищенствующаго Петербурга. Въ этихъ-то пріютахъ, имѣющихся и въ другихъ частяхъ города, полиція,—обыкновенно «въ часъ вечерней мглы»,—производитъ главнымъ образомъ свои періодическія очистительныя облавы для ловли бродягъ, безпаспортныхъ и, вообще «подозрительныхъ» лицъ. Но, кромѣ того, она немало хватаетъ ихъ и на улицахъ, напр., въ моменты обращенія ихъ къ прохожимъ за милостынею или смѣлой экскурсіи въ карманы послѣднихъ, накрываетъ во время опьяненія или сна въ городскихъ паркахъ, бульварахъ, пустыряхъ и просто «подъ заборомъ». Пропшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, большой пожаръ складовъ сѣна на Невѣ обнаружилъ для непосвященныхъ столичныхъ жителей новое, своеобразное гнѣздо петербургскихъ безпріютныхъ бродягъ. Когда сѣнныя барки окончательно сгорѣли, то въ нихъ найдено было нѣсколько обуглившихся труповъ. Для полиціи эта находка не была, впрочемъ, неожиданнымъ сюрпризомъ: ей извѣстно, по опыту, что въ зимнее время сѣнныя барки и сараи служатъ любимымъ прибѣжищемъ по ночамъ для бездомныхъ голяковъ, и она нерѣдко извлекаетъ ихъ изъ этихъ импровизированныхъ ночлежныхъ пріютовъ цѣлыми партіями, при такой, напр., оригинальной обстановкѣ. Разъ полиція, свѣдавъ, что въ одномъ огромномъ сѣномъ сараѣ за Московской заставой скрывается много бродягъ, нагрянула туда ночью. При входѣ ея, разсказываетъ очевидецъ, «въ сараѣ все безмолвствовало и, повидимому, никого не было, но необитаемость сарая была только кажущаяся, — всѣ ночлежники сидѣли въ норахъ, продѣланныхъ въ сѣнѣ; чтобы вызвать ихъ, одинъ изъ полиціантовъ употребилъ такую хитрость.—«Городовые! закричалъ онъ,—осторожнѣй прокалывайте сѣно шашками, а то, пожалуй, кого нибудь изъ бродягъ заколете! Эй, молодцы!—обратился онъ къ незримымъ обитателямъ сарая:—выходите, а коли кто останется и будетъ проколотъ, то не взыщи». Угроза

подѣйствовала, стоги сѣна зашевелились, и изъ норъ вылѣзло 60 темныхъ личностей, въ томъ числѣ четыре женщины и одинъ больной старикъ, который не въ силахъ былъ идти. Были случаи, что въ сѣнныхъ складахъ, при разборкѣ сѣна, находили залежавшіеся трупы этого рода горемыкъ, нашедшихъ себѣ здѣсь вѣчный ночлегъ и успокоеніе отъ лютой, голодной и холодной жизни. Во время-же описаннаго выше пожара сѣнныхъ барокъ, очевидно, многихъ изъ нихъ огонь застигъ въ крѣпкомъ снѣ. Были догадки, что и самый пожаръ этотъ произведенъ кѣмъ нибудь изъ обитателей сѣнныхъ барокъ, вздумавшихъ, лежа въ сѣнѣ, покурить «цыгарку».

Въ лѣтнее теплое время бездомные бродяги, по безденежью или по другимъ соображеніямъ, любятъ проводить ночи на чистомъ воздухѣ, въ пустыняхъ и городскихъ паркахъ, утѣшаясь тѣмъ, по ихъ выраженію, что тутъ «каждый кустикъ ночевать пуститъ». Ихъ много попадается за Московской заставой, между Митрофаньевскимъ и Волковскимъ кладбищами, на островахъ, въ Александровскомъ, Екатерингофскомъ и Петровскомъ паркахъ. Одинъ газетный «отмѣтчикъ», посѣщая Петровскій паркъ, былъ изумленъ какъ-то обиліемъ попадающихся по ночамъ въ его аллеяхъ «какихъ-то странныхъ фигуръ въ бѣлыхъ фартукахъ—этой эмблемѣ петербургскаго дворника». Вглядѣвшись въ «измятыя, исхудалыя, внушающія подозрѣніе, лица этихъ мнимыхъ дворниковъ и въ ихъ лохмотья», отмѣтчикъ пришелъ къ основательному заключенію, что эти фартуки надѣваются просто для отвода глазъ ночнаго патруля и что подъ ними скрываются чистѣйшіе бродяги, ищущіе ночлега, а отчасти и поживы, при удобномъ случаѣ. Кстати сказать, на аргo петербургскихъ бывалыхъ бродягъ, проводить ночи безъ пріюта, подъ открытымъ небомъ, называется почему то—«ломать итальянку».

Съ учрежденіемъ quasi—благотворительныхъ ночлежныхъ пріютовъ, удобныхъ единственно тѣмъ, что при впускѣ въ нихъ не спрашиваютъ паспортовъ, они стали привлекать многихъ забулдыгъ и бобылей, и сдѣлались однимъ изъ центровъ сосредоточенія по ночамъ столичнаго уличнаго пролетаріата. Особенно популяренъ обширный ночлежный пріютъ на Обводномъ каналѣ, близъ вокзала Варшавской желѣзной дороги. Пріюты эти наполняются больше всего въ зимнее время, въ сильные морозы.

Уже съ ранняго вечера зимою, по Обводному каналу, «замѣтите всегда,—разсказываетъ одинъ интеллигентный ночлежникъ этихъ пріютовъ,—множество стоящихъ фигуръ, смиренно кланяющихся каждому мимо проходящему». Это—несчастные, вымаливающіе грошики на платежъ за ночлегъ въ пріютъ. Около входа въ пріютъ, задолго до его открытія, собирается толпа людей, одѣтыхъ большею частью по лѣтнему и, можетъ быть, въ теченіе дня не имѣвшихъ крохи хлѣба во рту, если только не попалось имъ гдѣ нибудь на тумбочкѣ или подоконникѣ. Этимъ бѣднякамъ часто случается собирать хлѣбъ по тумбочкамъ и подоконникамъ. Вся толпа отъ долгаго ожиданія промерзла до мозга костей. Это можно заключить по тому ожесточенному воплю, который слышится за полверсты отъ пріюта. Вопль этотъ пугаетъ не только мирныхъ гражданъ, но и безстрашныхъ людей.

— «Что это за шумъ? спрашиваютъ.—«Пугало!» отвѣчаютъ. «Когда я, говоритъ разсказчикъ,—приблизился на разстояніе, съ котораго можно было разобрать слова, ожесточеніе толпы дошло до послѣдней степени: она просто рычала, и въ этомъ рычаніи слышались ругательства». Когда-же входъ, наконецъ, открылся,—«Боже, какая пошла давка! Посторонній наблюдатель подумалъ-бы, что весь этотъ людъ спасается отъ смерти. Да, дѣйствительно спасается, если не отъ смерти, то отъ замерзанія»...

Что-жъ это за народъ? Присмотримся къ нему ближе; заглянемъ въ эти трущобные пріюты и въ такъ называемыя «бродяжныя» камеры полицейскихъ домовъ, гостепріимныя для тѣхъ забулдыгъ, которые не умѣютъ сами себѣ найти приличнаго ночлега и подбираются блюстителями на улицахъ. Мрачная и въ то же время причудливая картина открывается предъ нами, при знакомствѣ съ этой отверженной, пестрой смѣсью

. . . . «одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній»!

Какъ мы уже знаемъ, преобладающимъ элементомъ бродячаго Петербурга является безпаспортный, «заплутавшійся», какъ говорится въ просторѣчіи, крестьянинъ-мужикъ, псковерканный городомъ. Его повѣсть нехитра и однообразна. По словамъ одного наблюдателя петербургскихъ «кутузокъ», горемыки эти

«никогда доподлинно не знаютъ, напр., за что, именно, ихъ арестовали. Спросите объ этомъ любаго изъ «бродяжныхъ».

— А кто его знаетъ, получится отвѣтъ:—посадили, и все тутъ!

При ближайшемъ изслѣдованіи окажется, что одинъ, уже два года, какъ просрочилъ паспортъ и проживалъ безъ прописки по разнымъ темнымъ питерскимъ закоулкамъ; другой—«писалъ-писалъ въ волость; пришлите, молъ, паспортъ! а отвѣта все нѣту»; третій потерялъ; четвертый—отдалъ дядѣ Пахому, а дядя Пахомъ, лѣшій его знаетъ, куда самъ подѣвался; пятаго—служивый какой то обокралъ и билетъ унесъ; шестой—просто просрочилъ, потому что за новый платить надо, и такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Но попадаются безпаспортные и совершенно инаго сорта. Вотъ здоровый, краснолицый парень—отличный работникъ, получавшій по 80-ти рублей въ мѣсяцъ, но цѣлыхъ три года забывавшій обзавестись паспортомъ. Наконецъ вспомнилъ, послалъ въ деревню требованіе о «билетѣ», «со вложеніемъ» ста рублей, но «родитель разсудилъ иначе: денежки то взялъ, а сына все-таки по этапу вытребовалъ»... Вотъ простодушнѣйшій хохолъ, забравшійся въ Петербургъ для подачи какого-то неотложно-нужнаго «прошенія», но не сообразившій на счетъ строгости столичныхъ паспортныхъ порядковъ. Онъ прямо изъ «коммиссіи прошеній» попалъ въ «кутузку» и, тоскуя по своей «хатѣ» и «жинцѣ», никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что его, раба божія, отправятъ на родину по этапу: «Оце! я й самъ бы скорій доіхавъ!» Вотъ—какой то таинственный «восточный человѣкъ», ни слова не говорящій по-русски и рѣшительно не постигающій, за что его посадили и что̀ вокругъ его дѣлается... Вотъ приличнаго вида господинъ, съ интеллигентной физіономіей, украшенной золотыми очками, въ арестантской хламидѣ. Оказывается отставной петербургскій чиновникъ; гдѣ-то въ провинціи, дорогой, его до нитки ограбили, а мѣстная полиція, вмѣсто оказанія ему помощи, сочла его за безпаспортнаго бродягу и провела по всѣмъ мытарствамъ тюремно-этапной процедуры «удостовѣренія личности»... Вотъ отставной прапорщикъ изъ Борго, финнъ родомъ и странствующій пѣвецъ по профессіи. Артистъ въ душѣ, онъ гдѣ-то затерялъ свой формулярный спи-

окъ и теперь долженъ отправиться за его возобновленіемъ на родину по этапу... Вотъ какая-то соотечественница прапорщика, молодая особа, выдающая себя за дипломированную гувернантку, но, къ сожалѣнію, не могущая доказать это документально... Вотъ еще одна особа прекраснаго пола—вдова штабсъ-капитана, присланная по этапу изъ Фатежа, гдѣ она въ одно прекрасное утро явилась къ мѣстному исправнику «въ одномъ платьѣ», съ тремя военными медалями на груди и назвала себя княгиней Мещерской, бывшей сестрой милосердія. Самозванство это произошло самымъ простымъ образомъ: штабсъ-капитанша «ѣздила на богомолье въ Кіевъ, дорогою ее обокрали, она обратилась за содѣйствіемъ къ исправнику, а тотъ обозвалъ ее бродягой; тогда она, въ сердцахъ и будучи выпивши, к а к ъ-т о наименовала себя княгиней Мещерской»... Все это болѣе или менѣе невинныя жертвы безпаспортности и—нѣтъ конца всѣмъ типичнымъ разновидностямъ этого несчастнаго люда.

«О безпаспортныхъ бродягахъ, собственно Петербурга, нужно сказать,—говоритъ одинъ компетентный наблюдатель,—что это—не мощные богатыри, пускающіеся въ чужедальную сторону искать счастья, это—просто мелкіе жулики, воришки, обитатели столичныхъ трущобъ, нищіе и попрошайки»... «Между другими бродяжными его сейчасъ узнаешь: тощій, сгорбленный, испитой, съ зеленымъ, болѣзненнымъ лицомъ; его слышно издали по глухому кашлю, выходящему словно изъ треснувшей пополамъ груди. Онъ—паразитъ среди дѣятельной столичной жизни, но онъ петербурженъ pur sang: на него тяжелымъ бременемъ легла мощная рука цивилизаціи (?) и безъ труда раздавила между своими пальцами».

Замѣтимъ, впрочемъ, что такихъ спеціально-петербургскихъ бродягъ, прочно, хотя и болѣзненно акклиматизовавшихся въ столицѣ, сравнительно немного. Главную массу бродячаго населенія столицы выдѣляетъ подвижной, пришлый, деревенскій рабочій людъ, какъ это мы въ своемъ мѣстѣ указывали, указавъ тамъ-же и на причины этого явленія. Другой наблюдатель, изучавшій населеніе ночлежныхъ пріютовъ и разныхъ трущобъ, говоря о составѣ этого населенія, замѣчаетъ, что въ него входитъ «б о л ь ш о е к о л и ч е с т в о рабочихъ и ремесленниковъ»,—людей честныхъ и трудолюбивыхъ, которые какъ то

уживаются здѣсь съ профессіональными нищими, «мазуриками, прокутившимися маменькиными сынками, апраксинскими прикащиками, промотавшими хозяйскія деньги» и тому подобнымъ забубеннымъ, потерянымъ и распутнымъ сбродомъ. «Мнѣ всегда страннымъ казалось,—говоритъ онъ,—что нѣкоторые рабочіе и ремесленники дѣлаются даже завсегдатаями пріютовъ. Положимъ, нѣкоторые изъ нихъ находятся въ ожиданіи паспортовъ, но есть и съ паспортами и хорошіе работники, и тѣмъ не менѣе не разстаются съ пріютской жизнью».

Къ слову замѣтимъ, сама полиція дѣлаетъ различіе въ группировкѣ бродягъ и безпаспортныхъ—на «безвредныхъ» и «вредныхъ». Первыхъ она, «при ихъ задержаніи, не подвергаетъ никакому взысканію» и выдаетъ имъ даже «временныя свидѣтельства на жительство» до полученія паспортовъ и пріисканія осѣдлости. Хотя неизвѣстно, на чемъ основывается такая квалификація, но уже одно ея допущеніе указываетъ на тотъ фактъ, что далеко не всѣ безпаспортные и безпріютные пролетаріи столицы, даже на строгій полицейскій взглядъ, представляютъ собой сплошную массу мелкихъ жуликовъ, воришекъ, попрошаекъ, лѣнтяевъ и, вообще, людей потерянныхъ, темныхъ и неблагонадежныхъ. Быть можетъ, самый неблагонадежный и, во всякомъ случаѣ, самый безнадежный, самый безпомощный элементъ въ разсматриваемыхъ подонкахъ общества представляютъ интеллигентные пролетаріи—тѣ, которые совершенно опустились, потеряли сознаніе собственнаго достоинства, разорвали связи со своей прежней средой, утратили способность и охоту къ труду, къ выходу изъ засосавшей ихъ гнойной тины и, смѣшавшись съ простонародной кабацкой голью, усвоили ея образъ жизни и ея промыслы. Такихъ упраздненныхъ интеллигентовъ много въ средѣ здѣшняго уличнаго пролетаріата. Лучше всего ихъ наблюдать въ ночлежныхъ пріютахъ. «Въ отдѣленіе, въ которое я попалъ,—разсказываетъ одинъ писатель, сдѣлавшій экскурсію въ ночлежный пріютъ,—приходили больше пальто, форменныя и статскія. Шляпу примѣтилъ одну, болѣе фуражки и, между прочимъ, одна съ кокардой. Много небритыхъ физіономій»... «При этомъ я замѣтилъ какое-то торопливое желаніе зарекомендовать себя... сказать о томъ, что они за люди, и представить себя вовсе не вынужденными искать

ночлега, а людьми, въ извѣстной степени, даже обезпеченными. Въ этой торопливой аттестаціи много лжи»... Этой категоріи скитальцы—«люди гордые, любятъ похвалиться, пустить пыль въ глаза и задать даже извѣстнаго рода шикъ». Одинъ изъ нихъ, напр., молодой человѣкъ въ цилиндрѣ, «съ вьющимися волосами, съ вывѣсочнымъ лицомъ, украшеннымъ эспаньолкой», и съ претензіей на щегольство въ одеждѣ, какъ вошелъ въ пріютъ, такъ съ перваго-же слова и началъ сыпать салонными французскими фразами... Прислужника кликнулъ, называя его, почему-то, «Петромъ Великимъ», заставилъ себя раздѣвать, потребовалъ водки и, въ награду за услуги, подарилъ свои «весьма заслуженные штаны, кои возраста преклоннаго и цѣна коимъ пять копѣекъ серебромъ»... Другой, старикъ, съ солидной чиновничьей физіономіей, сталъ изливаться передъ авторомъ, что онъ «пріѣхалъ изъ Царскаго за получкой—и большой получкой», да, вотъ, опоздалъ на поѣздъ и вынужденъ-де провести ночь «вдали отъ семейства», а между тѣмъ, за минуту, просилъ уступить ему койку, потому что онъ на ней «п о с т о я н н о лежитъ»... Третій расхвастался, что на какую-бы желѣзную дорогу онъ ни пришелъ—«всюду кассиръ дастъ ему билетъ»...

Нѣкто г. Левковичъ разсказывалъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ», что подобные-же аристократы заурядъ встрѣчаются и въ «Вяземской лаврѣ». Въ одной изъ трущобъ ея онъ сошелся съ цѣлой блестящей плеядой: дворяне съ «высшимъ образованіемъ», заслуженные лейтенанты, «бѣдные отставные поручики» и, въ довершеніе, разорившаяся помѣщица-полька, гордая аристократка, ежеминутно восклицавшая: «Oh, sacré nom»!... Но эти аристократы до того принизились, пали и погрязли въ окружающую ихъ смрадную, омерзительную среду, что потеряли всякій стыдъ, всякій образъ человѣческій. Они клянчатъ по улицамъ у прохожихъ, якшаются съ позорнѣйшими представителями и представительницами трущобнаго міра, вмѣстѣ съ ними пьянствуютъ, развратничаютъ, унижаются и подличаютъ передъ хозяевами квартиръ, которые доводятъ свою фамильярность съ ними до отеческихъ потасовокъ и третируютъ ихъ, какъ послѣднее отребье... Разъ, утромъ, авторъ былъ очевидцемъ такой сцены. Когда проснулась вся трущоба, въ которой ночевало 65 человѣкъ, «изъ подъ наръ вылѣзла, на четверенькахъ, плот-

ная фигура мужчины. За нимъ слѣдовала женщина, нѣсколько конфузясь и глядя въ землю»... Это были—«бѣдный отставной поручикъ» и его трущобная подруга... «Можетъ-ли быть отвратительнѣе картина?—восклицаетъ разсказчикъ.—Можно-ли упасть ниже, чѣмъ эта пара паріевъ?! Вотъ гдѣ грань человѣческаго паденія!»

Вл. Михневичъ.

(*Продолженіе будетъ*).

БАККАЛАВРЪ

Романъ Жюля Валлеса.

XX.

Мѣсто учителя и кулаки.

На мелкія мѣстишки нѣтъ удачи; не хватить ли повыше? Можно пристроиться домашнимъ учителемъ или секретаремъ? Послѣ множества хлопотъ, пріятели выкопали мнѣ должность секретаря у богатаго австрійца: заниматься его корреспонденціею отъ 8 до 12 часовъ утра; жалованья 50 франковъ въ мѣсяцъ. Великолѣпно, съ двѣнадцати я свободенъ, могу отдаться своему дѣлу. Являюсь къ австрійцу. Онъ еще въ постели, платье разбросано по полу; тутъ же валяются пустыя бутылки, окурки сигаръ. Надо полагать, вчера славно кутнули.

— А! вы мнѣ рекомендованы? обращается ко мнѣ хозяинъ; повертываясь въ постели.—Хорошо... Поднимите-ка платье...

Должно быть перепуталъ, лакея ожидалъ. Я хочу быть секретаремъ; объясняю ему это.

— Что вы тамъ еще распѣваете?

— И не думаю распѣвать, говорю, что ищу мѣста секретаря.

— Знаю... Дайте панталоны.

Что за чертовщина! Должно быть, пьянъ былъ, съ похмѣлья не опомнится... Не поправится-ли, когда встанетъ? Кладу панталоны на кровать. Австріякъ поднимается, надѣваетъ чулки, влѣзаетъ въ штаны.

— Потрудитесь подать жакетку.

Нѣтъ, не потружусь подавать жакетку; трепку дать—могу потрудиться, если ему очень захочется, и, продолжая со мною въ томъ же тонѣ, онъ ее навѣрное получитъ въ наилучшемъ видѣ. Не унимается... А когда такъ... ну и получай. Избилъ я его въ пшики и убѣжалъ, сшибая съ ногъ встревоженныхъ сосѣдей. Лишь бы не подумали, что я стащилъ часы. Секретарству конецъ; довольно съ меня одного раза. Рѣшаюсь искать мѣста домашняго учителя, воспитателя ребятишекъ въ богатомъ домѣ,—рѣшаюсь въ томъ соображеніи, что получу возможность ознакомиться съ интимною жизнью богачей, съ ихъ пороками и слабостями. Пригодится со временемъ; я осмѣю ихъ въ своей книгѣ, выведу на публичный позоръ... Придетъ-же, наконецъ, рано или поздно мое время. Итакъ, впередъ, впередъ, въ погоню за учительствомъ. Умныя книжки и опытные люди говорятъ: добивайся изо всѣхъ силъ и добьешься, стучись во всѣ двери,—гдѣ нибудь отворятъ, не робѣй, и тебѣ удастся... Не могу похвалиться, чтобы я не робѣлъ,—совсѣмъ напротивъ! Но зато я стучался, ломился во всѣ двери, добивался изъ всѣхъ силъ, отчаянно, геройски, не отступалъ ни передъ какими насмѣшками, ни передъ какими униженіями!... Смѣлость и гордость, голова и сердце вышли истерзанными, искалѣченными изъ этой пытки.

— Просите дороже,—совѣтовали мнѣ одни.

Я просилъ дорого.

— Это слишкомъ дорого,—отвѣчали нанимали.

— Вы невозможную цѣну требуете, говорили друзья.—Такъ не найдете мѣста; просите дешевле.

Я просилъ дешево.

— Прохвостъ, должно быть,—шептали нанимали, презрительно отворачиваясь. Хитростями, просьбами, мольбами, чуть не силою, добивался я рекомендательныхъ писемъ, вламывался съ ними въ дома, предлагалъ свои услуги за всѣ возможныя и невозможныя цѣны... Вездѣ отказъ! Съ боя добытыя мною рекомендаціи никуда не годятся; другое дѣло, еслибы онѣ были отъ людей высокопоставленныхъ и сильныхъ.

Сильные, высокопоставленные!.. Чтобы пріобрѣсти ихъ рекомендацію, надо быть человѣкомъ имперіи. Я не могу, не долженъ... не хочу я покровительства людей имперіи. Лучше нищета! За охотниками подставлять ноги, чтобы ихъ лизали, дѣло не станетъ. За такое лизаніе мнѣ, быть можетъ, дали бы положеніе, средства... но не тѣмъ концомъ у меня языкъ въ глотку вставленъ!...

Наконецъ-то! Рядомъ со мною поселился учитель фехтованья и бокса, южанинъ, сообщительный, болтливый, безъ сантима въ карманѣ. Во всемъ домѣ я единственный сюртучникъ, и онъ льнетъ ко мнѣ, раскланивается, заговариваетъ, заходитъ въ гости. Отвязаться нѣтъ возможности, приходится терпѣливо слушать его росказни о техническихъ подробностяхъ бокса. Иногда по вечерамъ онъ затаскиваетъ меня въ какой-то сарай, гдѣ обучаетъ двухъ плѣшивыхъ и одного стриженаго. Отъ нечего дѣлать и я начинаю боксировать. У меня оказываются способности, и я становлюсь боксеромъ. Такимъ путемъ я не попаду, вѣроятно, ни въ большой свѣтъ, ни въ академію; а въ балаганъ попалъ. Профессора и рекомендатели не доставили мнѣ работы ни на одинъ су; клоуны даютъ заработокъ. Черезъ сосѣда—боксера Нуаро я познакомился съ однимъ изъ странствующихъ гимнастовъ, сошелся по пріятельски и сочинилъ для него афишу. Мое твореніе произвело на стоящій фуроръ; посыпались предложенія составлять афиши для странствующихъ цирковъ, и я пишу настоящія эпопеи. Наконецъ-то нашлось примѣненіе для моихъ классическихъ познаній! Я пускаю въ ходъ Гомера, расписываю подвиги Милона Кротонскаго, Антея... До сихъ поръ эти свѣдѣнія мнѣ рѣшительно ни къ чему не пригодились; теперь оказались отлично полезными и умѣстными для ярмарочныхъ афишъ.

Сосѣдъ Нуаро ловкій малый; онъ попросилъ Лекура, знаменитаго Лекура, свѣтило бокса, принять участіе въ состязаніи въ пользу вдовы одного товарища по профессіи. Лекуръ согласился и остался побѣдителемъ. Я написалъ хвалебную статейку, помѣстилъ ее въ маленькой газеткѣ и отнесъ къ нему. Такъ завязалось знакомство, открывшее мнѣ доступъ въ его залу, въ улицѣ Тур-

нонъ, гдѣ собиралось избранное общество молодыхъ врачей, адвокатовъ, рантьеровъ, одаренныхъ хорошими мускулами и заходившихъ развлекаться à l'anglaise послѣ серьезныхъ занятій. У меня есть теперь свое общество. Надо сказать правду, всѣ любезности относятся не къ Венгрà—ученому, а къ Венгрà кулачному бойцу...

У одного изъ постоянныхъ посѣтителей оказался племянникъ, учащійся въ коллегіи; его нужно подправить изъ греческаго. Дядюшка спросилъ меня, не возьмусь ли я репетировать.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ!

— Отлично. А между дѣломъ мы побоксируемъ.

Въ этомъ и было, въ сущности, все дѣло. На первомъ урокѣ, черезъ полчаса занятій съ мальчуганомъ, дядюшка сказалъ мнѣ.

— Не довольно ли? Жорженька утомился. Давайте-ка лучше...

Онъ засучиваетъ рукава...

Мнѣ платятъ 5 франковъ; я обучаю греческому языку на 30 су и работаю ногами и кулаками на 3 фр., 50 сантимовъ.

— Ну! разъ, два...

Бацъ... бацъ, банъ!.

— Въ брюхо!.. Фу—ахъ!

Разъ .. разъ, разъ!..

— Ого-го! Въ носъ!..

Мой носъ въ крови... Я нарочно подставилъ; допуская отъ времени до времени побить себя, я навсегда сохраню за собою урокъ греческаго языка. Къ несчастью, мой любитель бокса какъ-то не кстати расхрабрился, ввязался въ уличную драку и былъ принесенъ домой съ переломленною ногою. Урокамъ конецъ; племянникъ можетъ обходиться безъ репетитора... И вотъ опять мнѣ предстоитъ добывать средства къ жизни одною головою и ея начинкою, бакалавръствомъ,—свалennымъ въ эту голову ворохомъ, какъ грязное бѣлье въ корзину прачки!..

Другаго такого любителя не найдешь, пожалуй. Были-бы деньжонки, хотя бы небольшія, самъ бы открылъ боксерную залу... Хотя бы какой нибудь капиталишко для начала! Днемъ

сталъ бы обучать кулачному исскуству, а вечеромъ—читать, подготовлять матеріалы для моей будущей книги!

XXI.

Булавка.

Сижу я разъ утромъ въ мастерской одного знакомаго художника; хозяина нѣтъ дома. Входитъ Булимаръ, человѣкъ уже *ланспированный*; у него есть уроки въ большомъ свѣтѣ.

— Знаете, Венгтрà, у Жоли на женскихъ курсахъ есть вакансія учителя. Ищутъ молодаго человѣка, приличнаго, красиваго... Э-э!

— Я обѣщалъ найти кого нибудь и рѣшительно никого не знаю. Молодыхъ много, для этого достаточно быть двадцатилѣтнимъ; но красивыхъ и comme il faut... Гдѣ ихъ взять?

Кажется, можно бы найти неподалеку! Я знаю подходящаго молодца; сидитъ онъ въ шкурѣ одного моего добраго пріятеля.

— Не укажете ли вы на кого нибудь, продолжаетъ Булимаръ,—на кого нибудь съ менѣе дурацкой рожей, чѣмъ всѣ, кого я знаю.

Экая скотина!

Перебираемъ вмѣстѣ имена общихъ знакомыхъ. Онъ отрицательно покачиваетъ головою.

— Придется взять перваго попавшагося болвана!.. Нѣтъ ли у васъ табаку?

— Вотъ.

Онъ набилъ трубку, закурилъ и все почесываетъ голову... Видно, старается пріискать; наконецъ обращается ко мнѣ.

— Хотя бы кто! А я обѣщалъ прислать сегодня вечеромъ... скажите, не пойдете ли вы?

— Я боюсь показаться недостаточно comme il faut и недостаточно красивымъ...

— Если васъ приметъ отецъ, то не бѣда. Онъ даже предпочитаетъ попроще... Такъ рѣшено, идете?..

Жеманиться тутъ нечего, идти надо; но чтобы идти, надо также одѣться прилично. Хотя отецъ и не особенно взыскателенъ, тѣмъ не менѣе, не могу же я отправиться въ *такомъ* видѣ... Панталоны въ дырахъ, сюртукъ смотритъ какимъ-то вретищемъ... Во что бы ни стало, надо добыть менѣе отрепанныя одѣянія. Бѣгу къ старому пантскому товарищу, Тертру, студенту медицины.

— Найдутся у тебя панталоны?

— Панталоны! Вотъ панталоны—на мнѣ.

— Одолжи часа на два.

— А я то какъ-же?

— Развѣ у тебя нѣтъ другихъ?

— Старыя есть... не годятся ли тебѣ?..

Годятся, если ихъ поправить, какъ... развалившійся заборъ. Тертру помогаетъ мнѣ съ заботливостью матери, одѣвающей на балъ дочку. Во всемъ этомъ булавки играютъ не меньшую роль, чѣмъ въ туалетѣ дѣвушки.

— Ну, что? Какъ дѣла? справляюсь я.

— Ничего, говоритъ Тертру,—длиннымъ сюртукомъ можно прикрыть починки. Подъ длиннымъ сюртукомъ сойдетъ.

— Гдѣ же добыть длинный сюртукъ?

— Не дастъ-ли Эдель? У него есть.

Отправляемся вмѣстѣ. Эдель ломается сначала, но наконецъ смягчается.

— Если уже такъ необходимо, то, пожалуй, берите.

— Благодарю, при случаѣ постараюсь самъ отслужить.

Начинается примѣриваніе. Гдѣ-то раздается подозрительный трескъ! Помалчиваю, боюсь шевельнуться... Узнай Эдель объ этомъ трескѣ, живо стащитъ съ меня сюртукъ... Стянутый, точно спеленатый, весь сошпиленный булавками, подхожу къ дому, гдѣ ожидаютъ приличнаго, красиваго молодаго человѣка, *comme il faut et bien tourné*... Звоню! Охъ! Никакъ лопается что-то!

— Господинъ Жоли?

— Пожалуйте.

Меня принимаетъ сынъ.

— Вы желаете имѣть мѣсто преподавателя.

Я не отвѣчаю! Лопнуло... навѣрное, лопнуло... Молча, дѣлаю головою утвердительный знакъ.

— Вы уже были преподавателемъ.

Тотъ же утвердительный знакъ и сухое, короткое: «да, милостивый государь»... Если я заговорю, то немного надуюсь;— если надуюсь, то не останется ни одной пуговицы, и тогда... Онъ продолжаетъ говорить одинъ.

— Я бы желалъ... Присядьте, пожалуйста; мнѣ необходимо вамъ объяснить нѣкоторыя подробности...

Сажусь. Проклятая булавка отшпилилась сзади и... Г. Жоли пространно излагаетъ свои соображенія. А булавка все дальше и дальше впивается въ тѣло. Нестерпимо!

— Конечно, конечно... соглашаюсь я, едва понимая отъ боли, что говоритъ мой будущій патронъ.

Аудіенція кончена. Онъ встаетъ. Я раскланиваюсь и задомъ ретируюсь за дверь.

На другой день ко мнѣ заходитъ Булимаръ.

— Знаете, вы необыкновенно понравились г. Жоли, просто обворожили его! Онъ восхищенъ вашимъ умѣньемъ держать себя... сухія, немного чопорныя манеры англичанина... короткіе отвѣты сквозь зубы, ни одного лишняго движенья. Онъ любитъ это. Словомъ, мой милѣйшій, дѣло покончено. Но покажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ вы бесѣдовали съ нимъ.

— А! Вотъ то-то, синьоръ Булимаръ, вы меня послали за неимѣніемъ никого подходящаго... А господинъ-то Жоли оказывается почище васъ, умѣетъ распознавать порядочность... То-ли бы еще было, еслибъ не было булавки!

— Какой булавки?

— Не настаивайте на объясненіи, иначе я вынужденъ буду вамъ показать!

Мои уроки у г. Жоли назначены по понедѣльникамъ. Каждый понедѣльникъ новая борьба за... сюртукъ и панталоны. И какая борьба! Съ пятницы начинается мое безпокойство, страхъ не по-

пасть на курсы. Я бѣгаю выпрашивать платье то у одного, то у другаго; я выбираю знакомства и схожусь съ людьми не потому, что они одинакового со мною образованія и развитія, а потому, что одинаковаго роста и дородства.

— Какого вы мнѣнія о такомъ-то? спрашиваютъ меня иногда.

— О такомъ-то?—А что, впору мнѣ будутъ его панталоны?

Я, непримиримый въ дѣлѣ убѣжденій,—я,—крайній,—ношу платья всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, что̀ не особенно важно, и беру ихъ у кого попало, что̀ очень важно! Беру у умѣренныхъ республиканцевъ, которыхъ приказалъ бы неукоснительно разстрѣлять, еслибы власть попала мнѣ въ руки. А теперь я вынужденъ нѣжничать, потому что равенъ съ ними въ таліи и въ плечахъ.

Такое существованіе становится невозможнымъ; никто не хочетъ, наконецъ, дѣлиться со мною платьемъ; товарищамъ надоѣло зашпиливать булавками. Необходимо добыть портнаго, во что бы ни стало, даже цѣною преступленья! Я только и мечтаю о новомъ платьѣ, сшитомъ по мнѣ,—о такомъ, чтобы можно было вздохнуть, кашлянуть, не рискуя скандаломъ. Къ чему это приведетъ меня? Что будетъ со мною? Голова кружится... Икаръ, Икаръ!.. Мазаніелло, Мазаніелло!

Чтобы отдѣлаться отъ необходимости ссужать и зашпиливать, Эдель соглашается рекомендовать меня своему портному, г. Комону. За услугу онъ проситъ дать ему знаменитую булавку, чуть не заколовшую всю мою будущность и уколовшую...

— Я продамъ ее англичанамъ, когда ты сдѣлаешься знаменитостью.

— А я сдѣлаю съ нея снимокъ и включу въ свой гербъ.

XXII.

High life.

. . . . . .

Я одѣтъ по послѣдней модѣ, но въ долгъ. Мнѣ рекомендуютъ сапожника и шляпника. При каждомъ заказѣ меня бьетъ лихо-

радка; я боюсь долговъ, не рѣшаюсь должать, товарищи уговариваютъ...

— Ты прозябаешь съ своими способностями... Ты получишь возможность вездѣ бывать, заработаешь на уплату долговъ и даже больше, чѣмъ нужно.

Я уступаю тѣмъ охотнѣе, что самъ только и мечтаю о тонкомъ сукнѣ, объ изящной обуви. — Наконецъ я во всеоружіи съ головы до ногъ: жакетка сидитъ ловко, панталоны, какъ вылитые, сукно мягкое, нѣжное, бородка подстрижена вострякомъ, галстухъ не душитъ шеи, бѣлые манжеты оттѣняютъ руку. Я высоко поднимаю голову. Въ первый разъ въ жизни я могу такъ поднять ее. Я въ восторгѣ; могу теперь думать о томъ, что говорю; до сихъ поръ это возможно было лишь въ то время, когда я оставался одинъ, самъ съ собою, въ своей каморкѣ, а не въ обществѣ, гдѣ всѣ мысли были заняты расползающимися панталонами, сюртукомъ, готовымъ лопнуть; приходилось думать лишь о сокрытіи изъяновъ моего туалета, бѣлья, о предупрежденіи ежеминутно готовой разразиться катастрофы. Нѣчто подобное я ощущалъ тотчасъ по моемъ пріѣздѣ изъ Нанта; но тогда со втораго же дня чувство свободы было испорчено отвратительнымъ зрѣлищемъ имперіалистскаго шпіонства и всеобщей приниженности. Тогда на сердцѣ становилось тошно, смрадъ подлости билъ въ носъ; теперь все это приглядѣлось и принюхалось! И я опять свободенъ, опять гордо поднимаю голову!

American Bar.

Иду щегольнуть новымъ платьемъ на бульвары. Близь пассажа Жуфруа есть американскій Bar, куда принято заходить около четырехъ часовъ. Тамъ собираются биржевики, кутилы, извѣстности, пересмѣиваются и балагурятъ съ красивыми дѣвушками, наливающими имъ напитки цвѣта травы, золота и крови. Въ уплату за рюмку абсента имъ размѣниваютъ банковые билеты.

Повидимому, я не кажусь безобразнымъ этимъ дѣвицамъ.

— Настоящій терръ-нёфъ *) сказала Marie la Croqueuse.

---

*) Терръ-нёфъ—ньюфаундлендская собака, водолазъ.

— Я принялъ было это за оскорбленіе, оказалось совсѣмъ наоборотъ!.. Прежде, т. е. въ старомъ платьѣ, я былъ похожъ на рванаго овчара, на грязную шавку, на жалкаго пуделя, которому только что отрубили хвостъ... Теперь я терръ-нёфъ, красивый терръ-нёфъ...

— И не глупъ, говоритъ кое-кто, прислушиваясь къ моимъ смѣлымъ остротамъ.

Не глупъ?—Да... А нарядите меня опять въ оборванный сюртучишко, въ штаны, сползающіе дудкой, надѣньте толстые дырявые башмаки, и я опять стану и глупъ, какъ гусакъ, и дуренъ, какъ обезьяна! Въ теченіе четырехъ лѣтъ я убѣдился въ этомъ достаточно... И тѣмъ не менѣе, я уже не то, чѣмъ былъ прежде; я хуже сталъ въ своемъ прекрасномъ, новомъ платьѣ. Пришлось поступиться убѣжденіями о честности, отказаться отъ рѣшимости жить «ничѣмъ», распроститься съ «геройствомъ». Тяжело это было. Когда-то, съ гордымъ тщеславіемъ, я давалъ самому себѣ слово не измѣнять лохмотьямъ до тѣхъ поръ, пока не возьму съ боя всего, мнѣ должнаго по праву; въ случаѣ смерти, я мечталъ похвастать въ завѣщаніи разсказомъ о моей жизни и швырнуть моими послѣдними лохмотьями въ лицо остающимся въ живыхъ и одѣтымъ въ долгъ... Я не былъ долженъ никому, ни даже за пару толстыхъ башмаковъ... Я сталъ хуже. Я игралъ комедію, лгалъ, чтобы добыть это платье, обувь, шляпу,—постыдно лгалъ! Тогда на мнѣ были дырявые башмаки, но они м о и были; я имѣлъ право швырнуть ими въ перваго встрѣчнаго и сказать:

— Ты, можетъ быть, такъ-же честенъ, какъ я; но ты не честнѣе меня.

Нищему я могъ крикнуть:

— Возьми себѣ мои обноски.

Впрочемъ, я разсчитываю заработать на уплату. Венгтра въ повышеніи, на него спросъ; онъ идетъ въ гору. У Жоли я сталъ великою персоною; могу безопасно нагибаться и поправлять тетрадки.—Тамъ я встрѣтился съ одною маменькою, — тридцать лѣтъ, волоса золотистые, голосокъ серебристый;—она безпрестанно заходитъ показать мнѣ что нибудь въ тетрадкахъ своего сына и такъ

наклоняется, что я плечомъ чувствую движенія ея лифа... Разъ, ко мнѣ, должно быть, очень шла моя жакетка,—я оставался одинъ въ классѣ. Вошла дама съ золотистыми волосами; ея корсажъ сверкалъ, отъ него пахло, какъ отъ роскошнаго букета! На полѣ тетрадки она нарисовала, улыбаясь, курчавую голову, очень похожую на мою. Наши губы встрѣтились *)...

. . . . . .

На другой день, вечеромъ, она представила меня своему мужу.

— Такъ вы полагаете, что съ репетиторомъ мальчикъ пойдетъ успѣшнѣе? спросилъ онъ меня.

— Несомнѣнно.

Это «несомнѣнно» было сказано убѣжденно и убѣдительно. Г. Мартель, супругъ, уже мечтаетъ о томъ, какъ его сынъ будетъ переводить классиковъ (что принесетъ огромнѣйшую пользу его торговлѣ!) и спрашиваетъ о цѣнѣ. Въ былое время я бы назначилъ 2 франка, одинъ даже. Но тогда мнѣ впивались въ тѣло булавки, а теперь не впиваются. Вотъ въ чемъ дѣло, и пусть это примутъ къ свѣдѣнію! Я назначаю 5 франковъ за часъ... Иногда мой урокъ длится два часа, три часа.—Урокъ? То есть исправленіе тетрадокъ моего ученика, котораго на это время удаляютъ... Раскрывается широкій голубой пеньюаръ, обшитый тонкимъ кружевомъ, облекающій тѣло античной красоты...

XXIII.

Колбаса.

До сихъ поръ мои амуры не выходили изъ молочной или кабачка. Случалось мнѣ иногда бросать мой толстый полотняный платокъ какой нибудь студенткѣ, засмотрѣвшейся на мои большіе глаза и широкія плечи. Все это припахивало подгорѣвшимъ саломъ и цикорнымъ кофеемъ. Теперь я полною грудью упиваюсь ароматомъ изящества.

Она допытывается узнать мой адресъ, я скрываю его.

---

*) Точки въ подлинникѣ.

— Ты потому не хочешь сказать, что живешь съ другою женщиною!

— Нѣтъ, я живу съ матерью.

— Твоя мать рантьерка?

Я не смѣю соврать, не смѣю сказать правды, — сознаю, что бѣдность кажется ей безобразіемъ,—и на всѣ ея разспросы о моемъ образѣ жизни отвѣчаю комедіею намековъ на небогатое довольство.

— Я взялся давать уроки съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться со временемъ профессоромъ факультета.

— О! Я пойду на твои лекціи! Въ тебя влюбятся всѣ женщины... На ея лицѣ появляется грустно-досадливая мина.

— А какого цвѣта твоя мебель? Какія занавѣски у твоей кровати?—Она слегка вспыхнула, опустила глаза.

— Занавѣски моей кровати!.. Не знаю, что̀ сказать.

— Да. Какого цвѣта?

— Цвѣта... puce...

Вѣрнѣе было бы сказать: punaise!

— Я сама устрою твою холостую комнатку!

Я думалъ объ этомъ; но хотя уроки и есть, а все же я бѣденъ. Золотые луидоры испаряются въ рукахъ, улетучиваются на наши прогулки въ каретахъ, на остановки въ модныхъ ресторанахъ, гдѣ она спрашиваетъ «un rien», такъ «чего нибудь»... Мнѣ случалось сидѣть на хлѣбѣ и водѣ наканунѣ или на другой день послѣ того, какъ мы съѣдали или выпивали съ нею «un rien», сначала въ кондитерской, потомъ въ ресторанѣ, затѣмъ въ богатомъ кафе, куда она заходила взглянуть въ зеркало, не измята-ли ея прическа, не блѣдны-ли щеки.

Я сидѣлъ въ своей канурѣ. На лѣстницѣ послышался шумъ.

— Вамъ кого? крикнулъ хозяинъ. — Вы спрашиваете г. Венгтрà? А я говорю: здѣсь. Вы говорите: быть не можетъ. А я говорю: можетъ. Я думаю, мы знаемъ своихъ жильцовъ.—Господинъ Венгтрà!

— Что нужно?

— Васъ разыскиваетъ какая-то дама.

Я взглянулъ съ лѣстницы внизъ; промелькнула и скрылась

женская фигура... Я слышалъ шелестъ шелковаго платья, шумъ торопливыхъ шаговъ... Я выбѣжалъ. Въ отдаленіи по тротуару удалялось женское платье, знакомая шаль... Она, женщина съ серебристымъ смѣхомъ, съ золотистыми волосами и голубымъ пеньюаромъ, обшитымъ дорогимъ кружевомъ...

Срамъ какой! Никогда не покажусь ей на глаза, никогда не покажусь на курсахъ г. Жоли, спрячусь, переѣду подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ. Я послалъ свой отказъ, и восемь дней и восемь ночей рвалъ на головѣ волосы; хорошо еще, что ихъ у меня много...

Между тѣмъ дѣла идутъ отлично, уроковъ много, болѣе чѣмъ нужно; я занятъ съ семи часовъ утра до восьми вечера. Даже сердечная рана помаленьку заживаетъ. Все еще мечтая рано или поздно опять прижать къ своей груди золотистую головку молодой мамаши, я пошаливаю глазами съ хорошенькою англійскою миссъ, сестрицею одного изъ моихъ учениковъ.

Расплата съ долгомъ.

Чортъ возьми! Портной прислалъ счетъ. Больше, чѣмъ я предполагалъ, вдвое больше! Дѣлать нечего, заплатилъ, хотя за уплатою у самого осталось семь франковъ до конца мѣсяца. Плохо! Надо экономничать. Я и экономничаю, завтракаю кускомъ колбасы. Однажды, сильно проголодавшись, я купилъ по дорогѣ хлѣба и колбасы, зашелъ подъ ворота большаго, стараго дома и началъ мирно, весело благотрапезовать, никакъ не ожидая, что тутъ-то и подкарауливаетъ меня бѣда. Въ ворота рысью въѣзжаетъ коляска; я едва успѣлъ отскочить; въ коляскѣ молоденькая англійская миссъ; а передъ нею, прижавшись къ стѣнѣ съ хлѣбомъ въ одной рукѣ, съ колбасою въ другой, стоитъ предметъ ея завѣтныхъ думъ и юныхъ грезъ... Это я такъ отличился!—Съ этой минуты рѣшаю засѣсть въ своей канурѣ и показываться въ богатыхъ домахъ лишь затѣмъ, чтобы торговать подлежащими, сказуемыми и дополненіями. Вышло плохо; дѣла пошли хуже. Встрѣтившись со мною, Булмаръ говоритъ:

— Куда вы запрятались? Такъ нельзя сидѣть медвѣдемъ въ

берлогѣ. Медвѣдей не любятъ въ томъ обществѣ, гдѣ вы имѣете уроки.

Да, но я желалъ бы имѣть свободное время заниматься дома.

Булимаръ повторяетъ:

— Съ вашимъ медвѣжьимъ видомъ вы должны быть, по крайней мѣрѣ, одѣты, какъ левъ.

Да... но для того, чтобы быть одѣтымъ, какъ левъ, я вынужденъ жить въ той же трущобѣ, въ которой меня застала красавица съ золотыми волосами, и кормиться тою гадостью, образчикъ которой видѣла въ моей рукѣ англійская миссъ подъ воротами... Ради платья я вынужденъ жертвовать всѣмъ, какъ женщина извѣстнаго сорта! Экая мерзость какая!

XXIV.

Мазасъ *).

Разъ хозяинъ меблированныхъ комнатъ сообщилъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ, что меня спрашивалъ какой-то господинъ, черный, маленькій, невзрачный, и обѣщался зайти на слѣдующій день часовъ около двѣнадцати. На другой день ко мнѣ пришелъ Рокъ.

— Ты не смотришь республиканцемъ,—сказалъ онъ, окидывая взглядомъ мое модное платье.

— Пойдемъ ко мнѣ наверхъ, отвѣтилъ я,—тамъ увидишь, разбогатѣлъ-ли я.

Мы вошли въ мою кануру и цѣлый часъ пробесѣдовали шепотомъ. Въ глубинѣ души я сохранилъ непримиримую ненависть ко 2-му декабря; я страшно страдалъ, страдалъ невыносимо отъ этой жизни, отъ гнета имперіи,—изъ честолюбія или изъ любви къ свободѣ; меня, ничтожнаго, душила эта атмосфера такъ же, какъ душила знаменитыхъ и извѣстныхъ людей, я не переставалъ втихомолку мечтать о заговорахъ противъ Бонапарта. Рокъ пришелъ сообщить мнѣ, что все готово.

*) Мазасъ—парижская тюрьма.

— Твои связи съ high life'омъ, быть можетъ, остановятъ тебя,— сказалъ онъ, улыбаясь.—Достанетъ ли у тебя смѣлости промѣнять теперешнюю счастливую жизнь на опасности, на которыя я зову?

— Я люблю опасности, я отъ васъ не отстану.

Вопросъ о подробностяхъ дѣла... Рокъ говоритъ: «Наши готовы».

Кто эти «наши»? Онъ можетъ открыть мнѣ имя лишь одного изъ заговорщиковъ, примкнувшаго къ намъ во время декабрьскихъ дней. Рокъ свелъ меня съ человѣкомъ серьезнымъ. По наружности, его можно бы принять за священника, еслибы у него не было бакенбардъ, какъ у садовника, и усовъ барабанщика. Это отказавшійся отъ присяги профессоръ философіи. Я полагалъ, что можно, что даже должно изъ благоразумія смѣяться наканунѣ смерти, чтобы вѣрнѣе скрыть наши замыслы подъ беззаботною наружностью; поэтому я вошелъ къ нему съ какою-то ироническою остротою на языкѣ. Экс-профессоръ посмотрѣлъ на меня ледянымъ взоромъ и сдѣлалъ презрительный жестъ, кажется, даже какое-то рѣзкое замѣчаніе. Ничего... уваженіе къ дисциплинѣ! я постараюсь быть сухимъ и натянутымъ, какъ Робеспьеръ, если смогу.

Въ тотъ же день, вечеромъ, происходило тайное собраніе, на которомъ намъ объявили, что «завтра»... Вотъ оно что! Жить-то недолго остается; дѣло идетъ, повидимому, не на шутку. Послѣ обѣда мы должны собраться въ кофейной улицы Сенъ-Мишель.

— Ваши люди готовы? спрашиваетъ меня на ухо одинъ изъ заговорщиковъ. Мнѣ неловко, я слегка краснѣю. «Мои люди!» Какъ торжественно! Терпѣть не могу торжественности. Всѣ эти «мои люди» состоятъ изъ пяти юныхъ, розовенькихъ студентиковъ, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ. Оказывается, что я ими начальствую, хотя, въ сущности, знаю никакъ не больше, чѣмъ они, и не добиваюсь узнавать. Я просто принимаю данную мнѣ роль, не вѣря, впрочемъ, въ публичное представленіе трагедіи. Я знаю, каковы эти приготовленія къ убійствамъ... къ тому же я почиталъ довольно и головою поработалъ, и далеко не убѣжденъ въ дѣйствительности и полезности политическихъ убійствъ. Лучше было бы изобрѣсти средство убить общественный недугъ. Не теряя времени на безплодное обсужденіе этого вопроса, я согласился дѣлить опас-

ности предпріятія, но не раздѣлялъ вѣрованій его начинателей; въ ихъ заговоръ я вступилъ отчасти изъ природной склонности къ приключеніямъ, а главное, чтобы не показаться старымъ товарищамъ 51 года человѣкомъ нерѣшительнымъ и отступникомъ. Року я откровенно высказалъ мое невѣріе. На это онъ спросилъ, возьмусь ли я призывать къ оружію населеніе своего квартала въ томъ случаѣ, если мои сомнѣнія будутъ опровергнуты кровавымъ событіемъ? Еще-бы! Если въ воздухѣ пахнетъ грозою, если нуженъ голосъ, чтобы подать сигналъ, если нужно взойти на ступени Одеона, крикнуть «да здравствуетъ республика»! и развернуть знамя, подъ которымъ будутъ драться, какъ бѣшеные, — если только въ этомъ дѣло, — то впередъ! Это будетъ проблескомъ свѣта въ окружающій меня тьмѣ. Я сообщилъ Леграну о проэктѣ нападенія. Легранъ любитъ опасности, обожаетъ трагическую обстановку.

— Я съ тобою, сказалъ онъ.

Итого насъ семеро. Всемеромъ мы должны начать возмущеніе и принять на себя всю отвѣтственность за борьбу въ этомъ углу Парижа. Распоряженія сдѣланы на сегодня. Мнѣ сказано, что я получу пистолеты и заряды, когда настанетъ время. Я ихъ получилъ. Жребій брошенъ. Въ послѣднюю минуту я извѣщаю еще одного стараго нантскаго товарища Коллине, студента медицины, сына милліонера. Онъ берется нести половину оружія. Браво! Никому въ голову не придетъ заподозрить сына богача въ желаніи рисковать свободою и головою ради революціоннаго предпріятія. Онъ запрятываетъ пистолеты и заряды въ карманы, идетъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ и усаживается за столъ въ кафе, гдѣ насъ должны извѣстить объ окончаніи дѣла. Самое же дѣло состоитъ въ томъ, что будутъ стрѣлять въ императора, когда онъ пріѣдетъ въ Комическую Оперу. На подъѣздѣ—выстрѣлъ и «да здравствуетъ республика»!

Я, Венгра, долженъ начать возстаніе на лѣвомъ берегу Сены. Мнѣ обѣщано, что на мой зовъ подымутся отдѣлы рабочихъ. Вѣрно ли это? Я рѣшительно не вѣрю ни въ какіе отдѣлы; Рокъ тоже едва ли вѣритъ. А остальные пусть вѣрятъ; это хорошо. Во

всякомъ случаѣ, есть «отдѣлы» или нѣтъ, но разъ тамъ начнутъ стрѣлять, мы здѣсь не отстанемъ.

Семь часовъ. Они отправились. Мы ждемъ и попиваемъ пиво. Изъ тѣхъ су, которые нашлись кое у кого въ карманахъ, образовали складчину и живемъ пока на это до той минуты, когда можно будетъ ѣду и напитки забирать реквизиціоннымъ порядкомъ, во имя республики, въ возмущенномъ кварталѣ.

Половина девятаго.—Нѣтъ ничего новаго, все тихо и спокойно; никто изъ заговорщиковъ еще не возвращался.

Десять часовъ.—Никого.

Двѣнадцать!.. Это, наконецъ, ужасно! забыли что-ли они объ насъ! Могъ бы хоть кто нибудь прійти сказать, что смѣлости не хватило, что струсили и назадъ попятились, что мы можемъ отправляться по домамъ, а дѣло отложено до другаго раза, до болѣе благопріятной погоды—послѣ дождичка въ четвергъ! Надо рѣшиться на что нибудь.

— Расходитесь въ разныя стороны и бродите. Я съ Коллине остаюсь предъ Одеономъ. Славный онъ малый. Мы съ нимъ вдвоемъ нагружены оружіемъ, какъ подвижной арсеналъ. Попадись теперь городовому и конецъ,—или пожизненная Кайенна, или разстрѣляютъ сегодня же вечеромъ.

Шаги!.. Кто—полиція или наши?—Одинъ изъ товарищей, но онъ ничего не знаетъ.

— Дюріоль! Ты откуда?

— Откуда я?..

Онъ подходитъ ко мнѣ и шепчетъ на ухо пароль заговорщиковъ.

Какъ! И Дюріоль съ нами? Кто извѣстилъ его?

Онъ объясняетъ въ двухъ словахъ: ему сказалъ Жуберъ,—одинъ изъ нашихъ.

— Былъ ты въ Комической Оперѣ?

— Былъ.

— Ну, и что-же?

— Что? Когда императоръ пріѣхалъ, не стрѣляли; не готовы были. Должны были стрѣлять при отъѣздѣ. Во время представленія одинъ изъ заговорщиковъ выронилъ изъ кармана пистолетъ.

Полиція забрала молодца. Онъ струсилъ, сталъ болтать, назвалъ сообщниковъ. Ихъ потихоньку, безъ шума, перехватали по одиночкѣ въ корридорахъ...

— Кто арестованъ? арестованъ Рокъ?

— Кажется, нѣтъ.

Опять шаги!.. На этотъ разъ показывается шляпа городоваго. Надо бѣжать!.. Наконецъ въ три часа ночи я добрался до своей постели, усталый и измученный физически и нравственно семью часами смертельной тревоги. Всѣ мои попытки борьбы съ имперіей всякій разъ кончаются лишь кровавыми мозолями на ногахъ. Глупо и постыдно, какъ усталость осла!

Утромъ иду къ Дюріолю. Дрянь онъ порядочная; нѣтъ у него ни убѣжденій, ни желанія ихъ имѣть. Какъ могли ему довѣрить тайну? Дюріоль повторяетъ мнѣ вчерашнюю исторію съ странными варіантами, меня выспрашиваетъ, добирается до того, что я знаю.

— Нѣтъ, стой, пріятель!

Я ничего не знаю... я никого не знаю, не видалъ, не слыхалъ... и цѣлый мѣсяцъ никого не увижу, кромѣ близкихъ пріятелей. Не удалось—такъ сократимся. Дѣло дрянь. Рокъ сидитъ. Правда, онъ былъ въ театрѣ. Ускользнутъ-ли небывшіе тамъ? Легранъ, Коллине, Дюріоль и я бываемъ постоянно въ молочной, въ улицѣ Кордельеровъ. Со времени заговора мы напускаемъ на себя видъ кутилъ, позволяемъ себѣ разныя extra.

— Мѣге Marie, еще одинъ Монпелье на круглячекъ *)!

Этимъ аристократическимъ именемъ мы называемъ маленькую, въ 1 су, рюмку водки, приготовленной съ перцемъ и крѣпкою водкою; мы смакуемъ эту бурду, какъ джентельмены смакуютъ шартрезъ въ Café Anglais, стараемся казаться беззаботнѣйшими людьми, думающими лишь о томъ, какъ бы веселѣе пожить...

---

*) Un rond—круглякъ, круглячекъ, на парижскомъ аргò—монета въ одинъ су. Un Monpellier—водка, по мѣстонахожденію водочныхъ заводовъ.

Именемъ закона.

Восемь часовъ вечера. Я спрашиваю un petit mouton *); такъ называютъ полпорціи рагу изъ баранины. Товарищи толкаютъ меня локтями, дѣлаютъ знаки глазами... Mouton! Это тоже, что mouchard—сыщикъ! Эпитетъ «маленькій» можетъ показаться дерзостью. Совсѣмъ не время шутки шутить и играть огнемъ. Вотъ уже два дня, какой-то никому неизвѣстный человѣкъ является въ нашу молочную и заговариваетъ со всѣми.

— Нѣтъ,—стараюсь я поправиться,—дайте мнѣ un grand mouton!

Чтобы загладить дурное впечатлѣніе, я жертвую лишними двумя су. Полная порція стоитъ 6 су.

Полиція. Господинъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ предводительствуетъ шестью или семью молодцами, одѣтыми въ штатское платье.

— Во имя закона запрещаю выходить,—рѣзко произнесъ онъ, приказывая запереть двери.

— Легранъ?—вызываетъ онъ по списку.

— Нѣтъ его.

— Вуалькенъ?

— Нѣтъ.

— Коллине?

— Здѣсь.

На этотъ разъ Коллине, къ счастью, не нагруженъ пистолетами.

— Что нужно отъ меня?

— Вамъ это объяснятъ въ свое время. Венгтра?

— Я!

Мнѣ хотѣлось отвѣтить: «нѣтъ его»; я бы, навѣрное, такъ и сдѣлалъ, еслибы не вызвали Коллине впередъ; другіе не прячутся, неловко и мнѣ;—я отвѣчаю громко, съ дерзкимъ видомъ. Я былъ вожакомъ, начальникомъ одинъ вечеръ: нельзя же увертыв-

*) Mouton—баранъ, баранина; на парижскомъ аргò: шпіонъ, полицейскій, котораго подсаживаютъ къ арестанту съ тѣмъ, чтобы онъ, войдя къ нему въ довѣріе, вывѣдалъ, что̀ нужно. Moutonner—шпіонить.—(Dict. d'argot moderne). Un petit mouton—полпорціи баранины; un grand mouton, или просто un mouton—порція баранины.

ваться, когда забираютъ товарищей. Слѣдственный судья попробовалъ запугать меня. Болванъ!

— Если вы вздумаете здѣсь такъ геройствовать, то предупреждаю,—долго будете сидѣть на нашей чечевицѣ,—сказалъ онъ свысока и грозно.

———

Я, во-первыхъ, очень люблю чечевицу; во-вторыхъ, никогда въ жизни не пилъ такого хорошаго вина, какое даютъ въ Мазасѣ.

Въ дверь своей камеры я узналъ насупротивъ трубку Леграна. Заговариваю о немъ со сторожемъ.

— Ахъ, да... это какой-то дурачекъ, все мычитъ только на допросахъ.

Онъ не оставилъ своей школьной методы, прикидывается глупенькимъ. Я поступаю почти также; дѣлаю видъ, что ничего не понимаю. Отъ моихъ показаній зависитъ участь 8 или 10 человѣкъ; такъ ничего и не вывѣдаютъ. Слѣдственный судья только напрасно хорохорился.

— Собирай пожитки!

Моя тактика удалась! Мнѣ крикнули: «собирай пожитки!» Это значитъ: вы свободны и можете убираться на всѣ четыре стороны. Я и убрался; всѣ товарищи, кромѣ Рока, освобождены... Судьи съ носомъ!

Но, увы, о моемъ арестѣ всѣ узнали. Газеты оповѣстили о моемъ республиканствѣ, о моихъ сношеніяхъ съ вожаками заговора, все мое прошлое 1851 года; куда ни явлюсь на уроки, вездѣ отвертываются. Для нихъ я теперь сволочь. Со мною расплачиваются, и «мое почтеніе»... Конецъ преподаванью; нѣтъ уроковъ ни въ два франка, ни въ одинъ франкъ.

XXV.

Журналистъ.

— Венгтра, что ты не попытаешь счастья въ журналистикѣ? Попробовалъ, началъ съ того, о чемъ давно мечталъ,—получилъ

въ типографіи мѣсто подручнаго у метранпажа. Находятъ, что я слишкомъ великъ, старъ для такой ребячьей должности.

— Что же онъ не имѣетъ никакого занятія? Очень бѣденъ?..

Конечно, очень бѣденъ... конечно, не имѣю занятія!.. Это мѣсто я получилъ, благодаря одному нантскому знакомому, другу дѣтства редактора. Онъ слегка гордится возможностью показать мнѣ свое вліяніе и очень доволенъ тѣмъ, что помогъ мнѣ заработать нѣсколько су. Добрая душа.

Я получаю тридцать франковъ въ мѣсяцъ,—обыкновенный свой кушъ! Куда я ни пойду—вездѣ мнѣ тридцать франковъ цѣна, и ни сантима болѣе. Права была матушка, говоря, что я неловокъ. Я плохо дѣлаю свое дѣло, путаю статьи и корректурные листы, читаю слишкомъ скоро, иногда слишкомъ медленно. Корректоръ,—желчный, сухой человѣкъ,—обращается со мною, какъ съ дурнымъ ученикомъ. На бѣду, у меня громкій голосъ и я не всегда могу его сдержать; иной разъ такъ вдругъ рявкну, что вся типографія оглядывается и хохочетъ. Мнѣ случается, по разсѣянности, пропускать слова, цѣлыя фразы и приходится читать все сначала. Корректоръ злится, авторъ часто изъ себя выходитъ, такъ какъ по моей милости въ его статьѣ оказывается чепуха.

— Если это такой кретинъ, то выгоните его къ чорту! кричитъ писатель.

Дѣло у меня рѣшительно не ладится... ну и выгнали послѣ тринадцати дней службы. На мое мѣсто поставили 12-лѣтняго мальчишку. Я былъ до того смѣшенъ, что глаза стыдно показать въ улицу Кокъ-Геронъ. Хорошъ дебютъ въ типографіяхъ.

Aux 100,000 Paletots.

Судьба смиловалась и послала мнѣ покровителя — хозяина 100,000 пальто, большаго торговаго дома въ Нантѣ. Его всегдашній покупатель, мой школьный товарищъ, пишетъ мнѣ:

«Сходи къ г. Гюйяру, хозяину 100,000 пальто; онъ въ Парижѣ за покупками, ты найдешь его въ пассажѣ Grand-Cerf въ главномъ складѣ. Надъ дверью виситъ жестяное пальто и большія объявленія на дверяхъ. Онъ можетъ быть тебѣ полезенъ въ журналистикѣ».

Направляюсь въ пассажъ Grand-Cerf. Вотъ жестяное пальто и объявленія. Брожу вокругъ магазина и не рѣшаюсь зайти.

— Вамъ платье угодно... У насъ во всякія цѣны... трещатъ вокругъ меня голоса.—Войдите, хотя взглянуть только... Позвольте васъ просить...

Собираюсь съ духомъ и объясняю, что имѣю дѣло къ г. Гюйяру.

— Чѣмъ могу служить? спрашиваетъ Гюйяръ.

— Мой пріятель, г. Леруа, сообщилъ мнѣ...

— А, да! Вы хотите писать? онъ говорилъ о васъ. Дюнанъ!

Онъ подзываетъ какого-то толстяка въ деревянныхъ башмакахъ.

— Дюнанъ, вотъ молодой человѣкъ желаетъ строчить.

— А, для хроники въ «Pierrot»?

«Pierrot»—газета, принадлежащая дому «100,000 пальто». Ее продаютъ на театральныхъ подъѣздахъ; въ ней печатаются программы спектаклей и цѣны магазина. Огромный выборъ панталонъ и лястинга! Огромный успѣхъ г. Мелинга! Полный костюмъ за 19 франковъ! Завтра возобновленіе «Gaspardò le pêcheur!»

Въ «Pierrot» помѣщаются отчеты о первыхъ представленіяхъ и бытовые разсказы; но въ каждомъ изъ нихъ непремѣнно есть хотя одна фраза о «ста тысячахъ пальто». Театральныя хроники служатъ постояннымъ поводомъ къ нападкамъ на портныхъ, работающихъ по заказу, одѣвающихъ актеровъ, подъ видомъ моды, въ невозможные костюмы, раздражающіе публику своимъ безвкусіемъ и безобразіемъ, и составляющіе нерѣдко главную причину паденія пьесы.

Мнѣ поручили написать такую статью,—разборъ новой драмы Анисе Буржуа. Какъ ни трудно было, а я все же драму разобралъ, въ концѣ статьи расхвалилъ «готовыя платья» и умудрился даже упомянуть о полученіи новой «партіи». Статья должна выйти въ четвергъ. Я всталъ съ пяти часовъ и усѣлся на тротуарную тумбу, на углу улицы, откуда видна типографія «Pierrot».

5 часовъ,—6 часовъ,—7 часовъ... 8 часовъ!.. Меня бьетъ

лихорадка. Какъ горяча должна быть тумба. Наконецъ-то! Я покупаю листокъ у перваго разносчика и ищу...

— «Программы»... «Полученіе новыхъ товаровъ»... «Панталоны»... «Біографія г. Гіацинта»; «Костюмы для перваго причащенія»; «Драма г. Аниссе Буржуа».

Полторы колонки и подъ статейкой моя подпись—имя моей матери! Я хотѣлъ первые мои опыты на этомъ пути связать съ ея дѣвичьимъ именемъ. Но моя статья изуродована, урѣзана!.. Выкинута фраза, которою я наиболѣе дорожилъ; для нея-то я и писалъ всю статью. Я помню ее отъ слова до слова; вотъ она:

«Такъ кончаютъ часто тѣ, которые жгутъ свои корабли передъ порогомъ родительскаго дома съ тѣмъ, чтобы пуститься въ океанъ жизненныхъ бурь! Сколько видѣлъ я изнемогающихъ потому только, что они рѣшились, закрывши глаза, перепрыгнуть черезъ свое сердце!»

Узнали что-ли они тамъ въ редакціи, что я никогда не видывалъ, какъ люди прыгаютъ черезъ собственное сердце? Или, быть можетъ, имъ показалась слишкомъ смѣлою метафора о людяхъ, притащившихъ жечь свои корабли передъ собственнымъ домомъ и затѣмъ пускающихся въ плаваніе? Классики они что-ли? Разузнаю, когда пойду за полученіемъ платы.

— Обратитесь въ субботу въ кассу,—сказали мнѣ.

Я бы даромъ отдалъ свою статейку. Почти всѣ дебютанты жертвуютъ первый плодъ своихъ вдохновеній. «Revue des Deux Mondes» никогда не платитъ за первый трудъ; а «Pierrot» платитъ. Быть можетъ, впрочемъ, для меня сдѣлано исключеніе; вѣроятно, моя статейка произвела впечатлѣніе!.. Мою фразу о корабляхъ и о прыжкахъ черезъ сердце вычеркнули, но не могли не замѣтить и навѣрное рѣшили пожертвовать деньгами, чтобы привлечь меня къ себѣ. Нѣтъ никакого повода мнѣ отказываться отъ этихъ денегъ! Тѣмъ болѣе, что они какъ разъ годятся на уплату одному мелкому портному за сдѣланную имъ починку. Во всякомъ случаѣ я не хочу показать, что спѣшу полученіемъ, чтобы не подумали, будто я вступаю въ литературу изъ за наживы. Въ субботу, когда назначено полученіе, я немного фланирую, прежде чѣмъ идти въ

контору. Впрочемъ невѣжливо и ихъ заставлять ждать долго! Вхожу. Контора—маленькая темная каморка рядомъ съ помѣщеньемъ «соловьевъ» *). Я спрашиваю главнаго редактора, господина въ деревянныхъ башмакахъ.

— Г. Дюнанъ-Муссё?

— Его нѣтъ, отвѣчаетъ конторщикъ,—но онъ поручилъ мнѣ передать вамъ плату за статью.

Мнѣ подаютъ завязанный бичевкою узелъ. Что же это? Банковые билеты... цѣлый узелъ! за какія нибудь двѣ колонки... Куда мнѣ столько... Помилосердуйте!

— Ахъ, да... г. Дюнанъ-Муссё оставилъ вамъ письмо.

«Cher monsieur!

Секретарь редакціи передастъ вамъ слѣдующій за вашу статью гонораръ — при семъ прилагаемый петъ-анъ-леръ. Къ сожалѣнію, наши средства не дозволяютъ предложить бо́льшаго. Была даже рѣчь о вознагражденіи васъ лишь жилетомъ, и я съ величайшимъ трудомъ настоялъ на петъ-ан-лерѣ. Но работайте, сударь мой, работайте! Нѣтъ сомнѣнія, что, при вашихъ способностяхъ, вы въ непродолжительномъ времени возвыситесь до лѣтняго пардесю и, быть можетъ, даже до зимняго пальто.

При пожеланіи полнаго щегольскаго костюма...

Дюнанъ-Муссё».

Отказаться?... Все же лучше ходить въ петъ-анъ-лерѣ, чѣмъ въ одномъ жилетѣ... Я унесъ узелъ, и эта коротышка изрядно мнѣ послужила. До сихъ поръ за все мое писаніе я не получилъ ни единой мѣдной монетки.

Въ «Journal de la Cordonnerie» я получилъ пару башмаковъ за какую-то статью,—чуть ли не о сапогахъ Бассомпьера, если не ошибаюсь.

— Для начала жизненнаго пути годятся и эти,—сказалъ мнѣ главный редакторъ, здоровый, толстый и веселый малый, ловко соединяющій торговлю кожами съ служеніемъ музамъ.

---

*) Rossignols—старый, залежавшійся и вышедшій изъ моды, товаръ.

Когда мои башмаки лопнули, я предложилъ редакціи починить ихъ за какое-то сообщеніе.

— У насъ заплатъ не ставятъ, мы не занимаемся починкою,— отвѣтили мнѣ. За прибавку нѣсколькихъ строкъ къ моему сообщенію мнѣ предложили пару туфель—шлепанцевъ. Я взялъ туфли и хорошо сдѣлалъ; онѣ прослужили мнѣ цѣлый сезонъ, но лишь въ сухую погоду; въ дождь я вынужденъ сидѣть дома. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я могу лишь издали глазами провожать подобранную юбочку и сверкающіе изъ подъ нея бѣленькіе чулочки! Меня убиваетъ эта отшельническая жизнь, мое бѣдное сердце изнываетъ отъ неимѣнія обуви съ каблуками.

Разъ вечеромъ я получилъ письмо. Матусенъ, котораго я не видалъ цѣлую вѣчность, извѣщаетъ, что онъ сотрудничаетъ въ газетѣ «Нимфа». Я, конечно, тотчасъ же отправляюсь въ редакцію; это недалеко отъ бульваровъ по ту сторону рѣки. (*) Счастливчикъ Матусенъ! Удалось таки ему перебраться черезъ мосты,— выйти изъ ничтожества, стать на пути къ славѣ, на ступени капитолія!

Домъ очень приличный, у входа дощечка: «La Nymphe. Journal des baigneurs. 2-я дверь на лѣво.»

Во второмъ этажѣ другая дощечка: «Контора редакціи открыта отъ 11 до 4 часовъ». Вхожу. Тьма непроглядная, ставни закрыты, ни души живой! Кто-то возится за перегородкою, хруститъ соломенный тюфякъ.

— Кто тамъ? Я не убѣжденъ, что это голосъ Матусена.

— Подписчикъ «Нимфы»... отвѣчаю я тоненькимъ, нѣвучимъ голоскомъ.

Возня усиливается, торопливый шепотъ...

«Подписчикъ... подписчикъ... Куда я штаны засунулъ?... Подписчикъ!...»

Выходитъ самъ Матусенъ, собственною особою.

— Какъ! ты!... Не могъ ты прямо-то сказать своего имени? А то «подписчикъ»! Я сразу узналъ, что не его голосъ...

*) Смыслъ тотъ, что редакція „Нимфы" помѣщается на дорогой, элегантной сторонѣ Сены, а не въ сѣренькихъ кварталахъ за рѣчья.

— А развѣ всѣ твои подписчики говорятъ однимъ голосомъ?

Мои подписчики? Не мои,—а мой! У насъ одинъ подписчикъ, одинъ разъединственный!.. Да иди же сюда... садись вотъ на бульонъ. *)

Усѣлись, я какъ разъ на виньетку, редакторъ на свой соломенный тюфякъ. Матусенъ разсказываетъ мнѣ исторію «Нимфы«, журнала для купальщиковъ. Это листокъ, существующій... или, вѣрнѣе, долженствующій существовать объявленіями, какъ «Pierrot», только съ геніальною идеею въ основѣ. Геніальность состоитъ въ томъ, что заведенія ваннъ должны получать даромъ листокъ, который приходящіе мыться могутъ читать не только въ ожиданіи ванны, но и въ самой ваннѣ; онъ напечатанъ на матеріи, не боящейся воды. Собрались сотрудники. Между ними начались толки; я сидѣлъ въ сторонѣ. Наконецъ тотъ, кто казался главнымъ редакторомъ, нагнулся къ Матусену и спросилъ про меня.

— Не подойдетъ-ли онъ для насъ?—закончилъ онъ разговоръ.

— Что онъ говорилъ про меня? кинулся я къ Матусену, какъ только они ушли.

— Что ты могъ бы, если хочешь, участвовать въ журналѣ.

Какъ? Разъ видѣвши, не сказавши ни слова! Стало быть, есть же что нибудь въ моей наружности!..

— Дѣло вотъ въ чемъ, продолжалъ Матусенъ.— Намъ нуженъ человѣкъ, чтобы ходить по заведеніямъ ваннъ и спрашивать «Нимфу». Если нашего листка не оказывается, онъ долженъ сердиться и кричать: «Какъ нѣтъ «Нимфы»? Что же это за заведеніе, когда во всѣхъ есть «Нимфа»! Затѣмъ, накричавши, ты одѣваешься и уходишь.

Нельзя сказать, чтобы я былъ сильно польщенъ такимъ предложеніемъ. Матусенъ замѣтилъ это.

— А!.. А тебѣ бы хотѣлось сразу попасть въ академію!

— Нѣтъ, не то, чтобы...

— На твоемъ мѣстѣ я бы согласился. Надо же начать съ чего нибудь.

*) Bouillon—такъ называютъ въ Парижѣ неразошедшіеся экземпляры журнала,—то, что у насъ зовется: „макулатура.“

Я согласился и сталъ спрашивальщикомъ «Нимфы». Касса выдаетъ мнѣ деньги на ванну и легкую закуску. Закуску я съѣдаю и затѣмъ говорю:

— Ну, теперь подайте «Нимфу».

И если нѣтъ «Нимфы»,—что случается почти всегда,—я начинаю кричать, сержусь, выскакиваю изъ ванны... Дѣлаю, какъ мнѣ сказано, по мѣрѣ силъ своихъ, и все время провожу въ томъ, что раздѣваюсь и одѣваюсь. Такимъ путемъ добываю двухъ подписчиковъ. Этого недостаточно для существованія журнала; редакція находитъ меня неспособнымъ, и... я увольняюсь отъ должности спрашивальщика, унося съ собою надолго глубокое отвращеніе къ теплой водѣ.—Я сообщилъ мои размышленія отставнаго купальщика одному пожилому господину, имѣющему доступъ въ нѣкоторыя редакціи путемъ переводовъ. Онъ говоритъ, что такова же исторія многихъ другихъ.

— Не всѣмъ, конечно, приходится полоскаться въ водѣ, да нюхать мыло, но тошно становится иногда и отъ кое-чего похуже.

Мнѣ почти страшно отъ словъ этого бывалаго человѣка. Онъ живетъ недалеко отъ меня, и я его часто встрѣчаю, всегда въ одинъ и тотъ же часъ. Вотъ уже недѣля, какъ я его не вижу... Куда онъ дѣвался? спрашиваю у дворничихи.

— А вы не знаете? Съ недѣлю тому назадъ вернулся онъ домой, разстроенный, мрачный, приласкалъ моего мальченку и спросилъ, какому ремеслу я его намѣрена обучать. Очень доспрашивалъ, все твердилъ, чтобы непремѣнно выучить его какому нибудь мастерству... Потомъ прошелъ къ себѣ и уже не выходилъ. Черезъ нѣсколько времени, мы постучались. Отвѣта нѣтъ. Тогда мужъ сломалъ замокъ. А онъ уже мертвый лежитъ на кровати, въ рукѣ лоскутокъ бумаги и на немъ написано: «Я покончилъ съ собою отъ усталости и отвращенія».

«Journal des Demoiselles».

Булимаръ, одинъ изъ нашихъ старыхъ товарищей отеля Лиссабонъ, поступилъ корректоромъ къ Фирменъ-Дидо; иногда онъ пописываетъ стишки въ «Revue de la Mode». Онъ хочетъ попы-

таться помѣстить мой «разсказъ». Хорошо бы... только на какой сюжетъ написать его? Вѣдь это для молодыхъ дѣвицъ, для барышень... мои классическія познанія составляютъ въ этомъ случаѣ слабое пособіе. Въ древности барышень не было; классическія дѣвы приносили жертвы и пѣли въ хорахъ, ихъ иногда прирѣзывали, иногда безчестили во имя свободы родины; такъ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ книжкахъ прописано... Долго ищу я сюжета.

— Напиши «романъ канеѳоры»! *) говоритъ мнѣ одинъ бывшій учитель, уволенный за пьянство.

Да я уже забылъ, что это были за «канефоры» такія...

— Знаешь, сдѣлай героинею букетчицу, — посовѣтовала мнѣ Marie la Toquée.

— А, славная идея. Подойди, я тебя поцѣлую.

Сообщаю объ этомъ Булимару. Онъ отвѣчаетъ съ тѣмъ же посланнымъ:

«Что это вы затѣваете? Хотите, должно быть, прельстить нашихъ юныхъ читательницъ бѣганьемъ за прохожими по улицѣ, съ тѣмъ чтобы вдѣвать имъ цвѣточки въ петлицы!.. Вы рехнулись, милѣйшій мой Венитра! Избави Богъ, если объ этомъ узнаютъ у Дидо; за одно знакомство съ вами мнѣ откажутъ отъ мѣста».

Я отвѣчаю, что онъ ошибается и выясняю мой планъ. На другой день новая записка отъ Булимара:

«Прошу извинить,—я васъ не такъ понялъ. На самомъ дѣлѣ ваша идея изобразить спротку, продающую цвѣты, сорванные на кладбищахъ, очень трогательна. Только подумали-ли вы о зимѣ? Тогда гдѣ она возьметъ цвѣтовъ и что будетъ продавать? Маменьки нашихъ читательницъ, первымъ дѣломъ, зададутся вопросомъ: а гдѣ ночуетъ ваша героиня,—въ квартирѣ или въ меблированныхъ комнатахъ? Вы сами знаете, что не такъ-то легко отдаютъ квартиры 8-лѣтнимъ сироткамъ. Рѣшительно не понимаю, какъ вы справитесь съ вопросомъ о квартирѣ. Пройдете его молчаніемъ? О! милѣйшій мой!.. Есть ли возможность промолчать о томъ, что

*) Канеѳорами назывались въ древности дѣвы «цвѣтоносицы», участвовавшія въ религіозныхъ процессіяхъ.

дѣлаетъ маленькая букетчица, когда лавки заперты?.. Г. Дидо прогонитъ меня, смѣю васъ завѣрить».

Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, лишать его мѣста! Не ломая напрасно голову, я просто на просто разскажу исторію, которую видѣлъ своими глазами: маленькая дѣвочка оставалась одна въ квартирѣ въ то время, когда хоронили ея мать, умершую съ голода... Попросили сосѣдку присмотрѣть за ребенкомъ; сосѣдка затворилась въ своей комнатѣ съ любовникомъ. Дѣвочка вышла на лѣстницу, скатилась внизъ и сломала ногу. Пришлось сдѣлать ампутацію, и малютка ходитъ теперь на деревянной ногѣ въ спротскомъ пріютѣ.

На этотъ разъ Булимаръ не написалъ мнѣ, а прибѣжалъ самъ, растрепанный, взволнованный!

«Что вы дѣлаете? Вы призываете къ оружію, возбуждаете бѣдныхъ противъ богатыхъ и хотите сдѣлать «Journal des Demoiselles» своею трибуною!.. Ужь сразу бы предлагали организовать тайное общество... или защищали бы «свободный союзъ»!..

На него жаль было смотрѣть. Кое-какъ я успокоилъ его, объяснивши, что, оставаясь при своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ, даю слово не призывать къ оружію въ «Journal des Demoiselles». Онъ поступилъ со мною по-братски, все простилъ и даже самъ далъ сюжетъ для повѣсти. Я написалъ, по плану и указаніямъ добрѣйшаго Булимара, разсказъ подъ заглавіемъ: «Голова Эдгара». и черезъ восемь дней получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Monsieur!

«Возвращаемъ вамъ повѣсть «Голова Эдгара», полученную черезъ г Булимара. Повѣсть прекрасно задумана, разсказъ очень живъ, интересенъ и проникнутъ глубокимъ чувствомъ, что дѣлаетъ вамъ большую честь. Но именно этой-то чувствительности мы и избѣгаемъ для нашихъ юныхъ и нѣжныхъ читательницъ. Ихъ маленькія сердечки могутъ взволноваться и опечалиться... Вы, навѣрное, понимаете меня, не можете не понять, такъ какъ подъ мужскимъ именемъ таите въ себѣ прелесть чисто женской души.

Примите увѣреніе...

Директриса Ернестина Гаро».

Прелесть женской души!.. Очень возможно, не смотря на мою густую бороду и насквозь протертые панталоны.

Я познакомился съ Маріани, бывшимъ хроникеромъ «Иллюстраціи». Онъ основываетъ еженедѣльный журналъ и просилъ Ренуля рекомендовать ему нѣсколькихъ талантливыхъ молодыхъ людей, чтобы составить редакцію.

— Вы что можете? спрашиваетъ г. Маріани.

— Право не знаю...

— Занимались какимъ нибудь вопросомъ? Изучали что нибудь спеціально.

— Спеціально ничего не изучалъ... да, надо признаться, и вообще тоже ничего. Я жилъ въ латинскомъ кварталѣ, а тамъ никто ничего не изучаетъ.

— Въ латинскомъ кварталѣ? Такъ о немъ и напишите. Согласны? Статью, двѣ, три, если хотите. Назовемъ: Школьная молодежь. Подойдетъ вамъ это названіе?

Названіе мнѣ нравится... Статья готова. Съ настоящею болью, точно отрывая куски собственнаго тѣла, я вычеркнулъ изъ нея нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія мѣста и понесъ къ Маріани.

— Вы не прочтете, это черновая,—сказалъ я, развертывая рукопись.

— Прочтите вслухъ сами.

Я начинаю,—сильно поблѣднѣвши. Но по мѣрѣ чтенія оправляюсь, кровь опять бьетъ въ голову, и голосъ звучитъ громко и отчетливо. Главный редакторъ внимательно слушаетъ; изрѣдка у него срываются слова: «хорошо, очень хорошо»... Я кончилъ и жду рѣшенія своей участи.

— Милѣйшій мой, вы написали такую вещь, которую стоитъ сохранить. Положите ваши листки въ карманъ и застегните покрѣпче сюртукъ,—чтобы не досмотрѣли сыщики! Ваши триста строкъ обойдутся не менѣе, какъ въ три года тюремнаго заключенія. Вы понимаете, конечно, что такой статьи я не могу напечатать. Я заплачу вамъ за нее, и съ большимъ удовольствіемъ, но не напечатаю!

— Тогда и платить не за что.

— Это вы оставьте, недаромъ же вы работали. Къ тому же, увѣряю васъ, вы меня взволновали на тѣ деньги, которыя я вамъ дамъ! Знаете, это бойко и сильно!

Не знаю... знаю, что это крикъ моего сердца.

— Я не думаю даже, согласится-ли напечатать это республиканскій политическій журналъ. На всякій случай я дамъ вамъ записку къ X.

Я отнесъ записку, мелькомъ видѣлъ X. и передалъ рукопись. Черезъ недѣлю получилъ отвѣтъ, что мою статью не напечатаютъ, такъ какъ это повело бы за собою запрещеніе журнала. Такъ, стало быть, имперія боится четырехъ листиковъ, написанныхъ мною въ моей десятифранковой каморкѣ? Я взялъ рукопись и съ отчаяніемъ въ сердцѣ вернулся домой! То, что я пишу лично отъ себя,—опасно, что̀ пишу по чужому указанію,—глупо!... Чтобы не быть въ долгу у журнала и не получать платы за ненапечатанныя строки, я предложилъ г. Маріани доставить ему то же количество строкъ возможной прозы.

— Пожалуй, согласился онъ,—давайте для счета съ издателемъ.

Я намазалъ двѣ или три статейки; но перечитать ихъ напечатанными не хватило духа!...

Еще одинъ опытъ! Старый сосѣдъ по сорбонскимъ курсамъ, Монненъ, встрѣтилъ меня на улицѣ и остановилъ.

— Знаешь, я теперь редактирую «Revue de la Jeunesse»... Хочешь писать хронику?..

— Еще бы не хотѣть! Ты это серьезно говоришь?

— Пятнадцатаго выйдетъ. Приноси немного ранѣе.

Двѣнадцатаго несу рукопись. Монненъ просматриваетъ, подпрыгиваетъ и бросаетъ на столъ.

— Этого я не могу напечатать! Ты осмѣиваешь Низара; а онъ мнѣ покровительствуетъ, и я разсчитываю на него, чтобы быть принятымъ въ число преподавателей.

Зачѣмъ я влѣзъ въ это ремесло! Отецъ, отецъ! Зачѣмъ совершили вы преступленіе, воспретивши мнѣ сдѣлаться работникомъ!.. По какому праву приковали вы меня къ этой карьерѣ подлецовъ?

— Брось ты, пожалуйста, свою проклятую политику и пиши просто за построчную плату.

Хорошо! Я буду работать ради построчной платы; я буду просто марать бумагу, но ужь, во всякомъ случаѣ, не стану подписывать. Разъ, однакоже, по случаю похоронъ извѣстнаго реакціонера 48 года, я не выдержалъ и попросилъ позволенія написать такъ, какъ мнѣ хочется; на этотъ разъ я подпишусь, если угодно.

— Пишп!

Хорошо. Я написалъ, а Монненъ опять подпрыгиваетъ.

— Я не думалъ, что ты доберешься до самой сути! Журналъ прихлопнутъ, если мы напечатаемъ твое воззваніе къ бунту.

Прихлопнутъ твой журналъ! Да онъ и безъ того умретъ, умретъ отъ собственнаго ничтожества и подлости. Не лучше-ли было бы взорвать его, какъ корабль, не соглашающійся спустить флагъ?!

— Вы теряете бодрость, хотите уступить? Неужели смѣлости не хватило! говоритъ мнѣ одинъ добрый и энергичный человѣкъ, старающійся поддержать меня и утѣшить.—Еще одно усиліе. Я повидаюсь съ П..., который вмѣстѣ со мною былъ сосланъ въ декабрѣ; я добьюсь, чтобы васъ приняли въ журналъ, гдѣ онъ состоитъ акціонеромъ.

Онъ устроилъ все, какъ обѣщалъ. Мнѣ поручено написать рядъ статей о профессорахъ имперіи, въ родѣ той статьи, что я написалъ о Низарѣ.

— Чѣмъ рѣзче,—тѣмъ лучше; тогда напечатаемъ.

Останетесь довольны! Я сидѣлъ за этою работою, когда ко мнѣ постучались. Вошелъ одинъ изъ нашихъ учителей, когда-то любившій меня.

— Я проѣздомъ въ Парижѣ и не хотѣлъ уѣхать, не пожавши вамъ руки.

— Благодарю.

— А какъ дѣла? Вы, повидимому, не особенно счастливы.

— Такъ себѣ, ни то—ни сё.

Ему что за дѣло до моей бѣдности; что онъ милостыню мнѣ что-ли хочетъ предложить?

— Что-же вы теперь подѣлываете? Пописываете статейки въ родѣ тѣхъ, что печатали у Моннена?

— А вы знаете, что я писалъ?

— Одинъ пріятель Моннена былъ въ Нантѣ и разсказалъ намъ. Между нами говоря, я не особенно доволенъ ими. Вы, республиканецъ, были слишкомъ безцвѣтны.

Я не счелъ нужнымъ пускаться въ подробныя объясненія причинъ этой безцвѣтности, а взялъ и прочелъ ему ту рѣзкую статью, за которою онъ засталъ меня.

— Какъ находите? Лучше это?

— Еще-бы! Это великолѣпно!

Черезъ нѣсколько дней я выходилъ изъ редакціи, гдѣ моя рукопись была прочитана и даже расхвалена. По всему ясно было, что я, наконецъ-то, сталъ здѣсь твердою ногою. Но дома меня ждало письмо отъ отца.

«Г. Кретонъ сообщилъ намъ, что ты пишешь противъ министерства народнаго просвѣщенія... Тебѣ хочется, вѣроятно, чтобы меня прогнали со службы? Прошу извѣстить, когда должна выйти твоя статья? Когда именно оставишь ты насъ безъ куска хлѣба?.. Выхлопочешь-ли, по крайней мѣрѣ, намъ мѣстечко въ богадѣльнѣ? Хорошо ты расплачиваешься за данное нами тебѣ образованіе».

Ваше образованіе!... Не лучше-ли будетъ о немъ помолчать!.. Я возьму свои статьи изъ редакціи; я не оставлю васъ безъ куска хлѣба.—Вы правы! Васъ навѣрное выгонятъ, и я не имѣю возможности выхлопотать вамъ мѣсто въ богадѣльнѣ...

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

(Переселенческое движеніе.)

I.

Въ предъидущей статьѣ, говоря объ отхожихъ промыслахъ и установляя факторы, обусловливающіе спеціально земледѣльческій отходъ, мы соприкоснулись съ вопросомъ о переселеніяхъ. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, получилъ въ послѣднее время первенствующее значеніе; обсуждается онъ «свѣдущими людьми», затрогивался земскими собраніями и усердно трактовался въ литературѣ. Такое исключительное вниманіе, оказанное переселенческому вопросу, уже само по себѣ служитъ наглядымъ доказательствомъ того значенія, которое принадлежитъ этому явленію въ экономической жизни Россіи. Дѣйствительно, трудно найти вопросъ, который былъ бы въ такой степени выдвинутъ жизнью, какъ вопросъ о переселеніи. Мы будемъ имѣть случай указать, что помимо этого вопроса существуетъ немало другихъ, имѣющихъ столь же важное значеніе для обновленія нашего общественнаго и экономическаго строя, но этимъ нимало не ослабляется неотложная необходимость разрѣшенія переселенческаго вопроса и упорядоченія переселенческаго движенія. Мы изложимъ въ настоящемъ очеркѣ вопросъ о переселеніяхъ въ его современномъ фазисѣ и укажемъ на проявленіе въ немъ правительственной и общественной инициативы.

Разсматривая причины, побуждающія крестьянъ совершать болѣе или менѣе отдаленныя путешествія съ цѣлью пріискать заработокъ, мы коснулись общихъ причинъ, обусловливающихъ переселеніе. Аграрныя неустройства, порождающія малоземеліе, и совершенная невозможность покрыть немногосложныя статьи годоваго бюджета являются ближайшими и притомъ

единственными причинами, обусловливающими промысловый отходъ. Если читатель припомнитъ все нами сказанное, то убѣдится, что, при крайнемъ несоотвѣтствіи доходности крестьянскаго надѣла съ лежащими на немъ платежами и сборами, отхожій промыселъ является совершенно неизбѣжнымъ и, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не можетъ быть устраненъ путемъ развитія какихъ либо мѣстныхъ промысловъ, будетъ ли то производство кустарное, или какой либо заработокъ характера земледѣльческаго.

Эти причины, обусловливающія разстройство крестьянскаго хозяйства, являются общими, какъ для отхода неземледѣльческаго, такъ и для спеціальнаго земледѣльческаго. Различіе между этими двумя видами отхода объясняется причинами, лежащими въ характерѣ той или другой мѣстности, высылающей работниковъ, и повліявшими на выработку извѣстныхъ бытовыхъ чертъ и особенностей. Эти бытовыя особенности, порожденныя почвенными и другими, частію внѣшними, частію внутренними причинами, могутъ быть однако разсматриваемы и какъ болѣе спеціальные факторы, производящіе земледѣльческій отходъ. И характеръ земледѣлія, заключавшійся въ стремленіи постоянно расширять пашни въ ущербъ выгонамъ и лѣсамъ, и условія крѣпостнаго быта, способствовавшія тому, что крестьяне не только превратились въ чистыхъ земледѣльцевъ, но помимо земледѣлія не восприняли никакого ремесла или промысла — все вело къ тому, что въ трехпольной черноземной полосѣ земледѣльческій отходъ долженъ былъ явиться единственнымъ побочнымъ заработкомъ крестьянъ. Такимъ образомъ причины, коренящіяся въ условіяхъ аграрнаго строя, ближайшимъ образомъ въ несоотвѣтствіи доходности земли съ лежащими на ней платежами, порождаютъ отхожіе заработки; болѣе спеціальныя причины обусловливаютъ различіе отхода промысловаго отъ спеціально земледѣльческаго.—Вступая въ область отхода земледѣльческаго, мы уже соприкасаемся съ вопросомъ о переселеніи, которое является въ сущности лишь послѣднимъ фазисомъ этого экономическаго явленія.

То обстоятельство, что к о р е н н ы я причины, порождающія и земледѣльческій отходъ, и крестьянскія переселенія, одинаковы, представляется совершенно очевиднымъ и можетъ быть доказано цѣлымъ рядомъ самыхъ неоспоримыхъ фактовъ. Мы привели доказательства въ предъидущей статьѣ и вновь обращаться къ этому вопросу не будемъ. Исходя изъ этого положенія, какъ доказаннаго и несомнѣннаго, мы постараемся опредѣлить ближайшіе, болѣе спеціальные факторы, порождающіе переселенія. Правильный анализъ этихъ спеціальныхъ причинъ имѣетъ неизмѣримо важное значеніе, такъ какъ, только благодаря ему,

можно достигнуть правильной постановки, а, слѣдовательно, и разрѣшенія всѣхъ сложныхъ сторонъ переселенческаго движенія.

Географическія границы переселенческаго района обнимаютъ собою всю черноземную, трехпольную полосу и, вслѣдствіе этого, почти совпадаютъ съ райономъ земледѣльческаго отхода. Если переселенческое движеніе обнаруживается и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, то, во-первыхъ, оно очень не велико, а во-вторыхъ, оно должно быть отнесено къ исключительнымъ явленіямъ, порождаемымъ нѣкоторыми спеціальными факторами, о которыхъ мы скажемъ ниже. Собственно говоря, нельзя найти ни одной губерніи, въ которой бы не встрѣчалось единичныхъ фактовъ крестьянскихъ переселеній, но говоря о переселенческомъ движеніи, какъ такомъ экономическомъ явленіи, которое имѣетъ значеніе и важность, мы, конечно, имѣемъ въ виду не эти отдѣльные факты, а тотъ переселенческій потокъ, который, то усиливаясь, то ослабѣвая, охватываетъ опредѣленныя мѣстности Россіи. Въ эти мѣстности промысловыя губерніи почти не входятъ, нѣкоторое исключеніе составляютъ губерніи Калужская и отчасти Московская. Всѣ эти губерніи, принадлежащія къ трехпольной черноземной полосѣ, уже съ давняго времени служатъ мѣстностью, высылающею работниковъ на земледѣльческіе промыслы. Часть такихъ работниковъ, отправляющаяся въ отдаленныя губерніи, съ населеніемъ рѣдкимъ, съ обширными пространствами непочатаго чернозема, не возвращается обратно, а водворяется на новыхъ мѣстахъ, выписывая туда свои семейства. Такъ происходитъ одинъ, такъ сказать, фактическій способъ переселенія. Другой способъ переселенія легальнаго совершается съ вѣдома мѣстной власти, особымъ установленнымъ порядкомъ.

Первый и наиболѣе сложный вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при опредѣленіи болѣе спеціальныхъ факторовъ, обусловливающихъ переселенія, заключается въ томъ: почему общія причины, коренящіяся въ аграрныхъ неустройствахъ, дѣйствуютъ не одинаково на крестьянъ одной и той же мѣстности. Одни крестьяне возвращаются изъ заработковъ, тогда какъ другіе покидаютъ или стремятся покинуть родное гнѣздо навсегда. По отношенію къ губерніямъ промысловымъ и земледѣльческимъ, вопросъ этотъ разрѣшается весьма просто, такъ какъ крестьяне первыхъ губерній обладаютъ знаніемъ такихъ ремеслъ или промысловъ, которые восполняютъ земледѣльческіе доходы, тогда какъ послѣдніе, кромѣ земледѣлія, не имѣютъ другой возможности утилизировать рабочую силу. Но вопросъ этотъ значительно усложняется при опредѣленіи причинъ, ближайшимъ образомъ вліяющихъ на переселеніе крестьянъ одной и той же мѣстности. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и разрѣшить вызываемое

имъ недоумѣніе, постараемся уяснить, прежде всего, какіе именно крестьяне переселяются и каковы условія ихъ матеріальнаго быта.

Во всѣхъ губерніяхъ, составляющихъ полосу, изъ которой направляется наибольшее количество переселенцевъ, переселяются какъ бывшіе владѣльческіе крестьяне, такъ и государственные. Если обратить вниманіе на то, что крестьяне государственные поставлены вообще въ неизмѣримо лучшія условія, чѣмъ бывшіе крѣпостные, то можетъ возникнуть нѣкоторое недоумѣніе о причинахъ, побуждающихъ переселяться такихъ, болѣе обезпеченныхъ работниковъ. Такое недоумѣніе можетъ въ значительной степени увеличиться еще вслѣдствіе того, что, по даннымъ оффиціальной статистики, число переселенцевъ изъ крестьянъ государственныхъ даже превышаетъ число, которое дается крестьянами другихъ наименованій. Такой численный перевѣсъ мы, однако, считаемъ если не совершенно фиктивнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма несущественнымъ и находящимъ объясненіе главнымъ образомъ въ томъ, что статистическія свѣдѣнія о крестьянахъ государственныхъ гораздо точнѣе, чѣмъ о другихъ. Если же въ дѣйствительности и оказывается незначительный перевѣсъ на сторонѣ государственныхъ крестьянъ, то на это обстоятельство вліяютъ не столько причины экономическія, сколько тѣ формальности, которыми обставлена самая возможность переселенія. Выходъ изъ общества гораздо труднѣе для крестьянъ помѣщичьихъ, чѣмъ для государственныхъ; поэтому весьма возможно, что среди первыхъ число легальныхъ переселеній до нѣкоторой степени уменьшается. Но если даже игнорировать такую, во всякомъ случаѣ, не существенную разницу, не менѣе интереснымъ представляется то явленіе, что среди крестьянъ, поставленныхъ въ лучшія экономическія условія, переселеніе практикуется столь же часто, какъ и между крайне-малоземельными и болѣе несостоятельными земледѣльцами. Фактъ этотъ, по природѣ своей, безусловно экономическій и можетъ быть объясненъ исключительно причинами экономическими, а не соціальными, какъ старались объяснить его не только нѣкоторые публицисты, но даже и нѣкоторые изъ «свѣдущихъ» людей. Въ основѣ этого факта лежатъ нѣкоторыя изъ тѣхъ спеціальныхъ причинъ, которыми обусловливается большее или меньшее напряженіе переселенческаго движенія, поэтому мы и разсмотримъ его болѣе подробно.

Однимъ изъ свѣдущихъ людей, г. Самаринымъ, было выражено въ коммиссіи мнѣніе, что переселенческое движеніе среди государственныхъ крестьянъ находитъ себѣ объясненіе въ лучшихъ общественныхъ условіяхъ, въ бо̀льшей личной свободѣ, которою исторически была обставлена ихъ жизнь и которыя повлекли за собою бо̀льшее развитіе въ нихъ духа предпріимчи-

вости. Несостоятельность такого объясненія на нашъ взглядъ вполнѣ очевидна. При такомъ объясненіи, остается совершенно непонятнымъ то обстоятельство, почему въ послѣднія 20 лѣтъ, слѣдовавшія за отмѣной крѣпостнаго права, когда общественное положеніе и степень личной свободы государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ уравнялись, переселенческое движеніе сохраняетъ то же отношеніе, видоизмѣняясь лишь вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ, связанныхъ съ бо́льшей или меньшей обезпеченностью трудящихся классовъ. Несомнѣнно, стало быть, что такими причинами объяснить этого факта нельзя и для выясненія его надо стать на почву экономическую. — Стоя на этой почвѣ, мы можемъ прежде всего констатировать тотъ фактъ, что во всемъ земледѣльческомъ районѣ густота населенія уже въ шестидесятыхъ годахъ была выше средней нормы. Средняя норма населенія для земледѣльческой полосы, не дошедшей до степени интенсивной культуры, опредѣляется различными экономистами не вполнѣ одинаково, но, во всякомъ случаѣ, минимумъ не можетъ, по ихъ мнѣнію, превосходить 30—40 человѣкъ на квадратную версту, что̀ составитъ отъ 2 до $2^1/_2$ десятинъ на душу *). Если мы примемъ за норму даже 40 человѣкъ на версту, то увидимъ, что многія мѣстности переселенческаго района превзошли даже эту норму. Такъ, въ Щигровскомъ, Бѣлгородскомъ и Грайворонскомъ уѣздахъ Курской губерніи, густота населенія опредѣляется 42—46 человѣками на версту. То же замѣчается въ губерніи Рязанской, гдѣ, напримѣръ, въ уѣздѣ Скопинскомъ, густота населенія почти достигаетъ 50 человѣкъ на квадратную версту. **) Эти нормы несомнѣнно не могутъ быть сочтены чрезмѣрно большими абсолютно; напротивъ, мы еще разъ повторяемъ, что значеніе ихъ относительное и стоитъ въ прямой зависимости отъ степени усовершенствованія земледѣльческой культуры. Однако-жъ такое, хотя и безусловно справедливое объясненіе не можетъ въ дѣйствительности служить утѣшеніемъ для крестьянъ столь густо населенныхъ мѣстностей, которые испытываютъ всеразрушительное вліяніе такой густоты, въ особенности благодаря и безъ того существующему крайнему малоземелію. Если на всемъ пространствѣ тѣхъ одиннадцати губерній, которыя поставляютъ главный контингентъ переселенцевъ, малоземеліе обнаружилось въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за введеніемъ «Положенія 1861 года», то

*) Князь Васильчиковъ «Землевладѣніе и Земледѣліе», Риттихъ «Переселенія», Романовъ «Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи».

**) Статистическія данныя о густотѣ населенія взяты изъ «Статистическаго временника» (вып. первый).

въ какой степени такое малоземеліе должно увеличиться въ настоящее время, благодаря естественному росту населенія? Надо замѣтить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду лишь крестьянъ, получившихъ полные надѣлы; что-же касается до крестьянъ, получившихъ такъ называемые даровые, или нищенскіе надѣлы, то положеніе ихъ должно было, очевидно, сдѣлаться еще болѣе безотраднымъ. Во всякомъ случаѣ малоземеліе, являющееся, какъ помнятъ читатели, однимъ изъ факторовъ, обусловливающихъ промысловый отходъ, въ значительной степени успливается, благодаря приросту населенія, и порождаетъ въ крестьянскомъ быту уже не простой отходъ на сторону, но переселенія. Этотъ естественный приростъ пріобрѣтаетъ еще бо́льшее значеніе вслѣдствіе того, что по статистическимъ изслѣдованіямъ онъ значительно выше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, данныя, относящіяся къ 1870 году, удостовѣряютъ, что въ переселенческомъ районѣ приростъ равнялся 1,46—1,81%, тогда какъ въ промысловыхъ и сѣверныхъ губерніяхъ онъ не превышалъ 0,16 — 0,69% Такая значительная разница, очевидно, не могла не повліять на постоянно возростающее малоземеліе.

Если́бы приростъ населенія среди крестьянъ государственныхъ былъ одинаковъ съ приростомъ среди крестьянъ помѣщичьихъ, то нельзя сомнѣваться, что положеніе первыхъ было бы значительно лучше, чѣмъ вторыхъ, сообразно съ тѣмъ, насколько больше ихъ надѣлы. Но для уравненія этихъ двухъ разрядовъ крестьянъ наблюдается то явленіе, что приростъ среди государственныхъ крестьянъ выше, чѣмъ между крестьянами помѣщичьими. Этотъ крайне интересный соціальный фактъ, съ новою силой подтверждающій, что возростаніе населенія стоитъ въ прямой зависимости отъ степени его обезпеченія, былъ впервые констатированъ г. Семеновымъ *). Коль скоро этотъ фактъ явился доказаннымъ, дѣлается несомнѣннымъ, что большіе надѣлы, полученные государственными крестьянами, уже во второмъ поколѣніи теряютъ свое значеніе и уравниваютъ ихъ малоземеліе съ тѣмъ, к о т о р о е з а м ѣ ч а е т с я у крестьянъ помѣщичьихъ. Такимъ образомъ, для насъ дѣлаются совершенно ясными: какъ причины того явленія, что переселенія замѣчаются не только среди помѣщичьихъ, но и среди государственныхъ крестьянъ, такъ и тотъ спеціальный факторъ, который обусловливаетъ переселенческое движеніе. Читатели видятъ, что такимъ факторомъ является приростъ населенія, увеличивающій то малоземеліе, которое само по себѣ влечетъ такое ненормальное явленіе,

*) Семеновъ «Статист. казен. собств.» (вып. 1).

какъ экономическія кочеванья, выражающіеся въ промысловомъ отходѣ.

Однако густота и приростъ населенія далеко не являются единственными изъ тѣхъ спеціальныхъ факторовъ, которыми порождается переселеніе. Значеніе они пріобрѣтаютъ въ связи съ условіями почвы и земледѣльческой культуры. Особенности переселенческаго района — этой трехпольной черноземной полосы—заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что, благодаря чрезмѣрной плодородности почвы, съ самыхъ отдаленныхъ временъ началось усиленное распахиваніе земли въ ущербъ выгонамъ и лѣсамъ. Нами приведены были въ прошлой статьѣ цифры, доказывающія, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черноземной полосы распахано все, что только поддается обработкѣ плуга или сохи. Это стремленіе къ столь непомѣрному расширенію количества пашни, само по себѣ, не можетъ быть признано раціональнымъ, но оно пріобрѣтаетъ еще болѣе вредное значеніе, благодаря отсутствію интенсивной культуры. Первобытная, трехпольная система хозяйства скорѣе, чѣмъ всякая другая, истощаетъ землю и уменьшаетъ ея плодородіе. Черноземъ выпахивается и земля начинаетъ требовать удобренія, безъ котораго производительность ея уменьшается до крайняго минимума. Наглядным этому подтвержденіемъ служатъ всѣ наши черноземныя губерніи трехпольной полосы. Удобреніе земли, въ особенности въ наиболѣе истощенныхъ крестьянскихъ земляхъ, уже давно сдѣлалось въ нихъ необходимымъ. Но удобреніе земли стоитъ въ прямой зависимости отъ скотоводства и, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, при отсутствіи капиталовъ и обширности пространствъ, никакое искусственное удобреніе примѣнено быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время можно признать за аксіому, что какъ во владѣльческихъ хозяйствахъ, такъ, въ особенности, въ крестьянскихъ—удобреніе земли вызываетъ потребность въ обширномъ скотоводствѣ.—Но заводить скотъ, при отсутствіи кормовыхъ травъ, отсутствіи, объясняющемся недостаткомъ луговъ, очевидно, немыслимо, и въ этомъ надо видѣть одну изъ самыхъ печальныхъ и даже безнадежныхъ сторонъ сельскаго хозяйства въ черноземной полосѣ. Конечно, естественный кормъ, даваемый лугами, можетъ быть замѣненъ травосѣяніемъ при сложныхъ сѣвооборотахъ и вообще многопольной системѣ хозяйства, но такая система только начинаетъ зарождаться въ самыхъ крупныхъ владѣльческихъ хозяйствахъ, для крестьянъ же она совершенно немыслима. Такимъ образомъ, читатель видитъ, что положеніе крестьянина черноземной полосы нынѣ совершенно безвыходное. Безъ удобренія земля родитъ дурно, такъ что удобреніе совершенно необходимо, но получить удобреніе въ потребномъ коли-

чествѣ также невозможно, такъ какъ нѣтъ средствъ развить скотоводство, по отсутствію луговъ и выгоновъ, избѣгнуть же этого недостатка путемъ перехода къ интенсивной культурѣ—одинаково немыслимо, такъ какъ для подобнаго перехода крестьяне не обладаютъ ни необходимыми капиталами, ни знаніями, ни болѣе возвышеннымъ уровнемъ умственнаго развитія. Господство въ крестьянскомъ хозяйствѣ устарѣлой трехпольной системы объясняется не приверженностью нашего народа къ старинnымъ патріархальнымъ формамъ земледѣлія, какъ намъ часто приходится слышать, а исключительно безпомощностью нашего народа, одинаково несостоятельнаго какъ экономически, такъ и умственно.

Итакъ, вникая въ бытъ крестьянъ черноземной полосы, мы находимъ, что малоземеліе, являющееся ближайшимъ результатомъ аграрнаго строя, въ значительной степени увеличивается, благодаря существующей земледѣльческой культурѣ и невозможности перехода къ иной системѣ земледѣлія. Даже при величайшемъ плодородіи, которое свойственно неистощенному черноземy, земли было бы недостаточно для прокормленія крестьянъ и покрытія другихъ сторонъ крестьянскаго бюджета; при условіяхъ же настоящаго времени, когда естественная производительность ослабѣла, а искуственное усиленіе ея представляется невозможнымъ, крестьяне черноземной полосы—сплою вещей—вынуждены искать выхода изъ своего теперешняго положенія. Если къ этимъ ненормальнымъ условіямъ прибавить указанный нами выше естественный приростъ населенія, то получится полная совокупность факторовъ, создающихъ необходимость переселенія. Необходимость эта создается для черноземной полосы роковымъ образомъ и тѣмъ неизбѣжнѣе, чѣмъ скорѣе произойдетъ развитіе способствующихъ этому условій. Въ этомъ отношеніи переселеніе является обыкновеннымъ продуктомъ экономической жизни данной мѣстности, и безъ кореннаго измѣненія способствующихъ его возникновенію условій—устранено быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи такого сложнаго экономическаго и соціальнаго явленія, необходимо прежде всего установить совершенно правильную и вѣрную исходную точку, иначе всѣ выводы и заключенія будутъ лишены фактической подкладки. Мы старались установить эту правильную точку отправленія и пришли къ тому заключенію, что переселеніе составляетъ явленіе, коренящееся въ условіяхъ экономическаго быта данной мѣстности и стоитъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда факторовъ, вліяющихъ на его усиленіе или ослабленіе. Прежде всего является малоземеліе, обусловливающее необходимость промысловаго отхода; затѣмъ, естественный приростъ населенія, объясняемый производительностью почвы, влечетъ за собою дроб-

леніе надѣловъ и еще бо̀льшее обезземеленіе и, наконецъ, истощеніе почвы и фактическая невозможность поднять ея производительность или перейти къ высшей системѣ земледѣлія—окончательно разрушаютъ крестьянское хозяйство, вызывая необходимость ослабленія густоты населенія. Эта необходимость достигается переселеніемъ, и оно въ силу этого является фактомъ, который, при данныхъ условіяхъ, можетъ быть правительственною властію регулированъ, но не устраненъ.

II.

Посмотримъ теперь на отношеніе законодательства къ переселенческому вопросу. Мы уже указали на то, изъ какихъ глубо̀кихъ причинъ вытекаетъ потребность переселенія. Причины эти только обострились въ послѣднее время, но существовали гораздо раньше, такъ что собственно переселеніе должно быть отнесено къ числу фактовъ весьма отдаленнаго прошлаго. — Были, однако, чисто внѣшнія условія, препятствовавшія до нѣкоторой степени развитію переселенія. Но такія условія съуживали размѣры этого движенія лишь до извѣстныхъ предѣловъ, и экономическое разстройство крестьянскихъ массъ заставляло преодолѣвать препятствія внѣшняго свойства.

При отсутствіи сколько нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ, нельзя даже приблизительно опредѣлить размѣры переселенческаго движенія въ періодъ крѣпостнаго права. Существующія по этому поводу свѣдѣнія удостовѣряютъ лишь, что до 1861 года переселеніе обнаруживалось, главнымъ образомъ, среди крестьянъ государственныхъ. Этому способствовала прежде всего власть помѣщиковъ надъ прикрѣпленными къ землѣ крестьянами. Условія соціальнаго строя, въ силу которыхъ крестьяне, принадлежавшіе извѣстному владѣльцу, увеличивали стоимость его имѣнія, имѣли своимъ слѣдствіемъ, что легальнымъ путемъ добровольное переселеніе крестьянъ, въ длинный періодъ крѣпостнаго права, представлялось немыслимымъ. Случаи такого переселенія, вызываемыя экономическою подавленностью крестьянъ и тяготѣвшимъ надъ ними помѣщичьимъ гнетомъ, конечно, были, но они носили характеръ единичный и не могутъ быть разсматриваемы, какъ общее явленіе. Однако малоземеліе и спеціальныя особенности переселенческаго района проявлялись и при крѣпостномъ правѣ, побуждая владѣльцевъ «разрѣжать» населеніе. Достигалось такое разрѣженіе путемъ продажи крестьянъ безъ земли, на выводъ, какъ говорилось въ то время. Этотъ «выводъ» крестьянъ, практиковавшійся главнымъ образомъ въ густонаселенныхъ черноземныхъ губерніяхъ трехпольной полосы, по своему значенію и экономическому характеру, представ-

лялся въ сущности ничѣмъ другимъ, какъ своеобразнымъ видомъ крестьянскихъ переселеній. Но, во всякомъ случаѣ, такіе факты, находящіеся въ зависимости отъ воли вотчинныхъ владѣльцевъ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ общее явленіе, и не могутъ быть смѣшиваемы съ переселеніями въ истинномъ значеніи слова. Такое переселеніе практиковалось между крестьянами государственными и еще въ то время вызвало потребность государственнаго вмѣшательства.

Разсматривая отношеніе къ переселенческому движенію законодательной власти, мы замѣчаемъ одну весьма любопытную особенность. Въ то сравнительно отдаленное время, когда потребность въ переселеніяхъ еще только зарождалась и, во всякомъ случаѣ, была крайне ограничена, когда факторы, обусловливающіе эту потребность, не дошли до того напряженія, какъ въ настоящее время, правительственная власть обставляла переселеніе болѣе опредѣленными, раціональными и, прибавимъ, либеральными условіями, чѣмъ впослѣдствіи, когда переселенческое движеніе приняло болѣе широкіе размѣры. Еще и въ настоящее время не выработаны тѣ нормы, которыя бы способствовали прекращенію тѣхъ по истинѣ бѣдствій, которыя приходилось испытывать переселенцамъ въ позднѣйшіе, недавніе годы, а до нѣкоторой степени еще и теперь. Объясненіе этому надо видѣть прежде всего въ томъ, что пока переселенія носили незначительные размѣры, правительство не придавало имъ особаго значенія и даже поощряло ихъ, извлекая изъ нихъ пользу въ смыслѣ колонизаціи отдаленныхъ окраинъ. Но, по мѣрѣ увеличенія числа переселенцевъ, частію по неумѣнію регулировать такое сложное явленіе, частію изъ призрачнаго опасенія его послѣдствій, въ отношеніяхъ государства къ переселеніямъ начала обнаруживаться репресія, не прекратившаяся и въ настоящее время.

Какъ бы то ни было, но еще съ начала нынѣшняго столѣтія, съ изданія въ двадцатыхъ годахъ «Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», переселенческое движеніе явилось фактомъ признаннымъ и регулированнымъ закономъ. Въ исторіи переселеній этотъ «уставъ» является такимъ замѣчательнымъ памятникомъ, который не мѣшало бы имѣть въ виду и въ настоящее время, когда тотъ же вопросъ усердно обсуждается въ коммиссіи «свѣдущихъ людей». Какъ это ни странно, но мы склонны думать, что тѣ льготы, которыя были даны переселенцамъ, болѣе полустолѣтія тому назадъ, весьма далеки отъ того, чтобы осуществиться въ настоящее время торжества «народной политики».

Разбираемый нами «Уставъ о благоустройствѣ» прежде всего констатировалъ фактъ переселеній, какъ слѣдствіе крестьянскаго

малоземелія, т. е. установилъ ту принципіально-вѣрную точку зрѣнія, которая только и могла явиться гарантіей правильнаго отношенія къ вопросу. Право для переселенія, по Уставу, наступало для крестьянъ, владѣющихъ землею въ количествѣ менѣе 5 десятинъ на ревизскую душу. Такимъ образомъ, предѣльной нормой для переселеній принято было такое количество земли, которое, по крайней мѣрѣ, въ моментъ составленія закона, могло считаться обезпечивающимъ экономическое положеніе крестьянина. Эта пятидесятинная норма пріобрѣтала еще большее значеніе, благодаря тому, что управленію государственныхъ имуществъ было вмѣнено въ обязанность регулировать переселенія такимъ образомъ, чтобы на долю остающихся крестьянъ приходилось также не менѣе 5 десятинъ. Что касается до устройства переселенцевъ на мѣстахъ водворенія, то постановлено было общимъ правиломъ, что селиться они должны на участкахъ, могущихъ образовать отдѣльное сельское общество, имѣющее въ своемъ владѣніи отъ 4 до 5 тысячъ десятинъ земли. При этомъ $^1/_5$ часть земли должна была составлять запасъ общинныхъ земель на случай прироста населенія. Всѣ такіе участки, могущіе быть заселенными, должны были наноситься на планъ и храниться въ палатахъ государственныхъ имуществъ тѣхъ губерній, въ которыхъ участки находятся, причемъ такіе планы должны были обязательно предъявляться крестьянамъ, желавшимъ воспользоваться правомъ переселенія. При переселеніи, на каждую ревизскую душу полагалось не менѣе 15 десятинъ удобной земли, а если такое количество исключительно удобной земли, по обстоятельствамъ, отведено быть не могло, то за одну десятину удобной давалось двѣ десятины неудобной. На счетъ хозяйственныхъ капиталовъ министерства государственныхъ имуществъ, еще до прибытія переселенцевъ на мѣсто, палаты обязаны были запасти для нихъ на первое время продовольствіе, засѣять часть полей, накосить сѣна, заготовить сѣмянъ для будущаго посѣва, купить по плугу или по сохѣ на каждыхъ 8 домохозяевъ, дать на каждую семью по парѣ воловъ, вырыть колодцы и устроить мельницу. По прибытіи на мѣсто, переселенцы получали для устройства домовъ или мазанокъ опредѣленное количество лѣсу или матеріалъ, и сверхъ того отъ 25 до 35 рублей деньгами на первое обзаведеніе. Самый путь, совершаемый переселенцами, былъ обставленъ по возможности наиболѣе удобными условіями. Окружнымъ начальникамъ было вмѣнено въ обязанность заботиться о томъ, чтобы переселенцы отправлялись въ путь въ удобное время года, чтобы въ дорогѣ имъ отводились безденежные ночлеги и денныя квартиры, чтобы они не встрѣчали недостатка въ продовольствіи, чтобы лошади и скотъ ихъ допускались на общіе выгоны и, наконецъ, чтобы переселенцы, за-

болѣвшіе во время пути, отправлялись въ больницы. Независимо отъ этихъ условій, гарантирующихъ бытъ переселенцевъ, въ виду трудности, съ которыми соединено для нихъ устройство хозяйственнаго быта, имъ предоставлены были извѣстныя льготы. Такъ, въ первыя 6 лѣтъ, переселенцы были свободны отъ военнаго постоя, первые 4 года они не платили никакихъ податей и не несли никакихъ повинностей; наконецъ, даже въ слѣдующіе 4 года всѣ денежные сборы платили въ половинномъ размѣрѣ.

Изъ этого перечня условій, которыми обставлялось и сопровождалось переселеніе по «Уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», видно, что составители этого законодательнаго акта вполнѣ сознавали все неизмѣримо-важное значеніе переселеній, какъ явленія неизбѣжнаго, порождаемаго тѣми экономическими условіями, въ которыя поставлены переселяющіеся крестьяне. Къ сожалѣнію, жизненное значеніе этихъ гуманныхъ законовъ и вообще практическое ихъ примѣненіе далеко не соотвѣтствовало ихъ теоретическимъ достоинствамъ. Прежде всего, необходимо замѣтить, что всѣ такія удобства и льготы существовали только для тѣхъ крестьянъ, которые уже получили разрѣшеніе переселиться и такимъ образомъ вступали въ разрядъ переселенцевъ. Но получить такое разрѣшеніе было не такъ легко, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Помимо удовлетворенія тѣмъ условіямъ экономическаго характера, при наличности которыхъ переселенія становились возможными въ принципѣ, надо было удовлетворить еще извѣстнымъ формальнымъ условіямъ, пріобрѣтеніе которыхъ сопровождалось большими затрудненіями. Необходимо было получить увольнительный приговоръ отъ общества и свидѣтельство волостнаго правленія о неимѣніи препятствій къ переселенію. Полученіе этихъ двухъ, повидимому, незначительныхъ документовъ сопровождалось большими затрудненіями и обходилось такъ дорого, что для многихъ крестьянъ было совершенно недоступно. Циркуляры позднѣйшаго времени еще болѣе способствовали тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми переселеніе встрѣчалось на практикѣ. Злоупотребленія, которыми такъ богата была дѣятельность администраторовъ того времени, имѣли своимъ слѣдствіемъ, что и всѣ льготы и преимущества, предоставленныя закономъ переселенцамъ, оставались нерѣдко мертвою буквою. Многочисленные печальные факты доказываютъ, что и при разсмотрѣнныхъ нами либеральныхъ законахъ бѣдствія крестьянъ-переселенцевъ составляли далеко не единичныя явленія. Такое отношеніе къ дѣлу администраціи привело въ концѣ концовъ къ тому, что установленная «Уставомъ о благоустройствѣ» правильная и разумная постановка переселенческаго движенія оказалась только на бумагѣ, въ жизни же

примѣненія не имѣла. Нельзя винить въ этомъ центральную власть, сосредоточивавшуюся въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; отвѣтственность всецѣло должна падать на органы мѣстной администраціи, которые настолько были чужды духу законности и такъ проникнуты всевозможными злоупотребленіями, что бороться съ ними было немыслимо не только для усилій частнаго лица, но даже для высшей въ государствѣ власти.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, отношеніе законодательства къ переселеніямъ вступаетъ въ новый фазисъ. «Положеніе 19 февраля», вѣроятно, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости между крестьянами не развилась «вредная подвижность и бродяжничество», совершенно почти игнорировало переселенческое движеніе. Такое стѣсненіе переселеній вызывалось въ правительственныхъ сферахъ и нѣкоторымъ опасеніемъ, чтобы развитіе переселеній не повлекло за собой обезземеленія крестьянъ *). Какъ бы то ни было, но въ «Положеніи» ничего не говорится ни о переселеніи помѣщичьихъ, ни о переселеніи государственныхъ крестьянъ. Единственная, по крайней мѣрѣ, фактическая возможность переселенія предусматривалась 130 ст. Общ. Пол. и 173, 174 ст. Полож. о выкупѣ, устанавливавшими увольненіе крестьянъ изъ обществъ. Надо, однако, замѣтить, что, не смотря на желаніе правительственной власти устранить самый вопросъ о переселеніяхъ, редакціонная коммиссія по выработкѣ Положенія сознавала всю важность этого экономическаго явленія и предвидѣла, что «впослѣдствіи переселенческій вопросъ неизбѣжно обратитъ на себя вниманіе правительства».

Неопредѣленность законовъ о переселеніяхъ не замедлила обнаружиться на практикѣ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, потребность въ переселеніяхъ усилилась, и цѣлыя массы крестьянъ, гонимыя нуждой и другими, обусловливающими переселенческое движенія факторами, начали частію наводнять прошеніями управленіе государственныхъ имуществъ, частію же переселяться самовольно. Управленіе государственныхъ имуществъ, въ распоряженіи котораго находились казенныя земли, относилось къ переселенію довольно сочувственно и склонно было его поощрять, но встрѣчало сильнѣйшую опозицію со стороны мѣстной и центральной администраціи. Между вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ произошла по переселенческому вопросу коллизія, которая не могла отозваться благотворно на интересахъ переселенцевъ. Для устране-

*) Иванюковъ. «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи» стр. 323.

нія такой коллизіи, въ апрѣлѣ 1868 года былъ изданъ министромъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ, въ которомъ регулировались переселенія для крестьянъ всѣхъ наименованій, но только въ двѣ губерніи: Уфимскую и Оренбургскую. При этомъ надо замѣтить, что редакція циркуляра была до такой степени темна и неопредѣленна, что онъ былъ понятъ крестьянами въ совершенно обратномъ смыслѣ, именно: крестьяне предположили, что ихъ будутъ переселять насильно, и множество изъ нихъ начали подавать прошенія о томъ, чтобы имъ было дозволено остаться на мѣстѣ. Для устраненія такихъ недоразумѣній, въ скоромъ времени былъ изданъ другой циркуляръ, но за всѣмъ тѣмъ переселенческій вопросъ подвинулся впередъ крайне мало. Между тѣмъ жизнь брала свое. Непреодолимыя побужденія ежегодно усиливали потокъ народнаго движенія и толкали многотысячныя толпы переселенцевъ изъ густо населенныхъ и малоземельныхъ внутреннихъ губерній въ привольныя и плодородныя окраины. Шли переселенцы на Кавказъ или въ степныя губерніи, шли и въ Сибирь. Большинство, однако, по прежнему направлялось въ Уфу и Оренбургъ, и даже при желаніи не могло проникнуть дальше, по отсутствію средствъ. Безпорядочность при переселенческомъ движеніи, самыя прискорбныя послѣдствія необезпеченности переселившихся крестьянъ дошли до послѣднихъ предѣловъ. Положеніе сдѣлалось совершенно ненормальнымъ. Съ одной стороны потребность въ переселеніяхъ постоянно усиливалась, съ другой — толпы переселенцевъ бѣдствовали и нерѣдко гибли жертвою необезпеченности и неопредѣленности существовавшаго положенія. Правительство въ 1876 году издало постановленія о правѣ безземельныхъ батраковъ и крестьянъ, получившихъ даровые надѣлы, переселяться въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи, но, очевидно, что такія единичныя мѣры оказывались совершенными палліативами въ смыслѣ организаціи такого сложнаго экономическаго явленія. Положеніе всѣхъ переселенцевъ, направлявшихся не въ эти двѣ губерніи, оставалось по прежнему необезпеченнымъ и неопредѣленнымъ. Выходъ изъ такого положенія сдѣлался неизбѣженъ и побудилъ правительственную власть— внести переселенческій вопросъ на обсужденіе коммиссіи «свѣдущихъ людей», которая продолжаетъ свои засѣданія и въ настоящее время.

III.

Въ томъ видѣ, какъ образована коммиссія «свѣдущихъ людей» для обсужденія вопросовъ переселенческаго и питейнаго, она представляется дѣломъ новымъ и, по правдѣ сказать, довольно своеобразнымъ. Нельзя сказать, чтобы исключительное господ-

ство бюрократіи, и въ прошлое царствованіе, устраняло безусловно наиболѣе выдающіеся общественные элементы отъ всякаго участія въ законодательныхъ работахъ. Напротивъ того, не говоря уже о широкомъ, правда, сословномъ, исключительно дворянскомъ участіи, которое было предоставлено въ прошлое царствованіе, при обсужденіи величайшей изъ реформъ, крестьянской,—и въ послѣдующее время, центральная власть иногда передавала законодательные вопросы на обсужденіе общества. Такъ, на обсужденіе земскихъ собраній былъ переданъ вопросъ о подоходномъ налогѣ. Въ коммиссіи, въ которую были приглашены предводители дворянства, обсуждались правила объ отношеніяхъ хозяевъ къ слугамъ и т. п. Но такого рода общественное участіе не представлялось въ томъ своеобразномъ и самобытномъ видѣ, какъ это практикуется въ настоящее время. «Свѣдущіе люди» — это продуктъ новѣйшаго времени, продуктъ той народной политики, которая составляетъ истинную злобу нашего дня. Посвящая вторую статью исключительно вопросамъ крестьянскимъ мы, безъ сомнѣнія, не можемъ не быть защитниками народныхъ интересовъ,—въ частности мужицкихъ. Читатели знаютъ, что, избѣгая какой либо тенденціозности и искусственнаго подбора фактовъ, мы не жалѣли красокъ, чтобы нарисовать ту тяжелую и потрясающую картину, которую представляетъ бытъ нашего крестьянина. Мы хорошо сознаемъ, что обновленіе нашего государственнаго организма должно начаться съ поднятія экономическаго и умственнаго уровня нашего мужика. Сущность русскаго прогресса, не въ смыслѣ единичныхъ фактовъ, а какъ поступательнаго движенія цѣлаго народа, заключается въ прогрессѣ, который проникнетъ въ крестьянскую среду. Таково наше искреннее убѣжденіе, и пишущій эти строки высказываетъ его не въ первый разъ. Но тѣ цѣли, которыя должны преслѣдоваться въ интересахъ нашего народнаго прогресса, далеки отъ того, что̀ составляетъ сущность *народной политики*, пропагандируемой органами славянофильской и охранительной прессы. Не возрожденіе, не жизнь, не прогрессъ, а застой, апатію, невѣжество и азіятскую лѣнь рисуетъ намъ въ будущемъ торжество принциповъ, положенныхъ въ основу такой народной политики. Слѣдуя ученію московскихъ охранителей, современные глашатаи народной политики чуждаются, по самому характеру своей доктрины, глубокаго анализа народныхъ нуждъ и потребностей. Не облегчать экономическую подавленность населенія, не содѣйствовать расширенію умственнаго горизонта невѣжественнаго народа стараются они, а во чтобы то ни стало сочинять русскому человѣку самобытныя черты и поддерживать эти мнимыя особенности народнаго характера въ ущербъ логикѣ, въ разрѣзъ съ опытомъ другихъ народовъ, съ выводами совре-

менной науки и поучительными примѣрами исторіи. Какъ бы ни бѣдствовалъ умственно неразвитый, безправный и обездоленный народъ, для г. Аксакова и К° это не важно. Ему важна внѣшность, важны кафтаны, самовары, важны розги; важно все то, что̀, по его новѣйшему изреченію, называется «пакибытіемъ».

Эта торжествующая нынѣ партія старается увѣрить, что подъ вліяніемъ именно такихъ самобытно-народныхъ идей созваны у насъ «свѣдущіе люди». Въ созваніи ихъ, дѣйствительно, все самобытно и оригинально. Являясь, по крайней мѣрѣ, de jure, по идеѣ, положенной въ основу ихъ дѣятельности, наиболѣе авторитетными и компетентными въ разрѣшеніи сложныхъ государственныхъ вопросовъ, они не избираются населеніемъ, не уполномочиваются на это тѣми лицами, чьи интересы должны защищать, а приглашаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, по его личному усмотрѣнію. Безспорно, и при такомъ порядкѣ, въ составъ «свѣдущихъ» могутъ попасть лица дѣйствительно свѣдущія и компетентныя, но такая счастливая случайность, конечно, не устраняетъ принципіальныхъ недостатковъ подобной системы. Мы далеки отъ мысли утверждать, чтобы, въ видѣ опыта, вслѣдствіе крайней новизны дѣла и невыработанности какой либо другой системы, подобный способъ не могъ быть примѣненъ, и мы не придавали бы ему такого важнаго значенія, еслибы не находились люди, восторгающіеся подобнымъ явленіемъ, признающіе его единственно правильнымъ и соотвѣтствующимъ потребностямъ Россіи, пропагандирующіе его постоянное примѣненіе въ будущемъ. Вотъ, главнымъ образомъ, по адресу этихъ доморощенныхъ самобытниковъ мы и посылаемъ наши слова. Порядокъ, принятый въ настоящее время, страшенъ именно тѣмъ, что извѣстная партія старается его увѣковѣчить, старается доказать, что для русскаго народа, вслѣдствіе его самобытности, никакой другой способъ совѣщанія съ землею немыслимъ...

Если измѣрять пригодность для страны той или другой общественной формы по степени возбуждаемаго ею общественнаго довѣрія и уваженія, то менѣе популярнаго учрежденія, какъ «свѣдущіе люди», трудно отыскать. Противъ такого способа приглашенія высказалась единодушно вся независимая печать, противъ него же слышатся многочисленные протесты земскихъ собраній. Существующій порядокъ избранія свѣдущихъ людей осужденъ всѣми земствами, и изъ нихъ 11 обратились съ ходатайствомъ объ избраніи такихъ представителей самимъ земствомъ. Новгородское губернское земское собраніе пошло еще дальше и прямо составило постановленіе, воспрещающее лицамъ, занимающимъ выборныя должности по земству, принимать какія

либо приглашенія, безъ разрѣшенія собраній. Однимъ словомъ, внѣ той узкой сферы, въ которой выработался практикуемый въ настоящее время порядокъ избранія свѣдущихъ людей, и незначительной части ретроградной печати, нельзя найти защитниковъ существующаго порядка.

Однако, говоря безотносительно, мы не думаемъ, чтобы такое неудовольствіе всѣхъ общественныхъ элементовъ могло быть вызвано исключительно тѣмъ, что два внутреннихъ вопроса были предоставлены обсужденію коммиссіи, члены которой избраны самимъ правительствомъ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ въ настоящее время находятся всѣ общественныя группы, трудно предоставить избраніе свѣдущихъ людей какимъ либо общественнымъ собраніямъ. Какъ это ни странно, но мы лично находимъ, что предоставленіе такого права губернскимъ земствамъ, не могло бы привести къ сколько нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Населеніе губерніи представлено въ губернскомъ земствѣ самымъ неравномѣрнымъ и неправильнымъ образомъ. Почти всѣ гласные принадлежатъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ, и только самая незначительная часть ихъ, не болѣе $10^0/_0$, являются выразителями крестьянскихъ интересовъ. Очевидно, что такой составъ гласныхъ не доставляетъ ни малѣйшей гарантіи для того, чтобы въ достаточной степени были защищены интересы наиболѣе обремененныхъ налогами крестьянъ. Въ лучшемъ, сравнительно, положеніи находится распредѣленіе общественныхъ элементовъ въ уѣздныхъ собраніяхъ, и если возложить избраніе свѣдущихъ людей на земскія собранія, то, разумѣется, на уѣздныя, а не на губернскія. Но вообще всякое представительство для того, чтобы могло считаться компетентнымъ, неминуемо должно быть вполнѣ самостоятельно и правильно организовано, у насъ же такой организаціи нѣтъ, а потому нечего, собственно говоря, и удивляться, что избраніе лицъ, на обсужденіе которыхъ переданы два законодательные вопроса, приняло на себя само правительство. Гораздо важнѣе и опаснѣе, если такой случайный прецедентъ стараются возвести въ принципъ, единственно согласующійся съ потребностями русской жизни, если находятся люди, которые утверждаютъ, что русскій народъ вообще неспособенъ къ политическому представительству, что по самой природѣ своей, по историческимъ традиціямъ и по складу характера, онъ долженъ вѣчно вестись на помочахъ центральной властью. При такихъ условіяхъ, естественно должно явиться опасеніе за будущее и усилить протестъ противъ существующаго порядка.

Не меньшую причину малой популярности свѣдущихъ людей надо видѣть въ той обстановкѣ, при которой состоялся ихъ призывъ и передача на ихъ обсужденіе двухъ вопросовъ: питей-

наго и переселенческаго. Общество наше, мучимое различнаго рода сомнѣніями, изнемогающее подъ тяжестію накопившихся вопросовъ, настоятельно требующихъ разрѣшенія, сознающее, что многія части государственнаго организма расшатались и требуютъ обновленія, очевидно, не могло не поразиться тѣмъ, что вмѣсто дружныхъ усилій правительства и общества, направляемыхъ къ обсужденію всѣхъ вопросовъ, взяты были произвольно два вопроса, хотя и большой, но не первостепенной важности, и переданы на обсужденіе коммиссіи, которая въ теченіе цѣлой законодательной сессіи никакъ не можетъ окончить возложенную на нее задачу. Очевидно, что при такихъ условіяхъ естественно рождается сомнѣніе въ серьезности того значенія, которое должно бы принадлежать свѣдущимъ людямъ. И питейный, и переселенческій вопросъ, безъ всякаго сомнѣнія, представляются весьма существенными и важными, но никому не придетъ въ голову утверждать, чтобы они были важнѣе другихъ, напримѣръ, податнаго, паспортнаго и т. п.

Наконецъ несомнѣнно, что общество наше несравненно сочувственнѣе отнеслось бы къ дѣятельности «свѣдущихъ» людей, еслибы высказанныя ими мнѣнія, а также заключенія, къ которымъ они пришли, и вообще характеръ ихъ дѣятельности представлялись болѣе удовлетворительными и стоящими на высотѣ ихъ призванія. Въ этомъ отношеніи факты должны были бы говорить сами за себя и служить противовѣсомъ тѣмъ основательнымъ упрекамъ, которые могли быть вызваны ненормальнымъ порядкомъ избранія. Къ сожалѣнію, дѣятельность «свѣдущихъ людей», высказанные ими взгляды и положенія, по скольку они были оглашены, не могутъ быть отнесены къ числу такихъ, которые бы возбудили общественное сочувствіе. О разрѣшеніи свѣдущими людьми вопроса питейнаго мы, разумѣется, говорить не будемъ, такъ какъ это не относится къ предмету нашей статьи, а обратимся къ разбору тѣхъ мнѣній, которыя высказывались въ коммиссіи по вопросу переселенческому, еще, какъ извѣстно, окончательно не разрѣшенному.

Мы уже выше говорили, что при разрѣшеніи переселенческаго вопроса самое важное значеніе имѣетъ установленіе вѣрной исходной точки, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, это сложное экономическое явленіе будетъ поставлено на ложную почву. Очевидно, что если причины переселенія выставляются не тѣ, которыми это явленіе порождается въ дѣйствительности, то и вопроса не можетъ быть о томъ, чтобы «упорядоченіе» крестьянскихъ переселеній было разрѣшено согласно съ потребностями народной жизни. Какъ же посмотрѣли на переселенія свѣдущіе люди? Нисколько не опасаясь впасть въ какую либо тенденціозность и односторонюю критику, мы положительно можемъ ска-

зать, что, за исключеніемъ г. Колюпанова, всѣ остальные члены комиссіи высказали по переселенческому вопросу такіе взгляды, которые доказываютъ, что къ лицамъ, ихъ высказавшимъ, названіе «свѣдущаго человѣка» можетъ быть примѣнено развѣ въ видѣ довольно иронической аллегоріи. Встрѣчались и такія мнѣнія, которыя скорѣе можно отнести къ числу курьезовъ, чѣмъ серьезныхъ положеній. Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ графу Бобринскому, который полагалъ, что «пьянство и переселенія имѣютъ общую причину и порождаются, между прочимъ, неразвитостью народа и отсутствіемъ религіознаго руководства». Какимъ логическимъ путемъ могъ почтенный свѣдущій человѣкъ прійти къ подобному изумительному обобщенію причинъ, порождающихъ два такія разнородныя явленія, какъ пьянство и переселенія, представляется совершенно непостижимымъ.

Болѣе обстоятельно мотивировали свои мнѣнія члены комиссіи, принадлежащіе къ лагерю московскихъ славянофиловъ. Горячіе сторонники идей, проводимыхъ аксаковской «Русью», гг. Хомяковъ и Самаринъ,—изъ которыхъ послѣдній пріобрѣлъ извѣстность тою, достойной лучшаго примѣненія, энергіей, съ которой онъ, вопреки очевидности, доказывалъ достаточность крестьянскихъ надѣловъ, — видѣли въ переселенческомъ движеніи «историческую черту русскаго народа, благодаря которой достигнуты величина и величіе Россіи». На основаніи этой теоріи, переселенія являются не фактомъ, вызываемымъ ненормальными условіями экономической жизни, а совершенно естественною, «самобытною» наклонностью русскаго человѣка къ перекочевыванію съ мѣста на мѣсто. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе несообразное, чѣмъ такой взглядъ на переселенія! Несостоятельность и парадоксальность его такъ велики, что, собственно говоря, не заслуживаютъ опроверженія, и если мы на немъ остановились, то только потому, что въ немъ явно проглядываетъ стремленіе цѣлой партіи приписать русскому народу какія-то особенныя и, по правдѣ сказать, странныя черты. Начнемъ съ того, что никакія историческія особенности, племенныя черты и наклонности не въ состояніи порождать экономическихъ явленій, а, напротивъ, сами порождаются послѣдними. Эта аксіома соціальной науки, игнорируемая публицистами газеты «Русь» могла бы, кажется, получить право гражданства въ собраніи людей, обсуждающихъ серьезные государственные вопросы. Далѣе, періодъ кочеванія составляетъ ту неизбѣжную ступень, черезъ которую проходитъ каждое гражданское общество, въ первичную эпоху своей исторіи, и черезъ которую прошелъ не только русскій, но и всѣ другіе народы. Фактъ этотъ долженъ быть хорошо извѣстенъ даже изъ самыхъ краткихъ учебниковъ

исторіи. Изъ тѣхъ же учебниковъ видно, что какъ только народъ вступаетъ на извѣстную ступень гражданственности, такъ онъ прежде всего о с ѣ д а е т ъ на мѣстѣ, дѣлается народомъ осѣдлымъ. Русскій народъ, хотя и не могущій похвалиться высокой культурой, тѣмъ не менѣе, уже давно принадлежитъ къ числу народовъ осѣдлыхъ, слѣдовательно кочевыя наклонности, еслибы таковыя у него оказались, были бы наклонностями противогосударственными и должны были бы преслѣдоваться, а не поощряться. Государство не только не обязано, но даже не вправѣ содѣйствовать развитію кочевыхъ инстинктовъ народа, и еслибы въ переселеніи выражалась страсть къ бродяжничеству, то такое зло надо было бы не регулировать, а прямо воспретить. Очевидно, московскіе славянофилы, желая во всемъ находить самобытныя народныя черты, договорились до совершенно «самобытныхъ» абсурдовъ.

Къ сожалѣнію, крайней неполнотой и неопредѣленностью отличаются и болѣе компетентныя мнѣнія, высказанныя въ коммиссіи. Такъ, г. Вагановъ утверждаетъ, что причина переселеній коренится въ отсутствіи зимнихъ заработковъ и въ несоразмѣрной тягости податей. Читатели знаютъ, что эти причины являются въ дѣйствительности главными факторами, порождающими другое экономическое явленіе, именно промысловый отходъ, но не составляютъ тѣхъ спеціальныхъ стимуловъ, которыми обусловливается и управляется переселеніе. Изъ первой главы нашей статьи читатели знаютъ тѣ сложныя и глубоко затрогивающія экономическій бытъ побужденія, которыми вызывается переселенческое движеніе крестьянъ.

Мы пройдемъ молчаніемъ мнѣнія остальныхъ свѣдущихъ людей, не будемъ полемизировать и съ г. Евгеніемъ Марковымъ, полагающимъ, что причина переселеній коренится въ отсутствіи у насъ фермерскаго хозяйства, по англійскому образцу. Очень ужь стара эта пѣсня, чтобы затягивать ее вновь. Замѣтимъ только, что единственно вѣрная постановка переселенческаго вопроса была сдѣлана г. Колюпановымъ, который выяснилъ передъ коммиссіей тѣ экономическія причины, которыми въ дѣйствительности порождается переселеніе. Отъ нашего взгляда мнѣніе г. Колюпанова отличается тѣмъ, что къ тѣмъ общимъ причинамъ, которыя приведены нами, онъ присоединяетъ болѣе спеціальную причину, именно—отсутствіе запасныхъ общинныхъ земель. Мы не думаемъ, чтобы такое отсутствіе земель могло быть признано первостепеннымъ факторомъ, обусловливающимъ переселенія; по характеру своему, такая причина весьма второстепенна. Вѣдь и запасныя земли могутъ истощиться, слѣдовательно переселеніе все-таки должно будетъ наступить, хотя позднѣе, а моментъ, съ котораго возникаетъ потребность пере-

селяться, при обсужденіи этого явленія, существенной роли не играетъ. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ этой частности, мнѣніе г. Колюпанова представлялось совершенно правильнымъ, и мы можемъ только выразить сожалѣніе, что оно было единичное.

Каково будетъ окончательное разрѣшеніе коммиссіей переселенческаго вопроса—мы не знаемъ, но при господствѣ такихъ неправильныхъ взглядовъ, при полномъ отсутствіи сколько нибудь вѣрнаго діагноза этого труднаго и разносторонняго явленія, мы не можемъ разсчитывать на утѣшительные и согласные съ потребностями народной жизни результаты. Всѣ доходящія до насъ свѣдѣнія усиливаютъ наши пессимистическія предположенія.

IV.

Въ предшествовавшихъ главахъ мы исчерпали причины, порождающія переселенческое движеніе, и изложили взглядъ на это явленіе коммиссіи «свѣдущихъ» людей. Каково бы ни было практическое разрѣшеніе этого вопроса, мы не можемъ не указать еще разъ на всю неизмѣримую важность этого явленія, какъ въ узкой сферѣ крестьянскаго хозяйства, такъ и въ отношеніи благосостоянія цѣлаго государства. Въ интересахъ бо̀льшей производительности трудящихся классовъ, въ виду необходимости бороться съ пауперизмомъ, постоянно усиливающимся,—немедленное регулированіе переселенческаго движенія представляется безусловно-необходимымъ. Но такое регулированіе, или, какъ его у насъ называютъ, «упорядоченіе», не можетъ быть достигнуто иначе, какъ на основаніи устраненія тѣхъ причинъ, которыми такое явленіе вызывается. Разрѣшить переселенческій вопросъ—значитъ, въ сущности, устранить тѣ причины, которыми вызывается такое экономическое кочеваніе рабочаго элемента. Въ тѣхъ губерніяхъ, изъ которыхъ направляются самыя большія массы переселенцевъ, при настоящихъ условіяхъ, устранить переселенческое движеніе немыслимо; въ интересахъ государственныхъ необходимо возможно быстрѣе осуществить переселеніе для тѣхъ крестьянъ, которые, вслѣдствіе малоземелія и другихъ порождающихъ переселеніе факторовъ, не могутъ оставаться долѣе на мѣстѣ. Въ той быстротѣ, съ которой будетъ произведено переселеніе, надо видѣть самый существенный залогъ улучшенія матеріальнаго положенія нашего крестьянства. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо прежде всего привести въ извѣстность количество крестьянъ, нуждающихся въ переселеніи, а также запасы удобныхъ для колонизаціи казенныхъ земель и содѣйствовать переселенію, не останавливаясь ни передъ какими второстепенными и, большею частію, мнимым

затрудненіями. Нельзя одной рукой давать то, что отнимается другой, нельзя признавать необходимость переселеній, а самое осуществленіе ихъ обставлять такими условіями, при которыхъ крестьяне будутъ поставлены въ невозможность имъ воспользоваться.

Если за переселеніями признать характеръ экономическихъ и притомъ неизбѣжныхъ явленій, то вся задача правительственной власти должна сводиться къ тому, чтобы облегчить движеніе переселенцевъ, обезпечить ихъ бытъ на мѣстѣ новаго водворенія, и вообще стремиться, по возможности, ускорить исходъ этого процесса. Формальности, которыми обставляется переселеніе, должны быть самыя несложныя и доступныя для крестьянъ. Такъ называемое *переселенческое свидѣтельство*, которое проэктировали свѣдущіе люди, должно являться лишь выраженіемъ права крестьянина воспользоваться переселеніемъ, а никакъ не удостовѣреніемъ о томъ, что на немъ не лежитъ какихъ либо взысканій и недоимокъ. Гонимые нуждой, переселяющіеся крестьяне несомнѣнно окажутся обремененными различными недоимками, и стѣснять для нихъ возможность переселенія не только не цѣлесообразно, но даже положительно вредно. Государство должно прійти на помощь къ нуждающимся въ переселеніяхъ и употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы обставить переселенческое движеніе возможно широкими, доступными и благопріятными условіями. Всякаго рода *излишнія* формальности окажутся вредными, будутъ парализовать возможность переселеній и повлекутъ за собой то, что уровень экономической обезпеченности крестьянскихъ массъ не только не возвысится, но, напротивъ, ухудшится еще больше.

Едва-ли надо говорить о томъ, что на мѣстѣ водворенія переселенцы должны быть поставлены въ тѣ аграрныя условія, при которыхъ малоземеліе могло бы наступить возможно позднѣе. Это вытекаетъ само собою изъ тѣхъ причинъ, которыми переселеніе порождается. Земли, которыя освободятся вслѣдствіе переселенческаго отлива, должны быть равномѣрно распредѣлены между оставшимися членами крестьянскихъ общинъ. Такое увеличеніе земель несомнѣнно возвыситъ уровень ихъ экономическаго положенія, и возвышеніе это можетъ оказаться даже весьма существеннымъ. Но необходимо имѣть постоянно въ виду, что такое улучшеніе окажется весьма непродолжительнымъ и крестьяне будутъ приведены въ то же состояніе пауперизма и безпомощности, если не будетъ улучшена самая система сельско-хозяйственной культуры. Возвышеніе земледѣльческой культуры стоитъ въ зависимости отъ умственнаго прогресса страны, который, въ свою очередь, влечетъ за собой прогресъ экономическій и политическій. Единственное средство предотвратить

въ будущемъ наступленіе неизмѣримыхъ по своимъ послѣдствіямъ бѣдъ для нашихъ крестьянъ трехпольной полосы—мы видимъ въ постепенномъ переходѣ къ системѣ интенсивнаго хозяйства.

Въ тяжелые дни, переживаемые Россіей, когда проводятся самыя реакціонныя и обскуратныя теоріи, подъ видомъ принциповъ «народной политики», не только интенсивная культура, но даже умственное развитіе народа подвергается осмѣянію и поруганію; но мы не теряемъ увѣренности, что, вопреки «вѣщунамъ» этой самобытной народной мудрости, нашъ народъ стряхнетъ съ себя тяготѣющія надъ нимъ путы и пойдетъ той же дорогой, которой шли всѣ цивилизованные народы.

Е. Карцевъ.

ТЮРЕМНАЯ ФИЛАНТРОПІЯ.

(По поводу „Отчета С.Петербургскаго Дамскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета за 1879 и 1880 годы").

Существующее, съ 1819 г., Общество попечительное о тюрьмахъ состоитъ «подъ высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора, изъ лицъ обоего пола, благороднаго, духовнаго и купеческаго сословій», а дѣйствуетъ: въ столичныхъ губернскихъ и портовыхъ городахъ—чрезъ комитеты, и въ уѣздныхъ—посредствомъ отдѣленій комитетовъ. Такимъ образомъ, «Общество», распространенное на всю Россію, составляется болѣе чѣмъ изъ 4000 чел., трудящихся не только даромъ, безъ всякихъ служебныхъ правъ, но и вносящихъ ежегодно въ кассы комитетовъ свои членскія приношенія (обязательно: въ комитетахъ—не менѣе 15 р., а въ отдѣленіяхъ—не менѣе 5 р. въ годъ). (*) Филантропическое это учрежденіе, въ продолженіе своей 62-хъ-лѣтней дѣятельности, пережило не мало превратностей, главнымъ образомъ, вслѣдствіе постояннаго стремленія администраціи ограничить его права и подчинить его своему усмотрѣнію. Но императоры Александръ I, Николай I и Александръ II настолько цѣнили заслуги Общества, что не допустили администрацію ни завладѣть имъ, ни съузить его прерогативы, почему оно, «по закону», и донынѣ сохранило первоначальную свою самостоятельность. Мы говоримъ «по закону», потому что въ дѣйствительности Общество, въ послѣднее время, утратило значительную долю своихъ правъ, ибо администрація не стѣснялась пренебрегать закономъ.

Мало того: въ теченіе предшествовавшихъ 10—15 лѣтъ, о тюремной реформѣ появлялись различные проэкты, въ которыхъ

(*) Считая только этотъ взносъ и беря среднюю цифру за норму, т. е. по 10 р., выходитъ 40,000 р. въ годъ, тогда какъ очень многіе жертвуютъ сотнями, а иные и тысячами въ годъ.

настойчиво проводилась идея о совершенномъ изгнаніи комитетовъ и ихъ отдѣленій изъ тюремъ и о передачѣ послѣднихъ въ исключительное вѣдѣніе «отвѣтственныхъ» (?) смотрителей, чтобы администраціи было удобнѣе распоряжаться по своему; но проэкты эти также оставлены были безъ послѣдствій по весьма естественнымъ причинамъ. Почившій Императоръ Александръ II изволилъ выражаться, что «Общество, учрежденное Александромъ I, не можетъ быть упразднено въ царствованіе Александра II (*), а государственный совѣтъ, раздѣляя приведенный взглядъ, считалъ Общество полезнымъ за то, что оно служило государству безвозмездно, было надежнымъ контролеромъ плохой тюремной администраціи, не вводило казну въ излишніе расходы на пополненіе растрачиваемыхъ кѣмъ либо суммъ, а пополняло ихъ собственными средствами, да еще ежегодно тратило на тюрьмы, въ подспорье къ недостаточнымъ казеннымъ ассигновкамъ, «благотворительныхъ» отъ 600,000 р. до 1.500,000 въ годъ (въ 62 года оно помогло правительству болѣе чѣмъ на 39.000,000 р.)

Совершенно понятны какъ живучесть общества, такъ и плодотворность его дѣйствій, къ тому же вполнѣ соотвѣтствующихъ нашимъ народнымъ воззрѣніямъ, нравамъ и обычаямъ. Наглядным подтвержденіемъ всего сказаннаго служитъ лежащій предъ нами отчетъ, заглавіе котораго читатели видѣли выше. Дамскій Комитетъ состоитъ, 12 лѣтъ сряду, подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества, Евгеніи Максимиліановны, принцессы Ольденбургской, изъ директрисъ, преимущественно высокопоставленныхъ, но, по христіанскому долгу, усердно посвящающихъ свои труды на пользу «узницъ, въ темницахъ томящихся». Въ вѣдѣніи комитета состоятъ, по нравственной и матеріальной частямъ: женскія отдѣленіе тюремнаго замка и пересыльной тюрьмы, женская больница въ замкѣ же, пріютъ для арестантскихъ дѣвочекъ и убѣжище для женщинъ, выходящихъ изъ подъ стражи. Каждымъ изъ названныхъ учрежденій и ихъ административнымъ персоналомъ завѣдуетъ одна изъ директрисъ, которымъ иногда помогаютъ и директоры, прикомандированные къ дамскому комитету.

Изъ отчета видно, что содержалось женщинъ:

	въ 1879 г.	въ 1880 г.
Въ замкѣ	827	781

(*) Приведенныя слова передавалъ пишущему эти строки покойный П. А. Зубовъ, бывшій членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель одной изъ послѣднихъ коммиссій по тюремной реформѣ. То же самое говорили и другіе высокопоставленные лица.

Въ пересыльной тюрьмѣ	998	 693
« « « дѣтей .	175	 137
Изъ нихъ выбыло:		
Изъ замка	734	 657
« пересыльной тюрьмы	986	 671
« « « дѣтей .	174	 131

Затѣмъ, къ 1881 г. осталось: въ замкѣ—124, а въ пересыльной тюрьмѣ—22 женщины и 6 дѣтей.

Въ печатныхъ годовыхъ отчетахъ, представляемыхъ высочайшимъ покровителямъ Общества, со времени его основанія, всегда излагались, между прочимъ, и статистическія данныя о движеніи тюремнаго народонаселенія. Тѣмъ не менѣе, учрежденное, въ 1879 г., главное тюремное управленіе, признавъ «безотложнымъ ввести въ сферу своей дѣятельности собираніе и разработку статистики», которой будто бы, по соображеніямъ управленія, не было,—испросило въ 1880 г. разрѣшеніе: а) преподать, для составленія статистики, различныя многосложныя формочки; б) вести ее въ мѣстахъ заключенія по формочкамъ, на счетъ комитетовъ, и в) отнести на ихъ же средства и вознагражденіе статистикамъ самого управленія по 2,660 р. въ годъ. Формочки оказались столь премудрыми, что петербургскій, напр., мужской комитетъ затратилъ на однѣ бланки до 1,000 р., а наполнить графы бланокъ было до того недостижимо, что въ 1881 г. исправляющій временно должность Президента Общества нашелъ вынужденнымъ отмѣнить почти всѣ формочки и возвратиться къ порядку, господствовавшему много лѣтъ сряду. И въ разсматриваемомъ отчетѣ мы находимъ вѣрную, ясную статистику прежней системы о заключенныхъ женщинахъ: по возрасту, по мѣсту рожденія, по національности, по званію, по вѣроисповѣданію, по семейному положенію, по образованію, по ремесламъ, по роду преступленій, по срокамъ заключенія и т. д.

Внѣшній видъ помѣщенія арестантокъ, въ обѣихъ тюрьмахъ, положительно не оставляетъ желать ничего лучшаго: посѣтитель невольно забываетъ, что онъ въ тюрьмѣ; такова обстановка арестантокъ. Скажемъ болѣе: изумительною чистотою и опрятностью женскаго отдѣленія замка поражались даже, многократно бывавшіе тамъ, представители иностранныхъ державъ. Не подумайте, однако, что все зиждется на казовой сторонѣ. О, нѣтъ! День арестантокъ проходитъ, какъ заведенная машина; съ 6 ч. утра до 9 вечера онѣ употребляютъ опредѣленное число часовъ на уборку, молитву, чай, работу, прогулку, обѣдъ, школьное обученіе, слушаніе бесѣдъ, чтеніе и т. д., такъ что постоянный физическій и умственный трудъ, при строгомъ моральномъ руководительствѣ, даетъ себя чувствовать арестант-

камъ отрезвляющимъ образомъ и побуждаетъ ихъ къ дѣйствительному нравственному исправленію.

Самое трудное въ Петербургѣ — это снабженіе арестантовъ ремесленною работою за сносное вознагражденіе, такъ какъ многочисленный вольный пролетаріатъ, по нуждѣ, трудится здѣсь за всякую плату, и нерѣдко предложеніе труда далеко превышаетъ спросъ на него; явленіе это особенно печально отражается на ограниченности приложенія вообще женскаго труда, заключающагося въ швейномъ ремеслѣ. Тѣмъ не менѣе, арестантки замка сшили по заказамъ: въ 1879 г. 20,242, а въ 1880 г. 25,480 штукъ разнаго бѣлья, за что̀ получено въ 1879 г.: 2,061 р. 56 к., а въ 1880 г. 2031 р. 4 к.; изъ этихъ же денегъ отчислено работницамъ при ихъ освобожденіи: въ 1879 г. 511 р. 92 к., а въ 1880 г. 600 р. 41 к. Воздѣйствіе на умъ и сердце арестантокъ заключалось въ слѣдующемъ: кромѣ тюремнаго священника, другой, отъ комитета, велъ съ арестантками по 4 раза въ недѣлю духовно-нравственныя бесѣды, а грамотѣ и ариѳметикѣ учили двѣ учительницы, также 4 раза въ недѣлю по 2 часа. Посѣщало школу въ 1879 г. 108 арестантокъ, а въ 1880 г. 132. Для чтенія арестантокъ было книгъ духовнаго, историческаго, географическаго, беллетристическаго содержанія, и другихъ: въ 1879 г. 670, а въ 1880 г. 694.

Въ женскую больницу замка доставляются больныя, независимо отъ содержащихся въ замкѣ, еще изъ пересыльной тюрьмы и всѣхъ 13 столичныхъ частей. Всѣхъ больныхъ числилось: въ 1879 г.—257. а въ 1880 г. 270; между ними смертность была: въ 1879 г. - 9,62%, а въ 1880 г. 9,29%, т. е. несравненно меньше, нежели въ городскихъ больницахъ, гдѣ считается обыкновенною смертность въ 15% изъ свободныхъ людей.

Продовольствовались и одѣвались арестантки вполнѣ удовлетворительно. Въ скоромные дни они пользовались въ обѣдъ щами или супомъ съ говядиною, а въ постные – горохомъ; за ужиномъ же имѣли гречневую или пшонную кашу, капусту съ квасомъ, ботвинью; кромѣ того, пили, сколько хотѣли, квасу и дважды въ день чай. Одѣваются онѣ: привилегированныя въ холстинковыя платья, а простолюдинки въ тиковые капоты; размѣщаются же: первыя изъ нихъ, а также тѣ, при которыхъ находятся младенцы, отдѣльно отъ прочихъ.

Относительно размѣщенія въ замкѣ арестантокъ нельзя, кстати, не отмѣтить полнаго разлада, существующаго между закономъ и практикою. Окружный судъ осуждаетъ женщинъ, по дѣйствующимъ доселѣ статьямъ уложенія о наказаніяхъ: благородныхъ въ смирительный, а простолюдинокъ въ рабочій домъ; мировые же судьи, руководствуясь своимъ уставомъ о наказаніяхъ,

приговариваютъ всѣхъ, безразлично, къ тюремному заключенію или къ простому аресту. Всѣ эти отдѣльныя категоріи арестантокъ должны и содержаться въ различныхъ мѣстахъ, назначенныхъ спеціально для нихъ закономъ, тѣмъ болѣе, что условія содержанія въ смирительномъ, рабочемъ и арестномъ домахъ, по формулированнымъ для каждаго изъ нихъ правиламъ—совершенно разнородны и рѣзко отличаются между собою. На практикѣ же, по неимѣнію въ Петербургѣ особыхъ тюремъ—женщины всѣхъ названныхъ категорій, а нерѣдко и подслѣдственныя, содержатся въ женскомъ отдѣленіи Литовскаго замка, который съ 1877 г. именуется, притомъ же, исправительною арестанскою ротою, *) куда должны направляться, по закону, исключительно мужчины-простолюдины. Оттого, если-бы, столичные судьи и прокуроры строго соблюдали 9 и 11 ст. устава угол. судопроизводства, они могли бы выпустить немедленно изъ замка всѣхъ женщинъ, осужденныхъ въ смирительный и рабочій домъ, ибо «никто не можетъ быть содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ закономъ» а «судья или прокуроръ, до свѣдѣнія котораго дошло, что кто либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ».

Столичная пересыльная тюрьма, положенная на 150 чел., постоянно вмѣщаетъ въ себѣ отъ 300 до 600 чел., живущихъ въ ней отъ 2-хъ недѣль до мѣсяца, т. е. до отправленія ихъ дальше по назначенію. Въ этой тюрьмѣ женскому отдѣленію отведено 7 камеръ, которыя, средствами комитета, обставлены также очень хорошо во всѣхъ отношеніяхъ; тамъ есть даже ванны, въ которыхъ моются всѣ женщины, тотчасъ по приходѣ въ тюрьму, и купаютъ живущихъ при нихъ малолѣтнихъ дѣтей. Содержащихся здѣсь на кратчайшіе сроки—несомнѣнно еще затруднительнѣе пріурочить къ какому либо дѣлу. Не смотря, однако, на исключительность положенія пересыльныхъ женщинъ, онѣ тоже постоянно работаютъ, и въ 1880 г. сшили

*) Такой роты, за силою 1000 ст. уст. объ арест. рот., въ Петербургѣ вовсе и быть не должно. Всѣ свѣдущіе тюрьмовѣды согласны, что въ отсутствіи просторныхъ и приспособленныхъ зданій и заключается, въ сущности, весь тюремный вопросъ; профаны же разрѣшаютъ его передачею тюремъ въ руки „отвѣтственныхъ“ смотрителей и подъ присмотръ карьеристовъ, жаждущихъ „лакомыхъ кусковъ изъ общественнаго пирога“, хотя бы его пекли и арестанты. А петербургскій замокъ, въ то же время, биткомъ набивается арестантами разнаго званія и положенія, осужденными за различныя, не подходящія одно къ другому, преступленія!..

6,974 штуки бѣлья, причемъ заработали 440 р. 14 к., а изъ этой суммы 220 р. 7 к. получили на руки. Кромѣ того, онѣ слушаютъ бесѣды священника, сами читаютъ книги, или имъ вслухъ читаютъ директрисы и надзирательницы. Стремленіе комитета и его представительницъ помочь арестанткамъ—выразилось, въ 1880 г., въ различныхъ хлопотахъ о 141 женщинѣ и 14 дѣтяхъ, изъ которыхъ 19 женщинъ и 2 дѣтей — директрисы освободили; 16-ти женщинамъ – достали паспорты и, поэтому, ихъ тоже освободили; 31 женщинѣ — доставили задержанныя разными мѣстами и лицами собственныя ихъ (арестантокъ) вещи и деньги; ускорили разрѣшеніемъ дѣлъ—51 женщины.

Въ пріютѣ воспитывалось: въ 1879 г.—41, а въ 1880 г.—40 дѣвочекъ и дѣвицъ, по возрасту отъ 4-хъ до 18-ти лѣтъ,—все такія дѣти, родители которыхъ сосланы въ каторжную работу, на поселеніе, умерли въ тюрьмахъ или, послѣ ихъ освобожденія, пропали безъ вѣсти, либо отказались взять къ себѣ своихъ дѣвочекъ, по неимѣнію средствъ къ ихъ воспитанію и прокормленію. Задача пріюта, какъ сказано въ отчетѣ, заключается «въ доставленіи питомицамъ, кромѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, свѣдѣній и знаній, необходимыхъ для веденія домашняго хозяйства». Въ силу этого взгляда, въ пріютѣ нѣтъ никакой прислуги, а питомицы, сообразно ихъ возрасту, сами убираютъ комнаты, шьютъ и чинятъ бѣлье и платье, а старшія, сверхъ того, моютъ полы, бѣлье и готовятъ кушанья, подъ руководствомъ 2-хъ сестеръ милосердія и начальницы пріюта. Проводятъ дѣвочки время по установленной программѣ, причемъ, онѣ учатся Закону Божію, грамотѣ и ариѳметикѣ, раздѣляясь, на 3 класса; кромѣ того, учатся кроить и шить всякія вещи, вязать чулки, шарфы и проч. Въ отчетѣ изложены также статистическія свѣдѣнія о питомицахъ по ихъ возрасту, званію, семейному положенію, по времени поступленія въ пріютъ и выпуска изъ него, и куда именно. По отношенію къ пріюту, достойно особеннаго вниманія еще вотъ что. Стоилъ пріютъ въ 1879 г.—4,176 р. 17 к., а въ 1880 г.—4,285 р. 6 к., но эти деньги тратятся не напрасно, такъ какъ питомицъ, оканчивающихъ воспитаніе въ пріютѣ, охотно принимаютъ на мѣста, на которыхъ онѣ «оказываются добросовѣстными исполнительницами своихъ обязанностей». По закону, питомицамъ пріюта полагаются отъ казны только кормовыя по арестантскому положенію (на каждую по 43 р. 80 к. въ годъ), но по предстательству предсѣдательницы комитета, на содержаніе пріюта отпускается изъ государственнаго казначейства по 2,000 р. въ годъ. Пріютъ помѣщается въ наемномъ домѣ, гдѣ никакъ нельзя найти всѣхъ нужныхъ для учебнаго заведенія удобствъ; но, чтобы устранить эти затрудненія, а главное упрочить навсегда поло-

женіе пріюта, комитетъ, по иниціативѣ своей предсѣдательницы, успѣлъ собрать, на постройку для пріюта собственнаго дома, въ 1879 г.—19,351 р. 52 к.; а къ 1881 г. капиталъ этотъ возросъ до 26,907 р. 52 к. Прибавимъ, что домъ вчернѣ уже возведенъ на землѣ, безплатно уступленной городомъ на Преображенскомъ плацу, близъ Таврическаго сада.

Въ убѣжищѣ для освобождаемыхъ изъ подъ стражи было призрѣно: въ 1879 г.—39, а въ 1880—58 женщинъ; изъ нихъ выбыло на родину и на мѣста въ Петербургѣ: въ 1879 г.—15, а въ 1880 г.—30 женщинъ. Призрѣнницы, будучи въ убѣжищѣ, пользуются даровымъ помѣщеніемъ, содержаніемъ, одеждою, обувью, бѣльемъ и проч. И тутъ священникъ дважды въ недѣлю бесѣдуетъ съ ними, а учительница—учитъ ихъ грамотѣ. Спеціальное занятіе призрѣнницъ—стирка и глаженье всякаго бѣлья, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, для чего заведены машины и прочія приспособленія. Трудъ призрѣнницъ вознаграждается сообразно ихъ прилежанію и поведенію, но деньги, за исключеніемъ удовлетворенія мелочныхъ нуждъ,—выдаются имъ на руки только при отъѣздѣ на родину, на обзаведеніе необходимымъ имуществомъ, а если онѣ поступаютъ на мѣста здѣсь, то часть принадлежащихъ имъ денегъ оставляется на храненіе въ убѣжищѣ, чтобы онѣ не сразу порвали съ нимъ отношенія и чтобы этимъ способомъ можно было и дольше вліять на нихъ, покамѣстъ положеніе ихъ на волѣ не упрочится окончательно. Заработали призрѣнницы: въ 1879 г.—2,484 р. 73 к., а въ 1880 г.—3,430 р. 30 к. Изъ этихъ суммъ отчислено имъ: въ 1874 г.—582 р. 4 к.; а въ 1880 г.—551 р. 54 к. На все убѣжище затрачено: въ 1879 г.—8,261 р. 6 к., а въ 1880 г.—9,040 р. 74 к., въ томъ числѣ и на окупившіяся работы призрѣнницъ. За все время существованія убѣжища (съ 1872 г.), изъ пожертвованій и остатковъ отъ работъ, постепенно образовался запасный спеціальный фондъ, составившій къ 1880 г.—4,570 р. 41 к. Репутація убѣжища, въ которое женщины поступаютъ вполнѣ добровольно, настолько укрѣпилась, что разныя лица приглашаютъ къ себѣ оттуда прачекъ и хвалятъ ихъ поведеніе, аккуратность и охоту къ труду.

Мы изобразили здѣсь состояніе заведеній комитета лишь въ самомъ сжатомъ очеркѣ, собственно потому, что тѣсная рамка журнальной статьи не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, много распространяться о каждомъ изъ названныхъ учрежденій. Но въ наше время всеобщаго обѣдненія, матеріальная сторона всякаго дѣла играетъ весьма важную роль. Оттого намъ приходится еще извлечь изъ отчета выводы о томъ, во что именно обходится комитету, его представительницамъ и жертвователямъ, содержаніе всѣхъ названныхъ учрежденій въ превосходномъ порядкѣ,

что̀ пишущему эти строки—вовсе не принадлежащему къ составу Дамскаго Комитета—достовѣрно и коротко извѣстно, какъ постороннему наблюдателю. Ко всему, положенному отъ казны на арестантокъ и пріютъ, комитетъ употребилъ на предметы, ни казною, ни городомъ не оплачиваемые, но въ дѣйствительности неизбѣжные: въ 1879 г.—15,680 р. 82 к., а въ 1880 г.—16,300 р. 6 к. Затѣмъ, къ 1881 г. комитетъ все-таки располагалъ значительнымъ капиталомъ въ 37,202 р. 51 к. (въ процентныхъ бумагахъ), образовавшимся, понемногу, изъ пожертвованій и экономіи. Сопоставляя же цвѣтущее положеніе заведеній съ расходами комитета и его запаснымъ фондомъ,—нельзя, разумѣется, не признать какъ плодотворной дѣятельности этого комитета, такъ и полезности существованія комитетовъ вообще, въ интересахъ какъ самихъ заключенныхъ, такъ и общегосударственныхъ.

Не можемъ, по чувству справедливости, не отмѣтить, что столичный Дамскій Комитетъ, блестящими своими успѣхами, почти всецѣло обязанъ своей просвѣщенной и въ высшей степени гуманной предсѣдательницѣ. Она, не взирая на свое высокое положеніе, очень часто посѣщаетъ самолично подчиненныя ей учрежденія, во все тамъ вникаетъ, все отлично понимаетъ и знаетъ до мельчайшихъ подробностей, а изысканнымъ своимъ вниманіемъ, сердечною отзывчивостью и привѣтливостью положительно привлекаетъ всѣхъ и вызываетъ на ревностный трудъ и пожертвованія, для облегченія участи заключенныхъ, ихъ дѣтей и призрѣнницъ. Наконецъ, благодаря умѣнью принцессы Евгеніи Максимиліановны твердо отстаивать достоинство и права Дамскаго Комитета, онъ встрѣчаетъ покуда и со стороны администраціи всякое содѣйствіе къ достиженію благой цѣли, тогда какъ на мужской комитетъ администрація совсѣмъ уже начала смотрѣть бюрократическимъ и прямо враждебнымъ окомъ ..

Въ виду всего вышесказаннаго, нельзя не подивиться, что въ наше время, при господствующемъ намѣреніи правительства сокращать непроизводительные казенные расходы, современные «административные тюрьмовѣды» такъ сильно хлопочутъ объ уничтоженіи тюремной филантропіи, съ цѣлью возложить на государственное казначейство значительную часть новыхъ издержекъ. Въ теченіе послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ они успѣли сочинить т р п проэкта объ устраненіи петербургскихъ: дамскаго и мужскаго комитетовъ и попечительства надъ исправительною тюрьмою отъ участія въ тюремномъ дѣлѣ. Какъ только первый проэктъ былъ забракованъ, «тюрьмовѣды» быстро составили другой, а когда и онъ подвергся участи перваго, то чрезъ мѣсяцъ явился третій «прожектъ», который, судя по его содержанію, неминуемо долженъ провалиться, потому что

и онъ, подобно своимъ предшественникамъ, преисполненъ одинаковыми несообразностями и невѣрными данными. Такъ, въ первомъ проэктѣ, дѣятельность дамскаго комитета и попечительства надъ исправительною тюрьмой совершенно пропущена, какъ будто бы ихъ не существуетъ, а мужскаго комитета — извращена и сведена къ нулю, тогда какъ изъ третьяго проэкта,— разумѣется, противъ воли составителей,—дѣятельность всѣхъ трехъ учрежденій представляется весьма почтенною и настолько заманчивою, что «реформаторы» ходатайствуютъ о присвоеніи имъ самимъ правъ этихъ учрежденій. Точно также, по даннымъ перваго проэкта, мужской комитетъ затратилъ въ 3 года 38,469 р., тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ издержалъ за это время 106,125 р.; а о проставленныхъ выше цифрахъ расходовъ Дамскаго Комитета—умолчано совсѣмъ; въ послѣднемъ же проэктѣ излагается, что Дамскій Комитетъ затратилъ въ 1879 и 1880 г. 15,044 р., между тѣмъ какъ эта цифра только годовая. Второй проэктъ доказываетъ, что столичная тюремная филантропія не только безполезна, но даже вредна, а третій проэктъ поясняетъ, что эта вредная филантропія съумѣла скопить капиталъ въ 316,492 р., поэтому необходимо лишить ея этой суммы, составляющей, однако, ея неоспоримую собственность, и т. д., и т. д. Короче, всѣ «прожекты» всецѣло обусловливаются присутствіемъ страстнаго желанія взять въ свои неумѣлыя руки бразды правленія надъ тюрьмами и означенный солидный капиталъ, чтобы было на что развернуться... Впрочемъ, этому интересному предмету мы посвятимъ обстоятельную отдѣльную статью одного изъ нашихъ сотрудниковъ, спеціалиста по тюремной части.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Классификація интеллигенціи и ея козлища.—Тактика и стратегія рыцарей „самобытничества“. — Смѣшеніе понятій „буржазіи“ и „интеллигенціи“— и мораль сей басни.—Что есть истинная „интеллигенція“ и ея заслуги предъ русскимъ народомъ.—Рецептъ «плаканія съ народомъ», по редакціи славянофиловъ и западниковъ.

Принимаясь за оборону интеллигенціи противъ стремящихся упразднить ее б ѣ л ы х ъ анархистовъ—«самобытниковъ», необходимо прежде всего условиться, кого именно мы оборонять станемъ. Прикрывать своимъ щитомъ все то, что̀ именуется «интеллигенціей», и ломать копья за всѣхъ, составляющихъ «ненародъ», по термину нашихъ противниковъ, значило-бы обобщать весьма не однородныя явленія, рисковать исходомъ борьбы и, во всякомъ случаѣ, обезцвѣтить свое знамя, если не выронить его совсѣмъ изъ рукъ.

Интеллигенція—интеллигенціи рознь. То есть, въ существѣ дѣла, интеллигенція,—какъ понятіе руководящей, духовно-творческой силы данной страны—ея, такъ сказать, головы,—можетъ быть только о д н а, въ цѣлокупности своихъ органовъ и отправленій; но въ такой чистотѣ и безпорочности интеллигенція мыслима только въ теоріи. Въ дѣйствительности-же, подобно золоту, которое всего чаще встрѣчается въ смѣси съ вульгарнымъ колчеданомъ, интеллигенція точно также перемежается и обезображивается множествомъ сомнительныхъ подмѣсей и суррогатовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ея истинной идеей и задачами. Эта обыкновенная, общедоступная истина наглядно подкрѣпляется повседневными фактами, такъ что ее не нужно было бы и доказывать, еслибъ гг. Аксаковы, Катковы, Мещерскіе и К° не игнорировали ее умышленно, въ видахъ полемическихъ, посредствомъ грубой шуллерской передёржки. Мы назовемъ это безъ околичностей шуллерствомъ; да и какъ назвали-бы вы, напр., того минералога, который, на основаніи присутствія колчедана въ золотой розсыпи, сталъ-бы отрицать самое существованіе золота и увѣрять, что золото и колчеданъ, по достоинству, од-

но и то же.—Безъ сомнѣнія, вы сочтете его либо за невѣжду, либо за шарлатана... Нѣчто въ этомъ родѣ, по своей рогатой логикѣ, продѣлывается и нашими «самобытниками» въ ихъ скифскомъ нашествіи на интеллигенцію. Тактика ихъ состоитъ въ томъ, чтобы все то, что̀ носитъ обличіе европеизма и составляетъ «не-народъ», безъ разбора валить въ одну кучу и огуломъ ставить за счетъ интеллигенціи. Разумѣется, при такой группировкѣ, въ кучѣ должно оказаться много безобразнаго хлама, подъ этикетомъ западной культурности и отчужденія отъ народа; но самобытники этотъ-то мусоръ и ставятъ на первый планъ, стараясь загромоздить имъ и засорить общее представленіе объ интеллигенціи и объ интеллектуальныхъ стремленіяхъ петербургскихъ западниковъ. Разчетъ у нихъ, въ этомъ случаѣ, основанъ на увѣренности, что россійскій благосклонный читатель не дальновиднѣе крыловскаго пѣтуха, который не въ состояніи отличить жемчужныхъ зеренъ отъ навоза... Къ сожалѣнію, разсчетъ часто оправдывается, потому что такихъ пѣтуховъ, среди просвѣщенныхъ и впечатлительныхъ читателей, видимо-невидимо.

Можно-бы доказать, подборомъ безчисленныхъ примѣровъ и цитатъ, что вся тактика и стратегія нашихъ противниковъ зиждется на такомъ именно преднамѣренномъ, завѣдомо лживомъ смѣшеніи жемчуга интеллигенціи съ ея навозомъ. На эту благодарную тему написана цѣлая обширная литература. Все, что только встрѣчается въ современномъ петербургскомъ обществѣ, въ его бытѣ и устройствѣ, нездороваго, ветхаго, гнилаго и антинароднаго, и отъ чего открещивается и крестомъ, и пестомъ сама истинная интеллигенція, — все это подхватывается и съ торжествующимъ видомъ ставится ей въ улику, какъ прямое ея порожденіе, плоть отъ плоти, кость отъ кости ея.

Непомнящій родства «Голосъ», прославившій днесь за большаго либерала, въ силу пословицы «на безрыбьѣ и ракъ рыба», сболтнулъ, съ отличающей его неуклюжестью, безсмертное увѣщаніе: «не разнуздывайте звѣря!» — и въ лагерѣ «народниковъ» поднимается злорадный гамъ, а въ грубой и несчастной обмолвкѣ косноязычной редакціи читается затаенная, якобы, исповѣдь *всего* русскаго либерализма, *всей* русской «западнической» интеллигенціи!

Тормозитъ, коверкаетъ и парализуетъ русскую жизнь чрезмѣрное развитіе бюрократизма; опустошительнымъ вихремъ носится по лицу русской земли, звеня валдайскими колокольчиками и чистя зубы встрѣчному - поперечному мужику, неукротимый «чиновный извергъ», по щедринскому термину... Кѣмъ это создано?—«европейцемъ»—Петербургомъ!—Кого изображаетъ собою «чиновный извергъ?»—представителя интеллигенціи.

Происходитъ гомерическое «хищеніе» казны и народнаго достоянія. Воруютъ кассиры, воруютъ интенданты, воруютъ таможенные чиновники; чуть не цѣлыми губерніями отчуждаются лакомыя казенныя земли шайкою титулованныхъ грабителей въ шитыхъ мундирахъ, съ элегантными манерами и лоскомъ европейскаго образованія... Кто эта хищная, воровская орда?—Интеллигенція!

Несытыми волками рыскаютъ, въ качествѣ представителей земства и «свѣдущихъ людей», Пафнутьевы, Дракины, Собакевичи и Чичиковы, измышляютъ способы кормиться на счетъ народнаго пота, сочиняютъ краснорѣчивые проэкты «объ оздоровленіи корней», посредствомъ реставраціи помѣщичьей власти, а пока выжимаютъ изъ мужика соки не мытьемъ, такъ катаньемъ... И, вѣдь, всѣ-то они представители «культурнаго» класса! Какъ же не воспользоваться ими и ихъ гнусностями для новой вѣской инкриминаціи противъ русской интеллигенціи въ ея анти-народныхъ вожделѣніяхъ?.. Дѣйствительно, не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, въ одной повредившейся петербургской газеткѣ,—съиздавна, впрочемъ, составившей себѣ прочную репутацію «органа Емелей», — такой остроумный опытъ уже и сдѣланъ. Какой-то мудрый Емеля, трудолюбиво, въ потѣ лица, сдѣлалъ сводку фактовъ, обнаруживающихъ плантаторскія и буржуазно-олигархическія поползновенія многихъ представителей земства и крупнаго землевладѣнія. Необыкновенно довольный собою и своей работой, Емеля подвелъ умозрительную линеечку произведенной сводкѣ и, ничто-же сумняся, сдѣлалъ заключительный выводъ: что такова, молъ, вся наша земская интеллигенція и таковъ-то ея либерализмъ, оказывающійся, по справкѣ, стремленіемъ къ «господчинѣ» и къ закабаленію мужика на точномъ основаніи «правоваго порядка»... Коротко, ясно и убѣдительно!

Но то, что̀ наивный и незлобивый Емеля измыслитъ и умозаключитъ въ этомъ родѣ, единственно по слабоумію и неумѣнію отличить жемчугъ отъ навоза, — то самое сознательно и злонамѣренно возведутъ въ перлъ созданія и въ систему, путемъ шуллерскихъ продѣлокъ, болѣе ловкіе, откровенно-ярыжные «псторіографы и чревовѣщатели» псевдо-народнической партіи. Такими бойцами, ничѣмъ не стѣсняющимися въ выборѣ оружія, показали они себя, напр., въ курьезномъ и весьма характеристическомъ спорѣ о томъ—слѣдуетъ-ли, или не слѣдуетъ поэта Лермонтова и купца Губонина, въ равной степени, признавать представителями буржуазіи, интеллигенціи тожъ. Либеральные органы «западническаго» лагеря, разумѣется, возстали противъ такого фальшиваго обобщенія, далеко превышающаго смѣшеніе Шекспира съ сапогами, а псевдо-народники, скаля зубы и щеголяя

проворствомъ лукавой аргументаціи, твердили, — не слушая, по своему обыкновенію, возраженій, —что такое-де обобщеніе самое настоящее, самое достовѣрное, что и г. Губонинъ, и Лермонтовъ, а если—допустимъ—не Лермонтовъ, то ужь безспорно Некрасовъ, Добролюбовъ, Щедринъ и Тургеневъ суть, въ равной степени, буржуа, полезные и вредные, каждый по своему, съ точки зрѣнія демократической «народной политики».

Это было цѣлое открытіе, нѣчто въ родѣ генеральной побѣды, ибо само собою понятно,—доказать, что буржуазія и интеллигенція синонимы, что онѣ одна съ другою отождествляются, значило-бы нанести смертельный ударъ въ самомъ центрѣ русскаго западничества и русскаго либерализма. Конечно, доказать этого было нельзя, и никакого открытія псевдо-народники не сдѣлали; но они привыкли хранить торжествующій видъ побѣдителей и трубить побѣды даже и тогда, когда ихъ самихъ на всѣхъ пунктахъ бьютъ... Между ними есть такіе неунывающіе литературные «ваньки-встаньки», что, сколько-бы вы ихъ ни щелкали и ни сбивали съ ногъ, они всегда воспрянутъ и непзмѣнно будутъ стоять передъ вами во фронтъ, съ вызывающимъ видомъ ярмарочнаго турки.

Этотъ эпизодическій споръ о Лермонтовѣ и Губонинѣ показалъ только, что наши націоналъ-консерваторы, размахивая знаменемъ демократизма и народности, покушаются упразднить интеллигенцію въ самомъ принципѣ, не давая ей пощады ни въ одномъ изъ ея проявленій. Это былъ смѣлый ходъ, вѣнчавшій всѣ частныя покушенія и отдѣльныя аттаки:—отождествить логически и исторически понятіе интеллигенціи и буржуазіи, свалить ихъ въ одну безразличную, однородную кучу, доказать, что и та и другая одинаково анти-народны, узко-парціальны и эгоистичны въ своихъ конечныхъ стремленіяхъ, какъ бы ни казались они либеральными съ виду... Что-жъ бы, послѣ этого, осталось отъ русской интеллигенціи и гдѣ нашла-бы она опорную точку для оправданія своего бытія? Однако-жъ, она продолжаетъ жить, и хочетъ жить, не взирая на всѣ препоны, поставляемыя ея развитію и преуспѣянію... Но, повторяемъ, что подъ истинной интеллигенціей отнюдь не слѣдуетъ понимать все то, что носитъ ея обличье, что облеклось въ европейскія формы, отъ моднаго костюма до модныхъ идеекъ и образа жизни. Въ самомъ либеральномъ лагерѣ нашемъ есть фракціи, которымъ мы симпатизировать не можемъ, и если до сихъ поръ всѣ русскіе либералы обобщаются въ одну безразличную «партію» и, повидимому, стремятся къ одной цѣли, одушевлены одними и тѣми же надеждами и желаніями, то это только потому, что покамъ не предоставлено простора опредѣленно высказаться, каждому по своему разумѣнію. Но коль скоро будетъ данъ такой

просторъ, (стремленіе къ которому и служитъ объединительнымъ цементомъ для всѣхъ либераловъ), коль скоро будутъ формулированы въ опредѣленныя программы затаенныя пока соціально-политическія доктрины разныхъ либеральныхъ фракцій и получатъ почву для практической и теоретической провѣрки,—въ либеральномъ лагерѣ, который имѣетъ теперь видъ единства, произойдетъ неизбѣжно великій расколъ. Въ немъ окажется много званныхъ и мало избранныхъ. Даже болѣе—многіе изъ фигурирующихъ нынѣ на публичной аренѣ въ роли либераловъ, превратятся немедленно въ ярыхъ консерваторовъ и рутинеровъ. Пропзведите, напр., измѣреніе либерализма «Голоса» и ему подобныхъ, одноцвѣтныхъ органовъ—далеко-ли и глубоко-ли онъ простирается?.. Несомнѣнно, что либеральныя вожделѣнія очень многихъ представителей русской интеллигенціи не идутъ далѣе буржуазнаго конституціонализма, а есть между нашими либералами немало и такихъ новаторовъ, у которыхъ всѣ свободолюбивыя стремленія сводятся, въ сущности, къ утвержденію гарантій для безпрепятственнаго развитія одного лишь олигархическаго лендъ-лордства на феодальной подкладкѣ...

Гдѣ-же искать истинную интеллигенцію и кѣмъ наполнимъ мы ея ряды?—Слава Богу, искать есть гдѣ, и ряды наши не будутъ пусты... Съ отраднымъ чувствомъ мы видимъ, что на Руси съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ ростетъ и множится, крѣпнетъ и развивается классъ безсословныхъ людей—просвѣщенныхъ тружениковъ, которые не отдѣляютъ своихъ стремленій и интересовъ отъ интересовъ и стремленій народа, которые умѣютъ не только плакать съ народомъ,—притомъ вовсе не слановильски-фарисейскими слезами г. Аксакова,—но умѣютъ и учатся работать съ народомъ, а главное—для народа. Такихъ людей и въ прежнее время встрѣчалось немало въ средѣ русскаго образованнаго общества, а теперь ихъ число, хотя все еще далеко недостаточное — увеличилось до небывалыхъ размѣровъ и увеличивается постоянно. Они, какъ мы сказали, не составляютъ какого нибудь сословія—они даже не «партія» въ общепринятомъ смыслѣ. Сельскій священникъ, сельскій учитель, земскій врачъ, земскій дѣятель, ученый профессоръ, литераторъ, журналистъ, техникъ, агрономъ и т. под. представители науки и культуры, посвящающіе свои знанія и таланты, прямо и косвенно, на пользу народную, на развитіе и возвышеніе благосостоянія народной массы, ставящіе ея интересы, ея свободу превыше всего, являющіеся ея адвокатами и представителями въ области слова,—вотъ истинная интеллигенція!.. Хотите именъ?—Мы могли-бы привести ихъ десятки—именъ славныхъ, которыя народъ впослѣдствіи, съ распространеніемъ въ немъ просвѣщенія, навѣки запечатлѣетъ въ своей благодарной

памяти, начиная съ Радищева, Новикова, и кончая Некрасовымъ, княземъ Васильчиковымъ и т. д.

Мы привели имена дѣятелей, которые непосредственно работали для народа, писали для него и о немъ, знакомя культурное общество съ его жизнью, бытомъ и нравами, будили совѣсть «вверху стоящихъ» картинами страданій и нуждъ, неволи и недоли забитой, угнетенной сельской массы... Но еслибы зашла рѣчь о всѣхъ услугахъ и подвигахъ русской интеллигенціи, оказанныхъ дѣлу развитія и просвѣщенія Россіи и, такъ или иначе отразившихся благотворнымъ образомъ на судьбѣ народной массы, то, безъ сомнѣнія, списокъ нашъ значительно раздвинулся-бы и въ немъ нашли-бы себѣ мѣсто имена всѣхъ, когда либо прославившихся на Руси, героевъ знанія и труда. Но, при этомъ, вотъ что замѣчательно! Приводя въ извѣстность составъ русской интеллигенціи, въ вышеуказанномъ смыслѣ, вспоминая о выбывшихъ изъ ея рядовъ славныхъ дѣятеляхъ и всматриваясь въ стоящихъ нынѣ, подводя, наконецъ, итогъ всему, что̀ ими сдѣлано на разныхъ поприщахъ, мы получимъ общій двухсторонній счетъ: во-первыхъ,—всего того, чѣмъ послужило родинѣ, въ положительномъ отношеніи, такъ называемое, русское «западничество», а, во-вторыхъ—всего того, чѣмъ активно заявили себя, въ теченіе петербургскаго періода, «командующіе классы» въ области «народничества», народолюбія и, вообще «народной политики» выражаясь терминомъ нео-славянофиловъ. Результаты дѣятельности, въ этомъ отношеніи, какъ «западничества», такъ и «командующихъ классовъ»—это одна и та же величина, равная самой себѣ, потому что лучшая, избранная часть командующихъ классовъ всегда состояла у насъ изъ интеллигенціи, въ свою очередь, равной «западнической» группѣ русскаго общества, ибо иной интеллигенціи у насъ никогда не было, если не считать малочисленныхъ славянофиловъ и самобытниковъ, прежнихъ и новѣйшихъ, которые, къ тому-же, зачастую пробавлялись однимъ суесловіемъ...

Словомъ, мы хотимъ сказать, что всѣ наши знаменитые «печальники горя народнаго», всѣ дѣятели, послужившіе перомъ и дѣломъ, на разныхъ поприщахъ, освобожденію, возвышенію и просвѣщенію народа, хотя бы только со временъ упраздненія крѣпостнаго права и въ дѣлѣ этого самого упраздненія, были исключительно западники, истые представители русской либеральной интеллигенціи — той самой, которую гонятъ теперь со свѣта гг. Аксаковы и Мещерскіе за ея, будто-бы, «ненародность», за ея, якобы, отщепенство отъ Россіи и стремленіе къ обезличенію русскаго человѣка. Этого мало: — мы утверждаемъ, на основаніи неотразимыхъ фактовъ, что самая народническая идея, самая программа «народной политики», въ

широкомъ смыслѣ, всецѣло принадлежатъ передовымъ умамъ той-же самой русской интеллигенціи, всецѣло изобрѣтены, развиты и проведены въ сознаніе общества нашей «западнической» либеральной литературой. Возьмите какую угодно область этой литературы, и—вы не оберетесь ясныхъ доказательствъ искренно и дѣйствительно народническаго направленія, проникавшаго каждую строчку и одушевлявшаго всѣ честныя лучшія перья «западническаго» лагеря. Сколько разъ, напр., разные ухари и «молодцы» изъ самобытническаго лагеря выскакивали и били своими боками И. С. Тургенева за его ультра-западничество... И однакожъ этотъ ультра-западникъ, въ самое суровое время гнета и неволи, вывелъ, въ своихъ безподобныхъ «Запискахъ Охотника», рядъ симпатичнѣйшихъ крестьянскихъ типовъ, тепло и любовно освѣтивъ ихъ человѣчность, ихъ духовную красоту и крѣпость. Въ то время, когда славянофилы, хвастаясь малиновымъ звономъ своего народолюбія, безмятежно кормились и наслаждались жизнью отъ труда и пота своихъ крѣпостныхъ,—Тургеневъ первый выступилъ проповѣдникомъ упраздненія крѣпостнаго права, упреждая его дѣйствительное упраздненіе на цѣлую почти четверть столѣтія. И мало-ли такихъ-же краснорѣчивыхъ примѣровъ истинной любви къ «мужику» и горячей проповѣди за его человѣческія права, за его свободу, могли-бы мы набрать изъ сокровищницы нашей «западнической» либеральной литературы?!..

Но «самобытники» припасли противъ этого неоспоримаго факта своеобразное возраженіе. Они соглашаются, что, дѣйствительно, русская либеральная интеллигенція и ея литература не были равнодушны къ участи народа, но на свой, «господскій» ладъ: онѣ «плакали-де только н а д ъ народомъ, а не с ъ народомъ»... Однакожъ, — любопытная вещь! — когда очень недавно г. Самаринъ сей alter ego г. Аксакова, вкупѣ съ десятью единомышленниками - народолюбцами, подалъ свой голосъ въ московскомъ земскомъ собраніи за поддержаніе и усугубленіе порки народа—значитъ, за усугубленіе п л а ч а народнаго, — то не слышно было, чтобы г. Самаринъ и его «партія» изъявили готовность самоотверженно, вмѣстѣ «с ъ народомъ», ложиться подъ розги, хотя это былъ-бы логически послѣдовательный шагъ, безусловно обязательный для героевъ, рѣшившихся повсечасно «плакать съ народомъ»... Вообще, не славянофиламъ-бы упрекать кого-бы то нибыло въ фарисействѣ и «господской» водянистости сочувственныхъ народу слезъ! Можно-бы спросить: кто-жъ это — не они-ли, состоявшіе главнымъ образомъ изъ крупныхъ помѣщиковъ и, въ дни крѣпостничества, вовсе не думавшіе поступаться своимъ правомъ,—не они-ли «плакали съ народомъ» въ годины его трудной рабской доли? Не нынѣшній-ли редак-

торъ «Руси», И. С. Аксаковъ, плачетъ съ народомъ, засѣдая на комфортабельномъ директорскомъ креслѣ въ московскомъ коммерческомъ банкѣ, и содѣйствуя личными услугами процвѣтанію мѣстнаго капитализма, кулачества и спекулянтства? Не онъ-ли, купно съ Д. Ѳ. Самаринымъ, орошали сострадательными слезами горестную участь малоземельнаго мужика, когда краснорѣчиво ратовали противъ надѣленія его мало-мальски сноснымъ количествомъ земли? Не онъ-ли плачетъ съ народомъ, еще на сихъ дняхъ расписавшись въ своей газетѣ, отъ имени всего народа, въ томъ, что сей послѣдній, «слава Богу», премного доволенъ и счастливъ своей судьбою, что на Руси нѣтъ и помину объ аграрномъ вопросѣ, вопреки увѣренію злоумышленныхъ «либераловъ», такихъ, напр., какъ извѣстный профессоръ Энгельгардтъ, свидѣтельствующій, что народъ, вслѣдствіе своей трудной доли, съ нетерпѣніемъ ждетъ какого-то «вольготнаго, новаго положенія» и «равненія земли»? Наконецъ, этотъ возмутительнѣйшій и постыднѣйшій для XIX столѣтія фактъ— открытой защиты розогъ учениками и сторонниками «Руси»... Не эти-ли плантаторы подадутъ намъ примѣръ проливанія «слезъ съ народомъ»?.. Нѣтъ! современникамъ и потомству всѣ эти господа «самобытники» съумѣли только представить поучительное «позорище», какъ люди могутъ плакать крокодиловыми слезами...

Но, кромѣ того, что искренность плача «съ народомъ» г. Аксакова «съ товарищи» болѣе чѣмъ сомнительна, самая идея такого именно плача вовсе не имъ принадлежитъ. Первые высказали эту идею опять таки наши «западники» демократическаго оттѣнка, и — не только высказали ее, какъ руководящее начало для каждаго истиннаго друга народа, но пытались и пытаются, въ лицѣ своихъ наиболѣе экспансивныхъ, горячихъ головъ, примѣнить ее на практикѣ, въ своей жизни и въ своемъ образѣ дѣйствій. Хорошо извѣстно, что въ нашемъ западнически-либеральномъ лагерѣ есть отдѣльная фракція, имѣющая свои органы и въ литературѣ, пользующаяся симпатіей молодежи и сама себя именующая «народнической». Фракція эта есть, въ сущности, ничто иное, какъ крайнее и не всегда разумное выраженіе гуманитарнаго, освободительнаго въ пользу народа движенія, давно одушевлявшаго и нынѣ одушевляющаго лучшихъ русскихъ «западниковъ».

Народно-западническая партія довела это движеніе почти до религіозности, до самоотверженія. Ея программа — подвижничество и аскетизмъ ради народа, возведеннаго ею въ кумиръ. И вотъ въ эту-то программу, дѣйствительно, входитъ основнымъ положеніемъ миссія—«плакать съ народомъ», жить его жизнью, страдать его болями, глодать съ нимъ его горь-

кій, мякинный хлѣбъ насущный, и буквально, и фигурально...

Выше мы замѣтили въ шутку о славянофильствующихъ народолюбцахъ, съ г. Самаринымъ во главѣ, что если они собираются учить насъ, какъ нужно «плакать съ народомъ», то имъ подобало-бы, ради послѣдовательности, вотируя сѣченіе народа, самихъ себя, прежде всего, обречь этой операціи. Мы могли сказать это только въ шутку, потому что серьезно спрашивать послѣдовательности и согласія слова съ дѣломъ отъ фарисеевъ было-бы нелѣпо... Можно представить себѣ, съ какимъ олимпійскимъ видомъ г. Самаринъ крикнулъ-бы: «караулъ! городовой!» еслибы, вслѣдъ за его краснорѣчивымъ словомъ о пользѣ розги для мужика, пригласили его реальнымъ образомъ влѣзть въ шкуру этого-же мужика и поплакать съ нимъ подъ градомъ березовыхъ вѣниковъ... А, между тѣмъ, западническаго «народника» вы этимъ нисколько не смутили-бы! Не очень давно, для зубоскаловъ легкой прессы, непстощимую потѣху доставило печатное засвидѣтельствованіе въ одномъ либеральномъ органѣ, что истинный представитель народнической партіи («западническаго» лагеря) простираетъ свое народолюбіе,—свое горячее стремленіе слиться съ народомъ, уйти въ него,—до фанатической готовности, если нужно, безропотно ложиться вмѣстѣ съ мужикомъ подъ розги...

Скажите-же, послѣ этого, кому у кого—«западникамъ»-ли у риторовъ славянофильства, или обратно—слѣдуетъ учиться любить народъ и плакать съ нимъ?.. И, наконецъ, какое нужно имѣть безстыдство, чтобы, въ виду указанныхъ фактовъ, бросать огуломъ во всю русскую интеллигенцію упрекъ въ томъ, будто она, въ своихъ конечныхъ политическихъ и соціальныхъ стремленіяхъ, представляетъ собою ничто иное, какъ «либеральничающую опричнину»?.. (Этотъ новый титулъ для интеллигенціи—послѣдній перлъ полемическаго остроумія г. Аксакова). Какъ могъ повернуться у него языкъ сказать, что, будто-бы, «знамя отрицанія народности и самобытности составляетъ сущность всего новѣйшаго русскаго либерализма», что у него одна цѣль—добиться «возможности муштровать и ладить презираемый имъ народъ по своему измышленію», что будтобы «всѣ идеалы всей русской интеллигенціи сводятся къ «захвату власти» надъ народомъ въ пользу средняго сословія, или въ пользу одной доктринерствующей, хотя бы демократической или радикальной партіи надъ всѣми другими разномыслящими съ нею и опять-же надъ народными массами»?.. Это говоритъ «Русь» (1882 г. № 11, стр. 2,4)—та самая «Русь», которая несетъ въ каждомъ своемъ нумерѣ анаѳему всѣмъ «разномыслящимъ съ нею партіямъ», а относительно либераловъ не прочь даже и пописпнупировать, будто-бы они вошли въ измѣн-

ническое, противогосударственное соглашеніе съ западными врагами Россіи! (Смотри тотъ-же нумеръ «Руси», стр. 4)... Вообще, г. Аксаковъ до того палъ въ послѣднее время, до того заговорился и заклеветался, что съ него нельзя уже спрашивать даже элементарной литературной честности...

Впрочемъ, всѣ эти частныя, мелочныя передёржки «самобытническихъ» органовъ—ничто передъ той грандіозной подтасовкой, которую они учинили съ вопросомъ о «народничествѣ», о народолюбіи и «народной политикѣ». Здѣсь произошелъ, на нашихъ глазахъ, какой-то чудовищный маскарадъ, какая-то наглѣйшая мистификація въ родѣ той, которую испыталъ, однажды, нѣкій простодушный хохолъ, жаловавшійся, что «за его жито, да его-жъ и побито»...

Поистинѣ: «за наше жито, да насъ-же и бито»!

Справьтесь съ исторіей и съ современными движеніями русской, такъ называемой, «западнической» мысли. Самая идея народности, какъ сказали мы, прежде всего была усвоена, развита и проведена въ жизнь нашей «западнической» либеральной литературой и, вообще, лучшими представителями русской интеллигенціи. И литература эта, и лучшая часть интеллигенціи съпздавна написали на своемъ знамени «народъ» и, во имя этого знамени, ставшаго обязательнымъ для всѣхъ честно-мыслящихъ русскихъ людей, посвящали всѣ свои силы служенію народнымъ интересамъ—расширенію народной свободы, возвышенію народнаго просвѣщенія и благосостоянія. Укажите намъ хоть одинъ либеральный русскій органъ, который-бы не несъ этого знамени, не ставилъ-бы превыше всего интересы народа и который выражалъ-бы къ нему «презрѣніе», въ чемъ, какъ мы видѣли, г. Аксаковъ обвиняетъ всю либеральную русскую литературу?? Такого органа вы намъ не укажете, потому что даже тѣ, которые проговариваются иногда добрымъ совѣтомъ «не разнуздывать звѣря», считаютъ своимъ долгомъ хранить обличье любви и преданности къ народу... И какъ же иначе?—Какой представитель интеллигенціи, даже плохенькій, не отшвырнулъ-бы съ негодованіемъ ту газету или журналъ, которые стали-бы ему открыто внушать «презрѣніе» къ русскому народу! Этимъ мы хотимъ сказать, что русская интеллигенція, можетъ быть, болѣе всякой другой, воспитана принципіально въ уваженіи къ народу и насквозь проникнута сознаніемъ необходимости работать для народа. Таковъ, по крайней мѣрѣ, культурно-политическій идеалъ всякаго интеллигентнаго русскаго либерала, поскольку онъ не погрязъ, конечно, въ эгоистическіе, личные интересы, отъ которыхъ не свободны и сами апостолы славянофильства и «самобытничества»...

Какъ же могло случиться, что вся русская интеллиген-

ція оказалась, ни съ того ни съ сего, «антинародной»? какъ могла она измѣнить издавна одушевлявшей ее миссіи служенія народу и изобличиться, вдругъ, въ злостномъ «презрѣніи» къ нему?—Разумѣется, ничего подобнаго не бывало и не могло быть. Интеллигенція осталась, въ своихъ народолюбивыхъ стремленіяхъ, тою-же, какою она всегда была; но господа «самобытники» пытаются вырвать у нея изъ рукъ ея знамя, ея «жито», чтобы имѣть тогда законное основаніе ее бить и упразднять... Въ этомъ заключается вся суть ихъ тактики!

Нахальство тутъ колоссальное, но разсчетъ простъ до глупости! Разъ созрѣла идея, что либерализмъ вреденъ и опасенъ, что его органъ—интеллигенція—носитъ въ своихъ нѣдрахъ «ужаснаго крокодила» и, слѣдственно, должна подлежать разсѣянію и упраздненію,—тогда, естественнымъ порядкомъ, потребовалась бы радикальная система какъ для искорененія либерализма, такъ и дискредитированія интеллигенціи. Прежде практиковавшіяся для этого системы казались недостаточными. Зажать, напр., глотку либерализму—это можно во всякое время, но одна такая мѣра не вполнѣ достигаетъ цѣли. Нѣтъ, при этомъ необходимо отнять у либерализма то, чѣмъ онъ силенъ! Онъ, напр., твердитъ все о народѣ, о служеніи народу, о предоставленіи ему побольше земли, побольше воли... Это его знамя. Прекрасно! Попытаемся вырвать у него изъ рукъ это знамя, прикинемся сами ультра-народниками, станемъ дѣйствовать въ духѣ «народной политики» и русской народной «самобытности»... Этого мало. Когда, такимъ образомъ, либерализмъ останется безъ знамени, а глотка ему будетъ основательно зажата,—провозгласимъ его безпочвеннымъ, анти-народнымъ, постараемся окончательно убить его въ мнѣніи народа, обобщивъ его съ чужеземщиной, напр., съ «господчиной», съ крѣпостничествомъ, хотя-бы и основаннымъ на «правовомъ порядкѣ». Этой системой мы разъ на всегда отшибемъ крылья тлетворному либерализму и дискредитируемъ окончательно интеллигенцію!

Такова сущность той грубой и наглой подтасовки, которую съ такимъ апломбомъ продѣлываютъ на нашихъ глазахъ съ интеллигенціей гг. Мещерскіе, Аксаковы и К°! Пока—на ихъ улицѣ праздникъ, а мы только и можемъ, только и дерзаемъ заявить, что вотъ-де «за наше жито, да насъ-же и бито»...

Будемъ надѣяться, что подлинные владѣльцы «жита» обрѣтутъ его, по праву, въ недалекомъ будущемъ, сколько бы ни компрометировали ихъ приписывавшіеся имъ въ родню газетные болтуны, своими печатными обмолвками и непрошеннымъ досужествомъ, и сколько бы ихъ ни травили доѣзжачіе славянофильствующей прессы...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Тяжелый кризисъ въ англійской политической и общественной жизни. — Реформаторская дѣятельность Гладстона.—Аграрный законъ, какъ поводъ къ серьезному столкновенію между двумя палатами. — Принципіальная рознь. — Чарльзъ Брадло и его агитація въ защиту свободы совѣсти.—Покушеніе на жизнь королевы Викторіи.—Мнѣніе объ этомъ фактѣ англійской прессы.

Тяжелое время, переживаемое нынѣ Англіей, безъ сомнѣнія, составитъ эпоху не только въ ея исторіи, но и въ исторіи всего цивилизованнаго міра. Она—наканунѣ глубокаго переворота, который, быть можетъ, въ концъ преобразуетъ ея политическія учрежденія и даже тѣ устарѣлыя формы, въ которыхъ какъ-бы замерла англійская общественная жизнь. Основные устои ея конституціоннаго строя, пережившіе столѣтія и казавшіеся столь прочными и незыблемыми, расшатались; они готовы рухнуть, унеся въ своемъ паденіи и тѣ остатки средневѣковыхъ учрежденій и преданій, которые такъ близки къ сердцу всѣмъ европейскимъ охранителямъ старины и изжившихъ формъ, и которые уцѣлѣли въ одной только Англіи. Доживаютъ послѣдніе дни прерогативы сословія лордовъ, а съ ними и система крупнаго землевладѣнія, обездолившая англійскій сельскій людъ въ пользу немногихъ привилегированныхъ семей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ ощущаться и несостоятельность нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, искони составлявшихъ характерную черту англійскаго народа, но теперь, отъ несоотвѣтствія съ потребностями современной жизни, утратившихъ всякій живой смыслъ. Они выродились въ пустой, бездушный формализмъ, въ то лицемѣріе и безшабашное фарисейство, которыя такъ неприглядны для иностранца и отъ которыхъ становится теперь неловко даже самымъ чистокровнымъ изъ англичанъ.

Для всякаго, кто слѣдитъ за ходомъ дѣлъ за границей, съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе, что переживаемый нынѣ Англіей кризисъ—чисто революціоннаго пошиба. Кризисъ этотъ длится уже давно; въ настоящее время онъ только вышелъ изъ скрытаго состоянія и принялъ острый характеръ. Причиной тому отчасти реформаторскій духъ нынѣшняго премьера, Гладстона, а отчасти ничѣмъ не сокрушимая косность англійскаго консерватизма. Гладстонъ, не взирая на свои преклонные годы

и сильно пошатнувшееся здоровье, повидимому, нисколько не утратилъ своей прежней энергіи и юношеской вѣры въ свои силы и въ силу отстаиваемыхъ имъ принциповъ. Вступивъ снова въ управленіе дѣлами государства, онъ бодро принялся за дѣло реформы, которому честно служилъ всю свою жизнь. На этотъ разъ онъ смѣло коснулся самыхъ коренныхъ основъ государственнаго и общественно-экономическаго строя и показалъ необходимость коренныхъ реформъ. Но глубокое преобразованіе въ одной отрасли народной жизни невольно затрогиваетъ и другія;—и вотъ въ перспективѣ открывается цѣлый послѣдовательный рядъ реформъ, которыя наводятъ паническій, хотя и естественный страхъ на всѣхъ приверженцевъ старины. Это—одна изъ причинъ вдругъ обострившагося кризиса. Но главнымъ образомъ, виновны въ немъ сами-же приверженцы старинныхъ порядковъ, высокорожденные англійскіе лорды, ихъ непомѣрная близорукость и полнѣйшее непониманіе смысла совершающихся событій. Они только смутно чувствуютъ, что грозитъ гибель тѣмъ порядкамъ, которые даютъ имъ жить на счетъ народа и надѣляютъ ихъ ничѣмъ не заслуженными правами и преимуществами. Ополчившись на защиту этихъ дорогихъ имъ порядковъ, лорды пустились въ борьбу, не соразмѣривъ своихъ наличныхъ силъ. Руководимые близорукими вождями, въ родѣ пылкаго, но не особенно разсудительнаго маркиза Салисбюри, они не съумѣли удержаться въ должныхъ границахъ и, рядомъ безтактныхъ дѣйствій, вызвали серьезное столкновеніе между обѣими палатами, пробудивъ тотъ кризисъ, который грозитъ въ концѣ подорвать въ народѣ прежнее довѣріе и уваженіе къ сословію лордовъ.

Собственно говоря, столкновеніе это готовилось съ перваго же момента вступленія Гладстона въ завѣдываніе дѣлами. Лорды видѣли въ немъ своего врага, а потому стали въ систематическую оппозицію и съ первыхъ-же его шаговъ принялись чинить ему всяческія затрудненія. Еще въ прошлогоднюю сессію полный разрывъ между палатами казался неизбѣжнымъ. Какъ извѣстно, осенью прошлаго года, въ виду вооруженнаго возстанія и полнѣйшей анархіи въ Ирландіи, Гладстонъ внесъ въ парламентъ свой извѣстный аграрный законъ, которымъ ограничивался произволъ лордовъ-помѣщиковъ и нѣсколько обезпечивалось положеніе ирландскихъ фермеровъ. Пренія объ этомъ законѣ заняли чуть-ли не всю сессію и отличались такимъ ожесточеннымъ и бурнымъ характеромъ, какого не запомнятъ въ англійскомъ парламентѣ. Съ трудомъ прошедшій въ палатѣ общинъ, аграрный законъ, Land act, перешелъ въ палату лордовъ, гдѣ, благодаря стараніямъ лорда Салисбюри, ставшаго по смерти

лорда Биконсфильда вождемъ торіевъ, онъ былъ въ началѣ если и не вовсе отклоненъ, то, во всякомъ случаѣ, настолько искалѣченъ, что, выйдя изъ рукъ лордовъ, оказался совершенно неузнаваемымъ. Еслибъ лорды продолжали упорствовать, то разрывъ между обѣими палатами былъ-бы неминуемъ; кромѣ того, бѣдствія такого печальнаго положенія дѣлъ были-бы неисчислимы. Въ результатѣ, слѣдовало-бы ожидать, съ одной стороны, поголовнаго возстанія въ Ирландіи, съ другой—необходимости для Англіи провозгласить тамъ осадное положеніе и прибѣгнуть къ кровавымъ репрессаліямъ. Къ счастію, людямъ благоразумнымъ удалось устранить столкновеніе, побудивши обѣ стороны къ уступкамъ. Въ концѣ концовъ, аграрный законъ, хотя и нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, прошелъ и въ палатѣ лордовъ. Безспорно, законъ этотъ крайне не по душѣ землевладѣльцамъ; въ особенности имъ не нравятся введенные въ силу его чрезвычайные суды, уполномоченные, по собственному усмотрѣнію, опредѣлять размѣръ арендной платы и рѣшать споры между землевладѣльцами и фермерами. Но, какъ-бы тамъ ни было, а законъ этотъ, получивъ надлежащую санкцію, вошелъ нынѣ въ разрядъ государственныхъ законовъ, и установленные имъ суды уже цѣлыхъ полгода находятся въ полномъ дѣйствіи.

И вотъ, въ самый разгаръ дѣятельности аграрныхъ судовъ, благородные лорды задумали бросить перчатку въ лицо ненавистнаго имъ премьера и поднять вопросъ о законности ими-же самими вотированнаго закона. Одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, лордъ Доновморъ (Donoughmore), предложилъ палатѣ лордовъ назначить коммиссію для разслѣдованія результатовъ, достигнутыхъ новымъ закономъ, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что аграрныя преступленія нимало не уменьшаются въ Ирландіи и что аграрные суды явно держатъ сторону фермеровъ, въ ущербъ правамъ землевладѣльцевъ. Не взирая на возраженія лорда Грэнвиля и нѣкоторыхъ наиболѣе опытныхъ и благоразумныхъ членовъ верхней палаты, какъ напр. лордовъ Лэндсдауна, Дерби и др., предложеніе это получило большинство. Напрасно уговаривали лорда Доновмора взять назадъ свое предложеніе, доказывая, что нѣтъ никакихъ законныхъ поводовъ къ назначенію слѣдственной коммиссіи, что она только подорветъ въ Ирландіи уваженіе къ закону и къ правительственной власти, что, наконецъ, просто неприлично возставать противъ закона, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принятаго обѣими палатами. Напрасно лордъ Лэндсдаунъ, лишь недавно, изъ несочувствія къ аграрному закону, перешедшій въ оппозицію, убѣждалъ лордовъ, что коммиссія,

набранная главнымъ образомъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія и изъ безусловныхъ противниковъ аграрнаго закона, не внушитъ ни малѣйшаго довѣрія къ своему безпристрастію. Всякій вправѣ будетъ заподозрить ее въ скрытомъ умыслѣ взглянуть на дѣло съ исключительной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія земледѣльческихъ выгодъ, въ желаніи повредить интересамъ фермеровъ, ради которыхъ въ сущности и была предпринята аграрная реформа. Такая коммиссія явится судьей въ своемъ же собственномъ дѣлѣ, что̀ не можетъ быть допущено ни однимъ здравомыслящимъ человѣкомъ.

Всѣ эти доводы и убѣжденія не подѣйствовали на высокорожденныхъ лордовъ. Предложеніе лорда Доновмора было принято значительнымъ большинствомъ, и коммиссія назначена. Очевидно, лордъ Салисбюри съ товарищами разсчитывали запугать министерство своей, до дерзости рискованной, выходкой и заставить его уступить, изъ страха конституціоннаго кризиса; но они горько ошиблись. Гладстонъ принялъ вызовъ и, въ свою очередь, напалъ на своихъ противниковъ, со всей свойственной ему энергіей. Мало того, они дали ему возможность разомъ возстановить свою, нѣсколько поколебавшуюся за послѣднее время, популярность. Подчасъ нерѣшительныя дѣйствія правительства и затрудненія, встрѣчаемыя аграрнымъ закономъ въ Ирландіи, въ послѣднее время стали производить невыгодное для кабинета впечатлѣніе въ странѣ. Впечатлѣніе это было-бы какъ разъ на руку оппозиціи, еслибъ только она съумѣла имъ какъ слѣдуетъ воспользоваться; но на это у членовъ верхней палаты не хватило ни умѣнія, ни государственнаго такта. Вмѣсто того, они только помогли Гладстону крѣпко стать на ноги. Немедленно же, въ отвѣтъ на резолюцію верхней палаты, Гладстонъ внесъ въ нижнюю палату предложеніе выразить порицаніе палатѣ лордовъ, и въ принципѣ предложеніе это было принято громаднымъ большинствомъ,—большинствомъ 133 голосовъ, и съ такимъ восторгомъ, какого уже давно не бывало среди сторонниковъ министерства. Послѣ такого вота, лордамъ слѣдовало-бы, кажется, прозрѣть и понять, куда ихъ завелъ смѣлый, но не отличающійся избыткомъ мудрости, вождь—лордъ Салисбюри. Однако лорды, повидимому, не унываютъ, желая какъ бы оправдать на себѣ пословицу, что кому суждено погибнуть, того Богъ лишаетъ разсудка. Они не отказываются отъ своей резолюціи и, не взирая на протестъ палаты общинъ, потребовали къ отвѣту министра по ирландскимъ дѣламъ, Форстера; разумѣется, послѣдній наотрѣзъ отказался. Тогда они удовольствовались тѣмъ, что пригласили къ дачѣ показаній секретаря

коммиссіи, Годлэя, хорошо знакомаго съ ходомъ новой реформы. Но все это — одна лишь пустая забава. Коммиссія законной силы не имѣетъ, а потому и останется безъ всякаго практическаго результата.

По милости лордовъ, Гладстонъ нынѣ вполнѣ овладѣлъ положеніемъ, которое одно время, казалось, ускользало изъ его рукъ. Явившись защитникомъ прерогативъ палаты общинъ и показавъ своихъ враговъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, т. е. всегда готовыми позабыть интересы страны ради своихъ личныхъ и сословныхъ выгодъ, онъ затронулъ одну изъ популярнѣйшихъ струнокъ въ англійскомъ народѣ, какъ извѣстно, не особенно пылающемъ любовью къ палатѣ лордовъ. Теперь онъ смѣло можетъ обратиться съ воззваніемъ къ довѣрію страны, если найдетъ это необходимымъ или будетъ вынужденъ къ тому дальнѣйшими дѣйствіями верхней палаты. Если благоразуміе еще не совсѣмъ оставило членовъ послѣдней, то они, конечно, добровольно откажутся отъ изобрѣтенной ими слѣдственной коммиссіи и склонятся передъ волей страны. Но лорды, кажется, отступать не намѣрены, боясь въ концѣ скомпрометировать себя передъ лицемъ всей Европы, и горятъ желаніемъ ринуться въ бой, въ бой не на животъ, а на смерть, хотя едва-ли вѣрятъ въ побѣду. Если такіе люди, какъ лордъ Дэрби, одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Великобританіи, или какъ лордъ Лэнсдаунъ, который самъ былъ членомъ нынѣшняго министерства и вышелъ изъ него именно только затѣмъ, чтобъ не вотировать аграрный законъ,—если такіе столпы консерватизма, консерваторы по рожденію, по положенію, по всѣмъ своимъ инстинктамъ,—если ужь они предостерегаютъ своихъ единомышленниковъ, друзей и товарищей отъ опасностей, то, очевидно, опасность эта велика.

Все глубокое значеніе настоящаго положенія заключается не въ успѣхѣ той или другой партіи, не въ паденіи или болѣе прочномъ утвержденіи министерства; смыслъ его гораздо глубже: идетъ рѣчь ни больше, ни меньше, какъ о дальнѣйшемъ существованіи англійской конституціи въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она сложилась вѣками. Столкновенія между палатами бывали въ Англіи и прежде, но по вопросамъ гораздо менѣе существеннымъ, и ни разу еще въ общественномъ мнѣніи не возникалъ такъ серьезно вопросъ объ основахъ старѣйшаго изъ англійскихъ учрежденій, палаты лордовъ. Что дѣло идетъ именно объ этомъ, видно изъ отзывовъ наиболѣе вліятельныхъ англійскихъ газетъ. По обычаю, исторически сложившемуся въ англійскомъ народѣ, къ этому вопросу подходили исподоволь, но намѣченъ онъ былъ давно. Съ постепеннымъ рас-

шреніемъ избирательныхъ правъ, открывался все большій и большій доступъ къ участію въ законодательствѣ - противникамъ поземельныхъ и наслѣдственныхъ привилегій, т. е. массѣ англійскаго населенія. Уже съ съ 1870 года можно было приблизительно опредѣлить эпоху, когда въ палатѣ общинъ начнетъ возникать большинство, благопріятное отмѣнѣ существующихъ поземельныхъ порядковъ, а слѣдовательно и враждебное къ тому законодательному собранію, которому именно эти-то порядки и даютъ власть и значеніе. Но фактически это большинство проявилось только съ момента установленія прошлогодняго аграрнаго закона,—закона, уже прямо направленнаго противъ принципа крупнаго землевладѣнія. Положимъ, законъ этотъ предназначался только для Ирландіи, но тѣмъ не менѣе имъ установляется принципъ, въ конецъ подрывающій самыя коренныя основы англійскихъ учрежденій.

Настоящее парламентское столкновеніе есть только логическій результатъ аграрнаго закона. Палата лордовъ, назначеніемъ слѣдственной коммиссіи, хотѣла лишь помѣшать его дальнѣйшему дѣйствію, такъ какъ, разсуждала она, если мѣропріятіе это удастся въ Ирландіи, то впослѣдствіи, съ такимъ же успѣхомъ, это можетъ быть примѣнено и въ Англіи. Въ сущности, палата лордовъ находится въ положеніи самозащиты, борясь за свое существованіе. Только, спрашивается, не слишкомъ-ли поздно она спохватилась? Для этого ей слѣдовало-бы не принимать знаменитаго Reform Bill (1832 г.), не допускать превращенія открытой баллотировки на выборахъ въ тайную, не дозволять расширенія избирательныхъ правъ, т. е. усиленія въ законодательномъ собраніи обездоленныхъ землею людей, а, слѣдовательно, естественныхъ враговъ исключительныхъ землевладѣльческихъ правъ. Теперь же лордамъ не удержать революціоннаго движенія, являющагося прямымъ результатомъ все большаго и большаго расширенія политическихъ правъ народа. Движеніе это фатальнымъ образомъ приводитъ къ необходимости пересмотра стариннѣйшей въ мірѣ конституціи и измѣненія устарѣлыхъ и изжившихъ началъ, на которыхъ зиждется палата лордовъ и самый институтъ англійскихъ пэровъ. Поэтому мы, кажется, вправѣ сказать, что Великобританія находится наканунѣ самаго глубокаго изъ всѣхъ пережитыхъ ею за послѣднее время преобразованій.

Наряду съ этой борьбой между палатой общинъ и верхней палатой, идетъ другая—между народными представителями и общественнымъ мнѣніемъ, борьба, хотя и не столь видная, но не менѣе интересная и обѣщающая принести плодотворные результаты, обновивъ обветшалыя фор-

мы общественной жизни въ Англіи. Если она и не грозитъ гибелью подгнившимъ устоямъ англійскаго конституціонализма, зато стремится сорвать маску съ англійскаго фарисейства, разбить тотъ узкій религіозный и нравственный формализмъ, одинаково гнетущій и общественную, и семейную, и частную жизнь благовоспитаннаго англичанина. Замѣчательно, что непосильную борьбу эту противъ большинства народныхъ представителей, противъ бо̀льшей части печати, противъ патентованныхъ блюстителей чистоты вѣры и нравственности, охранителей излюбленныхъ преданій и закоренѣлыхъ обычаевъ,—ведетъ одинъ человѣкъ, ведетъ во имя свободы совѣсти и здраваго смысла. Поддержка, оказываемая ему со стороны высшихъ, наиболѣе интеллигентныхъ и развитыхъ общественныхъ слоевъ, до послѣдняго времени была крайне боязливая и слабая; зато народъ за него. Оттого-то онъ и можетъ высоко держать свое знамя и смѣло идти въ бой одинъ противъ своихъ сильныхъ и многочисленныхъ враговъ. Человѣкъ, посвятившій всего себя и всю свою жизнь неустанному служенію идеѣ, представляетъ собой, въ нашъ вѣкъ погони за наживой и всепоглощающаго эгоизма,—явленіе въ высшей степени отрадное и утѣшительное. Замѣчательный человѣкъ этотъ—Чарльзъ Брадло. Подвижническая жизнь его настолько интересна и поучительна, что не мѣшаетъ удѣлить ей нѣсколько словъ.

Брадло родился въ сентябрѣ 1833 года и, слѣдовательно, ему теперь за 48 лѣтъ. У отца его не было средствъ дать ему образованіе; онъ вышелъ изъ народной школы 11 лѣтъ, научившись только читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики. Всѣмъ своимъ, пріобрѣтеннымъ впослѣдствіи, знаніемъ обязанъ онъ исключительно самому себѣ, своему пытливому уму и желѣзной силѣ воли; а знаній, и солидныхъ знаній, у него много. Онъ прекрасно ознакомился съ исторіей, политической экономіей и, кромѣ того, считается теперь однимъ изъ первыхъ юристовъ Англіи. Между тѣмъ, сейчасъ же по выходѣ изъ школы, ему пришлось своими руками заработывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Трудно перечислить тѣ многоразличныя должности, въ которыхъ пришлось перебывать юношѣ Брадло: онъ былъ и мальчикомъ на побѣгушкахъ, и конторщикомъ, и писцомъ, и мелкимъ торговцемъ. При этомъ, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ сталъ выступать ораторомъ на митингахъ, отстаивая свои политическія и религіозныя воззрѣнія, и находилъ еще время учиться. Впослѣдствіи изъ него выработался настолько замѣчательный ораторъ, что теперь его ставятъ на одинъ уровень съ самимъ Гладстономъ, лучшимъ ораторомъ Англіи. Въ началѣ

Брадло былъ очень религіозенъ, такъ что его, за благонравіе и аккуратное хожденіе въ церковь, назначили даже учителемъ въ одну изъ лондонскихъ воскресныхъ школъ. Но, готовясь къ конфирмаціи, онъ встрѣтилъ нѣкоторыя неясности въ катехизисѣ англиканской церкви и обратился къ священнику своего прихода съ просьбой вывести его изъ затрудненія. Священникъ оказался формалистомъ и фанатикомъ, какихъ такъ много среди англиканскаго духовенства и, вмѣсто всякихъ разъясненій, просто-на-просто уволилъ молодаго человѣка отъ учительской должности, да еще провозгласилъ его атеистомъ. Такая нетерпимость оставила глубокій слѣдъ на впечатлительномъ юношѣ. Онъ усомнился въ истинѣ догматовъ англиканской церкви, пересталъ ходить въ церковь и мало-по-малу, переходя отъ одного религіознаго воззрѣнія къ другому, превратился въ свободнаго мыслителя. Съ этого-то момента и начались всѣ его мытарства. Разумѣется, на него ополчилось все духовенство, а съ ними и всѣ лондонскіе ханжи и фарисеи обоего пола, нравственные идеалы которыхъ такъ метко выставлены въ романахъ Диккенса и Теккерея. На Брадло, провозглашеннаго атеистомъ, устроена была настоящая травля, какъ по дикому звѣрю на ловлѣ. Нигдѣ не давали ему ни мѣста, ни работы; никто не хотѣлъ скомпрометировать себя въ глазахъ сосѣдей, взявъ въ услуженіе такого опаснаго человѣка; а тамъ, гдѣ ему удавалось пріютиться, немедленно же гнали его прочь, когда узнавали, что имѣютъ дѣло съ ославленнымъ атеистомъ. Эта вражда только закалила его характеръ. По вечерамъ онъ дѣятельно участвовалъ и говорилъ на разныхъ собраніяхъ и митингахъ, а днемъ бѣгалъ за работой, писалъ полемическія брошюры и продолжалъ учиться. За это тяжелое время онъ выучился языкамъ французскому, греческому и еврейскому; да еще, сверхъ того, нашелъ время влюбиться. Въ концѣ концовъ, отсутствіе заработковъ и связанное съ этимъ постоянное безденежье поставили его въ безвыходное положеніе. До чего доходили его стѣсненныя обстоятельства, видно изъ того, что ему казался почти неоплатнымъ ничтожный долгъ въ какіе-нибудь 25 — 30 рублей. Чтобъ выйти изъ такого положенія и заплатить долги, Брадло рѣшился наняться въ солдаты и поступить въ полкъ, съ которымъ и былъ отправленъ въ Ирландію. На службѣ онъ заслужилъ репутацію честнаго и исполнительнаго солдата и во все время пользовался довѣріемъ, какъ своихъ товарищей, такъ и офицеровъ. Въ 1853 году умеръ его отецъ, а вскорѣ затѣмъ ему посчастливилось получить небольшое наслѣдство, которое и дало ему возможность выкупиться изъ военной службы.

Съ этого момента, собственно, и начинается его агитаторская дѣятельность. Обнаруженныя имъ энергія и неутомимость представляются просто чѣмъ-то феноменальнымъ. Онъ читаетъ лекціи, говоритъ рѣчи, пишетъ полемическія брошюры религіознаго и соціально-политическаго содержанія, издаетъ газеты, неустанно ратуетъ за свободу совѣсти и человѣческія права, вслѣдствіе чего неоднократно попадаетъ въ тюрьму и ведетъ безконечные процессы. Процессы въ Англіи стоятъ очень дорого, а потому они поглощаютъ весь его заработокъ и вводятъ его въ постоянные долги. Только тяжелымъ, почти нечеловѣческимъ трудомъ и крайней бережливостью удается ему справиться съ обстоятельствами. Затѣмъ, Брадло разъѣзжаетъ по всей Англіи, вездѣ устраивая чтенія и основывая общества свободныхъ мыслителей. Находясь въ дружбѣ съ знаменитымъ итальянскимъ патріотомъ Мадзини, онъ ѣздитъ, по его дѣламъ, въ Италію и едва не попадаетъ въ руки папскихъ жандармовъ, а у себя дома, въ Англіи, устраиваетъ чтенія по поводу извѣстной Марсальской экспедиціи Гарибальди и сборъ съ этихъ лекцій пересылаетъ престарѣлому генералу. Три раза въ два года (въ 1873 и 1875 гг.) онъ переплываетъ океанъ, чтобъ побывать въ Америкѣ и собрать тамъ, своими лекціями, нужныя ему для уплаты долговъ деньги. Во что обходилась ему агитаторская дѣятельность и какія, почти повсемѣстно, приходилось ему преодолѣвать препятствія, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра, на удачу выхваченнаго изъ сотни подобныхъ же.

На островѣ Гернсеѣ, одинъ изъ его послѣдователей, нѣкто Бендаль, былъ приговоренъ, за распространеніе его брошюръ, къ штрафу въ 20 ф. ст. Тогда Брадло отправляется туда самъ, хорошо зная, что его ожидаетъ тамъ не особенно любезная встрѣча. Между прочимъ, одна дама, побуждаемая чувствомъ благочестія, жертвуетъ изрядную сумму на покупку тухлыхъ яицъ, которыми предполагалось закидать дерзкаго врага церкви и общепринятой нравственности. Однако Брадло удалось избѣжать такого почетнаго пріема. Когда онъ пріѣхалъ въ Гернсей, оказалось что негдѣ было напечатать объявленій, потому что ни одна типографія не бралась за это дѣло. Брадло это предвидѣлъ и, на всякій случай, привезъ объявленія съ собой. Далѣе, никто не соглашался заняться разсылкой его объявленій; тогда онъ беретъ ведерку съ клейстеромъ и кисть, и ночью, при лунномъ свѣтѣ, отправляется самъ расклеивать ихъ по улицамъ. Наконецъ, послѣ многихъ поисковъ, удалось ему найти залу для чтенія; но тутъ опять препятствіе: нѣтъ ни швейцара, ни кассира. Пришлось отказаться отъ продажи билетовъ. Первая лекція прошла еще сравни-

тельно благополучно: въ залѣ было довольно спокойно, но на улицѣ толпа бушевала; раздавались крики: «бейте невѣрующаго! въ море его' въ море!» Чтобы унять толпу, Брадло вышелъ на улицу самъ, и одинъ видъ его атлетической фигуры внушительно подѣйствовалъ на крикуновъ. Но на слѣдующей лекціи вышелъ цѣлый скандалъ. Во время чтенія, толпа буяновъ съ шумомъ ворвалась въ залу, такъ что Брадло вынужденъ былъ соскочить съ трибуны и собственноручно повытолкать ихъ вонъ. Толпа ворвалась снова, принялась ломать стулья и даже пыталась погасить газъ. Не смотря на все это, Брадло докончилъ чтеніе. По выходѣ изъ залы, его собирались побить, и начальство для этой цѣли подпоило даже солдатъ; однако онъ успѣлъ скрыться. Когда онъ садился на пароходъ, чтобы ѣхать обратно въ Англію, его провожали свистками. Проповѣдь въ Гернсеѣ обошлась ему не дешево: кромѣ путевыхъ издержекъ и прочихъ расходовъ, ему пришлось уплатить хозяину залы за сломанную мебель и иныя поврежденія. Цѣли своей онъ все-таки достигъ: власти не посмѣли начать противъ него преслѣдованіе *).

Это всепреодолѣвающая энергія, безусловная честность и прямодушіе характера, и горячая вѣра въ правоту своего дѣла не замедлили наконецъ пробудить въ народѣ любовь и глубокое уваженіе какъ къ личности Брадло, такъ и къ преслѣдуемой имъ задачѣ. Даже самые непримиримые враги его, — англиканское духовенство, — вынуждены были склониться передъ этой энергической личностью. Такъ, одинъ священникъ, на проповѣди въ церкви, сказалъ: «Вѣрующимъ не мѣшало-бы поучиться у Брадло! Еслибъ вы были такими ревнителями христіанскаго ученія, какимъ Брадло является относительно своего ученія, тогда бы наша вѣра стала совсѣмъ въ иное положеніе въ нашемъ отечествѣ».—Но наряду съ этимъ онъ достигъ и весьма важныхъ практическихъ результатовъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы отмѣненъ былъ старый законъ, не допускавшій невѣрующихъ въ свидѣтели на судѣ, и чтобы присяга для нихъ замѣнена была простымъ заявленіемъ. Равнымъ образомъ, ему же обязана и англійская печать, что уничтожены были послѣднія стѣсненія ея свободы. Какъ росла его популярность, видно изъ его неоднократныхъ попытокъ попасть въ члены парламента. Онъ три раза являлся въ Нордгемптонъ кандидатомъ на выборы, въ 1868, 1874 и 1875 гг., но все неудачно; однако съ каждымъ разомъ число его сторонниковъ все увеличивалось. Наконецъ, въ четвертый разъ, а именно въ 1880 году,

*) Charles Bradlaugh. Unsere Zeit, 1882. 3.

онъ былъ избранъ, не смотря на сильное противодѣйствіе своихъ враговъ.

Съ этого самаго момента и начинается его борьба за свободу совѣсти съ парламентомъ. Явясь въ палату общинъ, Брадло, изъ честности, просилъ уволить его отъ присяги и принять отъ него простое заявленіе. Возникли продолжительныя и бурныя пренія; новаго депутата неоднократно силой выводили изъ залы засѣданія, сажая въ парламентскій карцеръ; но его упорство преодолѣло все. Палата, уступая настояніямъ Гладстона, согласилась наконецъ принять отъ него, вмѣсто присяги, торжественное заявленіе. Брадло, подавъ такое заявленіе, занялъ свое мѣсто. Враги его однако не унимались. Они подъискали старинный законъ, въ силу котораго депутатъ, принимающій участіе въ преніяхъ, не принеся предварительно установленной присяги, лишается своихъ полномочій. Вслѣдствіе этого, выборъ Брадло былъ кассированъ, и Нордгемптону предписано приступить къ новымъ выборамъ. Нордгемптонцы опять выбрали Брадло, и вотъ въ апрѣлѣ 1881 года онъ снова является передъ спикеромъ палаты, но на этотъ разъ соглашается исполнить требуемую формальность и принести установленную присягу. Палата однако воспротивилась этому и, руководимая вождемъ консерваторовъ Норскотомъ, не допустила его къ присягѣ, какъ невѣрующаго, и, въ то же время, не захотѣла принять отъ него заявленія. Такой поступокъ палаты былъ безусловно противозаконенъ, такъ какъ законъ не признаетъ за ней права входить въ обсужденіе правоспособности, по отношенію къ присягѣ, ея собственныхъ, законнымъ порядкомъ избранныхъ, членовъ. Брадло былъ силой удаленъ изъ палаты. Онъ однако-же продолжалъ время отъ времени являться туда, протестуя противъ незаконнаго своего изгнанія и вызывая постоянно бурныя сцены; а 22 іюля прошлаго года произошла даже формальная битва между Брадло и полицейскими, которая кончилась тѣмъ, что непокорный депутатъ, подъ конвоемъ полиціи, выведенъ былъ даже изъ ближайшихъ окрестностей зданія парламента и, съ вывихнутой рукой, нѣсколько недѣль пролежалъ дома. Разумѣется, нетерпимость палаты только усилила популярность Брадло. Въ глазахъ народа онъ является теперь не только поборникомъ свободы совѣсти, но и охранителемъ свободы избирателей отъ незаконныхъ посягательствъ парламента. Отовсюду посылаютъ ему сочувственные адресы, цѣлыми сотнями устраиваются митинги въ пользу начатаго имъ дѣла; да и самъ онъ, конечно, не дремлетъ и довелъ агитацію до гигантскихъ размѣровъ, какіе возможны только въ такой свободной странѣ, какъ Англія. Слѣпые вожди англійскаго консерватизма, однако,

не желаютъ видѣть этихъ проявленій народныхъ чувствъ, и съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, продолжаютъ отстаивать обрядовую сторону жизни англійскаго общества, со всѣмъ ея фарисействомъ и пустымъ формализмомъ. Пуще всего дорожатъ они своей религіозностью, которой особенно хвалятся и считаютъ какъ-бы прирожденной особенностью каждаго благовоспитаннаго англичанина. Какого сорта эта религіозность, видно изъ меткой характеристики американца Эмерсона. «Религія въ Англіи,—говоритъ онъ,—необходимая принадлежность хорошаго воспитанія. Когда англичанинъ стоитъ въ церкви, погрузившись, повидимому, въ молитву, онъ на самомъ дѣлѣ не придаетъ ни малѣйшаго значенія смыслу машинально повторяемыхъ имъ словъ, и глубоко убѣжденъ, что, совершая обрядъ, дѣлаетъ любезность Богу и поступаетъ относительно его какъ нельзя болѣе вѣжливо. Англиканская церковь въ сущности—церковь порядочныхъ (въ смыслѣ свѣтскомъ) людей, а не церковь бѣдняковъ, и одинъ изъ лордовъ преспавно утверждалъ, что въ жизни своей не встрѣчалъ въ англиканской церкви нищаго. На самомъ дѣлѣ ихъ религія—наборъ текстовъ и больше ничего. Англичане не боятся пускаться въ самыя рискованныя и антибиблейскія разсужденія о чемъ угодно; но стоитъ только заговорить съ любымъ изъ нихъ о религіи, какъ немедленно же онъ дѣлаетъ важный видъ и, по правиламъ благоприличія, принимается лицемѣрить». Благовоспитанный англичанинъ и не требуетъ, чтобъ непремѣнно вѣровали въ Бога, но желаетъ, чтобъ только соблюдали общепринятую формальность. Saturday Revew, напр., еще на дняхъ, разбирая вопросъ о присягѣ, чистосердечно сознался, что большинство лордовъ и членовъ парламента—въ душѣ такіе же атеисты, какъ и Брадло, но они слишкомъ порядочные люди, чтобъ въ этомъ сознаться, потому что въ благовоспитанномъ обществѣ это не принято.

Вотъ ради этого самаго принципа, возводящаго лицемѣріе чуть не въ общественный догматъ, парламентъ и продолжаетъ свое незаконное преслѣдованіе Брадло. Когда послѣдній, во исполненіе своихъ полномочій, явился въ палату, съ открытіемъ въ нынѣшнемъ году новой сессіи, то его опять не допустили къ присягѣ. Мало того, снова кассировали его избраніе. Не взирая на заступничество Гладстона и его правительства, Норскоту все-таки удалось провести предложеніе, не допускающее замѣны присяги простымъ заявленіемъ. Правда, на сторонѣ Норскота оказалось лишь самое незначительное большинство и то только благодаря группѣ парнеллистовъ, примкнувшихъ къ консерваторамъ изъ вражды къ правительству; но тѣмъ не

менѣе лицемѣріе снова отстояло свои права. Палата оказывается по прежнему неисправимой. Троекратнымъ кассированіемъ выбора избирателей Нордгемптона, она не только вошла въ столкновеніе съ этимъ избирательнымъ округомъ, но и со всѣми сторонниками свободы совѣсти и убѣжденій. Положеніе усложняется еще тѣмъ, что нордгемптонцы, оскорбленные дѣйствіями палаты, снова избрали Брадло, да еще собираются пригрозить ему процессомъ, если онъ, уступая давленію палаты, задумаетъ отказаться отъ своихъ полномочій. Этого еще мало: другой избирательный округъ, Карнавонскій, депутатъ котораго недавно скончался, предлагаетъ Брадло тоже выставить его своимъ кандидатомъ. Во всякомъ случаѣ, столкновеніе парламента съ общественнымъ мнѣніемъ близится къ концу и, безъ сомнѣнія, Брадло выиграетъ свое правое дѣло. Въ этомъ ему поможетъ сама палата лордовъ, которая, беззаконными своими дѣйствіями, только ускоритъ развязку. Одинъ изъ ея членовъ, лордъ Редесдель, усердствуя не по разуму, уже внесъ предложеніе, требуя заявленія отъ каждаго, вновь поступающаго члена парламента, что онъ вѣруетъ во Всемогущаго Бога. Странное предложеніе это привело въ недоумѣніе даже высокорожденныхъ членовъ верхней палаты, въ печати же и въ обществѣ вызвало только насмѣшки. А извѣстно, что насмѣшка дѣйствуетъ куда сильнѣе и логики, и самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ.

Въ заключеніе, приходится упомянуть объ одномъ прискорбномъ событіи, которое вызвало по всей Англіи вполнѣ законное чувство негодованія и на время заставило забыть о текущихъ злобахъ дня: мы говоримъ о дерзкомъ и безсмысленномъ покушеніи 18 февраля на жизнь королевы Викторіи. Къ величайшему счастью, оно не имѣло никакихъ печальныхъ послѣдствій и нынѣ уже почти позабыто. Покушеніе это оказалось одиночнымъ явленіемъ, не стоящимъ ни въ малѣйшей связи ни съ ирландскимъ вопросомъ, какъ это предполагали въ первую минуту, ни съ какимъ-бы то ни было соціальнымъ или политическимъ движеніемъ. Преступникъ Макъ-Линъ—просто полусумашедшій или въ концѣ извращенная натура, въ родѣ Гито, убійцы президента Гарфильда. На слѣдствіи уже выяснилось, что онъ дѣйствительно содержался въ домѣ умалишенныхъ и что, во всякомъ случаѣ, никакихъ сообщниковъ не имѣлъ, а дѣйствовалъ по личному вдохновенію, не питая притомъ никакого враждебнаго чувства противъ королевы. Свою безумную попытку Макъ-Линъ пояснилъ безъисходной бѣдностью и желаніемъ прославиться, подобно тому древнему греку, который, чтобъ увѣковѣчить

свое имя, сжегъ знаменитый храмъ Діаны. Тѣмъ не менѣе, наша французская петербургская газета и нѣкоторыя изъ берлинскихъ, въ родѣ «Post» и «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», взявшихъ на себя спеціальную обязанность охранять жизнь государей, не замедлили поставить покушеніе на жизнь королевы Викторіи въ соотношеніе съ соціализмомъ и революціей, и воспользовались случаемъ, чтобъ снова поднять вопросъ объ усиленіи внутренней охраны и принятіи обще-европейскихъ мѣропріятій противъ международныхъ крамольниковъ и революціонеровъ, ссылаясь на частные случаи покушеній на жизнь коронованныхъ особъ. Послѣднее не совсѣмъ справедливо. Преступныя дѣянія эти едва-ли случаются нынѣ чаще, чѣмъ прежде. Они бывали вездѣ и во всѣ времена. На одну королеву Викторію было 6 или 7 такихъ покушеній, а въ 1842 году, т. е. 40 лѣтъ тому назадъ, случилось ихъ цѣлыхъ три подъ рядъ. Что-же касается принятія какихъ либо чрезвычайныхъ внутреннихъ или международныхъ мѣропріятій, то въ самой Англіи объ этомъ и не думали поднимать вопроса. «Daily News» напр., говорилъ, «что послѣднее покушеніе на жизнь королевы Викторіи, какъ и всѣ бывшія доселѣ, никакого политическаго характера не имѣетъ, а потому можно надѣяться, что за этимъ ужаснымъ преступленіемъ не послѣдуетъ ничѣмъ не оправдываемой паники. Преступникъ, по всей вѣроятности,—сумашедшій. Подобнаго рода преступленія совершаются постоянно, и было-бы просто недостойно и болѣе чѣмъ безполезно—возбуждать напрасную тревогу изъ-за безумнаго поступка, который требуетъ только хладнокровія и презрѣнія». Въ этомъ-же духѣ высказывается и «Times». Англичане слишкомъ дорожатъ своей личной и общественной свободой, слишкомъ хорошо цѣнятъ ея благодѣянія для народа и всего государства, чтобъ жертвовать ею изъ за случайныхъ преступныхъ проявленій единичныхъ личностей, какъ-бы ни были прискорбны эти проявленія, сами по себѣ. Англійская печать, вообще, замѣчаетъ, что никакія самыя строгія охранительныя мѣры не могутъ предупредить подобнаго рода случайныхъ преступленій, какъ невозможно уберечь себя отъ нежданно упавшей съ крыши черепицы. Если-же эти преступныя дѣянія не случайны, а являются симптомами болѣзненнаго состоянія общественнаго организма, то, конечно, такое болѣзненное состояніе отнюдь не излѣчивается усиленіемъ внутреннихъ или международныхъ полицейскихъ мѣропріятій, а тѣмъ паче узаконеніемъ полицейскаго произвола.

НОВЫЯ КНИГИ.

Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ. Спб. 1882 г.—Подъ такимъ заглавіемъ появилась на дняхъ маленькая брошюрка, заключающая въ себѣ сообщеніе барона Н. А. Корфа и стенографическій отчетъ преній, происходившихъ, по поводу этого сообщенія, въ Соляномъ городкѣ въ (Петербургѣ), въ декабрѣ прошлаго года. Классная книга для чтенія—существеннѣйшая сторона элементарной школы. Даже у тѣхъ народовъ, гдѣ печатное слово свободно обращается въ массѣ населенія, вопросъ о книгѣ для чтенія въ элементарной школѣ продолжаетъ занимать выдающіеся педагогическіе умы. Въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ у насъ?

Худо-ли, хорошо-ли, русская народная школа просуществовала 17 лѣтъ въ нынѣшнемъ ея видѣ, обновленномъ и до нѣкоторой степени благоустроенномъ усиліями земствъ и городовъ. Не смотря на такой почтенный срокъ, въ теченіе котораго народная школа должна бы совершенно окрѣпнуть и возмужать, до сихъ поръ остаются открытыми вопросы: должна-ли народная школа оставаться м у ж и ц к о ю школою или, напротивъ, она обязательно должна быть школою в с е с о с л о в н о ю? можно ли народную школу оставить въ нынѣшнемъ ея положеніи, изолированномъ отъ среднеучебной школы, или, напротивъ, начальная школа, сохраняя цѣльный, законченный характеръ общаго элементарнаго образованія, должна, въ то же время, составлять органическую часть среднеучебной школы? А разъ не выяснены, не установлены эти основные принципіальные вопросы,—не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленномъ и устойчивомъ типѣ начальной школы. Вотъ почему, просуществовавъ 17 лѣтъ, русская начальная школа не имѣетъ такой «классной книги», о которой можно бы сказать, что она удовлетворяетъ программѣ, задачамъ и цѣлямъ начальнаго образованія, такъ какъ эти стороны нашей родной школы все еще остаются открытымъ вопросомъ. Съ этой точки зрѣнія, очень заманчивымъ представляется рефератъ барона Н. А. Корфа о значеніи классной книги для чтенія въ элементарной школѣ. Читатель естественно ожидаетъ встрѣтить, какъ въ рефератѣ, такъ и въ стенографи-

ческомъ отчетѣ преній, обсужденіе программы, которой должна удовлетворять книга для чтенія. Но совершенно напрасно. Нужно замѣтить, что у насъ, въ придачу къ специфической «мужицкой» народной школѣ, придумали еще и особую книгу для чтенія въ этой школѣ — такую книгу, которая занималась бы только развитіемъ языка и не допускала «реальныхъ знаній», т. е. ознакомленія учащихся съ тѣмъ, что они видятъ и слышатъ, что окружаетъ ихъ на каждомъ шагу, но чего они не разумѣютъ. Рефератъ барона Корфа посвященъ былъ доказательству простѣйшаго, элементарнѣйшаго, можно сказать, положенія, что книга для чтенія должна преслѣдовать не только «развитіе языка», но и сообщеніе учащимся реальныхъ, положительныхъ свѣдѣній, чтобы осмыслить взглядъ ихъ на окружающую природу. Казалось бы—и доказывать нечего. Уже по одному тому, что въ основѣ начальнаго обученія обязательно долженъ быть индуктивный методъ и наглядность преподаванія, элементарная школа мыслима только, какъ школа реальная. Значитъ, о какой бы то ни было схоластикѣ въ книгѣ для чтенія — не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, по вопросу о «реальныхъ знаніяхъ», происходили «горячія и продолжительныя пренія». Но именно потому, что онѣ были «горячія и продолжительныя», мы и пройдемъ ихъ молчаніемъ....

Баронъ Корфъ, въ своемъ рефератѣ, имѣлъ въ виду исключительно новое изданіе его книги для чтенія «Нашъ Другъ». Предсѣдатель педагогической коммиссіи при Соляномъ городкѣ, генералъ Коховскій, въ заключеніе преній, между прочимъ, замѣтилъ: «...Я не знаю, въ какой литературѣ найдемъ мы учебную книгу, которая была бы такъ роскошно, съ такимъ знаніемъ дѣла составлена и издана, и притомъ стоила бы такъ дешево»,—т. е., какъ «Нашъ Другъ». Дѣйствительно, новое изданіе этой книги пзящно, даже роскошно и крайне дешево. Но этимъ еще не опредѣляются достоинства ея, какъ книги для чтенія. Въ своемъ рефератѣ баронъ Корфъ, между прочимъ, упоминаетъ о цюрихскомъ изданіи книги для чтенія въ элементарной школѣ, извѣстнаго педагога Ветштейна. Просто, безъ всякой претензіи на «роскошь», издана эта книга. А какая прекрасная книга для школьнаго чтенія! Въ этомъ объемистомъ, тяжеловѣсномъ изданіи учащійся находитъ статьи по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, съ которыми ему придется встрѣтиться въ жизни. Серьезность, даже дѣловитость статей нисколько не умалитъ популярности этой книги, общедоступности ея для всякаго, вступившаго въ третій годъ ученія въ русской народной школѣ. Жадно будетъ читать учащійся эту книгу, потому что каждая статья, каждая страница вливаетъ въ него знанія— и онъ непремѣнно чувствуетъ этотъ благодѣтельный приливъ,

который, съ каждымъ днемъ, поднимаетъ его выше и выше, и просвѣтляетъ въ немъ самосознаніе. Разъ познакомившись съ такою книгой, учащійся не разстанется съ нею, какъ со взрослымъ, умнымъ «другомъ», необходимымъ руководителемъ и спутникомъ въ жизни. Жутко и больно становится за русскую начальную школу, когда сравниваешь книгу для чтенія Ветштейна съ соотвѣтствующими русскими книгами. Маленькими—маленькими твореньицами представляются наши книжки и ихъ содержаніе, сравнительно съ резоннымъ, вѣскимъ и, въ то же время, популярнымъ содержаніемъ книги Ветштейна, представляются какимъ-то дѣтскимъ лепетомъ передъ разумною, серьезною, доказательною рѣчью взрослаго человѣка.

Мы признаемъ вполнѣ достоинства книги барона Корфа «Нашъ Другъ» въ ряду соотвѣтствующихъ ей русскихъ изданій; но она все-таки не можетъ назваться возможно-лучшею книгою для класснаго чтенія въ начальной школѣ. Книга заключаетъ въ себѣ всего только 228 страницъ in 8°, средняго размѣра, на которыхъ помѣщается притомъ 110 рисунковъ, занимающихъ, въ общемъ, очень много мѣста. Рисунки исполнены хорошо; они, безъ сомнѣнія, умѣстны въ книгѣ для чтенія, но имъ отведено слишкомъ много мѣста. На такъ называемую «хрестоматію» (т. е. выборку прозаическихъ образцовъ и стихотвореній) отведено 48 страницъ, счетомъ 22 образца (16 стихотвореній и 6 маленькихъ прозаическихъ отрывковъ). По этимъ образцамъ учащіеся должны составить себѣ понятіе о всѣхъ выдающихся русскихъ писателяхъ, начиная съ Крылова, Дмитріева и Хемницера, и кончая Некрасовымъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ и графомъ Л. Толстымъ. Каково должно быть это понятіе по отрывочнымъ образцамъ, которые, вдобавокъ, учитель и не можетъ дополнить книгами изъ нищенски-бѣднаго «библіотечнаго шкафа» народной школы, откуда изгнаны русскіе писатели?!.. Въ отдѣлѣ «статей для чтенія» учащійся знакомится съ овцами и коровами, мухами и пауками, улитками и піявками и т. д., но не знакомится съ торговлею и промышленностью, строемъ государства, мѣстнаго управленія и управленія общественнаго. Безспорно, нужно знать учащемуся и о коровахъ, паукахъ, піявкахъ и т. д.; но этимъ не можетъ завершаться «реализмъ» начальной школы: она, именно, какъ реальная школа, должна ввести учащихся въ жизнь, осмыслить ихъ взгляды на все окружающее и тѣмъ болѣе на общественную жизнь. Ни одна изъ существующихъ книгъ для класснаго чтенія въ русской народной школѣ даже не приближается къ удовлетворенію этимъ требованіямъ. Въ основаніи этихъ книгъ лежитъ очень грубая ошибка—стремленіе дать такой матеріалъ, который, какъ предполагается, учитель пройдетъ съ учащимися въ школѣ «отъ

доски до доски». Между тѣмъ, необходимо задаваться совсѣмъ иною цѣлью (какъ это и сдѣлано въ книгѣ Ветштейна),—дать вообще полезный и необходимый матеріалъ для тѣхъ, образованіе которыхъ заканчивается начальною школою. Учитель долженъ пройти съ учащимися лишь часть матеріала въ каждомъ отдѣлѣ книги, т. е. ввести ихъ въ отдѣлъ, предоставивъ затѣмъ дальнѣйшее чтеніе пытливости и любознательности учащихся. Наконецъ, самое худшее—ни въ педагогическихъ нашихъ кружкахъ, ни въ ученыхъ обществахъ, покровительствующихъ дѣлу распространенія грамотности, даже и не слышно о выработкѣ цѣльной и вполнѣ удовлетворительной программы книги для чтенія въ народныхъ школахъ. Такимъ образомъ, послѣ 17 лѣтъ существованія народной школы, у насъ не только нѣтъ книги для чтенія, равной по достоинству книгѣ Ветштейна, но и не предвидится даже возможности вызвать ея появленіе въ ближайшемъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, въ ряду нынѣ употребительныхъ въ русской народной школѣ книгъ—«Нашъ Другъ», въ особенности въ его улучшенномъ видѣ, займетъ, конечно, выдающееся мѣсто.

Библіографическій листокъ. (Труды коммиссіи по составленію критическаго каталога книгъ и статей для дѣтскаго чтенія. Москва, 1881.—Матеріалы для составленія критическаго каталога. Москва, 1882).—Спекуляція давно уже наложила свою безжалостную руку на дѣтскую литературу и запрудила ее массою негоднаго балласта. Коммиссія при ученомъ отдѣлѣ московскаго «общества распространенія техническихъ знаній» задалась въ прошломъ году очень счастливою мыслью—составить критическій каталогъ книгъ и статей для дѣтскаго чтенія, чтобы отдѣлить годное отъ негоднаго, пшеницу отъ плевелъ, и дать въ руки родителямъ и воспитателямъ хоть нѣкоторое руководство при выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. Удовлетвореніе этой живѣйшей потребности встрѣчено было обществомъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Не опираясь на поддержку общества, коммиссія «отказалась отъ мысли выработать сразу критическій каталогъ» и остановилась на предположеніи «постепенно подвигать впередъ свою работу, въ смыслѣ группировки и сравнительной оцѣнки книгъ», т. е. періодически выпускать въ свѣтъ краткіе, мотивированные каталоги книгъ.

«Задумывая свое изданіе,—говоритъ «Библіографическій Листокъ»,—редакція полагала, что она удовлетворитъ живой потребности семьи и школы, и въ то же время сознавала, что она только тогда и будетъ въ состояніи вести дѣло, когда на ея призывъ отзовутся тѣ, на чью пользу она хочетъ поработать. Если она стала на вѣрный путь, то люди знающіе должны помочь ей въ ея стремленіяхъ. Пусть они укажутъ ей, въ чемъ

она ошибается, въ какой формѣ трудъ ея будетъ полезенъ школѣ, пусть дѣлятся съ нею опытомъ и т. д. Редакція хочетъ работать для школы, хочетъ помочь ей, но она и сама ждетъ содѣйствія отъ нея». Есть особенное обстоятельство, въ виду котораго этотъ призывъ редакціи «Листка» не долженъ остаться «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Право снабжать школы книгами, составлявшее исключительную принадлежность училищныхъ совѣтовъ и мѣстной учебной администраціи, лѣтомъ прошлаго года, распространено было и на земскія учрежденія. Но при этомъ поставлено условіемъ: выбирать книги непремѣнно по спеціальному каталогу, одобренному министерствомъ просвѣщенія для народныхъ школъ, т. е. тому каталогу, который очень близокъ къ отрицанію всего живаго и интереснаго для чтенія учащихся и окончившихъ курсъ въ народной школѣ. Отсюда проистекали многочисленныя жалобы земствъ и городовъ на не достаточность выбора книгъ для народныхъ школъ. Жалобы эти, въ концѣ концовъ, возъимѣли свою силу,—вызвали циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, которымъ земскія и городскія управы приглашаются сообщать министерству списки книгъ, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, для народныхъ школъ. Такимъ образомъ, послѣ многолѣтнихъ усилій, сталъ, наконецъ, на очередь вопросъ о новомъ, болѣе разумномъ и цѣлесообразномъ каталогѣ книгъ для народныхъ школъ. Въ виду этого, указанные два выпуска московской коммиссіи по выработкѣ критическаго каталога могутъ быть весьма полезны при составленіи земствами и городами списка книгъ. Самая коммиссія, какъ готовое уже учрежденіе, является удобнымъ пунктомъ, куда могли бы стекаться заявленія о книгахъ полезныхъ для народныхъ школъ. Наконецъ необходимо, чтобы коммиссія, располагая уже значительнымъ матеріаломъ, поторопилась съ выпускомъ спеціальнаго каталога книгъ для народнаго чтенія. Въ выпускѣ за нынѣшній годъ («Матеріалы») находимъ весьма не дурной списокъ книгъ для «школьной библіотеки», съ указаніемъ, какъ та или другая книга читается и понимается учащимися. Но нужно имѣть въ виду, что библіотека народной школы предназначается не для дѣтей только, но и для взрослыхъ, и притомъ исключительно для лицъ, уже разставшихся со школою и занимающихся какимъ-либо практическимъ дѣломъ. Поэтому списокъ «школьной библіотеки» долженъ быть пополненъ популярными книгами по прикладнымъ знаніямъ—ремесленнымъ, сельско-хозяйственнымъ и техническимъ,—популярными сочиненіями о земскихъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ, гласномъ судопроизводствѣ и мировыхъ судахъ. За послѣдніе годы, явилось кое-что въ печати по этой части; но ограниченный каталогъ министерства, насильственно навязанный народной школѣ, не

пускалъ въ нее тѣ именно книги, въ которыхъ наиболѣе нуждается народъ. Между тѣмъ, безграмотная или даже прямо развращающая стряпня Манухиныхъ, Леухиныхъ и К° и прочія «лубочныя изданія» свободно проникаютъ въ народъ, извращая его потребность въ чтеніи и непроизводительно унося изъ тощаго крестьянскаго кармана гроши, добытые кровавымъ потомъ, которые, при нынѣшнихъ условіяхъ, крестьянинъ даже лишенъ возможности затратить съ пользою на свое самообразованіе.

Начальныя свѣдѣнія по скотоводству, В. Г. Котельникова. Спб. 1882 г.—Книга эта представляетъ попытку самоучебника по скотоводству, и попытку весьма удачную. Написана она спеціально для низшихъ сельско-хозяйственныхъ народныхъ школъ; но простое, ясное, точное изложеніе дѣлаетъ ее вполнѣ доступною каждому ученику народной школы, каждому грамотному крестьянину. Мы указываемъ на эту книгу, какъ на образчикъ тѣхъ книгъ по прикладнымъ знаніямъ, которыя необходимы для народныхъ библіотекъ. Съ такою книгою въ рукахъ крестьянинъ, безъ всякой посторонней помощи, уразумѣетъ, какъ ему ухаживать за скотомъ и обращаться съ молочнымм продуктами.

Упраздненіе земской медицины или аптекарскій уставъ 1880 года, земскаго врача Кобелякскаго уѣзда, г. В. Эмме. Полтава, 1881 г.—Тифы, дифтеритъ, скарлатина и прочія «болѣсти» жестоко одолѣваютъ и столицы, и провинцію. Но, помимо бѣдствія, въ видѣ самыхъ болѣзней, есть еще другое бѣдствіе, не менѣе злокачественное—непомѣрная дороговизна лѣкарствъ, рѣшительно не отвѣчающая дѣйствительной ихъ стоимости. Такъ, напримѣръ, дѣйствительная стоимость фунта известковой воды—около $^1/_{250}$ доли коп.; по аптекарской же таксѣ вода эта продается по 15 коп. за фунтъ; фунтъ камфорнаго спирта стоитъ 47 коп., продается по 1 р. 10 коп., фунтъ раствора мышьяка стоитъ около $7^1/_2$ коп., продается по 2 р. 40 к. и т. д. Такая вопіющая несообразность аптекарской таксы съ дѣйствительною стоимостью проходитъ черезъ всѣ лѣкарственные препараты, которыми такъ обильно продовольствуютъ аптеки русское населеніе, благодаря непереводящимся эпидеміямъ и огромному, вообще, проценту заболѣваемости. Трудно понять, какъ могло произойти такое произвольное обложеніе всего русскаго населенія въ пользу аптекарей, если аптеки находятся подъ контролемъ медицинскаго департамента и обязаны ежегодно давать отчетъ во всемъ, а тѣмъ болѣе въ цѣнахъ на лѣкарства, вдобавокъ, и устанавливаемыхъ не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія медицинскаго департамента, которому, съ другой стороны, обязательно должна быть извѣстна

дѣйствительная стоимость лѣкарственныхъ веществъ. Тѣмъ болѣе непонятенъ тотъ фактъ, что, по мѣрѣ разнуздыванія произвола аптекарей въ назначеніи цѣнъ на лѣкарства, систематически затруднялся земскій починъ въ удешевленіи лѣкарствъ, въ облегченіи крестьянству путей и средствъ къ возможно дешевому лѣченію.

Всѣ ходатайства земствъ объ открытіи земскихъ аптекъ съ даровой раздачей или дешевой продажей лѣкарствъ земскимъ плательщикамъ—обыкновенно отклонялись. Точно также отклонялись и ходатайства ихъ объ открытіи вольной продажи лѣкарствъ изъ аптекъ при земскихъ лечебницахъ «съ цѣлію усиленія доходовъ больницъ и улучшенія ихъ состоянія». Наконецъ, земствамъ воспрещено пріобрѣтеніе многихъ лѣкарственныхъ веществъ въ товарномъ видѣ, по цѣнамъ производства, отъ дрогистовъ. Лѣкарства, въ видѣ готовыхъ препаратовъ, дрогисты могутъ отпускать земствамъ не прямо изъ своихъ лабораторій, а непремѣнно черезъ посредство аптекъ, «съ подлинными этикетами и печатями тѣхъ аптекъ, отъ которыхъ препараты эти пріобрѣтены». Словомъ, во все время существованія земскихъ учрежденій, т. е. въ теченіе 17 лѣтъ, циркуляръ слѣдовалъ за циркуляромъ, указъ за указомъ—и вся такъ называемая народная, или земская медицина обратилась въ обильную, прибыльнѣйшую доходную статью аптекарей. Но предоставимъ слово г. В. Эмме. Подводя итогъ нынѣшнему положенію земской медицины, г. В. Эмме ставитъ слѣдующія положенія: «1) На основаніи циркуляра за № 1000, подтвержденнаго циркуляромъ № 2828, земство переплачиваетъ отъ 100% до 1000% аптекарямъ за настойку іода, опія, за пластыри, мази, известковую воду, растворы мышьяка и т. д. 2) На основаніи циркуляра № 9775, земство лишено права поддерживать и улучшать свои больницы путемъ вольной продажи лѣкарствъ, которыя могли бы окупить содержаніе земскихъ больницъ и, слѣдовательно, избавили бы населеніе отъ лишнихъ налоговъ. 3) На основаніи циркуляра за № 911, земство лишено права давать фельдшерамъ необходимыя лѣкарства, что̀ равносильно упраздненію фельдшеровъ, лишенію больныхъ медицинской помощи и предоставленію полной свободы эпидеміямъ. 4) На основаніи этого же циркуляра, земскіе врачи обязаны ограничиваться фармакопеей, что̀ равносильно отсталости на 10—20 лѣтъ отъ прогресса науки и отреченію отъ тѣхъ благъ, которыя природа и наука даютъ щедрой рукой всѣмъ желающимъ ими пользоваться. 5) На основаніи циркуляра № 32964 и на основаніи ст. 586 и 587 Устава общественнаго призрѣнія, земство не имѣетъ права выдавать лѣкарства своимъ больнымъ безъ полицейскаго свидѣтельства о

бѣдности, что̀ равноспльно лишенію громаднаго большинства земскихъ больныхъ всякой медицинской помощи».

Это даже хуже «упраздненія земской медицины». Народная медицина, эта обширнѣйшая область земскаго хозяйства, поглощающая ежегодно около 8.000,000 руб., поставлена въ такія условія, что земству ничего болѣе не остается, какъ производить ассигновки исключительно въ пользу аптекарей и прямо въ ущербъ интересамъ сельскаго населенія. Но что̀ же это, однако, такое: сновидѣніе или реальная дѣйствительность? Развѣ можно терпѣть такой порядокъ вещей?.. Если закрѣпощеніе народной медицины въ пользу аптекарей будетъ продолжаться,—земству, какъ это ни грустно, придется остановить ассигновки на дѣло народнаго врачеванія. Просто вѣрить не хочется, что интересы аптекарей ставятся выше интересовъ земства и всего вообще населенія Россіи, а между тѣмъ это неопровержимый фактъ, и циркуляры, его подтверждающіе,—всѣ на лицо!!

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Какого цвѣта наше солнце? — Птицы съ зубами. — Электрическій зондъ.— Электрогортикультура.—Электрическая уличная желѣзная дорога.—Болометръ проф. Лангли. — Фотографія кометы. — Фотографія скачущей лошади.

Какого цвѣта наше солнце? Проф. Лангли (Langley) еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказалъ предположеніе, что наше солнце имѣетъ на самомъ дѣлѣ не бѣлый, но синій цвѣтъ, и что его кажущаяся бѣлизна зависитъ главнымъ образомъ отъ поглощающаго дѣйствія его собственной атмосферы, состоящей преимущественно изъ металлическихъ паровъ, и отчасти отъ подобнаго же вліянія воздуха, окружающаго землю. Дальнѣйшія изслѣдованія того же ученаго, приводимыя въ «Knowledge» (1881, нояб. 4, стр. 18), вполнѣ подтвердили это предположеніе. Мы знаемъ, что солнце, когда оно садится,— т. е. когда оно видно черезъ большое пространство нашей собственной атмосферы — представляется краснымъ, оранжевымъ или желтымъ, смотря по состоянію воздуха. Дѣйствіе, производимое воздухомъ на солнце, высоко стоящее надъ горизонтомъ, сходно по характеру, хотя слабѣе по степени; воздухъ, стало быть, заставляетъ солнечный дискъ казаться желтѣе, нежели на самомъ дѣлѣ. Далѣе, край солнечнаго диска гораздо менѣе свѣтелъ, чѣмъ середина, между тѣмъ въ дѣйствительности количество свѣта, даваемаго краевыми частями солнечной поверхности, одинаково съ частями, лежащими ближе къ центру. Кажущееся различіе зависитъ исключительно отъ поглощенія лучей солнечною атмосферою. Если теперь обратиться къ фотографическому изображенію солнечнаго диска, то мы увидимъ, что на немъ потемнѣніе краевъ выражено гораздо рѣзче, нежели въ ординарномъ телескопическомъ солнечномъ дискѣ. Отсюда слѣдуетъ, что лучи, производящіе фотографическое изображеніе солнца—главнымъ образомъ синіе, индиго-синіе и фіолетовые—солнечною атмосферою сильнѣе поглощаются, нежели дающіе обыкновенный зрительный образъ солнца. Слѣдовательно, ка-

жущійся цвѣтъ солнца менѣе синь, нежели его настоящій цвѣтъ. Если-бы атмосфера, окружающая солнце, была внезапно удалена, то бѣлый или бѣловато-желтый цвѣтъ его измѣнился бы въ синій или, можетъ быть, въ зеленоватый—все равно, какъ внезапное удаленіе нашей атмосферы измѣнило бы красноватый цвѣтъ садящагося солнца въ бѣлый цвѣтъ свѣтила, стоящаго надъ головою.

Птицы съ зубами. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ литографскомъ плитнякѣ близь Золенгофена, въ Баваріи, было найдено странное перо, принадлежащее неизвѣстному животному, которое и получило отъ нашедшаго перо, Германа фонъ-Мейера, напменованіе Archaeopterux litographica. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ той-же мѣстности и въ той-же формаціи было открыто два скелета, причемъ около одного изъ нихъ,—не имѣвшаго ни головы, ни шеи—плита представляла отпечатки перьевъ, на подобіе вѣера расходившихся отъ каждой изъ переднихъ конечностей. Сходство отпечатковъ перьевъ съ недавно найденнымъ перомъ убѣдило Мейера, что онъ нашелъ теперь скелетъ своей Archaeopterux. Проф. А. Вагнеръ, однако, призналъ оба скелета принадлежащими ископаемымъ пресмыкающимся, причемъ отпечатки, найденные около скелета предполагаемой птицы, онъ объяснилъ какимъ нибудь обманчивымъ сходствомъ покрововъ съ птичьими перьями. Мнѣніе Вагнера нашло себѣ поддержку только среди немногихъ натуралистовъ. Большинство же, особенно послѣ того, какъ изслѣдованіе перевезеннаго въ лондонскій Британскій музей скелета было произведено знаменитымъ проф. Оуэномъ—признало Archaeopterux за настоящую птицу, и притомъ за зачаточную, или первобытную птицу. Нѣсколько позже Джонъ Ивэнсъ (Evans) нашелъ въ плитѣ, на которой лежало ископаемое, челюсть, принадлежавшую несомнѣнно скелету Archaeopterux. Но самое замѣчательное, что онъ открылъ при этомъ, къ немалому своему изумленію, состояло въ присутствіи на этой челюсти ряда настоящихъ зубовъ. Присутствіе зубовъ у птицы было фактомъ столь необычнымъ, что многіе естествоиспытатели поспѣшили безъ дальнихъ разговоровъ наградить находкою Ивэнса ископаемыхъ рыбъ, и даже самъ Мейеръ нашелъ, что «вооруженіе челюстей зубами противорѣчило бы мнѣнію, что Archaeopterux принадлежитъ къ птицамъ». Казалось, мнѣніе Вагнера, такимъ образомъ, пріобрѣтало большую достовѣрность. Но новыя открытія вскорѣ положили конецъ всякому спору о родѣ и племени собственника безголоваго скелета и челюсти съ зубами. Въ 1872 году проф. Маршъ, роясь въ мѣловыхъ пластахъ Канзаса, нашелъ полный ске-

летъ несомнѣнной птицы, величиною съ голубя, у которой въ каждой челюсти, какъ бы смѣясь надъ предвзятыми мнѣніями ученыхъ рутинеровъ, сидѣли сорокъ мелкихъ несомнѣнныхъ же зубовъ, каждый зубъ въ особой луночкѣ; Маршъ назвалъ ее Ichthyornis Dispar. А затѣмъ, немного позже, въ той же мѣстности онъ открылъ скелетъ и другой птицы, на этотъ разъ вышиною футовъ въ шесть, обѣ челюсти которой были также усѣяны подлинными мелкими зубами, но только сидящими не въ луночкахъ, а въ желобкахъ, какъ у ихтіозавра (громаднаго морскаго пресмыкающагося, похожаго на ящерицу); эту зубастую птицу, соединяющую въ себѣ сходство съ современными нырковыми и гагарами, съ одной стороны, и со страусами, съ другой — этого «гигантскаго страуса» — Маршъ окрестилъ Hesperornis Regalis (изображеніе его, равно какъ и птичьяго зуба, содержащаго внутри другой, зачаточный, приведены въ Knowledge, 1881, нояб. 11, стр. 33). Произведя, затѣмъ, изслѣдованіе экземпляра Archaeopteryx въ Британскомъ музеѣ—и недавно найденнаго, въ Зольгофенѣ же, втораго экземпляра, находящагося теперь въ Берлинскомъ музеѣ — Маршъ подтвердилъ, что найденные Ивенсомъ зубы совершенно сходны съ таковыми же у Hesperornis и несомнѣнно принадлежатъ именно птицамъ, а не рыбамъ.

Открытіе зубастыхъ птицъ интересно не только само по себѣ—какъ новый курьезный фактъ—но и крайне важно, какъ новое подтвержденіе ученія о развитіи. Въ зубастыхъ пернатыхъ мы имѣемъ передъ собою приближеніе къ предкамъ современныхъ птицъ, развившихся изъ пресмыкающихся –еще одно звено, которое связываетъ классъ пресмыкающихся съ классомъ птицъ и которое столь же важно, какъ и незубастыя птицеподобныя животныя, «двуногія пресмыкающіяся», описанныя проф. Гекели и другими. Въ своемъ интересномъ сообщеніи «О юрскихъ птицахъ», сдѣланномъ на іоркскомъ съѣздѣ британской ассоціаціи въ сентябрѣ 1881 г. (Nature, 1881, ноября 3, стр. 22—23), проф. Маршъ перечисляетъ слѣдующія важнѣйшія особенности Archaeopteryx: 1) присутствіе истинныхъ зубовъ въ черепѣ, 2) двояковогнутые (какъ у рыбъ) позвонки, 3) хорошо окостенѣвшая грудина безъ киля или гребня, 4) три пальца въ лапѣ, всѣ съ когтями, 5) раздѣльность тазовыхъ костей, 6) нахожденіе периферическаго конца малоберцовой кости впереди большеберцовой, 7) раздѣльность плюсневыхъ костей. Всѣ эти признаки, вмѣстѣ съ свободою пятныхъ костей и длинною хвостовою костью позвоночника, дѣлаютъ Archaeopteryx, по выраженію Марша, «самою пресмыкающеюся изо всѣхъ птицъ». Изъ класса пре-

смыкающихся ближе всего подходятъ къ птицамъ—динозауры (напр. Iguanodon), и изъ нихъ наиболѣе—маленькія породы изъ американской юры. Маршъ не безъ основанія полагаетъ, что эти пресмыкающіяся жили на деревьяхъ, и что въ началѣ разница между ними и птицами заключалась главнымъ образомъ въ перьяхъ.

Электрическій зондъ. Проф. А. Грэмъ Белль (Graham Bell) недавно представилъ Парижской академіи наукъ изобрѣтенный имъ аппаратъ, который имѣетъ цѣлью точное опредѣленіе мѣста, занимаемаго свинцовыми пулями, кусками граната или, вообще, всякими металлическими веществами, вносимыми въ тѣло человѣка, получающаго огнестрѣльную рану. По словамъ изобрѣтателя, аппаратъ соединяетъ съ точностью одно весьма важное достоинство: употребленіе его не сопровождается никакими болями или неудобствами для изслѣдуемаго паціента, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о нынѣ употребляемыхъ обыкновенныхъ металлическихъ зондахъ, изслѣдованіе которыми основывается на непосредственномъ соприкосновеніи ихъ съ метательнымъ снарядомъ, находящимся въ тѣлѣ раненаго. Приборъ Белля состоитъ изъ двухъ параллельныхъ плоскихъ спиралей, наложенныхъ одна на другую такъ, что край одной находится почти надъ осью другой. Одна изъ спиралей состоитъ изъ толстой проволоки, представляющей часть первичной цѣпи, въ которую входитъ гальваническая батарея; другая спираль состоитъ изъ тонкой проволоки, представляющей часть вторичной цѣпи, въ которую входитъ телефонъ. Обѣ спирали окружены парафиновою массою, помѣщенною въ деревянный ящикъ съ ручкою. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ не слышно никакого звука въ телефонѣ; но если та часть прибора, гдѣ одна спираль прилегаетъ къ другой, приблизится къ какому нибудь металлическому тѣлу, телефонъ издаетъ звукъ, сила котораго зависитъ отъ характера, формы и разстоянія сказаннаго тѣла. Одинъ изъ знаменитыхъ американскихъ хирурговъ, д-ръ Франкъ Гамильтонъ въ Нью-Іоркѣ, въ присутствіи тринадцати другихъ извѣстныхъ врачей, произвелъ испытаніе электрическаго зонда Белля на человѣкѣ—на нѣкоемъ капитанѣ Клэйтонѣ, раненномъ въ 1862 году. Пуля вышла спереди черезъ лѣвое грудиноключичное сочлененіе, переломивъ ключицу. Два опытныхъ хирурга предполагали, что пуля застряла въ спинѣ, подъ лопаткою; но аппаратъ Белля показалъ, что она помѣщается спереди, тотчасъ подъ третьимъ ребромъ (Nature, 1881, нояб. 3, стр. 24, нояб. 10, стр. 40).

Аппаратъ Белля основанъ почти на томъ же началѣ, какъ и «induc-

tion balance» проф. Гюса (Hughes), гдѣ токи въ двухъ вторичныхъ спиралѣхъ, сообщенныхъ съ телефономъ, стремятся каждый произвести шумъ въ послѣднемъ, но такъ какъ они наводятся въ противоположныхъ направленіяхъ, то уравновѣшиваютъ или уничтожаютъ другъ друга въ аппаратѣ, и телефонъ молчитъ. Помѣщеніе въ одну изъ спиралей куска металла измѣняетъ характеръ наведенія въ ней тока и нарушаетъ равновѣсіе; въ телефонѣ тогда слышится шумъ. Проф. Гюсъ также сообщаетъ случай, доказывающій, что примѣненіе электричества къ открытію металлическихъ инородныхъ тѣлъ, проникшихъ въ тѣло человѣка, можетъ увѣнчаться успѣшнымъ результатомъ (Knowledge, 1881, нояб. 11, стр. 40)—по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Послѣдняя оговорка намъ представляется необходимою, ибо примѣненіе электрическаго зонда къ ранѣ президента Гарфильда—которая именно и послужила толчкомъ къ изобрѣтенію Белля—повидимому, оказалось почему-то не совсѣмъ удачнымъ (Times, 1881, авг. 5).

Электрогортикультура. Знаменитый уже въ лѣтописяхъ электротехники, д-ръ Карлъ Вильгельмъ Зименсъ (Siemens) предпринялъ недавно рядъ опытовъ надъ дѣйствіемъ электродинамическаго свѣта на прозябаніе растеній. Результаты, имъ достигнутые, имѣютъ первостепенный интересъ и важность. Употреблявшійся для опытовъ аппаратъ состоялъ изъ небольшой вертикальной Зименсовой электрической машины, приводившейся въ дѣйствіе газовымъ двигателемъ. Два угля въ лампѣ имѣли: одинъ 10, другой 12 миллиметр. въ поперечникѣ и давали свѣтъ, равный 1400 свѣчамъ. Въ первомъ рядѣ опытовъ, лампа была помѣщена на высотѣ сажени надъ оранжереею съ дынями. Одни растенія были подвергнуты дѣйствію только электрическихъ лучей, другія—дѣйствію одного солнечнаго свѣта, третьи—попеременному дѣйствію солнечныхъ и электрическихъ лучей. Наилучшіе успѣхи въ ростѣ и наилучшій цвѣтъ листвы представила послѣдняя группа. Въ другомъ рядѣ опытовъ, лампа была помѣщена внутри оранжереи подъ потолкомъ. На различныхъ разстояніяхъ подъ нею, на землѣ были разставлены горшки съ растеніями. Лампу оставляли горѣть всю ночь въ теченіе цѣлой недѣли. Растенія, находившіяся къ лампѣ ближе другихъ, оказали и самые быстрые успѣхи въ ростѣ; ихъ листва имѣла гораздо болѣе яркій цвѣтъ, нежели листья экземпляровъ, подвергавшихся только дѣйствію солнечныхъ лучей въ теченіе дня. Кусты земляники, попеременно подвергнутые дѣйствію солнца и электрическихъ лучей, по прошествіи десяти дней, дали большія, зрѣлыя, ароматныя ягоды. Между тѣмъ

кусты, остававшіеся въ теченіе того же срока подъ вліяніемъ однихъ солнечныхъ лучей, были покрыты только зелеными ягодами.

«Нѣтъ сомнѣнія—говоритъ авторъ статьи въ Knowledge (1881, нояб. 18, стр. 51—52), что употребленіе исскуственнаго солнечнаго свѣта въ садоводствѣ окажется имѣющимъ огромную практическую важность». Весь вопросъ заключается въ стоимости его. Машина, употреблявшаяся Зименсомъ и дававшая свѣтъ силою въ 1400 свѣчей, обходилась около 50 сантимовъ въ часъ, включая сюда и уголь, но не включая заработной платы надсмотрщику надъ аппаратомъ. Это, конечно, довольно дорого. Но по мнѣнію Зименса, свѣтъ силою въ 6000 свѣчей оказался бы уже весьма выгоднымъ. Лампу такой силы можно было бы поставить на двадцати футахъ высоты.

Во время своей лекціи о приложеніи электричества къ садоводству, читанной въ королевскомъ институтѣ, д-ръ Зименсъ демонстрировалъ передъ аудиторіею дѣйствіе электрическихъ лучей на тюльпанахъ. Онъ принесъ съ собою нѣсколько горшковъ съ нераспустившимися еще цвѣтовыми почками. Подъ дѣйствіемъ свѣта, по прошествіи всего двадцати минутъ, почки распустились въ полные цвѣтки.

Короче,—«почти несомнѣненъ фактъ, что растенія, подвергаемыя вліянію электродинамическаго свѣта, доходятъ до совершенства развитія нѣсколько менѣе, чѣмъ въ теченіе половины того времени, которое потребовалось бы, еслибы они были предоставлены дѣйствію однихъ солнечныхъ лучей» (ib).

Электрическая уличная желѣзная дорога. Электрическій приборъ Зименса представляетъ не только одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ на электрической выставкѣ въ Парижѣ, но и крупный задатокъ, данный намъ техниками, въ поруку за будущее громадное развитіе электричества, какъ двигательной силы. Рельсовый путь равенъ 500 метрамъ и совершается въ теченіе одной минуты. Электродвигатель помѣщается подъ ногами у пассажировъ, сидящихъ внутри обыкновеннаго конножелѣзнодорожнаго вагона, и состоитъ изъ простой Зименсовой электродинамической машины съ горизонтальными индукторами. Передача движенія колесамъ совершается при помощи опускной цѣпи. Регулированіе скорости достигается введеніемъ сопротивленій въ общую цѣпь, которыя уменьшаютъ силу тока и, стало быть, работу двигателя. Для остановки поѣзда токъ прерывается, а также пускается въ ходъ и обыкновенный тормозъ. Двигатель, находящійся подъ поломъ вагона, соединяется съ неподвижнымъ токообразователемъ,

помѣщающимся въ Palais de l'Industrie, при помощи особыхъ проводниковъ. Именно, на уровнѣ наружныхъ пассажирскихъ мѣстъ на крышѣ вагона, сбоку дороги идутъ двѣ, поддерживаемыя столбами и проволоками, мѣдныя трубки, которыя сообщаются съ полюсами неподвижнаго токообразователя и по которымъ передвигается подвижной проводникъ, сообщающій токъ отъ трубокъ къ двигателю въ вагонѣ и постоянно слѣдующій за движущимся вагономъ. (No La Nature, 1881, ноябрь).

Болометръ профессора Лангли. Проф. С. П. Лангли (Langley) изобрѣлъ особый приборъ для измѣренія лучистой теплоты, названный имъ болометромъ, или «actinic balance». Приборъ отличается необыкновенною чувствительностью: онъ въ тысячу разъ чувствительнѣе термомультипликатора и можетъ отмѣчать измѣненіе температуры на одну стотысячную часть стоградуснаго термометра. Приборъ дѣйствуетъ быстро и вѣрно. Устройство его весьма сложно и сдѣлать его, не прибѣгая къ рисункамъ, положительно невозможно. Аппаратъ основанъ на принципѣ измѣренія температуры измѣненіями сопротивленія электрическому току въ проводникѣ, то есть—на томъ же принципѣ, какъ и электрическій пирометръ Зименса. Подробное описаніе прибора, съ разъяснительными рисунками, желающіе могутъ найти въ Nature 1881, нояб. 3, стр. 14—16.

Безъ сомнѣнія, болометру Лангли,—какъ новому орудію, увеличивающему точность и расширяющему предѣлы нашего изслѣдованія природы,—принадлежитъ великое будущее.

Фотографія кометы. Фотографія оказала уже много услугъ астрономіи. Вѣроятно, каждому изъ читателей доводилось видѣть фотографическія изображенія затмѣній луны въ различныхъ ея фазахъ, солнечныхъ пятенъ и т. п. Въ іюлѣ мѣсяцѣ истекшаго года (1 іюля 1881) была наконецъ фотографирована и комета—именно, большая комета *B*. Снятіе ея было произведено д-ромъ Янсеномъ изъ Медонской обсерваторіи въ Парижѣ, имя котораго такъ тѣсно связано съ каждымъ шагомъ впередъ въ области небесной свѣтописи. Для съемки былъ употребленъ телескопъ съ отверстіемъ въ полметра въ поперечникѣ и съ фокусною длиною въ 1,60 метра. Изображеніе было принято на экстренночувствительныя пластинки изъ желатина съ бромистымъ серебромъ. Съемка продолжалась тридцать минутъ. Само собой разумѣется, весь аппаратъ былъ приспособленъ къ движенію кометы. Изображеніе хвоста занимаетъ болѣе двухъ съ половиною градусовъ; изображеніе головы тоже весьма велико. Кстати сказать, фото-

графія открыла въ хвостѣ присутствіе особыхъ, дотолѣ не замѣчавшихся, прямолинейныхъ лучей, и около кометы нѣсколько новыхъ, весьма малыхъ звѣздъ, до сихъ поръ не изображавшихся въ небесныхъ атласахъ (No la Nature и Nature, 1881, дек. 8, стр. 132).

Фотографія скачущей лошади. Безъ сомнѣнія, каждый изъ читателей слыхалъ о новомъ усовершенствованіи фотографической техники, носящемъ названіе «мгновенной фотографіи», или «пистольграфіи» (послѣднее названіе употреблялось преимущественно въ Англіи, при первомъ появленіи этого улучшенія, лѣтъ двѣнадцать назадъ). Въ началѣ, подъ этимъ разумѣлся обыкновенно процессъ, на самомъ дѣлѣ, продолжавшійся не менѣе секунды. Исключеніе составляли только фотографіи солнца, которыя д-ръ Янсенъ получалъ не болѣе, чѣмъ въ 1600 часть секунды. Въ настоящее время, «мгновенное» фотографированіе не только солнца, но всякаго движущагося предмета достигло такой степени совершенства, что оно теперь не только вполнѣ заслуживаетъ эпитета, на который претендуетъ, но даже не оставляетъ желать ничего лучшаго. Превосходной иллюстраціею этому служитъ фотографированіе галопирующей лошади, которому посвящена весьма интересная статья извѣстнаго англійскаго астронома и талантливаго популяризатора, Ричарда Проктора, въ декабрьской книжкѣ Te Gentleman's Magazine (стр. 666—681).

Получить явственныя фотографическія изображенія несущейся во весь галопъ лошади—что вполнѣ удалось нѣкому м-ру Майбриджу (Muybridge) — гораздо труднѣе, нежели получить такое же изображеніе солнца въ $^1/_{1000}$ часть секунды. Это уже потому, что солнце—тѣло блестящее, лошадь —нѣтъ; для фотографированія солнца возможная кратковременность процесса и необходима, и выгодна, иначе всѣ детали картины будутъ «выжжены»; для фотографированія же скачущей лошади необходимость быстроты процесса представляетъ только затрудненіе. Къ тому же оказывается, что «мгновенность» процесса должна быть весьма и весьма значительна. Галопирующая лошадь движется обыкновенно со скоростью мили въ двѣ минуты; лошадь, фигурирующая на первыхъ фотографіяхъ Майбриджа, скакала со скоростью мили въ 100 секундъ (т. е. по 36 миль въ часъ) или 54 фута въ секунду. Такъ какъ лошадь въ покоѣ занимаетъ нѣсколько менѣе 9 футовъ, то очевидно, чтобы получить явственное изображеніе скачущей лошади, а не простое пятно—требуется съемка, длящаяся много меньше секунды. Майбриджъ не только преодолѣлъ всѣ эти трудности, но пошелъ далѣе: послѣднія

его фотографіи представляютъ оттискъ изображеній, касавшихся чувствительной массы не долѣе $^1/_{5000}$ части секунды.

Разсмотрѣніе одиннадцати мгновенныхъ фотографій Майбриджа, изображающихъ всѣ движенія животнаго съ начала до конца одного скачка во время полнаго галопа, приводитъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. На лучшихъ картинахъ скачекъ, кавалерійскихъ аттакъ, полевой охоты и т. п. лошадь, находящаяся на полномъ скаку, изображается въ положеніи ventre à terre,—съ двумя передними ногами, далеко занесенными впереди, и съ двумя задними, занесенными далеко назади. Всякій изъ насъ, вѣроятно, только подтвердитъ, что именно это положеніе наиболѣе характеристично для галопирующей лошади. Мгновенныя же фотографіи показываютъ, что это положеніе не только не характеристично, но что животное никогда его не принимаетъ ни при галопѣ, ни въ какомъ либо другомъ случаѣ. Съ другой стороны, оказывается, что галопирующая лошадь принимаетъ такія положенія, какія навѣрное никому не могли бы прійти въ голову. Такъ, на одной изъ фотографій мы видимъ лошадь балансирующею на одной лѣвой передней ногѣ, правая же и обѣ заднія высоко приподняты; на другой и третьей—животное находится въ воздухѣ со всѣми четырьмя ногами, подобранными подъ животъ, переднія на встрѣчу заднимъ; на четвертой и пятой лошадь балансируетъ на одной правой задней ногѣ, съ высоко поднятыми остальными; на шестой мы видимъ животное поддерживающимъ свое тѣло на двухъ заднихъ ногахъ, одна передняя нога далеко занесена впередъ и сейчасъ опустится на землю, другая поднята, какъ при обыкновенномъ переступаніи во время крупной рыси и т. д. Словомъ, можно только, вмѣстѣ съ Прокторомъ, быть «пораженнымъ абсолютнымъ отсутствіемъ сходства между всѣми почти изображеніями и положеніями, которыя мы имѣемъ обыкновеніе приписывать галопирующей лошади». На двухъ карточкахъ, изображающихъ лошадь на воздухѣ, положеніе ея все-таки кажется нашему глазу сколько нибудь нормальнымъ, хотя ноги вмѣсто того, чтобы быть вытянутыми, подобраны подъ животъ; на всѣхъ же остальныхъ, положеніе ногъ (гдѣ двухъ, гдѣ трехъ, гдѣ всѣхъ четырехъ) представляется «абсурднымъ». Между тѣмъ, если расположить всѣ фотографіи въ послѣдовательномъ порядкѣ на дискѣ и привести послѣдній въ быстрое движеніе, т. е. изучать образы при условіяхъ, болѣе подходящихъ къ тѣмъ, въ какихъ мы наблюдаемъ скачущую лошадь въ дѣйствительности—то вся нелѣпость, бросавшаяся въ глаза при пристальномъ разсматриваніи отдѣльныхъ изображеній, исчезаетъ, и передъ нами мель-

каетъ только изображеніе скачущей лошади, въ томъ несуществующемъ на самомъ дѣлѣ положеніи, которое мы привыкли считать наиболѣе характернымъ для галопа.

Откуда же взялось представленіе о характерности ventre à terre для галопа, когда, въ дѣйствительности, подобнаго положенія лошадь никогда не принимаетъ? Разсматривая фотографіи Майбриджа, мы находимъ, что на иныхъ положеніе заднихъ ногъ лошади сходно съ изображаемымъ на картинахъ художниковъ, хотя переднія конечности находятся въ «нелѣпомъ» для нашего глаза положеніи; и наоборотъ, на другихъ фотографіяхъ переднія ноги близки къ тому, что̀ видимъ на картинахъ, заднія же «нелѣпы». Выходитъ такъ, что художники почему-то комбинируютъ положеніе заднихъ ногъ въ одной части скачка съ положеніемъ переднихъ въ другой. Прокторъ полагаетъ, что къ галлопирующей лошади, въ этомъ отношеніи, примѣнимо то, что̀ относится къ быстро вращающемуся колесу: движенія лошади, находящейся на всемъ скаку, слишкомъ быстры, чтобы слѣдить за ними глазомъ, и вслѣдствіе этого многія положенія, дѣйствительно принимаемыя ея ногами въ различныя времена, сливаются вмѣстѣ въ одно впечатлѣніе. Подобнаго сліянія не происходитъ, когда движенія медленнѣе, какъ это показываетъ слитіе картинъ лошади, бѣгущей рысью, съ мгновенными фотографіями ея, сдѣланными тѣмъ же Майбриджемъ.

Мгновенныя фотографіи, снятыя Майбриджемъ съ бѣгущаго или дѣлающаго прыжокъ человѣка, приводятъ къ тому же результату, какъ и фотографіи скачущей лошади: настоящій характеръ движеній оказывается не совсѣмъ такимъ, какимъ мы себѣ представляемъ. Всякому ясно, что передъ мгновенной фотографіей открывается необъятное поле для примѣненія. Несомнѣнно, что физіологія пріобрѣла въ ней новое цѣнное средство изслѣдованія. Прокторъ полагаетъ, что мгновенное фотографированіе, длящееся только $^1/_{5000}$ часть секунды, уже можетъ «дать картину—хотя и не рѣзко очерченную—летящаго пушечнаго ядра».

Д-ръ **Ивинъ**.

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ».)

БЛАГОДУШНЫЯ ПѢСНИ

Ефима Скорпіонова.

(НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ).

Собираясь познакомить русскую публику съ произведеніями новаго самобытнаго дарованія, самоучки-поэта, служащаго околодочнымъ въ одномъ изъ петербургскихъ участковъ, Ефима Скорпіонова, считаю своимъ долгомъ передать хотя вкратцѣ о томъ, какъ я открылъ это дарованіе, предоставляя себѣ впослѣдствіи дать также и легкую характеристику художественно-поэтическихъ особенностей музы этого парнасскаго новичка. Сношенія мои съ Ефимомъ Скорпіоновымъ завязались такъ. Въ памятный день перваго санктъ-петербургскаго всеобщаго «голосованія», для выбора излюбленныхъ мужей въ совѣтъ градоначальства, я, прочитавъ утромъ въ газетахъ полицейское распоряженіе, чтобы всѣ обыватели съ трехъ часовъ находились дома, разумѣется, никуда не пошелъ и сталъ ожидать агентовъ избирательной коммиссіи. Исполнить это мнѣ было не особенно трудно, такъ какъ я уже годъ никуда не выхожу, лишенный болѣзнью возможности двигаться. Гордый сознаніемъ, что и мнѣ таки привелось, хотя и въ первый разъ еще въ своей жизни, подать голосъ, какъ гражданину, я однакоже до 11-ти часовъ вечера ждалъ напрасно желанныхъ гостей. Наконецъ, въ началѣ двѣнадцатаго, въ кабинетъ мой вошли два лица, одно изъ которыхъ было, очевидно, представителемъ нашего муниципалитета изъ такъ называемой «черной сотни». Это былъ тучный, рябой и запыхавшійся че

ловѣкъ, одѣтый по купечески, съ красными руками и взъерошенными волосами. Казалось, исполненіе имъ выпавшей на его долю хлопотливой обязанности не лишило его досуга до такой степени, чтобы онъ не успѣлъ нѣсколько разъ въ этотъ день приложиться къ очищенной. Онъ былъ очень бодръ и развязенъ. Другое лицо, въ костюмѣ околодочнаго, напротивъ, отличалось какою-то необычайною въ полицейскомъ мірѣ робостью и растерянностью. Личность довольно крупная и коренастая, съ лицомъ какъ-бы изъ красной мѣди и рыжеватыми волосами,—она представляла, повидимому, всѣ данныя, чтобы быть заправскимъ полицейскимъ того типа, который такъ прочно увѣковѣченъ Гоголемъ въ лицѣ Держиморды, еслибы не глаза, которые совершенно не гармонировали со всей остальной фигурой. Глаза эти были большіе, блѣдно-голубаго цвѣта, и какъ-то меланхолически и нерѣшительно перебѣгали съ предмета на предметъ. Выраженіе этихъ глазъ такъ же, какъ и отсутствіе всякихъ воинственныхъ аллюръ въ походкѣ и мимикѣ, и указывали на то, что натура моего гостя представляла собою нѣчто болѣе сложное, чѣмъ природа заурядnаго полицейскаго исполнителя. Когда мои посѣтители вошли, то членъ муниципалитета началъ съ извиненія за причиняемое мнѣ безпокойство и объяснилъ, что онъ, узнавъ отъ прислуги, что я боленъ, не хотѣлъ уже и входить и не явился бы, еслибъ ему настоятельно не сказали, что я приказалъ принять коммиссію, какъ-бы поздно она ни пришла. Иначе бы я никакъ... кончилъ онъ.

— И сдѣлали-бы очень дурно, потому-что безправно лишили бы меня того преимущества, какимъ правительство дало мнѣ возможность воспользоваться.

Членъ муниципалитета, очевидно, неясно понялъ мои слова, такъ какъ довольно смутно посмотрѣлъ на меня и довольно несвязно формулировалъ вопросъ: не имѣю ли я въ средѣ своихъ знакомыхъ лица достойнаго и т. д.

— Скажите, отвѣтилъ я,—долженъ ли я назвать лицо, живущее въ одномъ околодкѣ со мною, или могу не стѣсняться мѣстомъ его жительства?

— По настоящему нельзя-съ, но мы рѣшили, что въ случаѣ, если обывателю никто неизвѣстенъ въ своемъ околодкѣ, то онъ можетъ назвать лицо и изъ другаго.

— Но я, напримѣръ, не знаю даже, гдѣ начинается и гдѣ кончается околодокъ, въ которомъ я живу.

— А это вамъ скажетъ г. Скорпіоновъ, сказалъ муниципалъ, указывая на околодочнаго.

Но Скорпіоновъ, фамилію котораго я тогда впервые услышалъ и въ рукахъ котораго находилась тетрадка съ фамиліями обывателей и графой для помѣщенія именъ «излюбленныхъ»,

обрѣтался въ какой-то задумчивости и перебѣгалъ глазами по моимъ книжнымъ шкафамъ. На вопросъ муниципала, онъ даже не откликнулся, а когда я уже категорически и въ упоръ повторилъ ему тотъ же самый вопросъ, то нервно вздрогнулъ и, сдѣлавъ руками какой-то неувѣренно-фантастическій жестъ, произнесъ голосомъ, басовыя ноты котораго какъ-то странно перемежались съ меланхолически-альтовыми: «начинается тамъ, а кончается вотъ тамъ».

Указаніе это весьма мало просвѣтило меня, почему я и назвалъ лицо, жившее въ другой части города. Скорпіоновъ помуслилъ свой карандашъ, занесъ названную мной фамилію въ свою тетрадку и, обративши свой взоръ куда-то въ неопредѣленное пространство, произнесъ какъ-бы про себя: «они вѣдь, кажется, тоже пишутъ»... Затѣмъ, гости мои ушли, и этимъ началось и окончилось мое, такъ сказать, оффиціальное знакомство съ Скорпіоновымъ. Никакой мысли о томъ, что мнѣ придется познакомиться съ нимъ неоффиціально, въ то время у меня не было, а скорѣе представлялась нѣкоторая вѣроятность къ возобновленію оффиціальнаго знакомства, когда я, оставшись одинъ по уходѣ гостей, по свойственной россіянину робости, невольно впалъ въ размышленіе, не совершилъ-ли я чего либо «несоотвѣтственнаго» во время пребыванія въ моей квартирѣ властей при исполненіи ими своихъ обязанностей. Скажу болѣе; загадочныя слова Скорпіонова: «они вѣдь, кажется, тоже пишутъ», возбудили во мнѣ сомнѣніе и безпокойство. Что они могли собою означать? Вопросъ этотъ назойливо представлялся моему воображенію и мѣшалъ предаться ночному успокоенію. Не преступилъ ли я легкомысленно предоставленныхъ мнѣ полномочій, позволивъ себѣ указаніе на такое лицо, которое «тоже пишетъ», тогда какъ, можетъ быть, личности, прикосновенныя къ литературѣ, изъяты изъ числа лицъ, которыхъ дозволено выбирать? Не прочиталъ ли Скорпіоновъ,—разумѣется, обладающій навыкомъ бѣгло читать въ сердцахъ обывателей,—чего либо, проскользнувшаго непроизвольно и незамѣтно для меня самого въ моемъ сердцѣ, во время краткаго моего собесѣдованія съ членами избирательной коммиссіи?

Эти и подобные имъ вопросы весьма долго меня безпокоили, но не найдя для нихъ никакихъ рѣшеній, кромѣ проблематическихъ, я кончилъ тѣмъ, что все-таки заснулъ, а на другой день, отвлеченный мыслью въ другія сферы, пересталъ о нихъ и думать.

Дня черезъ два я однакоже смутился, когда, вслѣдъ за раздавшимся звонкомъ, человѣкъ объявилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть г. Скорпіоновъ. Не смотря на такое мое смущеніе, я,—во-первыхъ, потому, что сердца и квартиры россіянъ должны

быть всегда открыты для принятія подобныхъ посѣщеній, а также и потому, что не знаю за собой никакихъ винъ, кромѣ совершонныхъ развѣ по недоразумѣнію или непредусмотрительности—просилъ тотчасъ же посѣтителя войти.

Скорпіоновъ вошелъ какой-то неувѣренной походкой, а на мое предложеніе сѣсть, повидимому, сконфузился; это меня впрочемъ не удивило, такъ какъ, по-какому-то не гласно установившемуся церемоніалу, околодочные новѣйшей формаціи у благорожденныхъ обывателей не садятся ранѣе троекратнаго приглашенія. Зная это, я наскоро повторилъ свое приглашеніе еще дважды, и Скорпіоновъ усѣлся.

— Извините, началъ онъ тѣмъ басово-альтовымъ голосомъ, съ звуками котораго я уже былъ знакомъ,—что я въ такое время, когда люди въ нашей формѣ посѣщеніемъ своимъ производятъ...

— Что вы, что вы? перебилъ я, что производятъ? я лично всегда радъ и готовъ...

— Да ужь нѣтъ-съ, улыбнулся онъ,—мы вѣдь тоже знаемъ, а особливо писатели...

— Еще бы вамъ не знать! кому же и знать, какъ не вамъ, только причемъ-же тутъ писатели?

— Въ писательствѣ-то все и дѣло-съ, какъ-то мягко, совсѣмъ дискантомъ, пропѣлъ Скорпіоновъ,—но спѣшу высказать вамъ, чтобы вы нисколько не сомнѣвались,—дѣло совсѣмъ не о томъ, а позволилъ я себѣ явиться къ вамъ по собственной своей нуждѣ, едва удосужась отъ множества обязательныхъ занятій, и какъ это ни странно... какъ человѣкъ къ человѣку-съ, именно, какъ человѣкъ къ человѣку-съ.

— Я все-таки не вижу никакой странности и если могу чѣмъ служить вамъ, то очень радъ, разумѣется, если вы не пожелаете только собирать отъ меня какихъ-либо неоффиціальныхъ свѣдѣній о комъ-либо изъ моихъ знакомыхъ или не станете домогаться, чтобы я высказалъ вамъ нѣкоторыя сомнѣнія и колебанія, неразлучныя съ самымъ складомъ моей мысли и моимъ міросозерцаніемъ...

— О! нѣтъ, нѣтъ! этого никакъ! и вы вполнѣ можете быть увѣрены. Странно же то, что въ наши смутные дни, какъ человѣкъ къ человѣку, позволяетъ себѣ идти околодочный къ писателю...

— Я и въ этомъ не вижу никакой странности... всѣ мы служимъ одному и тому же обществу, чѣмъ кто можетъ, разумѣется... Я же не изъ числа тѣхъ писателей, которые стоятъ высоко въ гражданской іерархіи. Если вы состоите при нашемъ участкѣ, то, вѣроятно, знаете, что я записанъ въ немъ, какъ человѣкъ, «не имѣющій опредѣленныхъ занятій», а стало-быть и послѣдняя тѣнь странности, еслибы она и была, исчезаетъ, такъ какъ по-

чему-же человѣку, имѣющему опредѣленныя занятія по околодку, не зайти въ свободный отъ такихъ занятій часъ къ человѣку, не имѣющему опредѣленныхъ занятій и, слѣдовательно, располагающему досугомъ, которымъ всякій вправѣ воспользоваться?

— Вы какъ будто иронизируете, меланхолически отвѣтилъ Скорпіоновъ,—а я этого право не заслуживаю. Поэтому, скажу вамъ прямо: вы сочиняете стихами, а я, хотя и околодочный, но тоже немножко...

— Поэтъ? тѣмъ лучше и пріятнѣе... съ этой стороны я съ вами вполнѣ искренно радъ познакомиться, разумѣется, подъ условіемъ, если ваши стихи не такой мусоръ, какимъ заваливаютъ всѣ редакціи разные непризванные піиты и виршекропатели...

— Хвастаться своимъ товаромъ не смѣю, но многіе одобряли и даже находили, продолжалъ онъ, скромно потупивъ глаза, что стихъ мой благообразнѣе, звучнѣе и сообразнѣе стиховъ весьма извѣстныхъ поэтовъ, хоть бы, напр., гг. Аверкіева и Розенгейма... Конечно, можетъ быть, я и неудачный стихотворъ, а можетъ быть—кто знаетъ?—и настоящій поэтъ... Это-то сомнѣніе мнѣ и хотѣлось-бы разъяснить, а такъ какъ я слышалъ, что вы человѣкъ, состоявшій въ разныхъ редакціяхъ, и многимъ стихотворцамъ производили оцѣнку, то я и хотѣлъ бы подѣлиться съ вами, такъ сказать, плодами своей музы и услышать ваше просвѣщенное мнѣніе...

— Сдѣлайте одолженіе, Скорпіоновъ, сказалъ я,—вѣдь вы, кажется, Скорпіоновъ?

— Такъ точно, Ефимъ Скорпіоновъ, и—если не побрезгаете—околодочный и вмѣстѣ поэтъ... Какая злая иронія судьбы! поэтъ и околодочный!

— Никакой иронiи, Скорпіоновъ; это хотя и незаурядно, но нисколько не выходитъ изъ нашего порядка вещей. Въ литературѣ нѣтъ званій, почему и область ея носитъ названіе «республики» (respublica litterarum), и такъ ее даже у насъ позволено называть. Что же касается до нѣсколько страннаго сочетанія словъ: поэтъ-околодочный, то и въ нихъ тоже нѣтъ ничего особенно новаго. Помнится, еще Марлинскій писалъ что-то о будочникѣ-ораторѣ. Кромѣ того, у меня есть одинъ другъ, впрочемъ, не особенно близкій, который подписываетъ свои стихи, и даже не черезчуръ поэтичные, кличкою «поэтъ-солдатъ», хотя онъ уже и не солдатъ, а попалъ въ штабъ-офицеры и вѣренъ своему бывшему солдатству только казарменнымъ духомъ, пронизывающимъ насквозь его произведенія даже и тогда, когда онъ тщетно старается придать имъ внѣшній лоскъ свѣтскости.

— Вы говорите о г. Мартьяновѣ; ахъ, они очень хорошо пишутъ!..

— Не спорю, и за мнѣнія другихъ не отвѣтствую, хотя я лично и не горячій поклонникъ его потно-натужной музы, но вы, Скорпіоновъ, сошлись въ мнѣніяхъ съ «Новымъ Временемъ», которое накидывается на весьма многихъ талантливыхъ писателей и мѣшаетъ ихъ съ грязью, но для Мартьянова сдѣлало исключеніе, назвавъ его въ рекламѣ, по поводу новаго изданія его яко-бы «стиховъ», чуть ли даже не геніальнымъ стихотворцемъ...

— Вѣдь это г. Суворинъ или г. Буренинъ, можетъ быть, сдѣлали изъ непріязни къ либерализму и превратнымъ ученіямъ вообще, ввернулъ Скорпіоновъ.

— Нѣтъ, Скорпіоновъ, такихъ щекотливыхъ темъ лучше не станемъ съ вами касаться, а продолжимъ наше собесѣдованіе на чисто поэтической почвѣ, гдѣ, какъ сказано уже давно, всѣхъ поэтовъ—а, слѣдовательно, и насъ съ вами,—«какъ дѣтей единыхъ музъ, связуетъ сладостный союзъ».

— Это, значитъ, въ литературной-то республикѣ!—весело подмигнулъ мнѣ Скорпіоновъ, замѣтно оттаявшій при нашемъ разговорѣ, такъ какъ онъ, въ пылу собесѣдованія, протянулъ даже руку къ моимъ папиросамъ, которыя я забылъ ему предложить, а вслѣдъ за тѣмъ, уже совсѣмъ фамильярнымъ тономъ, сказалъ:—«Однако я своимъ приходомъ порядочно таки тебя напугалъ». Не ручаюсь, впрочемъ, что въ этой его фразѣ мѣстоименіе втораго лица было имъ употреблено именно въ единственномъ числѣ; можетъ быть, мнѣ это лишь послышалось потому, что, при произнесеніи этой фразы, въ голубыхъ его глазахъ такъ и засвѣтилась другая фраза: «полно хитрить, дружище, выпьемъ-ка лучше на *ты*». Замѣчу при этомъ, что и я сталъ оттапвать, и хотя въ жизни своей никому не говорилъ «ты», кромѣ самыхъ близкихъ людей, но почувствовалъ и самъ вожделѣніе говорить съ Скорпіоновымъ на «ты». Почувствовалъ, но однако воздержался. Тонъ бесѣды нашей, тѣмъ не менѣе, начиналъ переходить въ игривый, и я, чтобы побудировать своего гостя, придрался къ слову «республика».

— Вотъ вы, Скорпіоновъ, ехидствуете при словѣ республика,—а ужь, конечно, область литературы не напрасно названа республикой; это республика, да еще самая заправская и, такъ сказать, утопія въ реальномъ осуществленіи. Вотъ хоть вы, охранитель порядка и блюститель добрыхъ нравовъ, можете ли вы даже въ воображеніи представить себѣ другую такую область, гдѣ бы совершенно равноправно, и какъ товарищи по профессіи, выступали рядомъ люди самыхъ неподходящихъ общественныхъ положеній, самыхъ разнообразныхъ національностей, религій,

доктринъ, убѣжденій и т. д., самой противоположной нравственности и родовъ занятій, начиная отъ владѣтельныхъ лицъ, милліонеровъ-капиталистовъ, министровъ-премьеровъ — упомяну только о графахъ Биконсфильдѣ и Валуевѣ—и кончая канканерами, таперами, даже сыщиками, закладчиками, своднями и заплечныхъ дѣлъ мастерами. Между тѣмъ, въ литературѣ всѣхъ народовъ появляются, рядомъ съ Наполеономъ III, описывающимъ жизнь Цезаря—безстыдныя Ригольбоши; рядомъ съ персидскимъ шахомъ, заносящимъ на бумагу свои путевыя впечатлѣнія и заявляющимъ, что въ Европѣ ему болѣе всего понравился парижскій циркъ Елисейскихъ полей — палачъ Сансонъ, преемникъ цѣлаго поколѣнія палачей, описывающій сантиментально-любовныя похожденія свои и своихъ предковъ; рядомъ съ агитаторомъ Мадзини—сыщикъ Лекокъ. Кого и чего уже не видалъ міръ въ качествѣ литератора и литературы? Сообразите только, Скорпіоновъ: какой нибудь премьеръ—министръ Биконсфильдъ, а рядомъ—наши купеческіе племянники, Лейкинъ и Аверкіевъ, раздушенный и аристократическій де-Местръ и грубый безансонскій мужикъ Прудонъ; высоконравственный профессоръ-моралистъ Цитовичъ и «писатель не для дамъ», самъ такъ себя назвавшій, скабрезный поэтъ Михаилъ Лонгиновъ; Тертуліанъ, христіанскій писатель, и безбожникъ Вольтеръ; безпощадный обличитель Незлобинъ и поддѣлыватель чековъ, Висленьевъ; домостроительный попъ Сильвестръ и фривольный Боккаччіо; поэтъ-голубица Ламартинъ и поэтъ-убійца Ласенеръ; чопорная госпожа Жанлисъ и, съ позволенія сказать, маркизъ де-Садъ; суровые Дантъ и Катковъ, и распущенные Касти и Піетро Арретино; творецъ Фауста, Гёте, и поэтъ-переводчикъ Овчинниковъ, философъ Спиноза и философъ Сковорода... Но я никогда-бы не кончилъ, Скорпіоновъ, еслибы сталъ продолжать списокъ только тѣхъ писателей, которыхъ читалъ, не говоря уже о томъ, что есть масса такихъ, которыхъ я не хочу или не могу читать, за незнаніемъ языка или по другимъ причинамъ, какъ зависящимъ отъ меня, такъ и не зависящимъ.

— Однако вы и прочитали въ своей жизни, должно быть, довольно.

— Довольно, Скорпіоновъ, и даже можетъ быть больше, чѣмъ нужно для богобоязненнаго обывателя; но вѣдь служеніе литературѣ требуетъ и нѣкотораго труда; иногда вѣдь для того, чтобы сказать съ толкомъ въ печати десять строкъ, напр., хоть по вопросу о соціологіи, нужно быть знакомымъ съ десятками томовъ.

— Это мнѣ ужь кажется лишнимъ, скромно замѣтилъ Скорпіоновъ.

— Кому какъ, Ефимъ; вѣдь вы, кажется, Ефимъ? Геніямъ,

пожалуй, вѣдь ничего не нужно, и, какъ говоритъ поэтъ или, еще можетъ быть, только скажетъ: «Вся отсебятина поетъ въ нихъ изнутра, какъ будто не было Петра!» Но даже въ дѣлѣ поэзіи, чтобы написать четыре звучныя строчки, нужно перечитать прежде много другихъ поэтовъ. Вѣдь и ваше вдохновеніе, конечно, забило ключемъ не раньше, какъ послѣ изученія другихъ поэтовъ.

— О, нѣтъ! быстро отвѣчалъ Скорпіоновъ,—я года три тому назадъ поэзіей не интересовался и никакихъ стиховъ, окромя, если изволите вы знать,—лукаво подмигнулъ онъ,—«прочь лети отъ этой вѣтки»—наизустъ не зналъ, а полюбилъ стихи только за послѣднее тяжелое время, когда мнѣ привелось по службѣ много разныхъ стиховъ перечитывать...

— Гдѣ же это, Скорпіоновъ?

— При внезапныхъ визитахъ, внушительно и басомъ, отбарабанилъ онъ; тутъ я обзнакомился съ поэзіей и самъ слагать стихи отважился. Дѣло пошло, ну а тамъ само собою насобачился...

— Вы, однако, ничего еще не печатали.

— Не отваживался, частью потому, что дорожилъ мѣстомъ, частью потому, что еще будетъ-ли пріятно публикѣ встрѣтиться съ околодочнымъ въ той области, о которой мы съ вами бесѣдуемъ... литература и полиція, это, какъ хотите, нѣкоторый контрастъ...

— Вы все свое, Скорпіоновъ; да вѣдь это пустой предразсудокъ, и литература давно уже, а у насъ въ особенности, перешла ту грань, которая могла бы ее отдѣлять отъ полиціи, и сдѣлалась, такъ сказать, «полиціей внѣ полиціи». Что же касается до полицейскихъ, то они никогда не отказывались отдавать свои досуги литературѣ и украшать ее своими произведеніями, также какъ и литераторы не отказывались служить, и помимо литературы, различнымъ цѣлямъ полиціи. И если, съ одной стороны, у насъ существовали жандармскіе поручики Владиславлевы, обогатившіе русскую печать первыми образцами изящныхъ кипсековъ на англійскій манеръ, то были всегда и Булгарины, и Воейковы, приносившіе сыску посильное пособіе... И если слѣдственные пристава,—какъ напримѣръ Штевенъ, авторъ «Солнечнаго Луча»,—въ часы отдыха писали романы, то романисты въ родѣ Греча, въ промежуткахъ между романами, составляли литературно-полицейскія произведенія. Примѣровъ можно было бы насчитать много: публицистъ Громека, напр., былъ жандармомъ; сдается, что поэтъ Михайлъ Розенгеймъ служилъ гдѣ-то частнымъ приставомъ, и уже вполнѣ достовѣрно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какой-то частный приставъ въ Кіе-

вѣ,—если память мнѣ не измѣняетъ, кажется, Софіевскій—сочинялъ драмы и вирши. Итакъ, Скорпіоновъ:

Войдите жъ къ намъ въ семью большую,
Какъ власть имѣющій и *свой*:—
И одесную, и ошую,
Вы всѣмъ намъ духомъ не чужой!

Это экспромтъ, Скорпіоновъ; вы видите, какъ я васъ полюбилъ, даже вдохновился.

— Очень вами благодаренъ, почему и прошу прислушать.

И онъ вынулъ изъ кармана объемистую тетрадь и залпомъ выпалилъ въ меня всѣми своими произведеніями. Не знаю, какъ найдетъ стихи Скорпіонова читатель, но мнѣ они понравились, и я увидалъ въ нихъ самобытность и талантъ, хотя, разумѣется, не большой, но нынѣ и не время большихъ талантовъ, какъ не время глубокихъ вопросовъ... Отъ художественно-критической оцѣнки таланта Скорпіонова, я на этотъ разъ, однако, воздержусь, такъ какъ, если редакція «Наблюдателя» и публика примутъ благосклонно первые опыты новаго поэта, то я пришлю ей и новую серію его стиховъ. До сихъ поръ, въ другія изданія ихъ никуда не принимали, да я и самъ съ ними не очень навязывался, послѣ объявленій, изъ которыхъ оказывалось, что чуть-ли даже не въ самыхъ шутовскихъ quasi—юмористическихъ листкахъ работаютъ «всѣ наши *лучшія* силы»:—куда ужь было Скорпіонову соваться, если эти силы нынче такъ дешевы стали, что идутъ на службу ко всякому журнальному спекулянту... Пока будетъ довольно замѣтить, что хотя гражданская скорбь давно у насъ осмѣяна рецензентами, но гражданская струнка лиры Скорпіонова звучитъ такъ реально и такъ близко по многимъ своимъ нотамъ «къ откровенному направленію», заполонившему собой чуть не всю ежедневную печать, что, вѣроятно, нашего околодочнаго не станутъ особенно грызть и самыя злыя журнальныя шавки изъ подворотни. Скорпіоновъ же такой комплекціи, что всякую, самую разухабистую критику даже и «лучшихъ силъ» перенесетъ стоически: онъ знаетъ, что брань на вороту не виснетъ, да и основательно обстрѣленъ жизнью. Кромѣ того, онъ скроменъ; генію своему всемірнаго значенія не придаетъ и,—какъ самъ съ большимъ тактомъ указалъ въ одномъ своемъ экспромтѣ, которымъ я подѣлюсь съ читателями,—сознаётъ, что онъ далеко не Пушкинъ, хотя, прочитавъ мнѣ эти стихи, онъ прибавилъ прозой: «однако мы и сами съ усами». Остается одно только сомнѣніе: не встрѣтитъ ли препятствій для своей славы Скорпіоновъ со стороны нѣкоторыхъ другихъ «наблюдателей»; но и они, безъ сомнѣнія, увидятъ, что, избѣгая жгучихъ темъ, Скорпіоновъ останавливается только на самыхъ невинныхъ и, такъ сказать, на самыхъ игривыхъ сюжетахъ. Къ

тому же, и въ рядахъ этихъ самыхъ «наблюдателей», или этой «почетной стражи литературы» — по счастливому выраженію покойнаго Тютчева—пребывало и пребываетъ столько поэтическихъ именъ (Тютчевъ, Майковъ, Полонскій и т. д.), что всякія сомнѣнія въ этомъ смыслѣ едва ли у мѣста.

А вотъ и самыя пѣсни.

Случайный знакомый Скорпіонова.

I.

Nocturno.

Спи мирно, обыватель,
Твой скромный храпъ ночной
Хранитъ дежурный дворникъ
И стражъ—городовой.
Чего не доглядимъ мы,
То звѣзды доглядятъ,
Что̀ съ неба, будто бляхи
Городовыхъ, блестятъ...
Полиціи въ подспорье
Дана притомъ луна,
Нерѣдко вѣдь о б х о д ы
Свершаетъ и она...
Будь только чистъ душою
И въ мракъ ночной, какъ днемъ,
Покойся безмятежно
Съ супругою вдвоемъ...
До розовой Авроры
Законный твой покой
Не потревожатъ воры,
Или пожаръ шальной...
Лишь самъ шалить не вздумай
(Бываетъ въ наши дни!)
На счетъ... ты понимаешь,
Тогда ужь извини!..

II.

Вейнберга сцены, ахъ, Вейнберга сцены!
Лихо валяетъ онъ бестій—жидовъ,
Кажется, цѣлыя сутки безъ смѣны
Я бы ихъ слушать, да слушать готовъ!
Хвалятъ Островскаго тоже; Шекспира
Приставъ намъ какъ-то вознесъ до небесъ;
Самъ у «прикащиковъ» видѣлъ я «Лира»—
Старый Самойловъ въ немъ на стѣну лѣзъ;
Гамлета Нильскій ломаетъ сердито,
Только по совѣсти чистой, ей-ей,
Умный разсказъ изъ еврейскаго быта,
Вейнберга,—русскому сердцу милѣй.
Слушаешь... Очень смѣшно и занятно...
Шлёмки себѣ ихъ мотаютъ на усъ!
Публика клубовъ въ восторгѣ... Понятно...
Вѣдь у нея образованный вкусъ!

III.

Въ любви я поступилъ неловко
И въ сани не своп попалъ,
Дочь участковаго—плутовка—
Мой составляетъ идеалъ.
Преступенъ этимъ не на шутку
Пускай я,—не объ этомъ рѣчь,—
Вѣдь сердце не упрятать въ будку,
Въ клоповникъ чувства не упечь!
Да всякій и проститъ охотно
Меня, когда узнаетъ онъ,
Что платонически-безплотно
Въ нее я третій годъ влюбленъ...
Что постъ я свой не позабуду,
Противъ рожна не стану прать,
Руки ея искать не буду
И не осмѣлюсь соблазнять...
Она всю жизнь и и не узнаетъ,

Что я изъ за нея страдалъ!..
Что Скорпіоновъ страстью таетъ,
Чуть свой завидитъ идеалъ.
Поэтъ Мартьяновъ шемизетку
Вострушки клюкнувшей — воспѣлъ...*)
А я, узрѣвъ ея карпетку,
Хотѣлъ воспѣть—и не посмѣлъ...

IV.

«Вѣдомостей Градоначальства»
Чтеца меня усерднѣй нѣтъ:
Въ нихъ нѣтъ задора и нахальства
Другихъ журналовъ и газетъ.
Все мирно, честно, благородно,
Безъ всякихъ непристойныхъ словъ,
Имъ по характеру не сродно
Печатать груды пустяковъ!
Прочтешь то—сё въ с в о е й газетѣ
Да вникнешь въ суточный приказъ,
И что̀ есть новаго на свѣтѣ
О всемъ узнаешь въ самый разъ!

V.

Мечты! Мечты! путемъ морали
Долгъ околодочныхъ—идти...
Но въ жизни этому едва-ли
Осуществленіе найти...
Пусть Божій міръ устроенъ чудно,
Но пустъ карманъ—такъ въ наши дни

---

*) Вотъ геніальныя строки Мартьянова, на которыя намекаетъ поэтъ:

Разстегнулась ш е м и з е т к а
И плутовка какъ ни въ чемъ,
Подтолкнувъ меня плечемъ,
Перси яблокомъ коснулась
И сказала: что-жъ? пойдемъ...(!!!)

И solo перебиться трудно,
Съ семьей-же—Боже сохрани!..
Пускай для доблестнаго Росса
Пустое дѣло—Плевну взять,
Но мысль коробитъ отъ вопроса:
Какъ это сдѣлать, чтобъ *не брать*?
Дрова, говядина, квартира
Висятъ, какъ гири надъ душой,
А совѣсть, долгъ и честь мундира—
На чашечкѣ вѣсовъ другой.
По суткамъ не смыкая вѣжды,
Рѣшай загадку—радъ не радъ;—
Бодритъ лишь только лучъ надежды
На *увеличенный окладъ*.
Но вѣдь и то... Какой возможно
Еще окладъ такой намъ дать,
Чтобъ жить по правдѣ непреложно
И съ обывателей не драть? *)

VI.

Околодочные и урядники.

(Экспромтъ, сказанный мной на банкетѣ у поэта Мартьянова).

Всему свой чинъ, всему свой часъ—
Для птицъ, цвѣтовъ, людей и злаковъ!
Такъ, древле Треповъ создалъ насъ,
Урядниковъ же создалъ Маковъ.

VII.

Ахъ, Лейкинъ, Лейкинъ, бѣдокуръ!

---

*) Мы очень рады, что эта мечта Скорпіонова не только осуществлена, но чуть-ли даже не превзойдена жизнью. Такъ, въ началѣ іюня прошлаго года, оклады околодочныхъ увеличены до 550, 720 и 960 руб. При такихъ окладахъ не только поэтъ, но даже и прозаикъ могутъ уже уклоняться отъ «мздоимства».

Взялъ книжку—и хохочешь сразу
Такой подсдобитъ каламбуръ,
Такую заворотитъ фразу!
На всемъ безспорное клеймо
Таланта, разума и силы,
И въ носъ бросаются б о н м о̀
Гостинодворскаго смѣшилы.
Вѣдь дастъ же Богъ подобный даръ,
Себѣ и людямъ на потѣху,
Ужалитъ тонко, какъ комаръ,
И тутъ-же уморитъ со смѣху.
Да такъ и жаритъ столько лѣтъ
Статьи, то въ книжкѣ, то въ газетѣ,
Ей Богу-жъ, даровитѣй нѣтъ
По мнѣ писателя на свѣтѣ!
Какихъ названій только намъ
Не сочинилъ онъ... хоть для водки?
Недаромъ животы купцамъ
Онъ всѣмъ подводитъ въ околодкѣ.

VIII.

Desiderata.

Полицейскій типа новаго
Долженъ быть душою чистъ,
Кротокъ, нрава не суроваго,
Не угрюмъ и не рѣчистъ;
Къ высшимъ вѣжливъ и почтителенъ,
Съ обывателемъ—учтивъ,
Въ дѣлѣ службы исполнителенъ,
Проницательно ретивъ;
Неизмѣнно наблюдателенъ,
Сметливъ, ловокъ, прозорливъ,
Къ нуждамъ публики внимателенъ,
Но никакъ не суетливъ.
Съ подчиненными внушителенъ,
Въ разбирательствахъ—никакъ,

Сколь-бы ни былъ онъ стремителенъ,—
Не пуская въ ходъ кулакъ.
Пресѣкая зло съ призваніемъ
И умѣя злыхъ карать,
Долженъ онъ образованіемъ
Въ средней мѣрѣ обладать,
Чтобъ толково и внимательно
Въ каждомъ дѣлѣ разобрать—
Прегрѣшившихъ основательно
Брать въ кутузку, иль не брать?
Проводить всю жизнь въ стараніи
Лишь героемъ правды быть
И о взяткахъ,—какъ преданіи
Недостойномъ,—позабыть.
Не гонялись за полтинникомъ,
Обывателямъ въ изъянъ,
Быть порой и имянинникомъ,
Но не чаще, чѣмъ Касьянъ.
Чистъ, какъ голубь, по стремленіямъ,
Мудръ, какъ змій—да будетъ онъ!
И тогда—осуществленіемъ
Идеала озаренъ,—
Въ каждомъ домѣ обывателя
Гость желанный, другъ семьи,
Будетъ въ родѣ воспитателя
Онъ родной своей земли.
Дастъ Россіи возрожденіе,
Въ жизнь внесетъ онъ новый складъ
И найдетъ въ вознагражденіе
Многотысячный окладъ!

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

СОВРЕМЕННОЕ ХИЩЕНІЕ И ЕГО ТУЗЫ.

Я краду.
Ты грабишь.
Онъ, она рвутъ.
Мы хищничаемъ.
Вы взяточничаете.
Они, онѣ уносятъ.

Современное спряженіе.

— «Караулъ, грабятъ»!

Еще въ золотые дни дѣтства своего, безмятежно засыпая на маленькой кроваткѣ, въ деревянномъ, пропитанномъ запахомъ герани и постнаго масла, домикѣ губернскаго или уѣзднаго захолустья, мы, бывало, вскакивали и трепетно прислушивались къ этой безнадежной фразѣ, несшейся откуда-то издалека, съ городской окраины, отъ тѣхъ пустырей, окаймленныхъ домиками-послѣдышами, гдѣ царствовалъ по ночамъ адскій мракъ и гдѣ запоздалый путникъ послѣдовательно терялъ: калоши въ уличныхъ тундрахъ, голову отъ страха и часы съ цѣпочкою отъ непредусмотрѣнной встрѣчи съ недремлющимъ татемъ. Фраза эта говорила намъ о драматическомъ положеніи злосчастнаго обывателя, о покоѣ и нейтралитетѣ клевавшаго носомъ въ алебарду будочника, и о рѣшительности намѣреній невѣдомаго отрицателя гражданскихъ правъ и частной собственности...

То была эпоха кроткихъ и слащавыхъ «сороковыхъ годовъ». То было время, когда русскіе люди пѣли романсы, ѣздили на долгихъ, ѣли по «дворянски», играли въ преферансъ по маленькому счету и искали, говоря словами романа гр. Валуева, «осуществленія нѣсколькихъ великихъ идей» въ весеннихъ и осеннихъ плацъ-парадахъ; когда не было ни водопроводовъ, ни желѣзныхъ кассъ, ни электрическаго свѣта, ни дворниковъ у домовъ, ни фонарей на улицахъ, ни сильныхъ своимъ нравственнымъ обаяніемъ и авторитетомъ охранителей. Словомъ, то былъ періодъ антропологическій, періодъ «естественнаго обывателя», добывавшаго огонь ударами кремня, окружавшаго частоколомъ свои владѣнія и искавшаго «правды и закона» на днѣ подарочнаго кулька съ головою сахара и трепещущимъ осетромъ.

Съ той поры жизнь наша разомъ сдѣлала огромные шаги впередъ по разнымъ направленіямъ и внѣдрила въ русскій городъ всѣ блага, признаки и доказательства общественнаго развитія

и преуспѣянія. Постепенно учредились новые банки, думы, газеты, фотографіи; возникли справочныя конторы, участковыя дежурства, пожарные краны, клубы, нотаріусы; завелись общественные дебаты, губернаторскіе скверы и губернаторскіе протесты, паромы, газопроводы; булыжныя мостовыя появились на мѣстѣ прежнихъ непроходимыхъ тундръ; длинные ряды фонарей выросли бокъ о бокъ съ панелями, а на всякомъ перекресткѣ основались посты неусыпно блюдящаго и всегда ко всякому «пресѣченію» готоваго представителя мирно и прочно торжествующаго порядка. Искатели ночныхъ приключеній, не выдержавъ борьбы «съ духомъ времени», полюбовно разбрелись по разнымъ департаментамъ, редакціямъ, компанейскимъ правленіямъ, и нынѣшній младенецъ, засыпая въ своей колыбели, слышитъ свистъ паровоза, звонокъ конно-желѣзнаго дилижанса, бряцаніе стремянъ разъѣзжаго караула, заунывный вой полярнаго зефира, несущаго «новыя вѣянія», но уже не испытываетъ лихорадочной дрожи, при мысли о беззащитномъ положеніи неизвѣстнаго «дяденьки», разстающагося на окраинѣ съ кошелькомъ и часами. Фраза «караулъ, грабятъ» стала въ частной жизни такимъ же анахронизмомъ, какъ и малиновый звонъ ямщицкаго колокольчика.

Слѣдуетъ ли, однако, отсюда, что фраза эта потеряла свое значеніе и окончательно вывѣтрилась?

Нимало и нисколько.

Всѣмъ прежде близкій и родственный, ночной пароль обывателей лишился, правда, мѣстной популярности и бытоваго характера. Онъ мало знакомъ нынѣ даже и вполнѣ захолустнымъ городишкамъ. О немъ уже почти и не упоминаютъ ни районные изслѣдователи—«корреспонденты географическаго общества», ни странствующіе по особымъ порученіямъ газетные всезнайки. Онъ заглохъ вмѣстѣ съ «отцами» и не перешелъ по наслѣдству къ «дѣтямъ». Но, если пароль этотъ не раздается болѣе въ прямомъ и реальномъ смыслѣ слова, какъ страдальческій зовъ обывателя къ будочнику, то громомъ гремитъ зато въ переносномъ смыслѣ, какъ трагическій зовъ всей страны къ обузданію, возмездію и укрощенію. Это не произвольный афоризмъ. Обладая чуткимъ слухомъ, приложите ухо свое къ русской землѣ, въ какомъ угодно мѣстѣ ея, сосредоточьтесь во вниманіи, притаите дыханіе, и вы вскорѣ услышите, какъ раскатами понесутся по этой землѣ, точно отдаленный ревъ пушечной пальбы, скандированные протяжные слоги все той же фразы:

«Ка-ра-уулъ, гра-а-а-а-бятъ! Батюшки, грабятъ».

Вся земля кричитъ и стонетъ отъ грабежа. На сѣверѣ и востокѣ, на югѣ и западѣ, въ горныхъ ущельяхъ Кавказа и на просторѣ степныхъ равнинъ, въ многолюдныхъ центрахъ и въ безлюдныхъ пространствахъ дремлющихъ луговъ и полей, вверху и внизу, направо и налѣво, вчера и сегодня, по праздникамъ и въ будни, всюду звучитъ все то же лирическое обращеніе къ невѣдомымъ «батюшкамъ», по поводу систематическихъ, неутомимыхъ и отмѣнно мастерскихъ нарушеній восьмой заповѣди болѣе энергическими и предпріимчивыми современниками. Заслуженный обывательскій пароль теперь смѣло могъ бы быть помѣщенъ вступительнымъ эпиграфомъ къ великой книгѣ россійскаго обществовѣдѣнія и государствовѣдѣнія. Робертъ и Бертрамъ пришли на смѣну Кириллу и Меѳодію. Царствующая у насъ эпидемія «накопленія цѣнностей» и «передѣла богатствъ» безспорно поставила бы въ тупикъ самаго фантастическаго, самаго рѣшительнаго экономиста и заручилась бы ироническимъ одобреніемъ самой Луизы Мишель. Неупустительное прикарманиваніе всего, подъ руку попадающаго, какъ бы сдѣлалось естественнымъ и неизбѣжнымъ закономъ. Предполагается, что, въ родѣ того, какъ земля не можетъ не притягать, свѣтовые лучи не могутъ не преломляться, а морскія теченія не въ силахъ сопротивляться приливамъ и отливамъ, — и русскіе люди не въ состояніи не прикасаться ко всему неосмотрительно положенному. Кому бы ни принадлежало послѣднее — частной-ли собственности, общественнымъ учрежденіямъ или безотвѣтной казнѣ, это совершенно безразлично. Все цѣнное движимое и недвижимое, на перепутьѣ «мыслящаго дѣятеля», разсматривается имъ, какъ res nullius, которая primo occupanti cedit.

Наши общественные нравы и взгляды, административные распорядки и механизмы, отношеніе къ хищничеству судовъ и даже печати, словомъ, общій складъ нашей жизни постепенно приноровился и подстроился ко всеобщему и всюдусущему прикарманиванію. Нравы очень «вольны» и до-нельзя «толерантны». Они напередъ предполагаютъ присутствіе въ каждомъ «приличномъ обществѣ» огромнаго процента негласныхъ обиралъ, спокойно констатируютъ этотъ статистическій фактъ и несравненно болѣе придирчивы и строги, напримѣръ, къ неплатежу карточныхъ долговъ, чѣмъ къ завѣдомому, исподоволь, на глазахъ у всѣхъ совершающемуся, прикарманиванію. Общественные взгляды по этому предмету двояки. На міру, въ присутствіи постороннихъ, они сводятся къ качанію головами, къ краткимъ осуждающимъ приговорамъ, къ мимолетнымъ показнымъ плевкамъ и къ избитымъ сѣтованіямъ на нрав-

ственную порчу современнаго человѣчества; но въ душѣ, про себя, огромное большинство общества питаетъ по отношенію къ хищникамъ только лишь удивленіе, смѣшанное съ почтеніемъ и облизывающеюся завистью. Всякій самъ бы хотѣлъ или обобрать еще необобранное, или, — что еще и проще и лучше,— какъ нибудь обобрать уже обобравшаго. Крупныя и громкія воровства и мошенничества очень не многихъ «вчужѣ» возмущаютъ, но зато очень многихъ интересуютъ и даже увлекаютъ. Бубновый тузъ становится въ такихъ случаяхъ какимъ то полуромантическимъ символомъ, и недаромъ Юханцевъ считается лестнымъ и завиднымъ украшеніемъ города Красноярска. Наши административные распорядки и механизмы такъ извратились и расшатались, что чуть-ли не въ каждой синей канцелярской папкѣ сидитъ какой нибудь достаточно скверный подвохъ или вывертъ. Назначенія, повышенія, переименованія, торги, смѣты, подряды, поставки, концессіи, контракты, пріемы, ассигновки—все это «котируется», покупается и продается на повседневной коридорной биржѣ департаментовъ, управленій и канцелярій. Есть цѣлыя вѣдомства,—напримѣръ, путейское, таможенное, интендантское, медицинское,—о которыхъ можно бы собрать грандіозные томы «устныхъ преданій», основанныхъ на самыхъ безспорныхъ и всѣмъ за кулисами извѣстныхъ фактовъ. Провинція, понятно, дѣйствуетъ въ болѣе узкихъ предѣлахъ, но по духу и аппетиту нисколько не отстаетъ отъ Петербурга. И тамъ «всякая пчелка со всякаго цвѣточка взяточку беретъ». Недавно какъ-то было сообщено въ газетахъ, что вымогательствуютъ даже въ учебныхъ заведеніяхъ! Въ судахъ, въ свою очередь, при разборѣ хищническихъ процессовъ, замѣчается необыкновенная «галантерейность». Обвинители произносятъ сухія, формальныя, трафаретныя іереміады; обвиняемые ведутъ себя на судѣ, какъ на балу у знакомаго предводителя; адвокаты такъ прямо и лупятъ на тему: «не красть, гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели, въ настоящее время никакъ не возможно», а судьи и присяжные засѣдатели, сплошь и рядомъ, взираютъ на подсудимыхъ этой категоріи, какъ на споткнувшихся enfants gatés. Оправдать, положимъ, неловко, но и наказать попримѣрнѣе тоже не хочется, ибо и судей, и засѣдателей естественно смущаетъ вопросъ: чѣмъ же Иванъ, сидящій на скамьѣ, хуже и недостойнѣе Петра, сидящаго на креслѣ? За что же Иванъ пойдетъ на «убыль», когда Петръ явственно и по всѣмъ признакамъ идетъ на «прибыль»? Оно, если хотите, вѣдь и вѣрно... Наконецъ, печать,—положимъ, въ силу независящихъ отъ нея причинъ,—но

тоже мало и слабо помогала въ борьбѣ съ этою органическою заразою. Она имѣла власть и силу только лишь надъ мелкотравчатыми ханупами и проклейщиками. Но журналистика мгновенно хрипла, когда ей приходилось говорить о дѣятеляхъ, стоящихъ выше извѣстныхъ градацій табели о рангахъ. Тогда начинались у нея потемки, аллегоріи, подслащиванья, оговорки, книксены и неопредѣленные намеки на то, чего не вѣдалъ никто. Вспомните только, какой «езоповскій жаргонъ» былъ созданъ нашею печатью для ея «рабьихъ рѣчей» объ уфимскомъ грабежѣ. Самъ Щедринъ и тотъ, для лучшаго обозрѣнія уфимскихъ подвиговъ, «на всякій случай», на швейцарскій Юнгфрау взобрался.

И вотъ мы, съ помощью новыхъ Робертовъ и Бертрамовъ, дожили и дограбились до явленій весьма назидательныхъ. Для болѣе наглядпаго изображенія современнаго хищничества, можно-бы прибѣгнуть къ слѣдующему опыту. Если взять большую стѣнную карту Россійской Имперіи, разложить ее на соотвѣтственно большомъ столѣ и терпѣливо намѣтить, хотя бы краснымъ карандашемъ, всѣ тѣ города и мѣстности, которые уже фигурировали въ газетахъ тѣми или другими проказами и сюрпризами грабительскаго свойства,—то на картѣ, въ концѣ концовъ, не окажется ни одного живаго, не помѣченнаго значками, мѣста. Она будетъ сплошною сѣтью красныхъ чертъ и точекъ. Пробѣлы могутъ быть развѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на 5 квадратныхъ миль приходится по три камчадала, питающихся сырою рыбою. Окажется, что въ одномъ городѣ обобрали городской банкъ; въ другомъ—обанкротили взаимный кредитъ; въ третьемъ—растащили земскіе сборы; въ четвертомъ—«вывели въ расходъ» всѣ городскія поступленія; въ пятомъ городѣ обнаружится, что попался нотаріусъ; въ шестомъ—лѣсничій, въ седьмомъ—дистанціонный инженеръ; въ восьмомъ — старшины клуба; въ девятомъ—отецъ игуменъ; въ десятомъ—начальница женскаго училища и т. д. Разница будетъ лишь въ томъ, что въ одномъ городѣ, въ данную минуту, хищническая исторія еще только начинается; въ другомъ—она уже кончилась и сдана на храненіе историкамъ, а въ третьемъ—испытываетъ кризисъ и горитъ на камнѣ горючемъ, вися въ пространствѣ и балансируя между снисхожденіемъ начальства, умѣющаго вникать въ «щекотливыя положенія», и язвительною придирчивостью прокуратуры.

Да, смѣло можно сказать, что мы ведемъ въ послѣдніе годы выдержанную и ожесточенную борьбу противъ злополучной восьмой заповѣди. Эта война наша, какъ и всякая другая, состоитъ изъ разныхъ составныхъ частей и моментовъ. Она проявляется несмѣт-

нымъ количествомъ мелкихъ партизанскихъ стычекъ, случайныхъ набѣговъ и вылазокъ; но капитальными поворотами ея должны считаться генеральныя сраженія, то здѣсь, то тамъ даваемыя чужимъ карманамъ. Этихъ-то сраженій набралось теперь уже весьма значительное количество, и мнѣ хотѣлось бы совокупить ихъ въ одну, хотя бы и бѣглую, героическую эпопею.

На первомъ планѣ, конечно, подобаетъ поставить «Уфиміаду», которой суждено было заручиться столь широкою извѣстностью. Эта сѣть хищеній захватила огромныя пространства, поддерживалась блестящими рядами могущественно-сановныхъ современниковъ, и прямо разсчитана была на выгоды и преимущества такого человѣческаго общежитія, которому несвойственно даже самое понятіе о наказуемости. Особенность и своеобразный шикъ уфимскихъ операцій въ томъ именно и заключался, что они не прятались по угламъ, не обставлялись почти никакими кулисами, а открыто производили мирную и быструю дѣлежку казенной собственности между «особо приглашенными лицами». Виновные отчасти прищемлены; они наказаны скандаломъ, стремительнымъ паденіемъ, оглаской, общественнымъ и журнальнымъ посмѣяніемъ. Въ прежнее время лига уфимскихъ «землепашцевъ» успѣла бы избѣжать столь колючихъ шиповъ. Но и въ этомъ случаѣ судебная власть, которая, по настоящему, только и должна была сводить категорическіе счеты съ такими дѣятелями, осталась въ тѣни и въ сторонѣ. Ѳемида сконфузилась и замерла...

Почти въ то же время, какъ въ Уфимской губерніи нарѣзывались земли и отводились лѣса чинамъ разныхъ наименованій и положеній, въ Царствѣ Польскомъ дозрѣвала другая «комбинація», по существу своему вполнѣ однородная съ предъидущей. Вѣковые домбровскіе лѣса, занимавшіе огромное протяженіе и представлявшіе многомилліонную стоимость, ожесточенно рубились и немедленно же сплавлялись для негласной продажи, хотя бы за безцѣнокъ, попрятаннымъ по разнымъ закоулкамъ барышникамъ. Лѣса эти тоже составляли государственную собственность. Они находились въ вѣдѣніи центральнаго финансоваго управленія, и новое назначеніе имъ дано было Петербургомъ... Объ этихъ привислянскихъ дубравахъ въ свое время говорили много и съ большимъ единствомъ всѣхъ подробностей. Съ ними связывали паденіе двухъ крупныхъ лицъ... Но тѣмъ только дѣло и кончилось. Лѣсъ уплылъ, а «персоны» — гг. Грейгъ и Шамшинъ — благословясь, ушли, избѣжавъ всякой дальнѣйшей, «шокирующей» развязки.

Кавказъ не отставалъ отъ Польши. И тамъ была своя «исто-

рія», въ томъ же неизмѣнномъ «пріобрѣтательномъ» духѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ властелиновъ, генералъ Старосельскій, воздавая должную дань заслугамъ своимъ передъ отечествомъ вообще и Кавказомъ въ частности, отмежевалъ на свою долю только ничтожный клочекъ казенныхъ земель. Генералъ выхлопоталъ для себя всего на всего какихъ-то десять или пятнадцать десятинъ! Но на сторонѣ генерала была слѣпая фортуна. Едва только казенныя «никому не нужныя» десятины стали частною собственностью г. Старосельскаго, какъ въ нихъ обнаружились богатѣйшіе, неисчерпаемые рудники бакинской нефти, и крошечный «клочекъ» выросъ до стоимости роскошнѣйшаго герцогства. Казна при этомъ очевидно ничего не потеряла; а генералъ выигралъ и тоже безъ послѣдствій, въ смыслѣ «шиповъ» и «отрыжекъ».

Столь же скромно и благополучно завершилась и операція—монстръ съ дровами, довольно остроумно придуманная въ 1879 году супругою статсъ-секретаря Макова. Г-жа Макова, съ энергіею и практичностью, дѣлающими истинную честь дамскому полу, съумѣла найти весьма круглый капиталъ въ своемъ высокомъ общественномъ положеніи. Она сошлась съ правленіемъ либаво-роменской желѣзной дороги, находившейся тогда въ безконтрольной власти концессіонерскаго оберъ-хищника г. Мекка. Дорога эта постоянно вгонялась своими заправилами въ искусственные убытки, постоянно выпрашивала государственныя подачки и постоянно нуждалась въ закулисныхъ поддержкахъ и «сочувствіи». Г-жа Макова — какъ недавно очень подробно было разсказано въ «Московскомъ Телеграфѣ», — и заключила съ либаво-роменскою дорогою формальный контрактъ на поставку дровъ, якобы изъ ея имѣній, находящихся въ Минской губерніи. При этомъ, г-жа Макова оказалась столь свѣдущею и опытною въ коммерческихъ дѣлахъ, что выговоренныя ею цѣны на дрова оказались болѣе чѣмъ безобидными. Въ одинъ день контрактъ былъ скрѣпленъ и оформленъ сторонами, а на другой день г-жа Макова передала свое подрядное обязательство обычному, временно, ради г-жи Маковой, отстраненному подрядчику и получила отъ него 300,000 р. куртажа, причемъ сумма эта — la noblesse oblige—была уплачена желѣзнодорожнымъ правленіемъ, хотя и на счетъ подрядчика. Эта удивительная, по своей беззастѣнчивости, афера давно уже всплыла наружу. Она, при всей своей маловѣроятности, сдѣлалась достояніемъ печати, которая обладала такими вѣскими данными, что находила возможнымъ полностію назвать имя высокопоставленной контрагентки. Но поставщица дровъ

незамѣтно ступевалась, подобно бакинскому генералу, оставивъ послѣ себя то единственное утѣшеніе для общества и печати, что нѣкій маленькій чиновникъ въ желѣзнодорожной коммиссіи графа Баранова, г. Золотницкій, занятъ теперь досужимъ изученіемъ, заднимъ числомъ, природы и особенностей «договора г-жи Маковой съ либаво-роменской дорогой». Онъ многое изучитъ и ужо воздастъ!..

Но желѣзно-дорожный договоръ г-жи Маковой кажется мелкимъ, ничтожнымъ «срывомъ» въ сравненіи съ тѣми многомилліонными хищничествами и грандіозными обманами, которые разоблачены были года три тому назадъ двумя оффиціальными слѣдственными коммиссіями на южныхъ дорогахъ Самуила Полякова. Тамъ были открыты, выяснены и доказаны чудовищныя безчинства и систематическія, многолѣтнія казнокрадства. Отчеты коммиссій носили характеръ фантастическихъ сказокъ. Съ трудомъ вѣрилось, чтобы приводимые ими факты были реальными, прямо изъ поляковскихъ дѣлъ заимствованными, данными. Курско-харьково-азовская сѣть являлась нѣкоею ночною засадою, спеціально устроенною для открытыхъ нападеній на казенныя средства. Правительственные проэкты измѣнялись тамъ и выправлялись, какъ ученическія тетрадки, въ отчетахъ фигурировали дутыя цифры, сборы умалялись и разносились по разнымъ укромнымъ, ни для кого не замѣтнымъ, уголкамъ приходныхъ графъ; расходы выводились всевластною рукою безконтрольнаго хищника, общія собранія акціонеровъ подтасовывались каждый разъ, точно карты въ рукахъ фокусника; инспекція дорогъ сѣменила ножками въ свитѣ г. Полякова; а такъ называемыя «правленія» составлены были изъ еврейскихъ фигурантовъ, пѣшекъ и прихвостней. Между прочимъ, выяснено было и то, что Поляковъ, благодаря предупредительности путейскихъ столоначальниковъ, оставилъ за собою весь акціонерный, тринадцатимилліонный капиталъ, заплативъ за него ровно столько, сколько требовалось для удовлетворенія столоначальническихъ аппетитовъ. Всѣ эти разоблаченія были вопіющи, исключительны и безпримѣрны. Они шли отъ оффиціальныхъ представителей контрольной власти и ограничивались простымъ перечнемъ безспорныхъ, многократно провѣренныхъ фактовъ. Можно было думать, что они произведутъ грозную бурю въ нашемъ желѣзнодорожномъ болотѣ, что Поляковъ и его сателлиты немедленно займутъ подобающія имъ мѣста, на подобающей скамьѣ, что, захваченныя этою компаніею безстрашныхъ дѣятелей, желѣзныя дороги будутъ навсегда у нея отняты, что встрепенется го-

сударственный контроль, подтянется вѣдомство путей сообщенія; заступится съ надлежащею энергіею за поруганныя права свои финансовая администрація, и что надо всею этою неслыханною исторіею долго и внушительно будетъ гремѣть прокурорское слово. Но вотъ уже три года, и г. Поляковъ попрежнему стоитъ на высотѣ своего величія, а усвоенная имъ система эскамотажа безпрепятственно примѣняется, и поверхъ старыхъ злоупотребленій спокойно наростаютъ новыя, и никто нигдѣ не подтянулся, не испугался, даже не удивился, и все какъ шло, такъ и продолжаетъ идти по прежнему — легко, свободно и пріятно. Отчеты двухъ коммиссій оказались заброшенными куда-то подъ столъ, гдѣ лежатъ они и понынѣ, для вящей насмѣшки надъ примѣрно-усердными синицами-ревизорами.

Какъ много ни говорилось по этому предмету, какъ часто ни возвращалась печать къ поляковскимъ хищеніямъ, но дисциплинированный комплектъ «своихъ людей», крѣпкихъ единствомъ взглядовъ и родствомъ хищническихъ интересовъ, одержалъ полную и блестящую побѣду!

Въ такомъ же рыцарски-откровенномъ родѣ происходили злоупотребленія и растраты въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ печати (точнѣе говоря, въ газетѣ «Новости», которой принадлежитъ честь раскрытія таинственной «синей книги» главнаго общества) появились извѣстія, что это колоссальное желѣзнодорожное учрежденіе, войдя въ дружескія сношенія съ надлежаще—нужными и вліятельными лицами, эксплуатируетъ казну самымъ развязнымъ образомъ; что оно расходуетъ сборы свои зря, набивая карманы небольшаго кружка quasi-акціонеровъ; что оно издержало деньги, прямо принадлежащія казнѣ, и, не встрѣчая ни съ какой стороны серьезнаго отпора, намотало долгу, все казнѣ же, до баснословной суммы тридцати милліоновъ рублей. Эти упрямые слухи и толки произвели, повидимому, нѣкоторую сенсацію. Блюдущія власти вспомнили о томъ, что ревизія дѣлъ «главнаго общества» не производилась,—хотя и должна была производиться ежегодно,—въ теченіе слишкомъ двѣнадцати лѣтъ, и выбрали «цѣнителей и судей», на которыхъ и возложена была обязанность принести должную дань правдѣ и законности. Но предсѣдателемъ ревизіонной коммиссіи—тутъ, конечно, воля простой случайности—оказался Ф. А. Половцевъ, родной братъ В. А. Половцева, предсѣдателя и главнаго воротилы Уайненсовой компаніи. Такимъ образомъ, въ предстоящей весьма потѣшной ревизорской арлекинадѣ, буквально «братъ пойдетъ на брата».

Вспомните далѣе, просматривая эту плеяду блистательнѣйшихъ экскурсій въ область «чужаго», таганрогскихъ таможенныхъ сподвижниковъ и длиннѣйшую лѣстницу родственныхъ и близкихъ имъ пособниковъ и союзниковъ,—лѣстницу, которая однимъ концомъ упиралась въ Азовское море, а другимъ въ Петербургъ. Взяточническіе пріемы этой сферы заручились репутаціею забавныхъ анекдотовъ. Напримѣръ, одинъ изъ петербургскихъ представителей таганрогской лиги, торговалъ мѣстами, точно бубликами на базарѣ. Онъ придумалъ даже особый способъ для ознакомленія просителей съ размѣрами мзды, съ нихъ слѣдовавшей. Этотъ герой, бесѣдуя въ своемъ кабинетѣ съ просителемъ, подходилъ, на виду у него, къ окну, слегка дулъ на стекло, покрывалъ его потною сыростію, а затѣмъ, какъ бы играя, выводилъ на стеклѣ требуемую цифру и тутъ-же замазывалъ ее. Такимъ образомъ устранялись всѣ недоразумѣнія и прятались всѣ концы въ воду. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ предъидущихъ, за громкими вступительными толками слѣдовали весьма жидкія и ничтожныя послѣдствія. Кое-кто оказался смѣщеннымъ; кое-кто подъ судъ попалъ; но коренныя и систематическія безчинства отнюдь не вызвали кореннаго и систематическаго разслѣдованія и воздаянія...

Наконецъ, обратите еще ваше вниманіе на колоссальный, нынѣ разбирающійся, процессъ интендантскихъ хищниковъ—на одно изъ курьезныхъ наслѣдствъ нравовъ и порядковъ нашей послѣдней войны. Многочисленная семья мрачныхъ и ощетинившихся казнокрадовъ занимаетъ половину судебной залы и вызываетъ истинное удивленіе у всякаго свѣжаго пришлаго человѣка. Безконечно разнообразныя, свидѣтельскія показанія рисуютъ величественную картину всеобщаго расхищенія и повальнаго беззаконія. Писались и заключались дружескіе контракты; принимались никуда негодные продукты; закупались по баснословнымъ цѣнамъ никому ненужные запасы; выдавались крупные авансы съ вѣтру пришедшимъ людямъ; брались взятки въ каждомъ положеніи, на всякомъ шагу и за всякое дѣйствіе. Лошадей кормили, вмѣсто сѣна и овса, сухими сучьями и навозомъ, солдатамъ давали кашу изъ гнилыхъ комьевъ и спиртъ съ сѣрною кислотою; грабили, гдѣ только могли и какъ умѣли, грабили міромъ, сообща, заодно, съ побѣдною пѣснію на устахъ, и потомъ искренно удивлялись, когда контролирующія власти требовали какихъ либо отчетовъ и оправдательныхъ документовъ. Пиръ шелъ горою, и золотые полуимперіалы падали ливнемъ. Интенданты, подрядчики, поставщики, смотрители складовъ, пріемщики, очень многіе полковые командиры, высшіе и низшіе, всѣ только и

думали, только и заботились въ самые критическіе моменты войны о томъ, какъ бы поскорѣе, половчѣе, покруннѣе «урвать» и немедленно же провалиться въ преисподнюю, во время взявъ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ...»

Одна изъ московскихъ газетъ, справедливо ужасаясь длиннѣйшаго ряда современныхъ казнокрадствъ и грабежей всякихъ наименованій, и, всуе изыскивая средства для борьбы съ ними, какъ-то предлагала обострить все наше законодательство и судить хищниковъ по полевымъ военнымъ законамъ.

Мы не знаемъ, насколько принесло бы пользы подобное «обостреніе» и насколько выиграла бы общественная мораль отъ терроризированія отдѣльныхъ случаевъ.

Но нельзя не поставить на видъ того бросающагося въ глаза факта, что хищникъ и казнокрадъ — первый человѣкъ въ наше «обновляющееся» время, и что было бы очень хорошо и предусмотрительно, еслибы у входящихъ нынѣ въ моду русскихъ кафтановъ, на всякій случай, не полагалось никакого кармана.

Буква.

Варіаціи на мотивы изъ русскихъ поэтовъ.

I.

Сегодня статейку пишу я, друзья,
Отважная мысль колобродитъ....
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!

II.

Какъ нынѣ сбирается мудрый Катковъ
Отмстить паглецамъ-либераламъ:
Всѣ книги, журналы проклятыхъ враговъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ...
Съ дружиной своей (Комаровъ и Суворинъ)
Онъ рыщетъ по свѣту, сердитъ и проворенъ.
Ни въ темномъ лѣсу, ни на днѣ океана
Никто не спасется отъ гнѣва титана.

. . . . . .

Есть слухъ, что—отца всѣхъ журнальныхъ бѣсовъ—
Онъ Пушкина статую свергнуть готовъ.

III.

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я «Русской Рѣчи» не люблю...
Но, чтобъ мой страшный вкусъ уважить,
Навроцкій самъ на эту пажить
Возами возитъ—не стихи,
А противъ грамоты грѣхи.

IV.

Стопетъ сизый голубочекъ—
Гайдебуровъ Павелъ—
(Либеральный пылъ, дружочекъ,
Сильно поубавилъ!)
Стопетъ онъ, что прогрессисты
Подобрались къ власти:
Въ нихъ вселился духъ нечистый,
Всѣ отъ нихъ напасти!
Чтутъ они кумиръ презрѣнный
—«Правовой порядокъ»—
Обожаютъ Западъ тлѣнный:
Онъ имъ милъ и сладокъ...
То-ли дѣло, безъ порядка,
Жить «подъ усмотрѣньемъ»,
Съ разсудительной оглядкой,
Страхомъ и терпѣньемъ!!

Н. Мизантроповъ.

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

(Существуетъ 50 лѣтъ).

„ВАЗА".

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ИВАНОВСКАЯ, № 14.

дамскій иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. 24 номера литературныхъ (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія, новости и т. п.), и 24 номера рукодѣльно-модныхъ (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ домашнимъ образомъ, самые свѣжіе рисунки парижскихъ модъ и всевозможныхъ рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство съ относящимся къ нему секретами и рецептами). Новоизобрѣтенія и открытія по части модъ, медицины, косметиковъ и всего относящагося къ домашней жизни вообще и къ женщинамъ въ особенности.

1000 политипажей въ текстѣ. (Исполняются и печатаются заграницей,
24 модныя раскрашенныя гравюры. (по подлиннымъ Парижскимъ образцамъ.
12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.
12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).
12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.
6 раскрашенныхъ узоровъ, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.
Карманный календарь на 1882 годъ, заключающій: святцы; почтовыя, телеграфныя, желѣзнодорожныя, финансовыя и т. п. необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1882 года получитъ 6 премій А ИМЕННО:

I. (еще небывалая) подушка для дивана, большая, съ готовымъ, окончательно вышитымъ узоромъ.

II. Картина (олеографія) Зимній ландшафтъ, 17 верш. ширины и $11^1/_2$ верш. вышины, превосходно исполненный олеогр. заведеніемъ А. Кауфмана въ Берлинѣ.

III. Абажуръ на лампу Natur-Carton-Linné съ раскраской. Новѣйшее изящное изобрѣтеніе, еще не существующее въ продажѣ. (На 1 часъ работы).

IV. Воротникъ и манжеты. Для составленія ихъ дается 3 аршина широкихъ, настоящихъ, тончайшихъ, нитяныхъ кружевъ.

V. Дамское портъ-моне съ изящнымъ замкомъ и цѣпочкой. (Вещь готовая).

VI. Плато для двухъ подсвѣчниковъ—имитація кружевъ. Оригинальная, готовая вещь.

Образцы премій можно видѣть въ редакціи.

Преміи вылаются и высылаются всѣ заразъ въ одной посылкѣ: городскимъ подписчикамъ въ Январѣ; иногороднымъ, подписавшимся въ Ноябрѣ—разсылаются въ Январѣ, остальнымъ не позже Февраля.

Только благосклонность публики къ журналу «ВАЗА» даетъ редакціи возможность давать подобныя цѣнныя преміи.—Уже одна вышивка для подушки, съ готовымъ, окончательно вышитымъ узоромъ, оплачивается при покупкѣ ея въ магазинѣ не менѣе 5 руб. Редакція же, сверхъ того, даетъ еще пять предметовъ, предоставляя оцѣнку ихъ публикѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой.	Безъ пересылки.
На годъ съ преміями . . .	12 руб.	11 руб.
» » безъ премій . . .	7 »	6 »
» 1/2 года съ преміями. .	9 »	8 »
» » безъ премій . .	4 »	3 »

На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 6 семикопѣечныхъ марокъ, или 42 коп.

NB. Подписчики, выславшіе подписныя деньги до 1-го Декабря, пользуются правомъ, приплативъ 1 руб. сер., получать Альбомъ узоровъ для вышивокъ на 24-хъ листахъ или панданъ къ картинѣ Зима (Лунная ночь).

Редакторъ-Издатель **Б. Н. Сестренцевичъ-Богушъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1882 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„УСТОИ"

Литературный, научный и политическій журналъ «УСТОИ» будетъ выходить въ 1882 г. ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) **Беллетристика**, оригинальная и переводная, романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) **Научный отдѣлъ**: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) **Критика**: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) **Внутренній отдѣлъ**: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) **Политическій отдѣлъ**: обозрѣніе жизни иностранныхъ государствъ.

6) **Фельетонъ**: очерки современной русской и западной жизни.

7) **Театръ и музыка.**

8) **Смѣсь**: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) **Объявленія.**

Въ журналѣ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, С. А. Венгеровъ, В. В., проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, Н. Н. Златовратскій, И. И. Иванюковъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, П. С. Курочкинъ, проф. В. А. Лебедевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Мо-

розовъ, Н. И. Наумовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семевскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Успенскій, Ѳ. А. Щербина, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, Ю. Н. Юрко, проф. И. И. Янжулъ, Я. Б. Ѳедосѣевецъ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала,—С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 10 руб. съ доставкою въ Петербургѣ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.; съ разсрочкою на полгода: безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургѣ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р., деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Объ изданіи новой литературной и политической газеты:

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЫХОДЯЩЕЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

подъ редакціей Н. М. Ядринцева.

Изданіе посвящается изслѣдованіямъ въ Азіи, вопросамъ политики, науки и общественной жизни на русскомъ востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2. Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ. 4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5. Политическія извѣстія, общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ и изъ Америки. 7. Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8. Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10. Фельетонъ. 11. Судебная хроника. 12. Биржевой отдѣлъ: свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговлѣ на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13. Объявленія казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

	На годъ:	на 9 мѣсяц.:	на 6 мѣсяц.:
Безъ доставки	7 р. 50 к.	5 р. 75 к.	4 р.
Съ доставкой и пересылкой.	8 р. —	6 р. —	5 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЮ на годъ 14 руб.

Срокъ выхода съ 1-го Апрѣля 1882 г.

Контора редакціи: С.-Петербургъ, Ивановская, д. № 13, кв. 18.

Подписка принимается также въ книжномъ магазинѣ Вольфа, Невскій, Гостинный дворъ № 18. Въ Томскѣ: въ книжномъ магазинѣ Макушина. Въ Иркутскѣ: въ Конторѣ редакціи газеты «Сибирь». Статьи и требованія въ редакцію адресуются чрезъ Контору.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Въ 1882 ГОДУ.

(четырнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1882-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: *А. И. Анастасіевъ*, *А. С. Виреніусъ*, *В. Ф. Фонъ-Болъ*, *В. С. Гербачъ*, *Я. Г. Гуревичъ*, *И. П. Золотницкій*, *А. Г. Ивановъ*, *П. Ѳ. Каптеревъ*, *Е. П. Карновичъ*, *баронъ Н. А. Корфъ*, *Всев. И. Миропольскій*, *Я. Т. Михайловскій*, *П. А. Мясоѣдовъ*, *Ф. Ф. Резенеръ*, *И. О. Фесенко*, *И. И. Шалфеевъ* и др.

Для наступившаго года, въ распоряженіи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ, которые вошли, частію, въ первыя четыре книжки (январь—апрѣль).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1882 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются **исключительно**: въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по 6-й линіи, д. № 25.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 р. за оба года, **по 6 руб съ пересылкою**. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

Экземпляры журнала за 1880 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

Редакторы-издатели: **В. Евтушевскій.** **А. Пятковскій.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книжки*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.;* при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ Редакторомъ, просятъ обращаться въ Главную Контору журнала «Наблюдатель» (Поварск. пер. № 5) по воскресеньямъ, отъ 12 до 2 ч. дня. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою: за страницу 15 руб. и за 1/2 стр.—8 руб.